

Н О В Ы Й
М И Р

Н О В Ы Й М И Р

1952

1

1952

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXVIII

№ 1

Январь, 1952 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
МАРК МАКСИМОВ — Мир — за нас! Стихи	3
ИВАН ФРОЛОВ — Повелитель рек, рассказ	9
ВАДИМ ЛУКАШЕВИЧ — Девушки, рассказ	22
О. БЕЛКИН — Барсова шкура, рассказ	59
СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ. Переводы Александра Гитовича	74
РАСУЛ ГАМЗАТОВ — Старшему брату, стихи. Авторизованный перевод с аварского Н. Гребнева и Я. Козловского	77
Ю. ГОРДИЕНКО — Новогодние письма, стихи	82
АНДРЭ СТИЛЬ — Первый удар, роман. Перевод с французского Л. Лунгиной, Д. Милютиной, К. Наумова	85
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
Ив. ЗЫКОВ — По Волге	149
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
СЕРГЕЙ НАПАЛКОВ — В Египте (Из записок морского инженера)	183
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
ГЕОРГИЙ ПИРИНСКИЙ — Борьба за мир в США	201
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Л. ТИМОФЕЕВ — О положительном герое советской литературы	217
П. ТОПЕР — О некоторых принципах художественного перевода	232
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	248
А. Ерёмин. Страницы великого наследия.— С. Розанова. Битва на Дону.— М. Белкина. В снегах Якутии.— Е. Босняцкий. К этому ли стремился автор? — Б. Закс. Светлый образ.— А. Мацкии. Книга о великом актёре.	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР“
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
<i>Политика и наука</i>	266
В. Волгин. Путь австрийской компартии.— Полковник П. Сидоров. Германский империализм и США.— П. Нилин. Новое в Донбассе.— Доктор биологических наук профессор П. Генкель. Борец за мичуринскую науку.— М. Цунц. На свободной болгарской земле.— Доктор экономических наук А. Погребинский. Рассвет Советского Казахстана.— Б. Коньков, К. Тараданкин. Слава русского спорта.	
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (Ноябрь — декабрь 1951 года)	283

МАРК МАКСИМОВ

★

МИР — ЗА НАС!

★ ★
★

Не к нам, взобравшись на двуколку,
почтарь торопится сейчас.
Ночами плачут втихомолку
не наши жёны,
не по нас.

Мы в сорок пятом без остатка
патроны сдали старшине.
Но ловят бывшие солдатки
на прежней радиоволне
и сводки об освобожденье
чужих далёких городов,
и свет прожекторов, и тени
склонившихся над пеплом вдов.

И за полночь не спится дома,
торопит сердце и перо
тот голос диктора, знакомый
по сводкам Совинформбюро.

И пусть бои идут не рядом —
за тридевять земель от нас,
но наша Правда в сорок пятом
с бойцами не ушла в запас.

Она на стройках беспокойных
и там, где правый бой,— одна.
Она не начинает войны,
Но побеждает в них — она!

И круг друзей её всё шире
и знаю, --
потому сейчас
банкиры против мира в мире,
что мы — за мир,
что мир — за нас!

ПАСАРЕМОС!

*Но пасаран — по-испански — они не
пройдут.
Пасаремос — мы пройдем.*

Ещё над убитыми плача,
в Испании ветер шумит...

Теперь под Нью-Йорком
на даче
живёт господин Мессершмитт,

Ещё барселонских армейцев
терзает в застенках тиран.

Теперь вспоминают корейцы
испанское «Но пасаран!».

И те же у Правды знамёна,
и те же у Правды враги.

И узник в тюрьме Барселоны
истории слышит шаги!

И чувствует — сердце согрелось,
и слышится: там, вдалеке,
корейский солдат;
— Пасаремос! —
кричит на своём языке.

ЧТО СКАЗАЛ ЛИ ДУК КУ

*Впервые
вместо:
— и это будет...
пели:
— и это есть
наш последний.*

В. Маяковский.

Кровь у дома родного,
канонада вдали,
Ли Дук Ку мимо дома
чужестранцы вели...

И когда партизана
привязали к доске,
и от шомпола след
запылал на виске,
и палач пробивал ему
руку гвоздём, —
он сквозь зубы с усилием
процедил: — Мы придём!
Он сказал: — Мы придём!
А потом нараспев
протянул: — Э-это есть...
Но допеть не успел...

И ни слова не понял
белобрысый капрал.
Он ни слова не понял
и, оскалясь, заржал.

Он не знает, что в мире
завершается суд,
и ни деньги, ни бомбы
палачей не спасут.
Не смеяться капралу,
а висеть на суку.

Я-то знаю, товарищи,
что сказал Ли Дук Ку!

Нет, я не был в Корее.
Но младенцем меня
рослый парень с «Авроры»
выносил из огня.
Я не знаю капрала,
но за танковым рвом
я встречался с такими
под Москвой, в штыковом.
Всё, что в мире творится,—
происходит со мной.
Есть единая Правда,
нет дороги иной.

Ли Дук Ку из Чеджу,
партизан Ли Дук Ку
шёл на смерть, как в двадцатом
Шаумян из Баку.

И угас, озарённый
той же самой грозой,
что сгоревший Гастелло,
что сожжённый Лазо.

Потому я с волнением
на газету гляжу,
на портрет коммуниста
Ли Дук Ку из Чеджу.

И со мною, я знаю,
так же смотрят сейчас
миллионы разгневанных,
понимающих глаз.
Это негров глаза
и пхеньянских сирот,
и сирот, что малютками
к нам привёз пароход,
тех сирот, что сегодня
про корейские рвы
говорят по-испански
в институтах Москвы...

Это Правды глаза
 светом гнева горят.
 Это мести глаза
 — Мы придём! — говорят.

Мы придём, Ли Дук Ку,
 мы придём, мы придём!

Встанем так, как свидетели
 перед правым судом.

Встанем так, как друзья
 в память павших встают,

встанем так, как положено,
 когда гимны поют.

И, победу добыв,
 вспомнив бой многолетний,
 мы споём: «Это был...

Это
 был
 наш
 последний!»

ГОЛУБКА

Не с птицей на светлом плакате,
 махнувшей крылом в синеве,
 а с женщиной в простеньком платье
 я встретился в майской Москве...

...Макартур швыряет резервы,
 фугаски летят, голося.
 А в зале Чайковского
 первый
 корейский концерт
 начался.

Грохочут литавры, как танки,
 и пляшет, ножами звеня,
 актёр, перекрашенный в янки,
 в костюме войны и огня!

Голубкой
 летит балерина
 навстречу ему на носках,
 в два сизых крыла — пелерина.
 И танца название — «страх».

И может, пока вдохновенно
 голубка по сцене парит,—
 стервятник кружит над Сюнсеном
 и дом её снова горит.

Но страх не в глазах корейнки:
 нет, янки роняет ножи —

обвешанный бомбами, янки
от мирной голубки бежит...

Лети же, голубка, над пылью,
над гарью
на встречу с войной:
за мир, за искусство, за крылья
мы платим нелёгкой ценой!

...Земля из московской квартиры
видна и слышна далеко.
Всё снится, что голуби мира
воркуют уже над Мокпо.

Но слышно — гремит канонада
И отсветы боя видны.
И мир добывать ещё надо
штыком справедливой войны.

И в сером платке, в полушубке
на грузовиках фронтовых
к бойцам приезжает голубка
и в битвы напутствует их.

РОБСОН В МОСКВЕ

Громового баса раскаты
и тонкой струны бубенец.
Под русские гусли с эстрады
поёт негритянский певец.

Старательно «о» выделяя,
на «р» напирая слегка,
поёт он о том,
как родная,
как наша страна широка.

Мы знали, что нет и недели,
как встретили гусли певца.
Когда ж они спеяться успели,
сплести голоса и сердца?

Они подружились в ту пору,
когда за собой повели
аккорды орудий «Авроры»
все честные песни земли.

И негр о рубинах точёных
поёт, о созвездьях родных,
которые светят для чёрных,
для белых людей и цветных.

Но вот перестроились струны,
набатов
звучит бубенец.

Теперь не с эстрады — с трибуны
гремит негритянский борец.

Он в гневе поёт и печали
о том, как отца линчевали,
детей заточили в тюрьму.

И гусли на миг замолчали,
не в силах и вторить ему.

И мысли мы были не рады,
пришедшей на ум в этот час.
Подняться бы, крикнуть:
— Не надо!
Останься, товарищ, у нас!

В едином порыве мы встали,
и грянул овации шквал.
Он понял, что думают в зале,
чему аплодирует зал.

Стоял он плечистый и рослый,
в священную Правду влюблён,
мы знали, что думает Робсон,
чему аплодирует он.

Казалось, из Парка культуры
он смуглые руки простёр
в зелёный театр над Миссури,
где будет для песен простор.

Там всё ещё нужно сначала —
от залпа «Авроры» начать,
там будут пока у причала
певца полисмены встречать.

Но все мы привыкли сражаться,
мы были с ним веры одной,
и мы не просили остаться
в стране, что назвал он родной.

И нам показалось, что в зале
Россия стояла тогда,
как в сорок втором на вокзале,—
сурова, нежна и тверда.

ИВАН ФРОЛОВ

★

ПОВЕЛИТЕЛЬ РЕК

Рассказ

1

Я видел много городов — больших и малых, близких и далёких, и едва ли не самым безотрадным из них был Белозерск, заброшенный в невыразимую степную глушь, как на край света, заросший вездесущим репейником и полынью, пропахший кизячным дымом, с необъятной площадью, занимающей ровно половину города, с чахлым кустом жёлтой акации под окнами амбулатории и с запылённым, начинавшим засыхать старым тополем у Дома колхозника — единственным деревцом на весь город у единственного в городе двухэтажного дома.

Строго говоря, это был даже не город — то была обыкновенная казачья станица Белозерная, издавна прославившаяся среди кочевников своей бойкой торговлей лошаадьми, баранами и кожей.

В годы первой пятилетки в Белозерную был перенесён районный центр, и бывшая станица — в сотню деревянных казачьих дворов добротной старинной рубки, с массивными тесовыми воротами, с резными наличниками, с погребями и амбарами — начала обрывать саманными домами, составляющими непререкаемую принадлежность городов и селений безлесной степной полосы.

Помнится, стояли необыкновенно жаркие безветренные дни, и жара плыла на город из степи, как лава, заполняя улицы недвижным зноем и солоноватой едкой пылью, где-то поднятой случайной автомашиной.

Мы ждали прибытия вагона с экспедиционным снаряжением, отгруженным для нас из Москвы, и провели в Белозерске несколько томительных дней.

Несносная жара и скука преследовали нас с семи часов утра до сумерек. И нам ничего не оставалось, только пить остуженный в колодезной воде кумыс, отсиживаясь где-нибудь в тени сарая. Да раза по четыре на день мы ходили на озеро Ак-Куль, широкое и мелкое, с длинным песчаным пляжем, подходившим под самые стены городской бани, и с тёплой солоноватой водой.

Все эти подробности первого пребывания в Белозерске всплывали в моей памяти теперь, когда, спустя почти два десятилетия, я опять приближался к знакомым местам.

Поезд медленно взбирался на приозёрные увалы. До города оставалось полчаса пути. Я с волнением глядел на окружающую степь, ища в ней знакомые черты, не тронутые временем. А вокруг меня, в плацкартном цельнометаллическом вагоне пассажиры говорили о великих новостройках на Волге, о Сталинградском море и о том, что это море даст начало магистральному каналу, который будет длиной в шестьсот с лишним километров и соединит Волгу с Уралом-рекою,

обводнив при этом обездоленные земли Заволжья на огромном пространстве.

И хотя на трассе будущего канала ещё только шли геологические изыскания, о канале говорили как о чём-то уже существующем. В разговоре то и дело упоминался город Белозерск, а половина пассажиров нашего вагона следовала именно до Белозерска, и стало ясно, что городок наш, ранее не примечательный ничем, теперь стал центром больших событий.

Когда с высот, с перевала внезапно показался сам Белозерск и всё население вагона с жадным любопытством прильнуло к окнам, я не понял ровно ничего... В дымке раннего летнего утра над разливом озера Ак-Куль открывался незнакомый белый город с белыми кирпичными трубами депо и авторемонтного завода, с рядами белых двухэтажных домов, с белыми цистернами нефтебазы и акварельно-лёгкими сооружениями элеватора и мукомольного комбината, построенными, как рассказывали пассажиры, уже после войны.

Над озером, ломая очертания строений, струилась прозрачная мгла, и, казалось, белый город подымался прямо из воды, как снежный мираж.

2

В городской гостинице не оказалось свободных мест.

Заспанная уборщица с грудой постельного белья подмышкой прошлёпала по коридору босыми ногами, покосилась на наши чемоданы и с усмешкой крикнула кому-то на лестницу, ведущую на второй этаж:

— Капитолина Егоровна, иди встречай гостей, ещё вон техники приехали!

По скрипучей лестнице торжественно сошла сама Капитолина Егоровна — могучая седая женщина в широкой юбке, со связкой ключей в руке.

Откинув на лоб очки, она привычным глазом оценила наши чемоданы, самих нас и низким грудным голосом сказала:

— Народ-то всё нужный, а куда девать его — неизвестно.

Мы чувствовали, что девать нас в самом деле было некуда, но всё же начали просить, чтоб нам позволили остаться переночевать хотя бы на полу, если нельзя устроить подставные койки.

— Золотце моё, — ответила Капитолина Егоровна, по-хозяйски тронув пуговицу моего пальто, которая ослабла за дорогу и грозила совсем оторваться, — какие ещё подставные койки, золотце? И так уж всё везде подставлено. Смотрите: в первом и втором у нас положено по пять мест, а живёт по восемь человек, из Тургайстроя. Здесь — четыре женщины и трое мужчин из Аэрогеологии, живут другую неделю.

Она добавила ещё, что пятый номер занимает Академия наук, а одиннадцатый и двенадцатый — топографы с канала. Оставался только первый номер — «люкс», но и этот приготовлен генералу, которого с часу на час ждут: сам секретарь райкома Жусалиев звонил.

Пока мы выслушивали это объяснение, по коридору дважды прошагал высокий человек в больших круглых очках и выцветшей брезентовой спецовке.

— Кажинный раз на эфтом самом месте! — сказал он, размахивая залощённой полевой сумкой, и уже с лестницы, остановясь, прибавил: — Советую пока что оккупировать вон тот диван, товарищи. Я в этом коридоре также двое суток отбивал ожесточённые атаки уважаемой нашей Капитолины Егоровны.

Голос этого человека мне показался очень знакомым, но человек уже исчез за поворотом лестницы, и я никак не мог припомнить, где и когда мы встречались.

— Самый главный начальник всей экспедиции, Алексей Петрович, из Ленинграда, — пояснила шёпотом Капитолина Егоровна. — Генерала дожидается... Да, теперь в нашу дебрь со всей вселенной народ съезжается, — прибавила она со вздохом.

Бродя по улицам Белозерска, мы убедились, что город в самом деле был заполнен отрядами геологов, геодезистов, почвоведов и ботаников, наехавших отовсюду. Группы людей в защитных спецовках, в фетровых или войлочных шляпах, с полевыми сумками и «фэдами» через плечо попадались нам везде, куда бы мы ни заходили, — в городской столовой, в книжном магазине, на почте. И даже в аптеке, куда мы заглянули спросить боржома, оказалась группа девушек-студенток, покупавших гипосульфит.

Девушки сказали, что сегодня вечером в райкоме состоится конференция по трассе будущего канала и что будет выступать какой-то очень видный консультант — профессор, лауреат Сталинской премии, которого сейчас все ждут.

А после полудня, когда мы возвращались с озера, с купанья, показался двухмоторный пассажирский самолёт. Он сделал плавный круг над центром города и приземлился в открытой степи за нефтебазой.

К самолёту, обгоняя нас, промчалась серая райкомовская «победа». Как только мы пришли к гостинице, машина лихо подкатила к палисаднику следом за нами, распугав по улице детишек и цыплят.

Открылась дверца. Из машины показалась гладко выбритая голова, загорелая коричневая шея, бритое, прохваченное степным солнцем и ветрами улыбающееся лицо, чёрный мундир со звездой генерала геологической службы.

— Дмитрий Иваныч! — крикнул кто-то из окна гостиницы. — Дмитрий Иваныч!

И в гостинице поднялся переполох: захлопали двери, кто-то грузно бежал вниз по лестнице, стуча сапогами.

— Дмитрий Иваныч! — повторило уже несколько голосов, и высокий, в круглых роговых очках человек, сопровождаемый группой женщин, выбежал навстречу приехавшему.

— О! Кого я вижу! — в изумлении остановился тот и широко раскинул руки. — Лёшенька! Алёша! Алексей Петрович!

Они крепко обнялись, троекратно расцеловались и, смеясь, глядели друг на друга.

— Дмитрий Иваныч, — лепетал геолог, совершенно смущённый, — неужели это вы, Дмитрий Иваныч! До чего же хорошо, что я вас вижу!.. Как здоровье ваше? Как сердце?

Генерала окружили плотным кольцом. Он растерянно улыбался всем, здороваясь с каждым, и опять повернулся к высокому, к Алексею Петровичу, положив свою широкую ладонь ему на плечо.

— Ну, покажись, покажись, какой стал, орёл степной, — говорил он глуховатым окающим волжским говорком. — О тебе уж и по радио передавали и в газетах пишут... Водяных дел мастер... А я что? Законсервировался вот, как мамонт в вечной мерзлоте, и не старею больше. Живу, летаю вот, как стриж. Утром был в Камышине, сейчас, как видишь, в Белозерске, ночевать должен попасть в Уральск, по вызову обкома, а завтра совещание в Туркмении, в Тахиа-Таше.

Генерал негромко рассмеялся, а вместе с ним засмеялись и все остальные. Я сразу узнал приехавшего консультанта, Дмитрия Ивано-

вича, его окающий глуховатый голос, его смех, лицо, бритую голову. Узнал и чёрного Алёшу — с обоими мы были хорошо знакомы.

Из гостиницы мимо меня, поддерживая на весу широкую юбку, топропливо проплыла Капитолина Егоровна, звеня связкой ключей.

— Редкое свиданье — приятный гость, — сказала она с поклоном и неожиданно крикнула подоспевшей уборщице: — И до коих это пор я вас искать стану каждую? Снесите ихний чемоданчик в первый номер, в «люкс»!

— Ох уж мне эти «люксы», — вздохнул генерал. — А я, знаете ли, буду вас покорнейше просить, хозяйюшка: пожалуйста, поменьше всяких «люксов»!

3

Имя Дмитрия Ивановича Сяницына, гидрогеолога, исследователя полупустынных закаспийских и заволжских степей, было известно мне ещё со студенческих лет. Перу учёного принадлежал ряд блестящих работ о водоёмах Западной Сибири и Казахстана. Эти работы часто цитировались в лекциях: имя Дмитрия Ивановича упоминалось в учебниках. Впоследствии нам приходилось колесить по его следам во время наших летних изысканий. И часто, где-нибудь под Кустанаем, Кокчетавом или Акмолинском, в глухом селении или в ауле нам рассказывали, что неделю или две назад тут проезжал «профессор по сзёрам», брал пробы из колодцев, рыл какие-то канавы на речке, осматривал родники и плавал в складной лодке по озеру Джукей или Мамай, измеряя глубину верёвкой.

Так продолжалось лет семь или восемь, пока счастливый случай не свёл нас однажды на перепутье этих наших изыскательских дорог — на городском базаре здесь, в Белозерске.

Невысокий, ладно сбитый и неторопливый в движениях человек с рюкзаком и полевой сумкой, в выцветшей на солнце синей спецовке, без фуражки, с гладко выбритой головой покупал редиску и о чём-то оживлённо разговаривал с крикливыми продавщицами.

Он заметил нас и ещё издали приветливо замахал нам рукой.

— А, изыскатели! — сказал он, подходя. — Слышал о вас, слышал.

Мы назвали себя и, смеясь, спросили, почему он так уверенно решил, что это именно мы.

— Трудно, знаете ли, ошибиться. — отвечал он. — Рыбак рыбака, как говорит старинная пословица, видит издалека. Да и кто, скажите на милость, может ещё оказаться в этаким вот Белозерске, кроме нашего брата? Однажды, знаете ли, мне пришлось плыть по Иртышу поздней осенью, чуть ли не с последним пароходом. Схожу я с парохода — уж не помню точно, на какой пристани. Ночь, знаете ли, темнота, хоть глаз выколи, дождь льёт, как из водопроводной трубы. На пристани горит один-единственный керосиновый фонарь, никого нет. И только в уголке на чемоданах сидят двое мужчин в ватных телогреечках и девица с ними, в шароварах, худенькая, посиневшая, туплишки на ней поизносились... «Ленинградцы, что ли, товарищи?» — спрашиваю их. Ох же и обрадовались они мне! «Геологи, — говорят, — ленинградцы, из Нарымской экспедиции. А как вы нас узнали?»

Он добродушно рассмеялся и развёл руками.

— Как я их узнал? Слышал, понятно, что где-то тут поблизости институт геологическими делами занимается. Хитрость-то не больно велика.

Дмитрий Иванович пригласил нас к себе — потолковать о делах, победать у него, и мы тут же, с базара, направились к нему.

В его распоряжении был специально оборудованный пассажирский вагон, который служил ему одновременно средством передвижения, гостиницей и полевой лабораторией.

В лаборатории стояло несколько столов — письменный, обеденный, химический, два шкафа, этажерка с книгами. По стенам тянулись длинные полки. И везде — на полках, на химическом столе и в шкафах были расставлены бесчисленные склянки с реактивами, пробирки, колбы и бутылки с водой, предназначенной на анализ. На одной из полок размещалась геологическая коллекция хозяина: розовые, красные, лиловые и чёрные камни, чинно разложенные рядами, снабжённые этикетками. Здесь же висела крупномасштабная карта Казахстана с прилегающими областями Западной Сибири. На письменном столе стоял сверкающий латуной массивный поляризационный микроскоп.

У застеклённого вытяжного шкафа высокий молодой человек в синем халате и больших роговых очках выпаривал на спиртовой лампе мутную жидкость. Он отрекомендовался Лёшей, студентом-гидрогеологом и, с пунктуальной чёткостью произнося каждое слово, добавил, что проводит в лаборатории Дмитрия Ивановича свою первую производственную практику, исполняя обязанности коллектора и химика-аналитика.

Вагон-лаборатория находился в тупике, рядом с дорожной водокачкой, на берегу озера Ак-Куль.

На озере стояла синее великолепное затишье, чернели рыбацьи лодки, отлогий берег был усеян загорелыми телами ребятишек.

В открытое окно вагона сочился лёгкий освежающий сквознячок, хорошо пахло пресной водой. Этот необычный вагон-лаборатория, его обитатели как-то с первой же минуты покорили меня. Я понял, что не уйду теперь отсюда до позднего вечера, что буду бесконечно сидеть вот так у раскрытого окна, смотреть на лодки, на пески, на сизое, в прозрачном солнечном дыму пространство воздуха, воды, облаков и слушать мягкий окаяющий говорок хозяина, который безусловно должен быть необычайно интересным человеком.

Дмитрий Иванович достал очки в тонкой стальной оправе, старательно протёр их платком и, непринуждённо вытянувшись в кресле, проговорил с довольной усмешкой:

— Вот так и живём — на колёсах.

— Хорошая жизнь, — с искренней завистью сказал я.

— На свою жизнь никогда не жалуемся, наша жизнь — это вода... — рассмеялся он и показал рукой вокруг себя: — И тут вода и там...

Он повертел в руках очки и осторожно положил их на стол.

— Вторую четверть столетия работаю в этой области, — сказал он. — Вода стала для меня смыслом моего существования, постоянной мыслью, желанием, я бы сказал даже — мечтой!.. Совершенно серьёзно. Как бы вам это понятнее объяснить... Вы пробовали, например, когда-нибудь писать стихи?.. Я в молодости баловался... — и гидрогеолог почему-то покосился на студента.

Тот с серьёзным видом помешивал стеклянной палочкой выпаривающуюся жидкость и, не глядя в нашу сторону, проговорил:

— Я всегда вам говорю, Дмитрий Иванович, что вы напрасно не пишете стихов. Вы имели бы несомненный успех.

— У белозерских барышень? — возразил тот. — Устарел я, Алексей Петрович. Мы люди прозаические, скучные.

— Вы и все свои научные труды, как поэмы в прозе, пишете, — сказал опять химик. — Ваши «Водоёмы западного Казахстана» я читал, как лермонтовскую «Тамань».

— Ну, положим, это вы уже того, перехватили, — проворчал гидрогеолог. — Пишешь, пишешь... тридцать с лишним годов. Пора и научиться писать мало-мальски... Да, знаете ли, тридцать лет! — с удовольствием повторил он эти слова. — Срок как будто бы и не малый. А начнёшь вспоминать, так, кажется, это совсем недавно было... Начал я с того, что ездил на верблюде от деревни до деревни, от речки до речки и от колодца к колодцу и возил пустые бутылки. К концу лета мои бутылки наполнялись горькой, солёной или просто-напросто прогнившей болотной водой. Зимой собственноручно производил химический анализ этих проб воды. Потом писал доклады: «К вопросу о водоснабжении оседлого населения в Киргизской степи». Это было ещё во время мировой войны. Вон когда!

Дмитрий Иванович рассмеялся и закрыл глаза, как бы припоминая те далёкие времена.

— И сами мы тогда были совсем не те, что теперь... Шла империалистическая война, свершилась революция, началась война гражданская. И как-то это всё проходило мимо нас, учёных. Мы знали только свою воду. Мы считали себя независимыми от всех этих событий — от революции, от красных или белых. Чудаки!.. Хотели стоять выше политики. Выше политики! — смеясь, повторил он.

— Историческая веха в судьбе русской интеллигенции, — заметил студент.

— Да, веха... Сейчас и самому смешно! — сказал Дмитрий Иванович. — А ведь надо было пережить это, передумать. Я бы сказал: выстрадать!

— Случай тяжёлый, — с напускным сожалением проговорил студент.

— Тяжёлый... — недовольно заворчал гидрогеолог. — Вам-то теперь просто, вас с пелёнок начинают просвещать. Школа, радио, кино. Мы росли не так...

Он помолчал, побарабанил пальцами по спинке кресла и, улыбаясь, припомнил:

— Однажды всё-таки меня забрали, раба божьего, с моими бутылками. В самую заваруху, где-то под Алгаем. Повели в комендатуру, в какой-то сарай. Сидят солдаты — ни погон у них, ни звёздочек. Ну — «Кто такой? Чем занимаешься? Документы?». Показываю удостоверение, выданное в восемнадцатом году, истёртое, давно просроченное. Вот один — щупленький такой, с чёрными усиками — повертел мою бумажку, повертел, ничего, видимо, в ней не понял, нахмурил брови и велел: «Отпустите!». А потом оглядел меня всего да вдруг и спрашивает: «Скажите, уважаемый, а как вы, господин хороший, понимаете современное положение в России и в частности коммунизм?..».

— А кто же это были? — живо спросил Лёша.

— Гм, кто были... А я-то знал, кто это были? Вот, понимаете, влип...

— Ну и как же вы?

— Вот так же... Говорю: «Конечно, мол, Россия переживает неизбежный исторический этап, который... и так далее. А что «который», я и сам путём не разумею. «А коммунизм, — говорю, — это есть георетическое построение Маркса, и оно, возможно, будет осуществлено потомками в передовых странах Европы. Мы же есть отсталая земледельческая страна»... Тот выслушал мою галиматью, вернул мне удостоверение и говорит: «Человек вы образованный и для народа очень нужный. А вот в вопросах политики вы на очень, очень шатких позициях, товарищ учёный! Видать, над вашим братом крепенько придётся поработать нашей партии и правительству!».

Мы посмеялись, и Дмитрий Иванович распорядился, чтоб кухарка Феня подавала обед.

— Да самоварчик пускай ставит! — наказал он. — Почаёвничаем... с клюквенной эссенцией.

Пришла белокурая веснушчатая Феня в белом переднике и стала собирать обед. Мы ели превосходную окрошку, жареных карасей в сметане, запивая их холодным кумысом, налитым, за недостатком посуды, в тонкие химические стаканы.

Наш хозяин был в отличном настроении и за обедом всё время шутил, то подтрунивая над своим лаборантом-студентом, то рассказывая нам свою дальнейшую «автобиографию», как он выражался. Он говорил, что всю свою сознательную жизнь делит теперь на три этапа, в зависимости от способа передвижения. Так, первый этап, например, был верблужий. Затем, в конце первой пятилетки гидрогеолог получил полутоннажную машину. Грузовик окрасили в голубой цвет — цвет воды, получили открытый лист на горючее, и тогда стало возможным вести наблюдения над сотнями речек, озёр, родников и колодцев, не стесняясь расстояниями.

Это был второй, более высокий этап деятельности учёного — этап моторизации. Голубой автомобиль скоро получил широкую известность по селениям, аулам, совхозам, где Дмитрию Ивановичу приходилось давать указания о месте заложения колодцев и прудов для водопоя скота.

Голубой автомобиль в народе стали звать «водяной машиной», а самого владельца его — «профессором по озёрам».

Что было дальше? А дальше было вот что. Исследованиями нашего хозяина заинтересовалось сразу несколько наркоматов — путей сообщения, цветной металлургии, земледелия. Учёному был оборудован вагон-лаборатория и дана новая, ответственнейшая задача: изыскание путей водоснабжения железнодорожных станций, крупных новостроек Казахстана, Южного Урала.

— Теперь начался мой третий этап, — сказал Дмитрий Иванович. — Отныне ваш покорный слуга разъезжает в собственном вагоне-лаборатории, задаёт и инспектирует глубокие артезианские колодцы — в Караганде, в Акмолинске, на Балхаше, в Кустанае, Орске. Из многих скважин, пройденных по моему проекту, хлещет, как из гейзеров, отличная вода. Из наркоматов идут поздравительные телеграммы, местные геологи меня теперь прозвали «водяным царём». А мне всё мало, всё это не то... — закончил он смеясь.

Феня убрала посуду и поставила на стол старинный, красной меди, самовар, который был лихо начищен и солидно попыхивал паром.

— Вот это, признаюсь, уважаю, — сказал Дмитрий Иванович, постучав ногтями пальцев по самовару. — Старая нижегородская привычка. И самовар у меня фамильный, отцовское наследство. Вот когда я совсем состарюсь, то выстрою себе...

— Котэдж, — подсказал Лёша.

— Избу, — поправил Дмитрий Иванович, — избу с русской печью, со стеклянными сенями и с электрическим отоплением. Где-нибудь в сосновом бору, на берегу озера. И стану это с удочкой посиживать, романы почитывать да попивать грузинский чайк с малинковым вареньцем. Хорошо ведь, Лёша, а?

Студент Лёша принялся разливать чай. Подавая стакан своему патрону, он с обычной своей сухостью заметил:

— Насколько я успел изучить ваши индивидуальные наклонности, Дмитрий Иванович, вы на инертный образ жизни неспособны.

— Вы меня плохо знаете. Обязательно построю себе дом в сухом бору, заросшем малинником, и чтобы с глубокими оврагами, с холодными ключами. Как в Зеренде, например. Вы были в Зерендинских лесах? Вот. И чтобы озеро было с гранитным дном и в солнечный день на глубине пяти метров видны бы были на дне сверкающие блёстки слюды... Я для своей будущей дачи на этом озере уж и местенко приглядел. А вы говорите!..

— На это я могу возразить только нижеследующее, — сказал студент. — Пока вы соберётесь строить свою избу, обожаемая вами Зеренда последует плачевному примеру многих прочих водоёмов Казахстана и Сибири.

— Высохнет, вы хотите сказать? — Дмитрий Иванович внимательно посмотрел на студента, потом перевёл взгляд за окно, на озеро и в раздумье проговорил: — Не так, правда, быстро, как открытые степные водоёмы, но и Зеренда убывает. К сожалению, конечно, это так.

Он извлёк из ящика письменного стола общую тетрадь в коричневом клеёнчатом переплёте и раскрыл её.

— У меня здесь выписан отрывок из описания Зерендинского озера, сделанного одним из самых первых исследователей Казахстана. Очень любопытно. Не угодно ли? «12 июня, — бегло начал читать он, — в 3 часа пополудни по разбросанным обломкам гранита, местами в крупную древу рассыпавшегося, под сенью сосновых и берёзовых лесов достигли озера Зеренды. Как для описания берега озера, так и для переправы на остров, посреди его находящийся, приказано было бергбауэрам сделать сосновый бат. Бат был построен и представлял собою безобразное подобие лодки, тяжёлое, а при волнении и весьма опасное судно. Но зеркальная поверхность Зеренды, не колеблемая даже самым тихим ветерком, позволила мне предпринять путешествие к острову... К вечеру после совершенной тишины прекраснейшего дня юго-западный сильный ветер начал колебать озеро с такой жестокостью, что тяжёлый бат наш то погружался в волнах, то, воздымаясь на их хребет, или совершенно скрывал от глаз поверхность воды, или возносил выше горизонта оной»... Вот, пожалуйста. Это было написано через два года после нашествия Наполеона. Спустя восемьдесят четыре года ту же местность посетил другой известный русский учёный. И вот что он там увидел: «В настоящее время этот гранитный остров, находящийся ранее в ста сажнях от берега, связан уже непосредственно с берегом озера, хотя и поныне носит уже совершенно не соответствующее ему название «остров». Ныне на этот остров ездят, не замочив колёс».

Он шумно захлопнул тетрадь и бросил её на письменный стол.

— Всё ясно, как таблица умножения, — проговорил химик. — Континентальный режим, жаркий климат, преобладание испарения над выпадением осадков плюс хищническое истребление лесов в условиях дореволюционного феодального землепользования. И вот вам результат...

Дмитрий Иванович вопросительно поглядел на Лёшу.

— Когда-то, значит, на широте нашей степной полосы была приледниковая пустыня, — храбро продолжал студент. — Пустыня уступила место сухой степи, и, следовательно, на смену современным степям с севера надвинется лес.

— Ну, ну, приледниковая пустыня... — недовольно проворчал гидрогеолог. — Вы, я вижу, Алексей Петрович, явно склонны к палеогеографическим сентиментальностям: пустынька, дескать, слава богу, сменилась степью, степь, коль живы будем, зарастёт лесочком, и в конце

концов даже в Туркмении настанет этакая подмосковная, Звенигородская приятность... И где это вы, Лёшенька, такой премудрости набрались?

Студент густо покраснел и начал усиленно мешать в стакане ложкой. Дмитрий Иванович снисходительно поглядел на него, и лицо учёного вдруг приняло сердитое выражение.

— С вас-то, понятное дело, спрос маленький: студент, за что купил, за то и продаёте. А то ведь бородатые «философы» такую же околесину гордят! Приледниковая пустыня!.. — с усмешкой воскликнул он и, поднявшись с кресла, прошёлся из угла в угол. — Кто видел где-нибудь эту пустыню? Где она? В Гренландии? Но современные исследования материкового оледенения Гренландии не обнаруживают никакой пустыни. В Гренландии ютится полярная растительность, которая подходит к самой кромке льдов... Тундра! Вот что сопровождало древнее оледенение! Тундра! Она уходила на север, следом за тающим ледником. На смену ей двигался лес. Вот направленность геологического процесса современности! Пустыня — вот какого грёста надо опасаться нашим потомкам! Да! И она уже идёт, идёт из Кара-Кумов, из Кызыл-Кумов, из Голодной степи. Она понизит грунтовые воды, осушит реки, нарежет наши поля оврагами. Сожжёт их суховеями!.. Вы понимаете, что это значит: геологический процесс?

Все мы, участники этой беседы, превосходно понимали, какой смысл таится в этих зловещих словах, и молчали.

Дмитрий Иванович снова крупными шагами прошёлся по вагону и, подойдя к столу, без надобности передвинул с места микроскоп.

— Не знаю, как вы, а уж я-то, слава богу, нагляделся за тридцатьто лет, — продолжал он, впрочем уже более спокойным тоном. — Были сотни водоёмов, чистых и глубоких, богатых рыбой. Где они? Они высохли и превратились в грязные, засолонённые лужи, пахнущие сероводородом и гнилью! Где озёра Ак-Кудук, Май-Балык? Сохнет Зеренда, в два раза сократилось Имантау, Гас-Челкар за двадцать лет убавил на пять с половиной метров своей глубины, пропал красивейший Улькун, который славился на всю Сибирь необыкновенными окунями, а по дну Джолдубая прощла автомобильная дорога... Из-за недостатка воды приходилось снимать с места совхозные фермы, гибли огороды, закрывались железнодорожные разъезды.

Мы продолжали молчать, и это ещё более подогревало расхолодившего хозяина.

— Вот вам наглядный пример: Ак-Куль, — сказал он и показал рукой за окно. — Видите на берегу столбы? В позапрошлом году на этих столбах был помост, на нём стоял насос и подавал воду в городские бани. Помост уже на сухом берегу, и догадливые горожане растаскали понемножечку его на дрова. А воду в городские бани нынче хромой Прохор возит в бочке! Такая же участь ждёт и нашу дорожную водокачку... Вот это самое и есть — геологический процесс!..

Дмитрий Иванович сел на своё место к столу и молча налил себе чаю.

Студент Лёша, смущённый такой острой вспышкой спора, осторожно вышел из-за стола и принялся помещивать палочкой в своих колбах под тягой.

Выждав, когда Дмитрий Иванович, успокоясь, принялся за чай, студент проговорил с каким-то затаённым опасением:

— Следовательно, ближайшая геологическая перспектива наших мест...

— Пустыня, — перебил его гидрогеолог. — Чёрные бури, засуха, песок.

— М-да, знаете... — пробормотал Лёша. — В таком случае я не завижусь нашим потомкам.

— Напрасно, — хладнокровно возразил Дмитрий Иванович. — Напрасно Человек призван остановить геологический процесс.

Теперь студент удивлённо глядел на начальника.

— Вас это удивляет? Да, человек должен остановить геологический процесс! Если он грозит катастрофой. Советский человек, конечно.

Студент конфузливо улыбнулся.

— Я извиняюсь перед вами за своё невежество, Дмитрий Иванович, — проговорил, наконец, он. — Вероятно я ещё действительно профан в науке. Когда вы говорите: «Остановить геологический процесс», в моём представлении возникает что-то совершенно невообразимое: например, огромный лес, на который надвигается стена бушующего пламени; развороченный муравейник и муравьи, бегущие навстречу огню, чтобы тушить этот пожар.

— Воображение у вас богатое, конечно, — сказал Дмитрий Иванович. — Вы Докучаева читали? Нет? Это заметно. Не знаю, доживу ли сам, а вам-то этими делами заниматься обязательно придётся, помяните моё слово! Это я насчёт пожара-то.

В конце дня Дмитрий Иванович и Лёша пошли проводить нас по берегу озера. Занимался вечер, заволакивая тёплой золотистой дымкой заозёрные дали. Мы шли по береговому валу, намётанному когда-то прибоем. Теперь вода ушла от вала метров на двести и обнажила мелкую окатанную гальку прежнего озёрного дна, зараставшую лопухами мать-мачехи.

Студент Лёша шёл поодаль от нас. После спора в вагоне он более не вмешивался в наш разговор и с философским видом любовался озером и вечерней степью.

— У нас частенько с ним такие баталии бывают, — сказал Дмитрий Иванович. — Молод и горяч. Читает много, а чтобы критически осмыслить прочитанное — этого ещё не получается... Да оно и трудно ведь в этих вопросах разбираться. Это только сказать легко — переделать природу!.. — со вздохом заключил он и потом долго молчал, идя неторопливо, заложив руки за спину, и, прищурясь, всё смотрел в лазоревые вечеряющие дали.

Мне не хотелось нарушать его молчания, я тоже, как и он, брёл по песку рассеянным шагом и бесцельно глядел на закат, на огромную безмолвствующую землю.

Подробности недавнего спора ещё заполняли и меня самого, мои мысли, воображение. И, странное дело, я с чувством смятения уже смотрел теперь на открывавшиеся в ту минуту мне знакомые ландшафты — на эту мирную, облитую вечерними лучами солнца степь, на отступающее озеро, на долгую гряду береговых песков, — казалось, на них лежала тень зловещей обречённости.

И ещё: с необычайной ясностью вдруг встал вопрос о том, что так, конечно, продолжаться не может, что у нас, наверное, уже готовятся какие-то широкие, ещё не ведомые человечеству по своему размаху земслы единоборства человека со стихией...

Но мой спутник, внезапно остановясь, показал рукой на дальний, погружающийся уже в тень берег озера и, рассмеявшись, сказал:

— Прошлой осенью в той заводи мы с инженером Рожковым в одно утро семь гусей завалили. Вот была охота!

Прошаясь с нами, Дмитрий Иванович уже серьёзным тоном говорил:

— Встретимся ещё или нет, неизвестно. Но знакомству был очень рад. Сколько, знаете, вот так приходится встречать людей! Иные уходят из памяти бесследно, других, наоборот, долго помнишь. А бывает и так: забудешь фамилию, лицо, но где-то в уголке сознания сохранится какая-нибудь тёплая, приятная подробность: вот такой, скажем, закат, берег озера, шуршанье гальки под ногами, обрывок разговора. Потом эта подробность вспомнится тебе когда-нибудь зимой, в городе, так приятно бывает! Этим всегда дорожишь.

4

И вот спустя несколько лет после памятной встречи я снова вижу этого человека, слежу за выражением его лица, за его жестами, слышу знакомый глуховатый, окающий голос.

В кабинете секретаря райкома, где идёт совещание, заняты все стулья, все диваны. Сюда приглашены представители всех изыскательских организаций, работающих на трассе будущего канала. В кабинете напряжённая тишина. Только что заслушали сообщение начальника геологической группы Алексея Петровича Светлицкого о двух возможных вариантах трассы.

Конечно, это только первые шаги, первые намётки. Они будут многократно пересмотрены различными специалистами, в различных ведомствах. Но у работников группы возник ряд серьёзных научных затруднений, решить которые необходимо именно теперь, по ходу исследований. В этом могут оказать всем нам неоценимую услугу знания и опыт уважаемого всеми консультанта Дмитрия Ивановича Синицына.

Взоры всех присутствующих обращены к нему.

Дмитрий Иванович стоит, заложив правую руку за борт форменного кителя. Эта чёрная, с позолоченными галунами, форма генерального директора так хорошо молодит его лицо, всю его фигуру, делая её подтянутой и строгой!

Он кажется несколько растерянным, словно не знает, как начать своё выступление.

— За последнее время... — начинает, наконец, он очень тихо и неуверенно, как бы ища нужные слова. — За последнее время мне часто приходится выступать на совещаниях: то по насаждению лесных полос, то по строительству прудов, водоёмов... А теперь вот ещё того больше: каналы... Вот так-то оно... каналы... Как будто уже и привык к таким заседаниям и знаешь наперёд, о чём тебя спросят и что ты обязан сказать, а вот выходишь и вдруг начинаешь волноваться и все хорошие слова разлетаются, как воробьи.

По залу проходит приглушённый одобрителный шёпот. Дмитрий Иванович развёртывает какие-то бумажки, исписанные синими чернилами, вертит их в руках и безнадёжно суёт обратно в карман.

— Вам это, может, не совсем понятно, — продолжает он, — вы молодёжь. Ну город, Белозёрск, райком, совещание, канал — что тут такого? А мне это всё — как сон... Я тридцать лет тому назад проехал здесь на верблюде. Со мной был кучер Баймурза, рюкзак, молоток да сотни полторы пустых бутылок для опробования воды. А воды в здешних краях было столько, что мы и для себя и для верблюда возили её в двух брезентовых мешках.

Внезапно вспыхивает взрыв рукоплесканий. Дмитрий Иванович с досадой хмурит брови: «И тут аплодисменты! Что за легкомысленная ныне молодёжь, не дадут двух слов сказать без восторгов»...

— Да, так вот теперь, товарищи, о канале... Сейчас везде говорят у нас: «Великая стройка коммунизма». В газетах пишут: в пятилетний

срок построить магистральный самотёчный канал длиною в шестьсот пятьдесят или тысячу сто километров, с дебитом воды в шестьдесят или там в семьдесят кубометров в секунду. А что это такое, эти семьдесят кубометров? Это ровным счётом Ока или Днепр, солидная река. Мы здесь все геологи, и нам немножечко известно, как возникали наши реки. Была, допустим, Кама, очень древняя река, был древний Дон. Верховья Волги не существовало, Унжа и Ока были притоками Дона, а Сура с Ветлугой составляли одну общую реку, которая, должно быть, направляла свои воды также на юг. Потом случилось очередное оледенение Русской равнины, и всё нарушилось: возникла Верхняя Волга, пропилила Казанский водораздел и влилась в Каму. По дороге она отняла у Дона Оку, Унжу и разъединила на самостоятельные реки Ветлугу с Сурой: одна из них теперь течёт с юга на север, а другая наоборот. Это, конечно, грандиозные события в жизни природы. Только на эту перетасовку ушли многие тысячелетия. А тут новая большая река в пять лет. Да ещё какая река-то! Старые-то реки — это всё равно что капиталистическое государство, тут полнейшая анархия производства: то они безбожно мелеют, сохнут, то бесцеремонно разливаются, меняют русло, причиняют кучу неприятностей. А эта, новая, будет вести себя по графику, по телефонному звонку. И управлять ею станет один человек — диспетчер, комсомолец из гидротехнического института. Что это, товарищи? Да это — полное господство человека над стихией!

И стараясь перекрыть очередную вспышку оваций, он кричит, решительно жестикулируя левой рукой:

— Это — новая эпоха, это самый коммунизм уже и есть!

А когда всё стихает, Дмитрий Иванович стоит возле увеличенной схематической карты района и спокойным тоном, будто разговаривая сам с собой, излагает свои мысли о трассе будущего канала.

— Да, конечно, второй вариант несравненно лучше первого, прямее, короче, с меньшим количеством вспомогательных работ. Какие могут здесь возникнуть неприятности? Проследим по карте... Здесь всё благополучно, спокойный рельеф, вполне благонадёжные грунты. К стати сказать, вот здесь, южнее, целый массив отменных серозёмов, — к вашему сведению, товарищ секретарь райкома. Вода нужна, вода! Какой будет здесь хлопок, какой рис, какие сады! Благословенная земля, товарищ секретарь, благословенная земля!.. Ну-с, так... Река Малый Узек с хорошо оформленной долиной общего меридионального направления. Это очень кстати, такое направление, потому что южнее пойдут пески, которые придётся обводнять. Малый Узек принимаем в союзники... Далее всё хорошо до озера Жалтыр-Куль. Жалтыр, Жалтыр — это, кажется, блестящий? Блестящее озеро.

— Сверкающее, — поправляет кто-то.

— Ах, да, конечно, именно — сверкающее озеро! Его особенно хорошо бывает видно вот отсюда, с этих холмов, в солнечный день оно сверкает, как никелированный поднос... Казахский язык вообще очень меток в определениях. Минуточку, у озера Жалтыр-Куль есть очень интересная черта. Где-то была тут двадцатипяти тысячная карта окрестностей озера. Вот она... Ну, да... Ого, какие у него отчётливые древние террасы! Типичное реликтовое озеро, остаток древнего обширного бассейна. Прекрасное естественное ложе будущего водохранилища. Море, Белозерское море! Подходим к Большому Узеку. Течение его... Ой нет, это вот колено нам не по пути. Никак не по пути! Нам надо орошать вот здесь. И ничего тут не придумать... Да что здесь много голову ломать нам над тобой, Большой Узек! Пересечём тебя, голубчика, вот так. А потом ещё так. И потечёшь ты, брат Узек, у нас уже не на юг, а на север! Вот, как хочешь, брат...

Всеобщий смех. Дмитрий Иванович недоумённо глядит на хохочущих поверх очков, потом переводит взгляд на секретаря райкома Жусалиева. Тот тоже беззвучно смеётся, обнажая крепкие, блестящие зубы. А когда смех стихает, секретарь райкома, с праздничной улыбкой глядя на умолкшего консультанта, говорит, разглаживая свои чёрные волосы:

— Сколько времени живёт на свете наш Большой Узек? Тысячу лет, две тысячи, пять тысяч? Никто точно определить не может. Сколько разных народов видал он — никакого беспокойства не было. Советский человек приходит, берёт большие ножницы, как хороший портной, и начинает землю, как чапан, кроить: туда карман, сюда рукав, тут воротник. Понимаешь... Полная переделка природы! Продолжайте, пожалуйста, Дмитрий Иванович, прошу вас.

Но Дмитрий Иванович продолжать не может, так как все снова смеются и неистово бьют в ладоши.

— Bravo! — кричат молодые женские голоса. — Bravo, bravo, Дмитрий Иванович!

— Дмитрий Иванович — очень почётный гость в Казахстане, показавшись кымбатты-конак, — говорит секретарь райкома. — Его каждый пионер в нашем районе знает. В русском языке есть замечательное выражение, я не помню его сейчас... Начальник рек... Хозяин рек... управитель...

— Повелитель рек! — кричат с места.

Секретарь райкома, аплодируя как все, одобрительно кивает головой. А когда шум затихает, он, закинув ладонью назад смоляные волосы, с удовольствием заявляет:

— Сегодня у нас в районном комитете очень активное совещание. Извините нас, Дмитрий Иванович. Очень просим вас продолжать.

ВАДИМ ЛУКАШЕВИЧ

★

ДЕВУШКИ

Рассказ

1

В берёзовой роще сквозь густую тень уже пробилось солнце, блещут цветные искры росы. Тень спадает, как паводок: всё больше становится солнечных, весёлых просветов.

Вдоль опушки пролегла дорога: роща то надвигается чащей кустарников, нависает ветвями, то отступает, чтобы дальше вновь подступить к дороге.

Берёзы молоды: они светлые от самого корня; немногие успели заглубеть у земли. Стволы сияют на солнце; одни белые, как сметана, другие будто топленое молоко. Стройные тёмные ели в одиночку стоят между берёзами.

По дороге не спеша идёт девушка, босая, в короткой юбке и клетчатой кофточке. Девушка напевает, заглядывает в кусты, раздвигает ветви. Нашла малинник, втиснулась в чащу: только голову видно среди листвы. Но тут же выскакивает на дорогу, чешет ногой ногу, морщится: крапива! И снова тянется к малине, не решаясь подойти, издалека притягивает к себе ветку.

Свежий ветер проходит по вершинам, заглушает щебет птиц. Потом наступает тёплая тишина, и в отдалении начинает кричать кукушка. Девушка поднимает голову, прислушиваясь, и вдруг отшатывается в испуге.

— Ой, кто это?! Наташа, ты?..

Наташа выходит из чащи, закрыв руками лицо.

— Даша! Да-шень-ка... — не то жалуется, не то стонет она.

Даша хватает её за руку.

— Чего ты? Что стряслось-то?!

— Виктор...

— Что Виктор?! — Даша пугается ещё больше.

— Там... — Наташа кивает в глубину рощи. — Он там... целуется.

— Фу-у ты! — Даша вздыхает облегчённо. — Я уж думала, нивесть чего.

— Целуется с Шуркой...

— С какой это Шуркой? С Озорновой, что ли? Вот уж нашёл с кем целоваться! — Даша презрительно кривит губы. — С Шуркой Озорновой!

Наташа поднимает глаза, слёзы сыплются с тёмных больших ресниц, полные губы жалко дёргаются.

— Да будет тебе! — утешает Даша. — Они все на одну колодку, парни-то: пяточок пучок. Из-за них реветь — слёзы станут больно дешёвы.

Наташа передёргивает плечами.

— И всё врёшь! Что они, не люди, что ли? Да ты прочитай...

— И читать не к чему: знаю! Сама трясёшься вся, а туда же: «врёшь!» Или, по-твоему, Шурка лучше, чем ты?

Наташа растерянно смотрит на возмущённое лицо подруги.

— И нисколько она не лучше! — повторяет Даша. — Кого ни спроси, всякий скажет. Ну что Шурка? Только что мажется простоквашей, да завивается, да бровки наводит?! Тьфу! Нашёл на кого променять... Дурак он, твой Виктор!

Наташа поворачивается и уходит; Даша окликает, но Наташа даже не оглядывается.

Она идёт, сжав губы, нахмурившись, и думает, что вот ей исполнилось девятнадцать лет, комсомольцы выбрали секретарём, она прочитала много книг, а получается, что вовсе не знает людей. Даша, ясно, повторяет чужие слова, глупые; Наташа слыхивала их не один раз; может, прежде так оно и бывало. Теперь такого не может быть, не должно!

Наташа слушает далёкий крик кукушки, нарастающий шум вершин под ветром. Наверно всё-таки Шурка и вправду чем-то лучше... Наташа морщится, словно от боли, но принуждает себя громко сказать:

— Может, и так... Может, и лучше! — упрямо повторяет она. Оказалась же Шурка чем-то милее для Виктора. Если самой себя обманывать, так чего ж обижаться, когда обманывают другие! Ох, как мало знает она людей! Вот Виктор...

Наташа медленно, глядя вниз, идёт по сырой, местами грязной дороге. На подсыхающей земле отпечатались подковы, следы сапог и туфель; вот рубчатый след автомобильной шины: это был грузовик, у легкового другая шина... Вот здесь кто-то недавно прошёл босиком: наверное, Даша...

Дорога уходит за рощу, и там, за поворотом, слышны голоса. Наташа останавливается: лицо, наверное, заплаканное, стыдно показаться на людях. Умыться бы...

Наташа крадётся среди кустов и берёз.

Впереди паровое поле; рыжая и влажная земля курится на солнце лёгким дымком: после недельного дождя нынче пригорело.

На дороге — всадник. Это председатель Никита Андреевич; он на своём Вороне. Председатель любит тяжелозовов. И правда, красивый этот Ворон! Сильный... Прямо богатырский конь. Председатель остановился на дороге и разговаривает с Ниной Павловной Галактионовой, молодым агрономом... Весной она окончила академию и приехала работать в колхоз... На солнце одни люди будто копятся: чернеют, прямо обугливаются, а другие — словно обваренные, вот Галактионова: лицо стало красное, а ресницы и брови выцвели. И нисколько не стыдится, молодец!

Наташа спускается к Волге — умыться.

На Волге тишина. Белый дом бакенщика на берегу, жёлтая отмель, бредущие вразброд облака — всё отразилось в тихой воде и слегка потускнело. Среди этих отражений стоит красный яркий бакен. С того берега, как шёпот, доносится разговор: кажется, надо вслушаться — и поймёшь, но понять не удаётся.

Буксир усердно тянет против течения огромные чёрные баржи. На передней барже у кормы стоит домик, выкрашенный рыжей краской; на хвостовой, возле руля — белая будка. Буксир старательно пытит, и пена мечется под колесом и за кормой.

Солнце греет, воздух над берегом парной, и Наташе хочется спать. Хочется поплакать и заснуть у ласковой воды и чтобы, когда проснёшься, всё было опять, как прежде — простым и весёлым. Как в детстве. Но этого больше не будет. Никогда не будет. Всё.

2

У конторы привалились к стене велосипеды.

Бригадиры уже собираются. Они входят в кабинет председателя, здороваются, садятся кто на диван, кто на стулья и начинают вполголоса разговаривать. Они говорят о дождях, которые замучили всех, о неудачном сенокосе, о том, что лето холодное и трава не растёт, хлеба плохо зреют, а в иных местах полегли: на берегу Черёмухи, у ручья Талицы, за лесом у Попыткина; там пшеница перепуталась и лежит, ну как есть матрац, косилка не возьмёт.

— Будем жать серпами, — спокойно отзывается Грачёва, бригадир пятой бригады; неровно выгоревшие волосы свёрнуты у неё на затылке узлом; на сухом загорелом лбу и вокруг глаз пролегли морщинки. Когда она говорит, другие умолкают.

Входит Анна Сергеевна; она двадцать лет учительствует в красненковской школе, почти все бригадиры — её ученики. Теперь Анну Сергеевну выбрали секретарём колхозной партийной организации.

С Анной Сергеевной здороваются радостно, спрашивают с участием: что это она как будто с лица похудела?

— С вами и не так похудеешь! — смеётся она. — Колхоз теперь большой, походи-ка по всем вашим бригадам!

— Кого нету? — спрашивает председатель.

— Ветёлкина!

— А он знает? — председатель повышает голос. — Марья Петровна, вы звонили в третью бригаду, что будет совещание?

— Звонила! — отзывается за стеной учёгчица.

В кабинет входит Наташа.

— Вы ко мне?

— Нет, Никита Андреевич. Я просто так...

— Садись, садись, Наташа! — громко говорит Анна Сергеевна. — Тебе надо быть в курсе.

— Садись, послушай, — улыбается председатель. — Я думал, ты, может, по срочному делу... Так кто знает про Ветёлкина?

— Я его видел, когда ехал, — отзывается Иван Степанович, бригадир огородников. — Сказал, что будет...

Тут входит Виктор; утирая лицо кепкой, он поспешно садится на первый свободный стул.

Председатель глядит на стенные часы.

— Почему опоздали, товарищ Ветёлкин?

Наташа ждёт: что-то он ответит?

— Я на мельницу заезжал, — отзывается Виктор, и Наташа замечает у него на пиджаке мучную пыль. Наташа смотрит на Виктора, и ей делается жарко, стыдно за него.

— Могли бы и пораньше на мельницу...

Председатель говорит, что погода стала как будто разведриваться. Хотя в прогнозах пишут, что возможен кратковременный дождь, но барометры в конторе и у него дома движутся к «ясно». Времени терять нельзя: завтра начинаем уборку.

— Хлеба ещё зелёные! — отвечают бригадиры.

— Знаю, — говорит председатель. — Местами хлеб, точно, ещё малость зеленоват, но местами достиг восковой зрелости. Я объезжал

бригады, проверял. Вот, например, у Попыткина можно убирать: под ногтем зерно не мнётся, а режется. Вы как считаете, товарищ Галактионова?

Галактионова считает, что выборочно можно начинать. Например, хлеба поспели в Кустикове, на горке у свеса и ещё, пожалуй, за ручьём, слева от дороги на Грачёвку; то же в Грачёвке — за мельницей, по направлению к реке; в Копышеве, в Погорелках; так одну за другой агроном перебирает девять бригад. Вот только в третьей бригаде Галактионова не была ни вчера, ни сегодня, и потому не знает. Кое-где придётся убирать вручную полёгший хлеб. Если будет два-три ясных дня, то хлеб доспеет и можно вызывать комбайн. А по третьей бригаде она не знает...

— Можете убирать, Ветёлкин? — спрашивает председатель.

— Денёк надо обождать...

— А тот клин, что от клеверища к Волге, он скоро поспеет?

Виктор молчит.

— К декабрю! — смеются бригадиры. — К Новому году!

— И я так полагаю! — говорит председатель. — Надо же было придумать, чтоб в этот клин дать минеральных удобрений вдвое!

Лицо у Виктора горит; он шарит в карманах, потом снова вытирает лицо кепкой. Наташа благодарными глазами глядит на председателя: и не так бы ещё этого Виктора!

— На каждом совещании так-то пропекает, — шепчет Иван Степанович, бригадир огородников, и усмехается. — Скоро дымиться начнёт наш Виктор.

— В нашей жизни, товарищ Ветёлкин, хитростью не проживёшь: знания нужны, вот что! У писателя Горького есть рассказ про страсти-мордасти; там мальчик думает, что если таракана кормить эволю, таракан вырастет в лошадь. Так и Ветёлкин...

Грачёва не смеётся.

— Хватит, Никита Андреевич, — промко говорит она. — Работа ждёт.

На Виктора жалко смотреть: ёрзает на стуле и пылает как свеча; даже шея сзади краснеет.

Председатель снова глядит на часы:

— В общей сложности из-за товарища Ветёлкина мы сегодня потеряли тридцать минут рабочего времени. Предупреждаю: ежели валовой сбор хлеба в третьей бригаде окажется меньше, чем по плану, с бригадира товарища Ветёлкина спишу трудовни...

И начинает опрашивать: всё ли готово у бригадиров к уборке, сколько исправных косилок, все ли жнейки починены, много ли людей выйдет завтра в поле.

После собрания, когда все расходятся, Наташа сталкивается в сенях с Виктором:

— И поздороваться не желаешь? — спрашивает Виктор.

— Чего тебе?

Она не поднимает глаз.

— Эх, Наташка! — ласково говорит Виктор. — Полно тебе хмуриться, ласточка.

Внезапно он крепко обнимает Наташу.

На миг она прижимается к нему; от Виктора пахнет табаком и почему-то мёдом, как от цветущего клевера. Наташа закрывает глаза и думает, что хорошо бы сейчас проснуться, будто утром и будто всё плохое только снилось; протереть глаза, побежать на Волгу...

Наташа вспоминает берёзовую рощу; она упирается руками Виктору в грудь, вырывается:

— Оставь!

Она тяжело дышит.

— Наташка, чего ты? — говорит он, улыбаясь; у него красивые белые зубы и яркий рот. — Я знаю, это Дашка наболтала, будто я с Шуркой... Ты не верь!

— Уйди, Виктор!

Виктор отшатывается, ошеломлённый. Наташа выскакивает на крыльцо, сбегает по ступенькам и звонко кричит Грачёвой:

— Подождите!..

Догнав и тяжело дыша, она говорит:

— Нам по пути. Мне на свиноферму...

Сначала они идут молча. Наташа не замечает, что у неё на ресницах ещё блестят слёзы.

— Как у вас дома, Анастасия Никитишна? — спрашивает она слегка охрипшим голосом... — Дети здоровые?

— Дома?! — Грачёва искоса взглядывает на девушку. — А всё старому. Гриша и Славик здоровые, а Ксанку покусали пчёлы: мы брали вчера мёд, они были злые, а Ксанке, ясно, пришла надобность тут же гулять с куклой!

Наташа поднимает большие тоскующие глаза.

— Анастасия Никитишна, — спрашивает она, — отчего это люди врут?

— Отчего люди врут? — удивляется Грачёва. — Мало ли от чего! В общем, конечно, люди врут от трусости... Когда чувствуют, что виноваты, а хотят извернуться. Кто не боится, тот не врёт.

Наташа идёт, опустив голову, и думает, что Виктор, значит, чувствует себя виноватым; боится, чтоб она не узнала про Шурку. Значит, он...

Ей становится легче...

— Анастасия Никитишна, — просит она. — Расскажите мне, как вы живёте: про семью, про детей, про мужа... Про всё...

Грачёва кладёт руку на плечо Наташе и внимательно смотрит.

— Ох, девушка, что-то делается с тобой...

— Мне очень-очень нужно!

— Да уж ладно...

Они медленно идут по дороге. Просторная колхозная земля лежит вокруг, и видно её на десятки вёрст. Вдали темнеют леса и там, у леса, свистит паровоз, и ещё за лесом торчат фабричные трубы: там город. Много деревень видно вокруг: тёмные крыши меж тёмных деревьев; и стога сена в полях, и шиферные светлые крыши колхозных ферм, и линии столбов с проводами, и идущий вдали грузовик, и чёрное стадо ярославок, бредущее в низине по кустам, и высокие журавли колодцев, и редкие колокольни. Ветер приносит шум тракторного мотора, петушиное пение, отчётливое ржание коня и звонкие детские голоса. Но ни коней, ни ребят не видно.

— Не спеши замуж, Наташа, — говорит Грачёва, когда они уже подходят к ферме. — Мало ты ещё видела людей-то...

— Спасибо! — тихо отзывается Наташа.

— Да за что спасибо, чудачка?! — смеётся Грачёва и ласково обнимает девушку. — Как с Виктором? Поссорились, что ли?

Наташа опускает голову:

— Я и сама ещё не знаю.

После солнечной улицы на свиноферме полутемно. Она построена длинным коридором, и в дальнем конце видны такие же полуоткрытые в солнечное поле ворота. Лёгкий сквозняк идёт по ферме. Справа и слева столбы держат крышу, а за столбами, в загородках под длинными окнами лежат свиньи. Розовые поросята опрометью носятся в загородках, визжат, лезут к маткам, тычутся в соски; время от времени мать поднимает морду, смотрит на их возню маленьким весёлым глазом и негромко хрюкает; так и кажется, что она улыбнулась.

Людей не видно; Наташа останавливается в нерешительности.

— Кто там? — окликают её.

Из-за загородки выходит женщина и старательно закрывает за собой дверцу одной рукой, другой она прижимает к себе завернутого в шерстяную тряпку маленького поросёнка.

— Тётя Клава! — обрадованно говорит Наташа. — Здравствуйте. А где ж остальные?

— Обедать ушли, Наташенька. Архипова у председателя. А я нынче дежурная.

Они садятся на скамеечку. На Клавдии поверх платья надета тёплая кофта.

— Зябко здесь, — говорит Клавдия. — Сначала, с улицы, как будто приятно, а потом делается зябко.

Поросёнка она укладывает на колени и ещё прикрывает кофтой. Поросёнок лежит, закрыв глаза; изредка похрюкивает.

— Чего-то кашляет, — озабоченно объясняет Клавдия. — Простыл, видать, маленький...

Она вздыхает.

— Давно я вас не видала, тётя Клава! — говорит Наташа. — Как живёте?

— А какая у меня жизнь, у старухи?

— Старухи?! — ахает Наташа. — Как не стыдно, тётя Клава! Вы же совсем молодая...

И правда: Клавдия молодая, миловидная женщина. Ровный и сильный загар покрывает её лицо, такими бывают матовые глиняные крынки — ни морщинок, ни складок. Глаза чистые, голубовато-серые, в тёмных ресницах.

— Вам сколько лет, тётя Клава?

— Тридцать пять. Да всё равно — что вдова, что старуха, никакой разницы.

— Вы ещё замуж выйдете.

— Кто меня замуж возьмёт с тремя детьми? Девушек сколько хочешь...

Клавдия вздыхает:

— Чего уж... Что я замужем-то была? Всего шесть лет. Да троих детей родила. Теперь бы жить!..

Поросята в загородке поднимают отчаянную возню и визжат. Клавдия идёт разнимать.

— Подрались, озорники этакие! — смеётся она, вернувшись. — Приучены они каждый к своему соску. А всё равно, если поросёнку нехватает, он норовит отпихнуть другого.

Она умолкает, думает.

— Да ты не озябла, Наташенька?

Наташе в самом деле немного холодно, но она храбрится, улыбается.

— Кто-то идёт,— говорит Наташа: в раме ворот, открытых в поле, показалась тёмная фигура. Свинарка оглядывается.

— Это Анисья идёт с обеда.

— Семёнова?

— Она самая...

— Здравствуйте! — ещё издали здороваются Семёнова; она подходит, поправляя платок; следом приходят ещё три свинарки.

— Все теперь? — спрашивает Наташа.

— Все! — отвечает Семёнова. — А ты к нам, Наташенька, по делу или в гости — проведать?

— Чего нас проведывать? — откликается другая. — И мы не больные, и Наташа не старуха — днём ходить в гости...

— Я пришла газету почитать, побеседовать. Есть время?

— Есть! В два часа будем выгонять свинок на прогулку. А теперь половина второго...

— Пойдёмте в кормовую, что ли! — предлагает Клавдия. — А лучше в дежурку.

В просторной комнате, где готовят корма, стоят чаны и ведра, другие чаны вмазаны в широкую печь. Здесь стрекочут сверчки и оттого кажется, что уже наступила осень.

В дежурку печь выходит высоким белёным боком. В дежурке прибрано: с полки свисают самодельные кружева из бумаги, стол покрыт скатертью, а сверху газетой, чтоб не пачкался. Есть и чернильница, и ручка с пером, и тетрадь для записей, и календарик. Список свинок висит над столом, у каждой фамилии поставлены какие-то цифры. Шустро тикают ходики. На тёмной бревенчатой стене плакат: под красным знаменем стоит молодой мужчина, светловолосая женщина и мальчик, наверное их сын; улыбаясь, они смотрят вперёд. И внизу написано: «Наше будущее — коммунизм».

— Садись сюда, Наташенька! — говорит Клавдия. — Тут светлее.

Все рассаживаются по лавкам у стен и затихают. Только Семёнова продолжает возиться: снимает платок, повязывает его по-другому — узлом назад.

Из рукава, перехваченного внизу резинкой, Наташа достаёт газету. Она читает о том, как за границей простые люди борются за мир, как их преследуют, как беснуются поджигатели войны, разгоняют демонстрации, сажают в тюрьмы.

— Да солдаты что ж? Не люди, что ли? — возмущается Клавдия. — Чего они бьют своих же?

— Солдату послушаться нельзя, — вздыхает пожилая, — его сейчас под расстрел.

— Всех не расстреляют! Вон как та французская девушка: легла на рельсы, и всё! А за ней другие: поезд-то и не пошёл...

— Конечно, народ — он силён! Только не просто это у них: люди-то вразброд. Кабы все вместе, так кто ж устоит против народу?

— Спасибо той девушке от всех матерей! — тихо говорит Клавдия. — Я не про себя: моего не воротишь. Я за Наташеньку, ей тоже быть матерью...

Потом Наташа читает сообщение, что в Москву приехала делегация венгерских крестьян.

— Зачем они к нам приехали? — спрашивает она. — Вот как по-вашему?

— А кто ж его знает? Должно, посмотреть любопытно...

— Я так думаю, — говорит Семёнова, — едут они к нам, чтоб поучиться!

— Что ж они и землю пахать не умеют, что ли? — удивляется пожилая.

— Хотят они посмотреть, как люди живут в колхозах.

— Может, и к нам приедут? — Клавдия с тревогой смотрит на Наташу.

Наташа молчит. Женщины заволновались и даже позабыли о ней. Так волнуются хозяйки, узнав, что к ним собираются гости: спешат прибрать, побелить. Пусть даже будет в доме чисто и прибрано, всё равно настоящая хозяйка станет хлопотать, чтобы стало ещё чище.

— Можно ещё сосновых лап наломать, — озабоченно говорит Семёнова. — И прибить на столбы.

— Это зачем же? — спрашивает Наташа.

— Для свежего духу! Чтоб смолой пахло, как в лесу.

Наташа выходит из фермы на солнце и вздыхает всей грудью. Шумят деревья и льются струи то прохладного, то нагретого воздуха. Наташа думает о тёте Клаве, о том, что она не признаётся, а всё ещё ждёт своего весёлого и доброго мужа, который не вернулся с войны... Ей, наверно, по ночам снится, что он вернулся; просыпается, наверно, заплаканная от счастья и опять плачет... Просто нет сил понять: как человек может пожелать войны?!

4

В конторе был обеденный перерыв. Виктор прошёл пустым тёмным коридором, подёргал запертые двери с табличками: «Бухгалтерия», «Председатель колхоза», «Агрокабинет». В красном уголке на диване дремала дежурная телефонистка, она лежала спиной к двери, прикрыв ноги диванным чехлом. Услышав шаги, она повернула голову и сонно сказала:

— Никого нету... Ни Никиты Андреевича, ни агронома. Обед!

Сам не зная зачем, Виктор пошёл в библиотеку. «Тоже, верно, обедает»... — пробормотал он, дёргая дверь. Но дверь отворилась.

В библиотеке горит электричество, хотя на улице день и дверь на балкон широко раскрыта. Видно, как по дощатым перилам балкона хлопает флаг: внизу помещение сельсовета. В проходе между книжными полками, за мыльником столом сидит Наташа. Она разлиновала бумагу и теперь записывает книжки. Стопки книг лежат на столе. Наташа сегодня в лёгком платье: обильные красные и белые цветы на тёмной синеве. Низко склонившись к столу, Наташа пишет розовой, как леденец, ручкой. Лицо её кажется грустным, брови печально поднимаются.

— Фу-у, жарынь какая, — говорит Виктор. Он ещё не знает, как держаться.

— Книгу поменять пришёл, что ли? — сухо спрашивает Наташа, продолжая писать.

Виктор обижается.

— Я по делу, как к секретарю...

— Слушай! — Наташа говорит, как председатель Никита Андреевич, когда тот принимает в кабинете.

Виктор начинает злиться.

— Вот как хочешь, Наташка: я не могу вести производственный сектор. Шутите вы, что ли! Поработали бы сами бригадирами, с рассвета дотемна бегаешь...

— А может, тебе лучше уйти из бригадиров? — тихо, словно думая вслух, спрашивает Наташа. И добавляет ещё тише: — Пока не сняли...

— Ну, это мы ещё посмотрим! Цыплят по осени считают. Не пришлось бы представить к награде...

— Где уж...

Наташа вздыхает.

— Дайте срок! — гневно говорит Виктор. — Я кое-чего уже напридумывал.

— Опять с удобрениями?

— Да когда, чёрт возьми, кончат тыкать мне в нос этими удобрениями?! Ну, ошибся... Так нельзя ж бить до бесчувствия!

— Не до бесчувствия, Виктор, а до чувства...

— Хватит, что председатель долбит, как всё одно дятел в голову!

— Ладно. Подавай заявление.

От удивления Виктор даже свистит:

— Вона какие у нас теперь порядочки! Бюрократизм по всей форме... Ну, а мненьце секретаря разрешите узнать?

— Скажу на заседании, — сухо отвечает Наташа и продолжает писагь. — Как у тебя с рейдом?

— А я о чём же говорю? — удивляется Виктор. — Плохо с рейдом. Лёнька своё сделал, Маруся тоже, а вот Даша куда-то провалилась, никак её не сыщу.

— Прежде находил, кого хотел...

— Ты это про что?

— Так, припомнилось... А сам-то ты знаешь, что заботит животноводов? Или что Лёнька расскажет, тем и доволен?

— Битый час говорю: некогда мне. Понимаешь: не-ко-гда! Я отвечаю прежде всего за бригаду!

— Понимаю. Пожалуй, можно не писать заявление-то...

Распалённый гневом, Виктор готов наговорить грубостей, но приходят девчонки, и пока Наташа меняет им книги, Виктор успокаивается. Как всегда, он не может долго на неё сердиться. Он смотрит на Наташу и спрашивает с участием и тревогой:

— Наташка, да ты никак заболела?! Что с тобой?

Наташа вздрагивает, отворачивается, будто бы поставить книгу на место.

— Я не больная...

— Сходила бы к врачу, Наташка! Хочешь, я лошадь пришлю?

— Не надо мне лошади...

Тут открывается дверь, дежурная телефонистка просовывает голову и кричит:

— Наташенька! Тебя Никита Андреевич...

Наташа идёт к двери; в руке она держит ключ.

Выходя, Виктор говорит вполголоса:

— Наташенька! Ласточка!

Однако Наташа не слышит, она поспешно уходит в кабинет председателя.

— Здравствуйте!

Никита Андреевич протягивает Наташе руку. У Наташи маленькая твёрдая рука, шершавая от мозолей, в пятнах от картофельного сока. Здороваясь, Наташа всегда смущается.

— Садись, пожалуйста.

А когда Наташа садится на стул, Никита Андреевич говорит, глядя на неё поверх очков:

— Дошли до меня слухи, что вы, комсомольцы, проводите проверку животноводов: тут кое-кто всполошился.

Никита Андреевич усмехается, и потому Наташа спрашивает:

— А кто всполошился-то?

— Архипова, вот кто. Говорит, ей свинарки передавали, что приходили комсомольцы проверять, её искали, Архипову. Вот она ко мне и прибежала советоваться.

Никита Андреевич смеётся, Наташа тоже улыбается.

— Я, конечно, сказал, что комсомольцы в своём праве и проверка дело хорошее: надобно показать всё без утайки. Оно и вправду неплохо: всполошились — и то хорошо! Значит, оглядят себя, почистятся, вроде, перед гостями...

Председатель помолчал, потом добавил серьёзно:

— А всё-таки не мешало б вам спросить и моего совету: что проверять. Я не в обиде, да не с той стороны за дело взялись...

— Извините! — тихо говорит Наташа. — Это вы правильно. Моя ошибка.

— Ошибка-то невелика... Только выходит, как бы сказать, что вы мне галстук поправляете, а у меня сапоги тесны: мочи нет ходить... Вот найдёте вы разные мелкие упушения...

— У Архиповой нашли завшивленную свинью...

— Скверно! То-то она всполошилась. Но ещё важнее, что с кормами у нас худо: это и есть тесные сапоги.

Председатель молчит, раздумывая, а потом говорит:

— У меня такой есть совет: когда станете обсуждать материал проверки, подумайте о главном — о кормах. Пригласите агронома — она дельная.

— Правильный совет, Никита Андреевич! — Наташа оживляется. — Сделаем.

— Люди вы молодые, задорные. Расшевелите народ.

Наташа поднимается, но председатель останавливает.

— Ещё есть просьба у меня к тебе, Наташа. Нельзя ли подобрать мне книжечку по кормам, по разным ле-пе-те...

— По каким, Никита Андреевич? — удивляется Наташа.

— Значит, по луго-пастбищным травам. Хорошо?

— Хорошо. Подберу.

— Вот и спасибо.

5

Вечером Наташа приходит в библиотеку пораньше. На маленьких столиках у стены она раскладывает, как на витрине, брошюрки; выбирает самые нарядные: о хлопке, падающих звёздах, розах, северном сиянии, о зубробизонах, морском приборе, о разведении зеркального карпа. Время от времени Наташа отступает на несколько шагов и, склонив голову набок, любуется. Она вздыхает и думает о том, сколько есть в мире удивительного и красивого, хорошо было бы самой побывать в снежных горах, покататься по синему морю на яхтах, поглядеть живых зубробизонов...

Наташа вспоминает: колхозный пастух дядя Митя просил найти книжку про дикие травы; хочет знать, какие есть травы полезные, какие вредные. Наташа начинает подбирать книги. Сначала она сидит возле полки на корточках, потом, устав, садится прямо на пол. Совсем ничего нет про дикие травы! Только о сеянных: клевер, вика, тимopheевка, люцерна, люпины... В сомнении Наташа перелистывает «Определитель флоры Средней России» Маевского: на каждой странице латинские названия. И потом сокращения: чрш., прцв., цвтн., пс. и прочие. Это

значит; черешок, прицветник, цветоножка и другое... Дядя Митя ничегошеньки не поймёт! «Сам ты цветоножка!» — говорит Наташа Маевскому и ставит его на полку.

В некоторых книжках о колхозах попадаете про пастбища, но только немного — пять-шесть строк. Наташа подчёркивает карандашом: «Как только подсохнет почва, луга очищаются от мусора, проводятся работы по уничтожению сорняков, срезаются кочки, разравниваются кротовые кучи. Ежегодно практикуется подкормка лугов навозной жижей и минеральными удобрениями. Это даёт возможность получать по 35—40 центнеров сена с гектара. Важно отметить, что травы скашиваются у нас обязательно до их цветения, чтобы сено было богато витаминами»...

Интересно про витамины и про подкормку. И ещё про то, что удои повышается от купания коров. И ещё, что после того, как построили у нас Рыбинскую плотину и прекратили паводки, стал меняться ботанический состав трав. «Появились бобовые травы, а вместе с ними и сорняки — конский щавель и рябинник». Как понять: бобовые травы — не сорняки или сорняки? Дядя Митя непременно спросит... Пожалуй, всё это нужно бы прочесть не дяде Мите, а председателю...

Тут прибегает Даша; она приходит к Наташе за перегородку и рассказывает, что все-все девчата осуждают Шурку; Татьяна сказала, что Шурка стала совсем невозможная: такая гордая, такая самолюбивая, хоть гордиться ей как есть нечем! Каждая может завить волосы и намазать бровки, а только девчатам неинтересна фальшивая красота! И ещё...

— Уже всем разболтала? — спрашивает Наташа, и Даша словно спотыкается.

— А что мне стеречь Шуркины секреты?! — отвечает она с вызовом.

— Разве я просила тебя болтать?

— Подумаешь! И сама понимаю. Шурку давно пора проучить. Я её та-ак ослаблю...

— Молчи! — прерывает Наташа. — Немедля прекрати сплетню. Слышишь? Завтра обойди девчат, с которыми говорила; скажи, что ты ошиблась.

— Как так, ошиблась? — У Даши глаза становятся огромными, как у совы. — Выходит, я вру? А ты же сама...

Наташа опускает глаза.

— Может быть, я тоже ошиблась...

Даша оцепенела, даже рот у неё раскрылся.

— Вы что же... помирились? — спрашивает она, наконец, шёпотом. — Помирились с Виктором?!

— С Виктором я не мирилась, а с тобой, наверно, поссорюсь! — зло отвечает Наташа.

— Вот тебе на! — Даша очнулась. — Чтобы я сама себя выставила вруней! Придумала!

— Тогда поговорим на комсомольском собрании про твои сплетни...

— Ах, вот уже как?! Я уже и сплетница!

— Шурка не хуже нас с тобой и мне такая же подруга.

— Вон как?! — Даша взрывается. — Сравнила, значит?! Спасибочки вам за привет, за ласку!..

И она кидается к двери.

— погоди! — властно говорит Наташа. Даша останавливается. — Виктор в своём праве выбирать. Вот он и... выбрал.

— Да он пяточки твоёй не стоит, Виктор! — вспыхивает Даша. — Пень еловый он, вот кто!

Наташа печально усмехается:

— Тебе, Дашенька, я по сердцу, а Виктору нет... Осуждать не приходится.

— Чего ж ты ревела в роще?

Наташа опускает глаза.

— Очень уж всё это... — тихо говорит она, — нечаянно..

— Это его Шурка отбила! — решает Даша. — Она повинная!

— Виктор не овца, Шурка не волк! А отбился — туда и дорога, значит ненадёжный человек. Уж лучше теперь, чем после.

— Разве Виктор тебя стоит? — говорит, смягчаясь, Даша; она тоже садится на пол. — И жалеть об нём нечего...

— Чем Шурка виноватая? — продолжает Наташа. — Что ей Виктор полюбился? По-моему, правильно полюбился... А что я с ним прежде дружила, так мало ль что — не муж!

Подруги разговаривают долго. За стеной глухо бьют часы. Даша спохватывается:

— Ой, сейчас сельмаг закроют! А маменька велела купить чего ни то сладкого.

И она вылетает из библиотеки, хлопает дверью так, что с верхней полки падает книга.

Пора открывать библиотеку, а у Наташи заплаканное лицо и нет зеркала, чтобы посмотреться. Она убегает умываться, а когда возвращается, в пустой библиотеке на самом краешке скамьи сидят мальчишки — Толя и Борька. Мальчишки сидят в унылом оцепенении, боясь шелохнуться, и озираются с тревогой: ещё упадёт что-нибудь само по себе да разобьётся, тогда им не оправдаться; зачем, скажут, вошли в пустую библиотеку? Увидев Наташу, они облегчённо вздыхают.

— Вы чего, ребята?

— Наташа, можно взять шахматы? — спрашивает Толя.

— Бери.

Толя входит за перегородку, достаёт шахматы с нижней полки. Ми-моходом он поднимает упавшую книгу и кладёт её на стол.

— Спасибо,— говорит Наташа.

Мальчишки садятся за большой стол посреди комнаты, на самый уголок, и начинают играть. Сначала они шепчутся, потом говорят вполголоса.

Толя — загорелый и светловолосый, брови чуть заметные, ниточкой, а глаза голубые, большие. Улыбка у Толи доверчивая, радостная.

— А где Веня? — спрашивает Наташа. — Что его не видать?

— Я не знаю... — с запозданием отвечает Толя; только теперь он поднимает глаза от шахматной доски. — Мы с ним были на Харинке, а потом он пошёл домой.

— Скажи Вене, когда увидишь, чтобы он непременно зашёл ко мне.

— Скажу! — говорит Толя и передвигает на доске фигуру. — Мы сговорились с ним итти упрям на Черёмуху...

— А мы чего на Черёмухе де-ла-ем! — загадочно заявляет Борька.

— Тс-с! — шипит Толя. — Как не стыдно?

— А что делаете? — спрашивает Наташа.

— Военная тайна! — отвечает Толя и застенчиво улыбается. — Ты, пожалуйста, не спрашивай, Наташа. Всё равно не скажем.

— Шах! — Борька торжествует.

Толя смотрит на доску.

— Ладно! Давай другую... Вот я тебе сейчас надаю!..

Приходят колхозники. Наташа принимает книги, спрашивает, понравилось ли, на мгновение задерживается у полок в раздумье, предлагает

новые книги, записывает. Теперь в библиотеке шумно. Уже не раз Наташа, повысив голос, просит: «Потише, товарищи!».

Иван Степанович, огородный бригадир, кладёт перед ней книжку с огненным помидором на обложке.

— Ни к чёрту твоя книжка не годится,— ворчит он.— Если по ней сажать помидоры, ничего путного не выйдет: одни листья.

— Может быть, она не для нашего района написана?

— Это мне неизвестно...

— А вы бы сами написали...

— И напишу! — Иван Степанович говорит будто грозитя.

— Что же вам дать, Иван Степанович?

— Дай-ко... Дай-ко ты мне самого Мичурина, вот что!

И он бережно принимает из Наташиных рук большую книгу в темнотелёном переплёте.

Народ расходится, вновь прибывает.

Практиканта Игоря Наташа допускает к полкам, пусть сам выбирает. Он приехал со старшего курса сельскохозяйственной академии на практику и временно заменяет зоотехника. Игорь высокий и тонкий, на деревенском солнце он загорел до черноты, и первые усики, пробившиеся на верхней губе, кажутся совсем светлыми.

В библиотеке раздаются восклицания: здороваются с Никитой Андреевичем.

— Спасибо, Наташа, за хорошую книжку,— говорит он и улыбается.— Понравилось мне, как там две души на тот свет шли: одна душа царская, другая душа крестьянская...

Председатель рассказывает и все хохочут; говорит он с затаённым лукавством.

— ...«Да ты, может, с голоду помер?» Это, значит, крестьянская душа спрашивает царскую. «Аль одежки у тебя не было и ты простыл?..»

Появление Анны Сергеевны прерывает рассказ:

— Здравствуйте! Здравствуйте, товарищи! — отвечает она окружающим и показывает книгу: — Вот это, Никита Андреевич, тебе обязательно надо прочесть...

— Покажи-ка,— председатель берёт книгу, читает: «Анна Саксе...»

— А тебя, Наташенька,— говорит Анна Сергеевна,— я попрошу одно место из книги переписать и повесить на стену, чтоб все прочитали. Оно у меня заложено... Там написано так: неверно думают, что жизнь это одно, а политика — другое. Жизнь — это и есть политика.

— Это правильно,— говорит Никита Андреевич.

— Жизнь это и есть политика! — повторяет Анна Сергеевна. — Вот, например, ты, председатель, живёшь в дрянном старом домишке, непокрашенном, ходишь в дырявой рубахе...

Никита Андреевич смущённо трогает пальцем дырку на рубахе.

— Утром сегодня говорила жена: переоденься, а я не стал — некогда. А насчёт дома — так мы с маткой люди скромные, нам и хватит... Семья небольшая...

— Плохо, председатель, считаешь! — смеётся Анна Сергеевна. — Или колхоз — не твоя семья? Или всем надо из глупой скромности жить в плохих домах? А в то же время в колхозе электричество, слушаем радио, смотрим кино, читаем книги... Вот и выходит, Никита Андреевич, что политика у тебя пегая: где по Лысенко и Вильямсу, а где и по дедушке Пахому... Одной ногой ты вперёд шагнул, а другую позади оставил! Очень верно, что жизнь — это и есть политика.

— Что-то уж очень круто берёшь, Анна Сергеевна! — смущённо посмеивается председатель. — Дырка на рубаше — и политика?!

— И дырка тоже! Раз председатель с дыркой ходит, давай и мы ходить распустёхами. Да если бы в одной рубаше дело!..

— Кто там курит? — строго спрашивает Наташа. — Курить выходите на волю...

Наконец, в библиотеке немного стихает. Председатель ушёл, ушли и остальные.

Теперь Наташа может немножко подумать: конечно, она знает, что жизнь — это и есть политика. Правильно! Только забывает, что ко всему надо быть внимательной. И сегодняшний случай в роще, и то, как провели комсомольцы рейд, и как живёт председатель, и как живёт тётя Клава — всё-всё...

Агроном Галактионова просит у Наташи книжку Лысенко и садится за большой стол, где мальчики всё ещё играют в шахматы и спорят.

— Разве так ходят? — слышен негодующий голос Толи.

— А я к тебе с просьбицей, Наташа!

У Наташиного стола стоит Шурка. Она нарядилась в шёлковое платье зелёного цвета, бронзовые волосы завиты крупными локонами, брови иссиня-чёрные, а губы такие красные, что Наташа незольно думает: неужели она их мажет? Шурка улыбается, а в зелёных глазах злость.

— Дай ты мне книжечку про любовь... Только понимаешь, Наташа, я хочу, чтобы любовь была счастливая, как полагается. Чтоб и прогулки, и поцелуи, разные там нежные слова...

Наташа молча достаёт книгу.

— Эта нас не устроит! — неторопливо говорит Шурка. — Это я уже читала: она сдуру легла под поезд. А я, Наташенька, ни топиться, ни резаться пока не собираюсь.

— Тогда возьми «Вешние воды» Тургенева. — Наташа не поднимает глаз и сама удивляется своей сдержанности.

Шурка берёт книгу, но не уходит.

— Я хочу, Наташенька, поступить к вам в драмкружок. Виктор говорит, что я похожая на артистку. А ты как считаешь?

Наташа поднимает глаза и с неожиданным спокойствием отвечает:

— Давно пора, Шура! И знаешь что: мы готовим сейчас Паустовского «Талые воды». Я скажу Игорю, чтобы он включил тебя, а то мне некогда. Будешь играть с Виктором. Вот, возьми, прочитай: роль Любы. Я скоро закрываю библиотеку: пойдём на репетицию. На!

Шурка растерянно берёт тонкую книжечку и тоже присаживается у большого стола. Она листает пьесу и подозрительно поглядывает на Наташу.

— Толя! — громко говорит Наташа. — Сдавай шахматы. Пора.

Мальчики шумно сваливают фигуры в ящик и спорят, кто выиграл последнюю партию.

Галактионова тоже встаёт:

— Я возьму, Наташа, речь Лысенко на юбилейной сессии. Можно?

— Пожалуйста, — отвечает Наташа и записывает в формуляр: «Лысенко, речь на сессии».

Потом она тушит свет в библиотеке. Все выходят, и Наташа запирает дверь.

— Пошли! — говорит она Шуру и спокойно идёт впереди.

В зрительном зале темно и пусто, гулко раздаются голоса со сцены. Сцена ярко освещена, на заднике намалёвана берёзовая роща, а сбоку стоят непокрытый стол, табурет, плетёное кресло.

Сейчас режиссёром в драмкружке Игорь. Он стоит перед сценой; сначала его видишь, как в театре дирижёра: голову и поднятые руки. Когда он выпрямляется во весь рост, Шурка фыркает, шепчет: «Тош, как хвощ!».

На сцене трое: Виктор, который исполняет роль молодого агронома Серёгина, Толя, играющий мальчика Паню, и Лёнька Белозёров; Лёнька играет деда Семёна, и, хотя репетируют без грима, он всегда нацепляет широкую белую бороду: «чтобы понять старика», объясняет Лёнька. На Лёньку трудно смотреть без смеха: борода на очень тугой резинке и, чтобы говорить, Лёньке приходится немножко оттягивать бороду рукой.

— Наконец-то! — говорит Игорь. — Мы думали, не дождёмся...

— Игорь! — отвечает Наташа. — Любу теперь будет играть Шура. Я не могу... Ну, понимаете, Игорь: не могу!

— Понимаю, — обижается Игорь. — Я тоже не могу, когда на каждой репетиции новые артисты. Делайте, Наташа, как хотите. А я ухожу...

Наташа уговаривает, просит; они долго спорят и в конце концов Игорь соглашается подготовить Шурку дублёршей. В первых спектаклях всё же будет играть Наташа; потом она может отказаться.

Наташа вздыхает и поднимается на сцену.

Виктор будто подавился, когда увидел Наташу вместе с Шуркой, вертит головой, расстёгивает ворот рубахи. Такой растерянный, что даже смешно.

Шурка усаживается в первом ряду; раскрывает книжку, чтобы следить за текстом.

— Начали! — говорит Игорь. Шурка шевелит губами, читает шёпотом.

Сейчас в пьесе деревенская девушка Люба будет рассказывать молодому агроному Серёгину о себе, как будто бы о другой девушке, своей знакомой...

Наташа смотрит на Виктора: у него в глазах детский испуг и ожидание... Не бригадир Ветёлкин, не агроном Серёгин, только мальчик. Витя! Витя!

— Начали! — снова говорит Игорь, и Шурка опять шевелит губами.

Наташа побледнела. Она глядит на Виктора в упор.

Виктор отводит глаза.

Люба. Для вас глупости, а для неё — нет. Сколько лет прошло. А она всё дожидается. Прямо безумная какая-то!

Серёгин. Вы правду говорите? (Виктор едва выговаривает: волнуется).

Люба. А зачем же мне так выдумывать? На что надеется — не пойму.

Серёгин. А где она сейчас?

Люба. Там... на озере... (замолкает). А должно быть трудно так ждать, как она? А может, и лучше ей, чем другим?

Серёгин (явно взволнован). Не знаю.

Люба. Лучше. Я знаю. Ждёт, надеется, и от этого нет-нет, да и забьётся сердце. И всё кругом так и зацветёт (Сдержанно и тихо смеётся).

Серёгин. Да... Смутили вы меня этим рассказом.

Люба. Чего же это?

Серёгин. Трудно мне будет теперь с ней встретиться. И неловко.

Люба (тихо). Ну, извините. Не знала. А то бы не сказала. Может мне её жалко...

Серёгин. Человека, чтобы полюбить, узнать надо. За глаза не любят. Так не бывает. (Люба снова низко опускает голову). Вы что? Опять плачете?

Люба. Нет. Чего ж плакать? Вы ведь правду говорите: так не бывает (Наташин голос становится совсем тихим). А всё-таки... а всё-таки, до чего ж это тяжело, чтоб потерять любимого...

— Таких слов в книжке нету... — растерянно говорит Шурка со своего места.

Наташа закрывает лицо руками. Проговорилась! Ох, и дура же... Что там кричит Игорь? Кажется, он вскочил на сцену, идёт к ней... Неужели догадался и пожалел? Ох, как стыдно!

Наташа вскакивает, чтоб убежать, но Игорь хватает её за руку, сильно сжимает.

— Наташа! — говорит он; голос у него срывается. — Наташа! Это же гениально! Вы настоящий талант! Вы не хуже Бабановой...

Наташа оглядывается. А Виктор? Виктор стоит в оцепенении; видно, старается понять. Вот я и попросилась с тобой, Витя! Теперь всё...

— Хватит, Игорь, — устало просит Наташа. — Я не могу больше репетировать... И отпустите руку, больно!

Игорь послушно выпускает её руку.

— А теперь идёте на волю, здесь душно...

Виктор делает шаг к ней. Наташа на него не смотрит.

— Ты, Виктор, проводи Шуру: ей далеко, темно. А мы пойдём с Игорем.

Они выходят. Игорь всё время говорит о московской артистке Бабановой, о театральной школе, о таланте, о том, что Наташе непременно нужно учиться... Наташа не слушает.

— Полно вам, Игорь, — говорит Наташа. — Ничего особенного не случилось. Только, знаете, мне сейчас не заснуть... Вон на берегу горит костёр. Пойдёмте туда.

— Это наши практиканты, — отвечает Игорь. — Они меня на костёр звали, да я шёл на репетицию. Но вы сами не понимаете, Наташа...

Наташа ускоряет шаг, а Игорь идёт рядом и говорит, говорит, говорит...

Над Волгой на обрыве горит костёр. Пламя струится, колеблется и сыплет искры; они улетают в темноту огненными жуками. Костёр трещит, как печка. Видны люди, сидящие у костра, а позади очертания рощи, высоких вершин. В тёмном ночном небе смутные пятна облаков.

Наташу встречают радостно. Здесь собрались все, кто приехал в колхоз на практику: Клара из сельскохозяйственного института в Чебоксарах, Зина из Тимирязевской сельскохозяйственной академии и два Вовки, кончающие курсы колхозных кадров; чтобы их различить, одного зовут Вовкой маленьким, хотя он и старше на шесть лет, другого Вовкой большим. Вовка большой носит пиджак, каждый день старательно смачивает волосы, чтобы гладко лежали. Вовка маленький ходит в синей сатиновой косоворотке, всегда немного встрёпанный и хлопотливый; вот и сейчас он шарит в темноте по кустам, собирает хворост, а потом подкидывает в костёр, присев на корточки. Пронзительный Зинин голос слышен издалека; говорит она всегда быстро и много смеётся, показывая крупные зубы. На Клару Наташа поглядывает с лёгкой завистью: ей хотелось бы быть такой! Лицо у Клары не то чтобы красивое, а ми-

ловидное, каштановые волосы вьются крупными кольцами, а главное, она спокойная и ласковая, простая к людям. Вот Клара, наверное, разбирается в людях.

Наташа боится, что Игорь станет рассказывать про репетицию.

— Хочу я спросить, товарищи, — говорит она, садясь к костру, — вот написано в одной повести, что девушка, доярка, влюбилась в секретаря райкома партии и потому сделалась стахановкой. Может ли так быть, чтобы это... от любви?

— Отчего же? — весело отвечает Зина. — Очень может быть!

— Нет, а всё-таки, — настаивает Наташа, — отчего люди хорошо работают?

Все смотрят на Игоря и ждут, что он скажет. Игорь не торопится.

— Причины, конечно, самые различные, — медленно произносит он, наконец. — Но мне кажется, что можно эти причины соединить в три основных группы... Одни хотят побольше заработать. Другим хочется выдвинуться, славы, они работают из честолюбия...

— Слышишь? Про тебя говорят! — Вовка маленький толкает Вовку большого.

— Отстань! — огрызается тот.

— ...и нередко хорошо работают. И, наконец, третьи работают из бескорыстной любви к своему делу. Это — самые золотые люди! Есть они, между прочим, и в вашем колхозе.

— По-моему... — быстро говорит Зина, поворачивая лицо то к одному, то к другому, — по-моему, по мере приближения к коммунизму первая группа всё больше будет переходить в третью... Ну, то есть, люди всё меньше будут заботиться о зарплатке и они просто полюбят свою работу. Ну, например, так, как академик Павлов любил науку. Или Циолковский. Или Мичурин.

— Верно! — Наташа даже смеётся от радости. — Вот хотя бы тётя Клава, свинарка... — И она рассказывает о том, что видела сегодня на свиноферме.

— А Иван Степанович? — напоминает Клара. — Мне рассказывали, что пока он был на фронте, в колхозе совсем не родилась капуста. А он вернулся и стал выращивать кочны по шестнадцать кило. По целому пуду кочан!

— Он интересно рассказывает, — перебивает Зина. — Говорит: капусту нельзя сажать, где есть подклучины; капуста любит, чтобы ноги были в тепле...

— Это где же, интересно, у капусты ноги? — спрашивает Вовка большой, и все смеются: не то над Иваном Степановичем, не то над ним.

Потом Вовка маленький печёт в золе картошку и угощает девушек.

— Я никогда в жизни не брошу свою работу! — говорит Клара.

— А если выйдете замуж? — спрашивает Наташа.

— И если замуж выйду, и если ребёнок будет, всё равно не брошу. По-моему, если не работать хорошо, так и жить не интересно. Просто скучно. Я так и мужу скажу.

Зина заснула у костра, свернувшись калачиком.

У самых высоких облаков резко забелели края, и оба Вовки сразу заспорили, отчего это: от луны или от рассвета? Вскоре становятся видны ближние кусты и даже деревья, их высокие стволы. Потом светлеет небо, и облака из серых, светящихся, становятся тёмными, тусклыми.

На Волге проезжают рыбаки, и по спокойной воде далеко разносятся плеск вёсел и голоса.

Первые птицы уже просыпаются и пробуют петь, голоса у них полусонные, негромкие.

Начинается новый день.

Река Черёмуха кружит по долине в глубоко промытом русле; кое-где она намыла песчаные отмели, а сама будто горная река, течёт, журча и болтая, среди неведомо откуда нанесённых камней.

Девочки переходят брод: они поднимают платья выше живота и осторожно идут в воде, ощупывая ногами дно. На девочках голубые и чёрные трусики. Одна несёт над водой резиновые сапоги, бережно прижимая их к груди. Выйдя на берег, девочка садится в траву и суёт тоненькие загорелые ноги в чёрные широкие сапоги. Потом все трое бредут в гору, к деревне.

Жарко. Ожили кузнечики.

У правого края долины Черёмуха, пенясь, скатывается по камням и подмывает кусты. Кусты нехотя, неодобрительно шевелят ветвями, свисающими над водой.

Чем дальше, тем стремительней течёт Черёмуха по узкому руслу между кустами, ревёт на подводных камнях. У левого берега, не ослабевая, пляшет седой бурун, отсюда тянутся пенные полосы, идут водовороты, и самый рёв воды здесь прерывистый, задыхающийся: будто река, ожесточённая и усталая, выговаривает что-то яростное, но невнятное.

С берега Наташе виден лежащий на дне валун: он похож на огромную потонувшую картофелину.

И откуда здесь столько камней?! Кругом просторные пшеничные поля с мягкой землёй и без единого камушка.

От жары всё больше и больше одолевает сон. Думать ни о чём не хочется, даже о Викторе...

Наташа не сразу замечает, что больше не слышно рёва воды. Удивлённая, она вдруг видит: река как будто поднялась выше, вздулась и затихла. Может, рухнул подмытый берег и загородил реку?

За поворотом Наташа останавливается. Она не верит глазам: Черёмуху перегородила плотина. На плотине возятся голые, загорелые мальчишки. Иные уже плавают в глубоком бочаге и радостно хохочут, ныряют. Кротовыми бугорками кажется на берегу мальчишечья одежка. Другие сидят на песке и что-то делают.

Наташа слышит знакомый голос:

— Мне плотичка, тебе плотичка; мне пескаржик, тебе пескаржик; мне синенькая, тебе синенькая...

— Веня! — окликает девушка.

Мальчишки разом вскакивают и бегут к одежде. Стесняются. Девушка улыбается.

— Одевайся, Веня, — говорит она. — Я подожду. Только быстро.

Но Веня уже подходит, засовывая рубашу в штаны.

— Что это вы сделали? — спрашивает Наташа.

Веня оборачивается, будто бы поглядеть, чем так удивлена Наташа. Хитрый, даже плечами пожал.

— Чего? Обыкновенная плотина...

— Кто же её построил и зачем?

— Кто же: мальчишки! Вон сколько нас. Ну, и построили. Чтобы купаться поближе было. Потому что председатель у нас такой... Вон в других колхозах давно построили гидростанции, плотины; там мальчишкам раздолье: купайся сколько хочешь! А наш взял да и подключился в государственную сеть.

— Ну что же, и правильно сделал, — говорит Наташа.

— Всё равно. Все мальчишки недовольны нашим председателем... Как мы строили? Обыкновенно: из луговины. Ну, срежем дёрн с корнями да и кладём. А сверху ещё. Сложили такую плотину: вы встанете

да руку подымет — как раз. А позади плотины положили камни. Всякие, кто какой подымет. Ничего не протекает. Правда, вершина неширокая, вот такая: только одному пройти. Теперь купайся как хочешь: где по шейку, где по грудки. Теперь здесь будут шуки водиться...

— А кто придумал плотину? — допытывается Наташа.

— Кто придумал? Все придумали. А больше всех Паша. Ну, сначала-то, конечно, вода поверх плотины шла; потом прорвалась в одном краю, сверху, там и стекает лишняя. Понемногу. Мы так и оставили...

Теперь Наташа слышит: вода как будто поёт, струя с высоты падает в камни водопадом.

— Молодцы! — говорит Наташа. — А девочки не строили плотину?

— Нет, девчонки нам не помогали, — отвечает Веня. — Да им зачем? Они на глубоком и купаться не станут. Одни мальчишки строили.

Наташа объясняет Вене, зачем его искала: он был книгоношей, а теперь Наташа просит его ещё читать книгу пастуху Хромову: сам-то Хромов плохой отец: ленивый.

— Ну его! — недовольно говорит Веня. — Скучный он какой-то... Задудит в свой рожок и всё одно и то же, одно и то же, как всё равно снегирь... Неохота мне...

Приходится сказать, что это комсомольское поручение ему, пионеру... Озадаченный, Веня переступает с ноги на ногу.

— Если поручение... — наконец соглашается он.

— Только смотри, — предупреждает Наташа, — никому не болтай. Даже Толе.

Веня обижается.

— А много мальчишки болтают? Ты вот слышала про нашу плетину, пока не пришла?

— Нет! — признаётся Наташа и вспоминает загадочные Толины слова. — Военная тайна?

— Ага. Что нам, по радио, что ли, объявлять? Чтоб пришли взрослые и помешали?

— Значит, никому ни слова! — повторяет Наташа

Ей больше не хочется спать. Она улыбается.

8

Сад начинается за мостом у края оврага; от большой дороги он заслонился высоким забором.

Наташа открывает калитку.

Заросшая травой дорожка уходит в глубь сада. Неподвижно стоят молодые яблони: не шелухнётся листик. Здесь затишье. В междурядье пышной щёткой растёт овёс. Наташа вспоминает: она где-то читала, что в саду нельзя сеять зерновые, вредно для деревьев... Почему же посеяли? Надо будет сказать тёте Тане... Татьяне Павловне Зубревой, садоводу.

У сторожки, уронив оглобли, стоит пустая телега. В полутёмной, сумрачной сторожке никого нет.

Постояв в раздумье, Наташа решает идти наугад.

Из-за кустов смородины, разговаривая, выходят Татьяна Павловна и Виктор.

— ... С той стороны, — объясняет на ходу Татьяна Павловна, — от леса-то, и вовсе нет огородки. Как-то раз не доглядели пастухи, стадо и вломилось в сад; еле выгнали! Вы бы, Виктор Михайлович, помогли нам хоть поставить хорошую огородку.

— Это мы сделаем, Татьяна Павловна, — отвечает Виктор. — Здравствуй, Наташа!

Наташа здороваётся; она не ожидала встретить Виктора в саду и, захваченная врасплох, чувствует, что покраснела.

— Вот и хорошо, Наташенька, что пришла! — ласково говорит Татьяна Павловна. — Как раз кстати... Помогите вы мне, товарищи молодёжь, чтобы стало внимание к саду. Нельзя же так!

Она показывает сломанную ветвь и говорит, что председатель не хочет держать сторожа, а когда она, садовод, стала уж очень приставать, то сказал, осердясь: ищите сторожа сами! А как она найдёт? Никто и не соглашается. Приходится самой бегать, сторожить... Да разве сбережёшь одна?

— И сторожа найдём! — с воодушевлением говорит Виктор и смотрит на Наташу. — Вот хоть бы Сергеевича из Погорелок... У него и собака есть, Волчок.

— Мы с Анной Сергеевной поговорим! — горячо вмешивается Наташа. — И на общем собрании.

Она замечает, что сказала «мы», и снова краснеет, опускает глаза. Татьяна Павловна ведёт их на грядки, приседает, руками разгребает земляничные листья. Грядки заросли жёлтыми и белыми цветами. Татьяна Павловна вздыхает:

— Надо бы третью прополку сделать, да некому... Всего-то в нашей бригаде шесть старух да я. А по такому саду надобно не меньше, как десятерых работников: по одному на каждый гектар плодоносящего сада, или на два гектара молодого сада, или на полгектара ягодника. Вот и считайте!

Виктор вытащил затрёпанный блокнот и записывает.

— Татьяна Павловна, — говорит Наташа, — я получила новые книги: там есть по садоводству. Зашли бы посмотреть...

Татьяна Павловна благодарит и спохватывается:

— Надо съездить за ядом; будем опрыскивать против боярышницы. Она уходит.

— Наташка! — вполголоса окликает Виктор и в голосе слышна тревога. — Что приключилось? Чего ты такая?..

— Сам знаешь, — тихо отзывается Наташа; она опустила голову.

Виктор подходит осторожно, как к птице, будто боится спугнуть.

— Если ты оттого, что я будто бы с Шуркой...

Наташа резко вскидывает голову.

— Не надо, Виктор! Замолчи!

На мгновение в глазах Виктора мелькает нерешительность, сомнение, но он сдвигает брови и говорит охрипшим, отчаянным голосом:

— Сам не знаю, как вышло... А только не надо её мне!

— Шура хорошая девушка! — твёрдо говорит Наташа. — Красивая, весёлая, работающая!..

— Наташка! — в отчаянии восклицает Виктор. — Да не надобно мне никого! Я ж тебя люблю, Наташка, Наташенька... Ласточка моя!

Виктор протягивает к ней руки. Наташа отступает.

— Потом! Как-нибудь потом, Виктор, — говорит она упавшим голосом, — поговорим...

— Не могу я ждать! — Виктор чуть не плачет.

— На-та-ша! — кричит от сторожки Татьяна Павловна. — Сейчас лошадь пойдёт. Садись: подвезёт.

Наташа уходит; она чувствует, что Виктор глядит вслед, и под его взглядом, как под солнцем, начинают гореть уши и шея, потом щёки. И всё-таки она не оборачивается.

В колхозе обеденный перерыв начинается в полдень и кончается к трём часам: хозяйкам надо вернуться с поля, иной раз километра за два от деревни, сходить в стадо и подоить корову, процедить и убрать в погреб молоко, покормить детей и поесть самой, помыть посуду, задать корм поросёнку и курам и снова идти в поле за два, а то и за три километра; меньше чем в три часа не управиться! Но комсомольцы не очень обременены домашним хозяйством, и Наташа решила созвать их в обеденный перерыв.

Собрались в клубе, в комнате позади зрительного зала. Здесь висят большие листы зелёной настольной бумаги с наклеенными картинками из «Огонька», «Смены», «Молодого колхозника», неровным Наташиным почерком на листах написано: «Картины русских художников», «Картины советских художников», «Женщина СССР», «Мир победит войну».

Комсомольцы рассаживаются у длинного стола, покрытого кумачом, и у стен на стульях с высокими спинками.

После того, как Виктор сообщил выводы рейда, поднялась с места Наташа. Она стоит чуть-чуть хмурясь, ждёт, когда стихнут разговоры.

— Признаться надобно, товарищи, что мы не справились с проверкой по животноводству. Проверjali впопыхах, как всё равно городские гости. Те же приезжают ненадолго, а нам не к лицу. Один только Леонид, — Наташа мельком взглянула на Лёньку, — хорошо проверил птицеферму. Теперь второе: мы пропустили очень важный участок — это пастухов. В решении правительства написано, что пастух — важная профессия. А мы о пастухах забыли. Тут виноват, я считаю, Виктор. потому что он руководит производственным сектором...

— Сто раз говорил, что мне некогда, — прерывает Виктор. — Свет клином сошёлся на мне, что ли?!

— Об этом разговор после... Чего же, товарищи, хоят пастухи? Вот хотя бы дядя Митя с красненковской фермы... Он говорит, что когда рубили лес, побросали вершинник и сучья, они заросли крапивой так, что не видать, и коровы охлестывают себе вымя, проходя сквозь такие заграждения.

Игорь перестаёт рисовать домики:

— Можно сказать?

— Можно.

— Хозяйкам всё равно топить печи. Попросите их, чтобы чаще посылали ребят за хворостом. И всё!

— В ближнем лесу уже собрано, — отзывается Галактионова. — А в дальний кто же потащится...

— Попросим бригадира, чтоб давал иногда лошады!

Игорь смотрит на Виктора и тот соглашается:

— Это можно... когда лошади свободные.

— Так! — говорит Наташа. — Ты запиши, Даша, предложение Игоря.

— Уж и так записываю... — ворчит Даша: она не любит вести протокол и теперь чувствует себя обиженной.

— ...Только чтобы не очень часто! — договаривает Виктор.

— Дядя Митя жалуется на лишний прогон скота, — продолжает Наташа. — А почему? Потому что председатель разрешил пустить в стадо сколько-то частных коров. Доярки — те могли бы приехать на полдник, а хозяйкам бегать далеко. Получается большой прогон.

Игорь записывает себе, что надо поговорить о больших прогонах.

Наташа рассказывает, как жалуется дядя Митя, что он пасёт ещё

недавно, второй год, и не знает трав; что в лесу есть вредная трава, от которой болеют и коровы, и дядя Митя.

Галактионова оживляется:

— Интересно! Надо будет сходить, пусть покажет... Пойдёмте вместе, Игорь; вам тоже не мешает посмотреть как зоотехнику.

— Пойдёмте...

— А он тоже траву ест, твой дядя Митя? — смеётся Лёнька. — Как понять, что он делается больной?

— У него голова болит от запаха, — строго отвечает Наташа. Потом, что-то вспомнив, смотрит на Галактионову.

— Жалко, дядя Мите нельзя отойти от стада! Может быть, Нина Павловна, когда вы пойдёте с Игорем, расскажете дяде Мите про травы? Хоть немножко...

— Конечно, расскажу.

— Теперь, чтобы уже покончить с нашей проверкой, есть у меня заявление Виктора, чтоб его освободили от производственного сектора.

— Прочитай заявление! — требует Зина.

— А может, не надобно читать? По-моему, и так ясно: тут мы тоже не досмотрели... Виктору не по силам сразу две такие работы...

— Выходит, ты слабосильный, Виктор? — спрашивает Лёнька. — И ты не обижаешься?

— Уже начал привыкать! — ворчит Виктор. — Я теперь самый нужный человек в колхозе: без меня и ругать некого.

— Это на пользу! — смеётся Зина. — Зайца по ушам били, он стал спички зажигать.

— Смешного мало! — хмуро останавливает Наташа. — Виктор — комсомолец, нам всем отвечать за него. А тебе, Виктор, стыдно: у комсомольца, особенно у парня, должно быть мужество, чтоб не обижаться и признавать, в чём ты слабый.

— У тебя-то оно есть, мужество? — угрюмо спрашивает Виктор.

— Есть! — Наташа невесело усмехается. — Видишь: не обижаюсь, а стараюсь поправить.

И Виктор замолкает: ему кажется, что Наташа говорит об их нарушенной дружбе. Даша взглядывает на него, торжествуя; он отворачивается.

— Так что же, товарищи, освободим?

— Ясно, освободим! — радуется Даша.

— А кого же выберем? — спрашивает кто-то.

Поднимается шум. Предлагают Леонида, Дашу, Марусю из пятой бригады, Альбину с молочной фермы. Спорят. Даша и Альбина отказываются. Наконец, решают: поручить Леониду.

— Завтра, Лёня, прими у Виктора производственный сектор, — говорит Наташа. — Теперь, товарищи, переходим к самому главному. Что мы проверяли? Как чисто на фермах, да когда сдают отчётность по удоям, да кто опаздывает... А позабыли, что у нас плохо с кормами! Мне указал на это Никита Андреевич. Говорит галстук вы мне псправляете, а сапоги у меня худые... Я, товарищи, целиком признаю свою вину. Председатель просил нас подумать, чем мы сможем помочь с кормами. Послушаем, что нам объяснит товарищ агроном Галактионова. Нина Павловна, пожалуйста!

Наташа садится, берёт карандаш и смотрит на Галактионову; сейчас у Наташи вид прилежной ученицы: словно приготовилась записывать урок.

Галактионова встаёт.

— Вы все знаете, товарищи, — говорит она, — что в этом году пло-

хой кормовой баланс: травы не уродились, сена накошено мало. Что ещё не поздно сделать? Ещё можно закладывать силос, используя такие травы, которые в свежем виде не поедаются скотом, например осоку. Затем необходимо увеличить заготовку веточного корма.

— Вот бы школьников поднять на заготовку веток! — вставляет Игорь.

— Верно! — Галактионова улыбается Игорю и на мгновение забывает, что хотела сказать. — Да... Так вот: во время молотбы надо позаботиться, чтобы лучше сохранить мякину и, конечно, солому. За последние годы мы забыли, что ими тоже можно кормить скот: солома, если порубить и запарить, да ещё подсолить, поедается неплохо. Мякина — и того лучше; она и питательней. Кроме того, для улучшения кормового баланса, — правда, уже не в этом году, — мы начинаем ускоренное залужение суходольных лугов и пастбищ. К сожалению, в этом году сенокос был поздний, и мы успеем сделать залужение лишь на небольшом участке в бригаде Титова.

— Как это понимать — залужение? — спрашивает Виктор и вытаскивает из кармана затрёпанный блокнотик.

— Что такое залужение? — переспрашивает Галактионова. — Это, видите ли, превращение поля, — ну, например, пастбища в луг. Делают это так...

Она объясняет, а Виктор записывает.

— А что от этого будет?

— Залуженное поле шесть лет подряд даёт по сорок пять — сорок шесть центнеров сена с гектара.

— Дельно! — Виктор оживился. — Ты вот что, Наташа... Ты там записала, что я дам лошадь возить хворост. Ты это вычеркни: не дам я лошади!

— Да ты что?! — негодует Наташа. — То дашь, то не дашь... Смеёшься ты, что ли?..

Ропот проходит ко комнате:

— Зазнался наш бригадир! Ишь какой хозяин!

— Да что с ним разговаривать! — кричит Даша. — Записано и всё... Все слышали, что сам обещал? Все. Пусть только не выполнит!

— погоди, Даша — останавливает Наташа. — Почему ты не можешь дать лошадь, Виктор?

— Не могу!.. Завтра я пошлю лошадей дисковать луг возле Попыткина: пока есть свободные люди, до массовой уборки.

— Надо бы дисковать трактором, товарищ Ветёлкин, — говорит Галактионова. — Это вам не пахотный слой, а целинная земля...

— Тракторов у меня нету: тракторы вы с председателем послали к Титову...

— А где ж ты золу возьмёшь? — спрашивает Лёнька.

— Попрошу у хозяек... А может, и ещё что-нибудь придумаем...

Виктор говорит многозначительно.

— Я считаю, что Виктор прав! — заявляет Игорь. — Много сделать он не успеет, а всё-таки...

— Как же быть с хворостом? — спрашивает Наташа.

Все молчат.

— Пускай дядя Митя костры жжёт... — предлагает Зина.

— Это не по-хозяйски! — протестует Даша.

— Да уж ладно! — снисходительно говорит Виктор. — Я скажу в мастерской, чтобы сделали ручную тележку. Хворост — он негрузный, не брёвна! Колёса-то у них есть...

— Ты перепиши там, Даша...

— Вот всегда у нас так, — ворчит Даша. — Не успели записать, уже переписывай...

— Ты бы заодно уж записала, — говорит Виктор, — что, мол, бригадир Ветёлкину поручается по предложению агронома Галактионовой с завтрашнего дня начать дискование поля возле Попыткина.

— Это мы подождём! — сухо отвечает Наташа. — Надо ещё поговорить с Никитой Андреевичем: как он... А теперь давайте запишем, кому за что отвечать.

— Побыстрой бы, — просила Даша. — Пообедать не успеем.

10

Рано утром через деревню проехали три босоногих «всадника». Горяча воображаемых коней, они остановились недалеко от Наташиного дома. Кони ржали мальчишескими голосами и били пятками землю; меняя голос, всадники строго кричали: «Тпр-р! Балуй!» И пятились, подпрыгивая и кружась, натягивая невидимые поводья. Увидев Наташу, мальчишки поздоровались.

— Куда собрались, ребята? — спросила Наташа.

— В лес. Ветки собирать для скотины, — ответили мальчишки и побежали дальше, поднимая пыль и гикая.

Позднее проследовала, галдя, толпа строителей Черёмухинской плотины во главе с Веней и Толей: они тоже шли в лес.

Анна Сергеевна живёт одна в маленьком домике; домик стоит неогороженный, на задах деревни, а немного в стороне, за ветхим забором — небольшой сад и огород Анны Сергеевны: шесть яблонь, сливы, смородина, грядки с луком, морковью, картошкой.

Наташу встречает рыжая собачонка Тайна. Она сегодня недовольная, её замучили мухи. Лает она неохотно, и голос у неё как будто заржавел, хриплый.

— Как тебе не стыдно, Тайна! — говорит девушка с укором. — Не узнала?

Собачонка смущённо машет хвостом.

Анна Сергеевна ещё топит печку и собралась мыть полы: стоит ведро с горячей водой:

— Решила сегодня спечь булочек да сварить чего-нибудь, надоело жить всухомятку! — объясняет Анна Сергеевна. — Да полы надо помыть, грязные. И вот — не успеваю. Не рада, что и затеяла.

— Давайте помогу! — предлагает Наташа.

Она снимает платье и бережно вешает на спинку кровати, туфли выставляет за порог, в сени. Босая, в сорочке и чёрных штанишках, она звучно шлёпает мокрой тряпкой и моет, пятясь, полы. Анна Сергеевна возится у печки и с улыбкой поглядывает на голые Наташины ноги: полные и белые выше колен, а внизу загорелые и в царапинах, как у мальчишки.

— Встретила дядю Николая, — рассказывает Анна Сергеевна, время ухватом. — На тебя жаловался. Приставила, говорит, Наташа ко мне мальца; ходит, говорит, он за мной, как всё равно овца, и зудит: «дядя Коля, давайте почитаю! Дядя Коля, давайте почитаю!» Уж я, говорит, и так, и сям: и орехами угощал, и даже, говорит, старый рожок ему подарил. А он всё оставляет без внимания! Такой, говорит серьёзный паренёк. И про что же, спрашиваю, он вам читает, дядя Николай? Про настоящего человека, отвечает. Какие, говорит, люди бывают на свете: упорные!

Наташа, улыбаясь, выпрямляется и голой рукой, у локтя, вытирает лоб; волосы у неё растрепались, лицо покраснело. Анна Сергеевна любителю девушкой.

— Вот бы мне такую дочку! — с доброй завистью говорит она.

Печь истоплена, и пока высыхают полы, они выходят посидеть на крыльцо. Тайна ложится у нижней ступеньки и громко вздыхает.

Анна Сергеевна спрашивает:

— Последние дни ты изменилась, Наташа. Что с тобой?

— С тем и пришла к вам, — тихо отвечает Наташа; она рассказывает обо всём, что было. Анна Сергеевна сидит неподвижно и смотрит на склонённую Наташину голову. Наташе немножко стыдно. Не выдержав, она закрывает лицо руками и, ткнувшись в колени, приглушённо рыдает.

Анна Сергеевна гладит вздрагивающую Наташину голову.

— Полно, девочка! — тихо говорит она. — Это горе — всё не горе, как написано в «Царе Салтане». Постой! — прерывает она себя. — Ты его любишь?

— Да, — отвечает с трудом Наташа. — Да! Прежде я и сама... и сама не знала...

И рыдает ещё горше.

— Вот мы какие, — тихо говорит Анна Сергеевна. — Как обидел, так и поняли, а прежде не знали.

Понемногу Наташа затихает; достаёт платок, вытирает глаза.

— Ничегошеньки... Как есть ничегошеньки не понимаю в людях! — горько говорит она. — А ко мне ещё приходят за советом. Ты, говорят, комсомольский секретарь...

Так начинается долгий, искренний разговор на ступеньках крыльца ранним утром. Из раскрытой двери пахнет мокрыми полами. За ветхим забором неподвижно стоят яблони, отсюда видны среди листьев темно-зелёные, со смуглым румянцем, яблоки. Небо зеленоватое, прозрачное, очень высокое и чистое до самого края. По ту сторону Волги, за домом, поднимается солнце: длинные тени протянулись по траве, по стоптанной узкой дорожке, легли, сломавшись, на забор.

— ... Даша, конечно, не права, — говорит Анна Сергеевна. — Говоря по правде, мне всегда подозрительны те, кто считает людей плохими. Ведь это что значит? Это скидка самой себе: всегда готово оправдание. Дешёвые эти люди, Наташа, и, в сущности, вредные. Первое, в чём они лгут, в представлении о том, как ведут себя «все». Обычная ошибка! Послушай, о чём чаще всего говорили: кто кому изменил, кого обманул, где был пожар, об утопленниках в Волге, кто заболел или запил... Редко-редко скажут: вот, мол, как хорошо живут Ваня с Марусей, душа в душу. А почему? Да потому, что плохое требует общественного вмешательства, с плохим мы не можем мириться. А в хорошее не вмешиваются. Хорошее — это норма, тут исправлять нечего. И это правильно, исправлять хорошее, конечно, не приходится. Но говорить о хорошем необходимо. Иначе глупые люди, вроде Даши, думают, что в жизни только и есть, что пожары, измены, утопленники, пьянство... Но ты посмотри, как всё меняется — всё чаще говорят о хорошем: стали говорить, что, мол, сегодня Шура сжала пятнадцать соток. Она всё-таки очень способная, Шура-то. А Виктор — тот и ещё способнее.

Наташа поднимает глаза, слушает внимательно.

— Виктор, несомненно, хороший парень, Наташа. Только он излишне самоуверенный, самолюбивый. И эгоист. В одной из статей Горький сказал, что предатели вырастают из честолюбцев, из эгоистов.

— Виктор не предатель! — горячо протестует Наташа.

— Я и не говорю, что он предатель. Хотя с какой-то точки зрения его поступок с тобой всё-таки небольшое предательство. Но, видишь ли, Наташа, честолюбивые эгоисты — это всегда ненадёжные люди... Игорь тебе сказал очень верно, какие люди лучше в работе. Верно, что желающие заработать у нас постепенно приучаются любить самый труд. Честолюбцы хуже: их привлекают не труд, а слава и первое место. Им всё равно что делать: лишь бы первое место.

Наташа слушает и глаза у неё становятся испуганными.

— Если бы вместо тебя сейчас сидел Виктор, — говорит Анна Сергеевна, — ты знаешь, что я сказала бы?

— Что?

Наташа затаила дыхание.

— Я сказала бы: добивайся Наташи! — Анна Сергеевна улыбается, глядя, как вспыхнула, как растерялась Наташа.

— ... С тобой он бы, конечно, пошёл по хорошей дороге. Мог бы стать золотым человеком... А вот тебе я так сказать не могу: тебе легче и лучше было бы с кем-нибудь другим. Например, с Игорем...

— Ой, что вы!

— Конечно, если бы ты любила Игоря. Но ты его не любишь, значит нечего и говорить.

Анна Сергеевна вздыхает.

— Вот так поглядишь: самые неподходящие люди вдруг влюбляются! Потом спохватятся, да поздно: семья, дети... Хорошая семья — половина успеха в жизни. А для Виктора и больше половины.

Помолчав, Анна Сергеевна спрашивает:

— Что же у нас получается?

И Наташе кажется, что она снова ученица в классе, и Анна Сергеевна стоит у школьной доски.

— Получается, что в самом для тебя важном помочь нельзя: надо решать самой.

Анна Сергеевна встаёт.

— А теперь, Наташа, пойдём в поле: пора. Сегодня должны пустить самоходный комбайн. Ты видела его в работе? Умная машина...

Закрыв дверь, Анна Сергеевна просовывает палочку в пробой для замка, чтобы люди видели: хозяев нет дома.

Они сходят с крыльца.

— А к Игорю ты всё-таки приглядишься...

11

Началась уборка хлебов. В поле стрекочет и судорожно машет деревянными крыльями жнейка: то быстрее, то медленнее. И у опушки берёзовой роши, и дальше в поле уже стоят вразброд суслоны; между ними ходят женщины в белых платочках. Анну Сергеевну окликают.

— Да что ж это, Анна Сергеевна! — укоризненно говорит пожилая женщина. — Опять мы добрых полчаса ждали: не ладится жнейка да и всё! Дядя Федя бился с ней, бился, пока исправил...

— Дурная это машина — жнейка! — вздыхает Анна Сергеевна. — Да и старая она. А новую покупать будто бы и не стоит... Наташа! Ты пройди пока дальше, к Талице, там полёгший хлеб жнут. А я тут выясню, в чём дело, и тоже приду...

Наташа идёт вдоль опушки.

— Наташа! Присядь на минутку...

В тени под берёзами сидит Шурка; серп лежит рядом в траве... Лицо у Шурки пышет жаром, платок сбился на затылок. Она сидит, разбросав ноги, и не замечает, что подол завернулся выше колен. Ната-

ша опускается на траву, подбирает под себя ноги и прикрывает их платьем.

— Что тебе?

— Чего я хочу спросить, Наташа, — говорит Шурка и рассматривает её. — Вот тогда в клубе ты сказала слова, которых нет... Это как же: разве так разрешается в театре?

Наташа опускает глаза:

— Просто я забыла, что дальше...

— Угу! — Шурка продолжает рассматривать Наташу. — А у тебя получилось здорово! Никто и не заметил, что ты врешь. И я б не заметила, если б не книжка... Здорово! Твой Игорь прямо с ума сошёл от радости...

— Никакой он не мой... — сдержанно возражает Наташа.

— Ох и притворёха ты! — смеётся Шурка. — Уж будто не знаешь, что Игорь в тот вечер влюбился! А раз влюбился, значит ты ему хозяйка. И всё!

— Брось выдумывать, Шура.

— Ты лучше не спорь: сама знаешь, что правда, — Шурка оживает. — Теперь тебе надо в театральную школу, а ещё лучше в Москву... Видно, правду говорят: не родись красивой, а родись счастливой! Ещё знаменитой артисткой станешь. Встретишь — не поздороваешься.

— Чепуха это. Никакая я не артистка.

— Игорю лучше знать: он всех московских артисток перевидал. А как он тогда вскинулся! Я думала, ручки тебе расцелует... И нечего тебе сомневаться: поезжай и всё! Чего ты в колхозе не видала? Так и будешь выдавать книжки до седых волос... Радость какая!

— Что кому милее... — возражает Наташа.

— Брось, пожалуйста! Наденут тебе шёлковое платье, вишнёвое, приколят розу, выйдешь ты на сцену: Кармен. Или какой-нибудь королевой в короне и с бриллиантами. И чего ты ломаешься? Поезжай и всё! Игорь тебе поможет: у его родителей квартира, он всех артисток знает, покажет где какая есть школа...

— А ты чего не работаешь? — спрашивает Наташа. — Заболела?

— Вот уж и знать не знаю, как это болеют! Просто остываю в холодочке.

— А другие жарятся?

— Другие жарятся. Вот как они догонят меня, я из холодочка выйду и опять их обгоню. Ты знаешь, сколько я вчера сжала? Пятнадцать соток! Без одной сотки две нормы. А твоя Дашка сжала десять соток. Другие и того меньше... Я захочу, так и двадцать соток сожну!

— А ты не хочешь? Так, что ли?

— Очень мне нужно: руки-то у меня свои, не выданные. Чего мне из кожи лезть, если я и так впереди?

— Ты что же, только из самолюбия работаешь, для себя?

— Из чего бы ни работала, попрекать нечем: не в своём огороде роюсь, убираю колхозный хлеб!

— А про то ты не думаешь, что ведро ненадолго, что опять начнутся дожди? Если во-время не уберём, придётся жать под дождём... Хлеб попортим!

— Чего ж я одна стану про то думать: пускай все думают! Вот пусть твоя Дашка выжнет пятнадцать соток, тогда я сожну двадцать. И всё.

— Так настоящие стахановцы не поступают. Настоящие стахановцы ещё других учат, стараются, чтобы все...

— ...Ты ко мне не придирайся! — Шурка бледнеет. — Я знаю, чего ты ко мне придираешься! Я зна-аю... Скажешь, не ты научила Дашку, чтоб она сплетни распускала про меня с Виктором?

Наташа вспыхнула:

— Дура ты после этого!..

— Здравствуй, Шура! — к ним подходит Анна Сергеевна. — Вы чего не поделили, девушки?

Негодую, Наташа рассказывает. Шурка молчит, поглядывая на них исподлобья.

— Не понимаю, чего ты горячишься, Наташа! — строго говорит Анна Сергеевна. — По-моему, всё ясно. Надо выпустить «молнию»...

— Ну и выпускайте... — бормочет Шурка.

— ... Что вот, мол, вчера Шура сжала пятнадцать соток, больше всех! А сегодня она вызывает на соревнование Дашу и других жниц и обязуется сжать двадцать соток. Так ведь, Шура?

— Так, — хмуро отзывается Шурка.

— И сегодня же надо «молнию» вывесить: одну на крытом току, вторую в конторе. Поговори сейчас с Дашей и с другими, а я пока отдохну здесь, с Шурой. Жарко...

Наташа уходит в заставленное суслонами широкое поле. Уходя, Наташа слышит, как Анна Сергеевна говорит Шурке: «И где ты, Шура, так научилась жать?..» Ответа Наташа уже не разбирает... Противная эта Шурка: выдумала, что Наташа подучила Дашку! А спорить нельзя: в конце концов, от кого узнала Дашка? От неё же, Наташи. Вот и выходит, будто бы она виновата!

Поле залито жарким солнцем. Короткие, ненадёжные тени прячутся за суслонами.

Даша жнёт, не разгибаясь.

— Даша! — окликает Наташа. — Постой минутку. Дело есть.

Даша выпрямляется, вешает серп на плечо, снимает с головы платок и вытирает им потное лицо, потом повязывает снова.

— Шурка вызывает тебя на соревнование, — строго говорит Наташа.

— А я её и знать не хочу, твою Шурку! — зло отвечает Даша.

— Она не моя, — усмехается Наташа, — наша общая. Так как же ты, комсомолка? Отказываешься от вызова? Анна Сергеевна велела выпустить «молнию»...

— Всё равно за ней не угонишься... Жнёт как бешеная. Как ещё пальцев себе не поотрезывала...

У Даши на левой руке мизинец обмотан тряпочкой.

— Порезалась?

— Зацепила немножко... Всё равно выйдет один позор. С меня и того хватит, что ты мне подкинула: выставила лгуньей за чистую правду!

— Я тебе доверилась, а ты пошла разносить. Подруга! — горько говорит Наташа. — Вот Шурка меня попрекнула, что я подучила тебя...

— Ты?! — Даша смущена. — Вот змея!

— Так что ж написать в «молнии»?.. Шурка обязалась выжать двадцать соток, если ты выжнешь пятнадцать.

— Ишь ты: фору даёт! — Даша колеблется. — Всё равно мне не выжать... Вот если б косить: я б с ней потягалась!

Наступает молчание.

— Чего это огородник явился? — удивлённо спрашивает Даша и смотрит из-под ладони.

От роши к ним идут Иван Степанович и Анна Сергеевна. Бригадир огородников несёт на плече короткие грабли и короткую косу.

— ...Вот я и решил помочь полеводам, Анна Сергеевна! — доносит-ся бас огородника. — Может, им пригодится...

— Правильно, Иван Степанович, правильно! — отзывается Анна Сергеевна; она здороваётся с Дашей и спрашивает:

— Ну как?

— Да что, Анна Сергеевна, — сумрачно говорит Даша, — мне против Шурки не выдюжить. И выйдет один срам... Вот если б косить!

— А косишь ты хорошо? — спрашивает Иван Степанович.

— Кого хочешь спросите! Вот на косьбе я б ей показала, где раки зимуют!

— Добре! — усмехается огородник.

Другие жницы оглядываются на них — любопытствуют. Анна Сергеевна машет рукой, сзывает. Понемногу собираются все.

— Ну смотрите, товарищи полеводы! — говорит Иван Степанович.

Он делает перевясло и кладёт на землю, потом с граблями в левой руке и косой в правой подходит к хлебу; граблями, как гребёнкой, он приподнимает пшеницу, подрезает косой и, стиснув между граблями и косой, кладёт на перевясло. И так шаг за шагом, быстрее и быстрее...

— Видали? — спрашивает он, остановившись.

— И сколько так можно убрать за день?

— Вдвоём, если один косит, а другой за ним вяжет, можно убрать до гектара в день!

Наташа хватает Дашину руку:

— Давай попробуем? Вместе...

— Давай! Уж тогда мы Шурку укоротим...

— Ты себе даже не представляешь, Дашенька, как это важно! — взволнованно говорит Наташа. — Это будет хо-орошее воспитание характера для Шурки... Честолюбцы — самые ненадёжные люди...

— Её бы прутом воспитывать! — ворчит Даша.

Наташа тут же просит Ивана Степановича обучить её. но вмешивается Анна Сергеевна: говорит, что учить надо основные кадры полеводо-в, например Дашу, а Наташе это ни к чему — всё равно больше одного дня она не может работать на уборке: у неё есть свои обязанности. Наташа пробует спорить, но приходится уступить, и огоро-дник начинает учить Дашу. Неловчиво усмехаясь, жницы смотрят, как неловко орудует Даша граблями и короткой косой.

— Высоко срезаешь! — ворчит Иван Степанович. — Ниже бери. Ниже! Да косу-то не так держи. Эх, голова садовая!

— Дашенька, милая! — умоляет Наташа. — Ты только не отступай-ся, не бросай, учись... Это только сначала трудно.

— Ничего, привыкнет! — усмехается Иван Степанович.

Тем временем Шурке надоело сидеть одной на опушке да издали смотреть на собрание в поле. Она неторопливо поднимается и подхо-дит ближе.

Анна Сергеевна спрашивает:

— Как ты, Дашенька, принимаешь вызов на соревнование?

— Ага! — односложно отвечает Даша.

— Какие же будут условия?

— Да что ж... — говорит Даша, — мы станем работать вдвоём с вязальщицей и обязуемся в день выжинать... — Даша колеблется, — ну, полгектара, что ли!

— Пятьдесят соток? — Шурка поражена. — Басни! Вы им не верь-те, Анна Сергеевна: это они собираются обмануть...

— Как тебе не стыдно! — вспыхивает Наташа, но Анна Сергеевна перебивает:

— Никакого обмана. Даша будет убирать хлеб по-новому: маленькой косой и граблями. Ты тоже, может быть, хочешь научиться?

Шурка колеблется: в сомнениях смотрит она на косу, на грабли, на Дашу, на Ивана Степановича.

— Я уж своим, горбатеньким! — говорит она, наконец.

Глухой и мощный рокот мотора заставляет всех обернуться: из-за роши выходит самоходный комбайн. Новенький, синий, он идёт в высоких хлебах, и позади остаётся широкая полоса жнивья с большими кучами соломы.

— Красавец! — восклицает Анна Сергеевна.

— Хорош! — подтверждает Иван Степанович.

— А что это он сзади тащит? — спрашивает Шурка. — Как всё одно цыганский фургон...

— Соломокопнитель, — объясняет Наташа.

Комбайн проходит мимо и у самой дороги останавливается. И все толпой идут к нему, потому что здесь никто не может остаться равнодушным. Комбайн осматривают придирчиво и тщательно; щупают колёса с шинами из толстой резины. Им всё нужно знать, и комбайнер, свернув цыгарку из предложенного Иваном Степановичем табака, подробно отвечает на вопросы: как отрегулировать высоту среза, сколько можно убрать за день и ещё разное другое.

— До чего же машина ладная! — радуется Иван Степанович. — Самоходный, а меньше, чем простой...

— Вот только этот самый... соломокопнитель, — говорит Шурка, — уж больно неуклюжий.

— Да, — соглашается комбайнер, — по влажной земле он тяжеловат.

Тут подъезжает в грузовике Виктор; грузовик, пятясь, подходит к комбайну — к бункеру, и все кричат шофёру: «Ещё! Ещё!». Виктор открывает заслонку бункера, и зерно мощным потоком льётся в машину: Виктор едва успевает отгребать его лопатой. Анна Сергеевна, встав на цыпочки, зачерпывает зерно пригоршней.

— Влажное! — говорит она. — И мусорное. Придётся переветать...

— Хлеба сырые, — отвечает комбайнер, — провевание получается плохое.

Укрыв зерно брезентом, Виктор спрыгивает и здоровается с Анной Сергеевной, с Наташей, с Иваном Степановичем; он говорит, что молотилка уже работает полным ходом, что зерносушилка тоже начала работать... Потом Наташа садится в кабину к шофёру и уезжает: надо выпустить «молнии». А Виктор успевает тихонько спросить: придёт ли Наташа вечером к клубу?

— Приду! — отвечает Наташа.

Выглянув из кабины, она видит, как ладный синий комбайн неторопливо снова уходит в поле.

12

В стороне у дороги стоит свес — огромная крыша в два ската из побуревшей соломы; крыша поднята на столбах. Под ней, на утопанной земле, поместилась молотилка, большие весы, запас заскирдованных снопов; сюда въезжают подводы и даже грузовик, наполненный снопами. И всё-таки под свесом остаётся ещё много свободного места.

Здесь полутемно и дуют холодные сквозняки, а вокруг всё залито жарким солнечным светом; сияют белые платки женщин, сияют даже мешки с зерном.

Молотилка работает, гремя и содрогаясь, в сером облаке пыли и нсс. Женщины туго повязались платками, видны лишь глаза и нос.

Молотить начали в пять часов утра. Сейчас на высоком молотильном столе работают Вовки: один обломком серпа разрезает перевясла и раздёргивает снопы, другой спускает их в барабан. Друзья по привычке переругиваются:

— Тебе веники резать, а не перевясла!

— Вот для тебя я б хороший веник нарезал!

Клара и Зина, повязанные до бровей платками, вместе с колхозными девушками копошатся в гуде снопов: подают их на молотильный стол.

Уже побывал здесь председатель колхоза. Обошёл и осмотрел всё под свесом, сказал, что молотилка слишком мнёт солому — надо отпустить деки. Сегодня молотят хлеб третьей бригады. Виктор интересуется записями весовщицы и тут же, вынув блокнот, пересчитывает: сколько же получается с гектара? И уходит то мрачный, то торжествующий.

Молотилка шумит ровно, однообразно пристукивая, но вдруг слышится в ней хруст и звон. Тогда Игорь тревожно поднимает голову и кричит:

— Полегче! Полегче! Солома сейчас сырая...

Игорь поспекает везде: следит за молотью, помогает грузить зерно и сваливать снопы, вместе с весовщицей взвешивает... Вдвоём подставляют они мешок под молотилку, прикрепляют его и открывают заслонку. Мешок медленно наполняется, толстеет, пухнет. Завязав полный мешок, они вдвоём несут его «за уши» на весы.

Наташа долго не может найти место, где бы повесить «молнию»: столбы узки, к молотилке не подойдёшь, да и пыльно, ничего не прочитывать. Она идёт к бочке с водой, поодаль от свеса: там врыта скамья и на шесте прибита фанерка с надписью: «Место для курения»; к фанерке, под самой надписью, Наташа прикалывает «молнию».

— Какие новости принесла, Наташа? — спрашивает Игорь.

— А вот читайте.

Наташа улыбается Игорю и чувствует, что улыбка получается не преслая, а с затаённым лукавством; это оттого, что она знает... Неужели она так сразу поверила Шурке? Вот уж нашла кому верить!

Пока он читает, Наташа рассматривает Игоря: тощ, как хвощ, сказала Шурка. И сказала неправду: он не тощий, а сухой, мускулистый. И совсем обуглился на солнце: на цыгана похож; смуглый и волосы тёмные. Он стройный и, наверное, ловкий. Вот только он всегда какой-то слишком... серьёзный. С ним Наташа никогда не чувствует себя просто, а как будто бы она ученица. А ведь Игорь, может быть, даже моложе Виктора...

Молотилка взвыла и замолчала.

— Это называется — заткнул! — весело кричит Игорь, оторвавшись от «молнии». — Теперь открывай крышку.

Вовка большой снимает крышку с барабана и едва успевает выдернуть пучок соломы, как молотилка снова начинает греметь и содрогаться.

— Кто включил? — строго спрашивает Игорь.

— Никто, — отвечает Зина. — Её и не выключали.

— Так можно без рук остаться!

Игорь легко вспрыгивает на молотильный стол и отстраняет Вовку.

— Понемногу, понемногу подавай. И пышнее. Вот так! — говорит он, быстро раздёргивая снопы. — Сейчас солома мокрая: её нужно понемногу, понемножку и пышней...

Потом он отодвигается и следит, как подаёт Вовка.

ДЕВУШКИ

— Так! — говорит Игорь. — Теперь пойдёт.

Грузовик, заваленный снопами, осторожно въезжает под свес. С другой стороны на подводы навивают солому. Одна подвода запряжена рабочим быком: он вяло движется, как во сне, и нетерпеливая возница всё время дёргает вожжи и кричит; она стоит по колена в соломе высоко на возу, как на крыше дома. Вторая подвода запряжена лошастью, лошадь тащит солому из переднего воза; тащит и жует.

— Товарищи! — кричит Игорь, покрывая шум. — Наташа принесла новости. На уборке началось соревнование. Даша Опенкина и Маня Патушина, убирая вдвоём хлеб по новому способу, которому их научил Иван Степанович, обязались в день убрать полгектара...

Возгласы удивления отвечают Игорю.

— Шура Озорнова обязалась выжинать двадцать соток! Нам тоже надо вступить в соревнование. Так, товарищи?

— Так! Надо! — кричат все.

— Считаю, что можем намолотить сегодня шесть тонн зерна. Согласны?

— Согласны!

— А снопы нам будут подвозить? — спрашивает Вовка маленький.

— Будем! Будем! — кричат с грузовика. — Ещё и подводами возят...

— Слышали? — спрашивает Игорь. — Все слышали?

— Слышали!

Словно весёлый ветер проносится под свесом: раздаётся смех, быстрее мелькают грабли, тяжёлые снопы чаще взлетают на молотильный стол, воз с соломой отъезжает к омёту, а грузовик, захрипев, пятится из-под свеса.

— Придётся писать вторую «молнию»! — улыбается Игорь Наташе и командует: — К барабану становлюсь я. Вова большой помогает вековщице и отдыхает. Вова маленький для отдыха переходит к подавальщицам снопов. Резать перевясла...

— Можно мне, Игорь? — спрашивает Наташа.

— ...становится Наташа!

Рядом с ним легко и радостно работать: он хорошо чувствует скорость машины; в молотилке больше не слышно ни хруста, ни звона; снопы идут в барабан потоком: Наташа едва успевает перерезывать перевясла и разваливать снопы. То и дело рука Игоря касается Наташиной: девушке кажется, что его рука всякий раз вздрагивает. Наташа спясть лукаво улыбается, но уже не стыдится: приятно всё-таки чувствовать себя «хозяйкой»!

Игорь повёртывает рубильник; молотилка медленно затихает, и тогда, в тишине, слышно бойкое чириканье воробьёв под свесом, далёкий гул комбайна, фырганье лошади.

В обеденный перерыв, когда люди уходят с тока, сюда налетают грачи, галки, воробьи. Они сидят на крыше свеса на проводах, на столбах, кормятся просыпанном на землю зерном. Когда мимо проходит человек, птицы только косятся; но стоит ему остановиться, и вся стая взлетает с негодующим криком.

После обеда Наташа бежит в контору писать «молнии». Там её ждут наскоро нацарапанные карандашом записки от председателя, от Анны Сергеевны, от бригадиров. Весть о Шуркином вызове мгновенно распространилась по всем бригадам: наверно, и Анна Сергеевна постаралась разнести; и Даша, конечно, в обед рассказала матери; и Шурка... Так и пошло: от дома к дому, как пожар. И никто не захотел отставать: бригадиры наспех сообщают обязательства молотильных бригад, жнецов, возчиков снопов и зерна... До самого вечера Наташа

пишет «молнии» и развозит их по бригадам: где с попутной машиной или подводой, где пешком, а то поручает встречным комсомольцам.

Уже смеркается, когда Наташа возвращается из последней бригады.

Темнеет. Постройки сливаются с землёй и кустами. В окнах зажигаются жёлтые электрические огни. Спокойно и тепло смотрят окна в наступающую ночь. Слышно, как, позванивая, работает механическая сушилка.

Позади звонко запекает девичий голос:

Пускай говорят,
пускай и судачат!
Мои карие глаза
никогда не плачут!..

Это Шурка поёт. Наверное ищет Виктора, подаёт голос. Наташа невольно ускоряет шаг, глядывается в темноту.

Возле клуба в сторонке кто-то курит.

— Виктор? — тихо спрашивает Наташа.

— Наташка! — радостно отзывается он.

— Пойдём куда-нибудь... К Волге... — просит Наташа.

Они медленно идут в темноте между высокими деревьями, под мерцающими бесчисленными звёздами. Вдалеке вспыхивают автомобильные фары; потом они гаснут, снова вспыхивают в другом месте; там дорога в город.

Внизу слабо светится вода. Они садятся на свалившееся дерево. На просторной спокойной реке горят огоньки бакенов. Идёт пароход: сначала слышен шум машины, затем выдвигаются огни: зелёный и красный. Пароход, шумя, проходит мимо. В воде плывут, переламываясь на волне, яркие отражения окон. На песке зашуршали, заплескались о берег волны. Наташа зябко поводит плечами: свежо! Виктор молча снимает, накидывает на неё пиджак.

— Сам озябнешь, — тихо говорит Наташа.

— Мне не холодно...

Он сегодня робкий, виноватый. Вот если бы он всегда был таким! Нет, не виноватым, а скромным.

Звонкий Шуркин голос псёт вдали, — вероятно, возле клуба:

Перелётный соловей —
то на липу, то на ель...
Перелётный милый мой,
ты подруг не беспокой!

Почувствовала, заволновалась! Ничего, Шурка! Виктор не будет перелётным соловьём. Теперь у него есть «хозяйка».

— Наташка! — говорит Виктор. — Не могу жить без тебя. Делай, что хочешь: бей, ругай, гони прочь... Всё стерплю, а уйти не могу. Прогонишь — опять приду.

— Плохо без меня? — ласково шепчет Наташа.

— Уж до чего плохо! Так плохо...

Глупое девичье сердце! Ведь знает она сама, и все говорят, что Игорь лучше. Ну и пусть! Ну и пусть Виктор хуже... «Что ж делать? — тихо шепчет Наташа. — Значит, такой уж мне достался»...

— Ну, слушай, Виктор! — Наташа говорит негромко, но внятно, и с удивлением слышит в собственном голосе настойчивые и материнские нотки. — Если ещё раз заблудишься, пеняй на себя...

— Никогда! Что ты...

— О Шурке забудь. И честно скажи ей, чтоб не обманывалась. Скажешь?

— Скажу...

— И потом тебе надо учиться. Иначе долго бригадиром не будешь. Тут я тебе помогу... И Анна Сергеевна поможет, и Никита Андреевич... Учиться будешь непременно: я не хочу, чтобы Никита Андреевич тебя просмеивал при всех. Слышишь: не хочу!

— Придётся уйти из бригадиров.

— Что ж, если понадобится, уйдёшь на время. Сейчас, Виктор, нельзя жить самолюбием. Я знаю: тебе будет трудно, может быть, тяжело. Да ведь ты не из робких. Ведь ты хочешь быть настоящим, хорошим человеком? Ведь мне... ведь нам с тобой и при коммунизме доведётся жить, Виктор!

Как затрепетал, как растерялся Виктор: вскочил и стоит растерянный, радостный и беспомощный. Милый глупенький мальчик! Измучился, бедный... Не бойся: я тебя не оставлю!

Наташа встаёт. Она берёт ладонями голову Виктора и целует его холодные, дрожащие губы.

— А теперь пойдём, — говорит Наташа. — Завтра много работы и тебе, и мне.

Вот теперь Наташа чувствует, какую ответственность взяла на свои плечи: ответственность за человека. Что ж, она не жалуется. Выдюжит, как сказал бы Никита Андреевич. Будет тяжело? «Что ж поделаешь? — шепчут Наташины губы. — Значит, такой уж мне достался».

Две большие белые луны плывут в небе и в спокойной воде. Нижняя луна морщится, расплывается неровным пятном и снова собирается: это проходят волны от парохода. Всю ночь и в туманном смутном рассвете плывут по Волге пароходы — мимо Ярославля и Шербакова, мимо Углича и Костромы, мимо Горького, Казани, Куйбышева, Сталинграда, необозримым Рыбинским морем, через шлюзы плотин и гидростанций, через жизнь, полную труда и радости, пароходы идут в Москву.

Долго ещё на тёмном берегу поёт одинокий девичий голос, но теперь поёт он не так звонко, и в нём слышится печаль:

Берёза моя,
зелёные листья:
дó земли, дó земли,
дó земли повисли...

И с каждой песней печальнее делается одинокий девичий голос на тёмном берегу. Вот уже слёзы звенят в нём:

Ой, берёзонька белая,
что любовь наделала!
Ох!

Песня обрывается. Наступает тишина.

В тот день, когда началось соревнование на уборке, Шурка выжала девятнадцать соток, а Даша с Маней убрали двадцать пять. К вечеру об этом знали во всех бригадах: Наташа собрала пионеров и поручила им разнести «молнии» по колхозу. Теперь пионеры дежурили на поле, где шло соревнование. Задолго до конца работы они начинали приста-

вать к Виктору, чтоб он замерил сжатые участки. На второй день Шурка сжала двадцать соток с половиной, а Даша с Маней тридцать соток. На третий день Шурка выжала двадцать одну сотку с половиной; Даша и Маня — тридцать восемь. К великому неудовольствию мальчишек соревнование на том и кончилось: больше не было полёгшего хлеба. И хотя Шурка как будто бы вышла победительницей, даже перевыполнила своё обязательство и её поздравляли, но ходила она грозовой тучей. Шурка видела, как быстро нагоняли её в соревновании Даша и Маня, а между тем она работала из последних сил; продлись соревнование ещё два дня — и Шуркино поражение было бы неизбежно. Кроме того, Виктор стал её избегать, а когда однажды она поймала его с глазу на глаз и решительно спросила: что с ним случилось, уж не заболел ли он, чего доброго, туберкулёзом, Виктор, глядя куда-то мимо её глаз, сказал, что всё это было с его стороны ошибкой. В сердцах Шурка ответила насмешками, но, когда Виктор ушёл, расплакалась.

Прошёл месяц. Давно закончились уборка и обмолот, начинали рыть картофель и убирать позднюю капусту. Уехали практиканты. Прощаясь, Игорь сказал Наташе, чтобы она непременно зашла, если будет в Москве, и оставил адрес. Потом он прислал из Москвы письмо: писал, что был в театре и, посмотрев спектакль, ещё лучше понял, какая Наташа талантливая артистка. Наташа рассмеялась.

В одно из воскресений Никита Андреевич назначил заседание правления с активом. Народу собралось много, люди всё шли и шли в клуб. Шурка пришла в шёлковом платье, с завитыми волосами и села в первом ряду перед сценой. За последнее время Шурка побледнела и оттого ещё больше похорошела.

В зале стоял шум: говорили о деревенских новостях, об урожае, о том, что Грачёва собрала в своей бригаде озимой пшеницы чуть ли не 190 пудов с гектара...

Уже члены правления — Иван Степанович, Архипова и Грачёва — заняли места за длинным столом, поставленным на сцене, уже пришла Анна Сергеевна и ждали только Никиту Андреевича, когда в улицу въехала коробочка на колёсах: обшитый фанерой вездеходик секретаря райкома.

Никита Андреевич пришёл вместе с секретарём райкома, и пока они идут к сцене, пока усаживаются за столом, зал старательно прокашливается, словно колхозники собираются петь.

Виктор и Наташа сидят рядом; Наташа волнуется: неужели и сегодня, при секретаре райкома, Никита Андреевич будет ругать Виктора?! Но председатель говорит о бригаде Грачёвой и о других бригадах. О бригаде Виктора Никита Андреевич сказал только, что хоть она и сняла урожай ниже среднего по колхозу, но всё-таки по сто десять пудов с гектара...

...Уже давно идут прения. В который раз спрашивает председатель:

— Кто ещё хочет сказать?

— Ну, Виктор, решайся, — шепчет Наташа.

И Виктор вдруг решительно поднимается.

— Прошу освободить меня из бригадиров.

— Что он мелет?! — ужасается Наташа.

— Обиделся? — удивлённо говорит Никита Андреевич.

— Не на кого мне обижаться, кроме как на самого себя. Почему у нас вышел урожай ниже среднего по колхозу? Да потому, что один клин в три гектара я перекормил удобрениями...

— Так это вы дали удобрений вдвое? — спрашивает секретарь райкома.

— Я.

— Ну-ну! Можно сказать, прославился! — смеётся секретарь.

— Дураком был.

— Уж будто теперь поумнел! — кричит Шурка.

— Когда бы не эта моя глупость, — продолжает Виктор, — не пришлось бы три гектара скосить на корм: там хлеб вовсе не созрел! Тогда был бы у нас урожай повыше среднего, хотя, понятно, меньше, чем у Грачёвой.

— А сам оправдывается! — кричит Шурка.

— Не оправдываюсь, а объясняю, потому, как не хочу, чтоб за меня обвиняли всю третью бригаду. В третьей бригаде очень даже прекрасные работники. Все знают, что соревнование на уборке полёгшего хлеба начала Шура Озорнова...

— Не трудись: спасибо не скажу! — кричит Шурка.

— Никита Андреевич, да запрети ты ей орать! — сердится Иван Степанович. — Мешает всему собранию.

— Тише, Озорнова! — председатель стучит по графину. Шурка сидит злая и красная.

— А я и не жду спасибо! — спокойно говорит Виктор. — Не хуже Озорновой поработали Даша Опенкина и Маня Патушина и ещё другие... Про себя я хочу сказать, что я понял, какая бригадирская должность ответственная, и что мне нехватает знания. Потому очень прошу правление отпустить меня с должности, хоть до весны, чтоб я мог поучиться. И ещё: может быть, Анна Сергеевна и Никита Андреевич попросят за меня районный комитет партии, чтоб послали меня на бригадирские курсы.

— Надо бы попросить, Никита Андреевич! — говорит, улыбаясь, Анна Сергеевна.

— Можно! — соглашается председатель.

— А как думает собрание? — спрашивает секретарь райкома.

— Отпустить! Послать на курсы! Пускай учится! — кричит зал. — Только чтобы к нам вернулся! А то обучат и заберут!

— Не бойтесь, не заберём! — смеётся секретарь райкома. — Ну, бригадир, готовься: поедешь на курсы.

Наташа уехала раньше: вызвали в районную библиотеку на семинар. Днём Виктор забежал в клуб и в сельскую библиотеку, но двери были закрыты. Виктор зашагал в деревню. Боясь опоздать, он пришёл рано. С пригорка, откуда видна городская дорога, он до боли в глазах всматривался, стараясь понять: не уехала ли Наташа, не она ли вон там удаляется быстрой чёрной точкой?

Потом Виктор оглянулся и, ещё не решаясь обрадоваться, увидел Наташу: она выводила из калитки велосипед.

Наташа улынулась Виктору; он шёл к ней, сияя.

— Проводишь? — спросила она.

— А как же?!

И они пошли.

Они идут сельской дорогой, широкими полями, и на горизонте за лесом дымчат фабричные трубы. Там город. Наташа ведёт велосипед, и на руле висит её маленький школьный портфель, а Виктор идёт рядом. Они идут, улыбаясь друг другу, мимо стогов сена, мимо созревших овсов; им встречается синий самоходный комбайн. Красавец! Они гля-

дят ему вслед. Идут дальше и говорят о разных колхозных делах, о прочитанных книгах, о людях; они говорят то о пустяках, то о самом затаённом. Виктор угощает Наташу двумя конфетами, которые оказались в кармане. Время от времени Наташа резко поворачивает голову и смотрит ему в глаза.

Лицо Наташи крепко загорело, и сквозь загар проступает жаркий румянец во всю щёку.

Виктору нравится её статная фигура с тонкими запястьями и щиколотками; не очень тёмные косы сзади по-девичьи заколоты в крендель, а спереди выгоревшие золотые пряди лежат узором на тёмных волосах. Лёгкое летнее платье как будто мало для неё.

Несколько раз Наташа предупреждает:

— Вот у той деревни я отправлю тебя обратно.

Виктор протестует, и они, разговаривая, проходят одну деревню за другой.

— Ты любила ещё кого-нибудь? — Виктор жадно смотрит ей в лицо.

— А ты? — спрашивает Наташа, и Виктор вспыхнул; превозмогая себя, он, прямо глядя в её зеленоватые умные глаза, говорит:

— Как тебя, никого! Даже не знал, что можно так... любить.

Виктор хватая её руку, раскрывает маленькую шершавую ладонь и горячо, раз за разом, целует. Наташа привлекает его к себе, и он целует её запылавшие щёки.

Позади гремит грузовик. Виктор отстраняется.

Пора расставаться. Опустив голову, Наташа решительно уходит прочь, ведя велосипед. Виктор, оцепенев, смотрит вслед: неужели не оглянется? У первых домов деревни Наташа оглядывается, и Виктор машет ей, прощаясь; Наташа отвечает. И ещё раз оглядывается Наташа, и снова они машут друг другу, а после Наташа садится на велосипед и уезжает.

Виктор быстро идёт обратно: надвигается вечер. Он идёт и удивляется: как велики расстояния, которых он не заметил. Он идёт, улыбаясь просторным полям, пасмурному вечеру, широкой туче, что наползает из города. Радуюсь, он озирается вокруг. Он проходит одну за другой деревни, где в избах уже загорается электричество; в стороне от дороги сияют огнями колхозные фермы, электрические фонари вспыхивают на столбах. В высокой избе, налитой ярким светом, отчетливо выступают в окнах тёмные цветы в горшках и белые занавесочки с прошивками.

Сумерки густеют в деревенских улицах. Виктор быстро идёт дальше, радостно и гордо улыбаясь, и ему кажется, что сегодня был день его свадьбы и теперь все эти люди в высоких избах, наполненных ярким светом, стали его родственниками.

О. БЕЛКИН

★

БАРСОВА ШКУРА

Рассказ

1

Наша палатка стояла возле самого арыка, и чтобы влезть в неё, нужно было только перешагнуть узкий бурливый поток и нырнуть в раскрытую дверь.

— Ну вот, сейчас я опять что-нибудь уроню, — сказал Василий Семёнович, направляясь к палатке от очага, на котором закипал огромный чайник.

Василий Семёнович всякий раз оступался, перепрыгивая через арык, и, пытаясь удержать равновесие, обязательно ронял в воду то рюкзак, то ведро, то чайник. Однажды он сбросил в воду ящик с патронами Шодара, начальника нашей экспедиции.

Поэтому сейчас сразу три карманных фонаря направили свой свет под ноги профессору.

Валя вскочила, чтоб протянуть ему руку.

— Ну-ну, вы что, думаете, я совсем уже старик? — сказал Василий Семёнович, забираясь в палатку.

Он старался держать себя весело и бодро с нами, молодёжью. Он был и в самом деле человек выносливый, но не слишком-то ловкий.

Несмотря на жару, чай пили в палатке. Вечером, поднимая тучи пыли и песку, опрокидывая котелки, угоняя шляпы, из Афганистана приносился знойный долинный ветер. Скаты палатки хлопали, словно пастух кнутом, а пламя свечи металось, освещая наши мокрые довольные лица. Мы пили чай лёжа, обливаясь потом.

Когда чайник пустел, Наташа говорила:

— Ну, мальчики, кто сегодня пойдёт кипятить чай?

От жары, от чая, от пяти наших раскалённых тел в палатке нечем было дышать, и все мужчины — Василий Семёнович, Шодар и я — с удовольствием выползали на волю.

Мы снова разводили огонь и, усевшись на камнях, подбрасывали в очаг смолистые ветки закрученной в спираль арчи и сухие пучки загоравшейся как порох полыни.

За нами следом вылезали из палатки девушки: Наташа — гидролог экспедиции, моя однокурсница, так же, как и я, проходившая здесь, на Памире, производственную практику в чине старшего коллектора, и Валя Лавренко, геоботаник, аспирантка нашего факультета.

Они спускали босые ноги в ледяную воду арыка и утверждали, что при этом вся усталость исчезает.

Сегодня у нас был трудный день, такой же, впрочем, как и вчера, как и все другие дни. Нанюся на карту горные пастбища в суровых

памирских ущельях, изучая ледники и реки, мы уходили в длинные, часто многодневные маршруты к ледяным перевалам.

План завтрашнего дня был уже составлен и утверждён. Наташа должна была идти со своими пробирками и вертушками для определения скорости течения в ущелье Ванау. Валя оставалась в лагере сушить гербарий, Василий Семёнович хотел разобраться в геологических образцах, собранных за последние несколько дней, и тоже оставался в лагере.

Шодару и мне предстояло отправиться на склон главного ущелья, где Василий Семёнович предполагал найти древние ступени выравнивания — или, попросту говоря, плоские террасы, лежащие на большой высоте. Эти террасы были нам необходимы для трассировки большого оросительного канала к дельте реки, где лежала огромная по памирским масштабам плоская полынная пустыня. Ближайший приток — речка Ванау — отделялся от неё огромным горным массивом с отвесными склонами, по которым провести канал было невозможно. Василий Семёнович решил искать подходящие условия (террасу) наверху, там, где за перегибами отвесного склона снизу ничего не было видно. Эти поиски нам и предстояли завтра.

А сегодня мы сидели у палатки, пили чай и говорили о всяких мало-важных вещах, о которых говорят люди, когда обо всём главном уже переговорено, все дела закончены, а спать ещё не хочется, да от жары, пожалуй, и не уснёшь.

— Как жалко, — сказала Наташа, — я потеряла на айлоке¹ Ундраск свой перочинный ножик.

— Ага, вот видишь, лучше б ты мне его подарила, когда я просил, — отозвался я.

— Всё равно ты б его потерял — у него, наверное, оборвалась петля на чехле.

— Ну как же вы так неосторожны, Наташа! — искренне огорчился аккуратнейший Василий Семёнович. — Надо было подшить вовремя, когда заметили...

— А я и не заметила...

Наташа набрала в горсть воду и стала смотреть сквозь падающие капли на костёр.

— На огонь и воду можно смотреть бесконечно, — сказала она.

— А вот на горы — надоедает, — тяжело вздохнув, сказала Валя. — Ох, и надоели мне эти горы, я себя чувствую всё время, как в каменной ловушке.

Ей никто не ответил, только Шодар — аспирант факультета, наш начальник, обернулся и открыл рот, точно собирался проглотить Валю за её кощунственные слова, но, должно быть, раздумал и промолчал.

Стало совсем темно.

На чёрном небе горели крупные яркие звёзды. Горы тоже были чёрные, и различить их силуэт можно было только потому, что на нём не было звёзд. Особенно высоко поднималась стена впереди. Надо было совсем запрокинуть голову, чтобы посмотреть на её верхний край.

— Вот за этой горой — Москва, — сказала Наташа, — нет, вон за той, пониже. Хотя, постойте, где мой компас? Да, за этой, огромной... Если влезть на эту гору, то будут видны кремлёвские звёзды и новое здание Московского университета. Оно ведь тоже стоит на горах... Шодар, пошли меня, пожалуйста, на эту гору — это, кажется, пик Облачный?

— Это Цавксревец, — оглянувшись, заметил Шодар.

¹ Айлок — ~~слезовод~~, домик на летнем пастбище.

— 6 440 метров,— добавил Василий Семёнович, который знал на память все вершины западного Памира.

— Всё равно, безобразие, что эта гора заслоняет от нас Москву,— сказала Наташа.— Шодар, пошли меня завтра на Цавкоревц, мне очень хочется поплясать на его макушке.

— Ты же идёшь завтра в ущелье Ванау, а на Цавкоревце делать нечего.

— А ты придумай!

— Хорошо, я буду думать всю ночь,— усмехнулся Шодар.

В маленьком кругу, освещённом огнём очага, неожиданно появился высокий человек в красной тубетейке и пёстром ватном халате, надетом поверх полувоенного костюма. Он словно вынырнул из темноты.

— Здравствуйте! — громко приветствовал он нас гортанным голосом.— Чай есть?

— А, Нурмамад,— узнал гостя Шодар.— Здравствуй! Есть чай... Садись.

Нурмамад — колхозник и знаменитый в этих краях охотник — снял с плеча ружьё, скинул со спины тугой мешок и начал обстоятельно здороваться со всеми по очереди.

— Здравствуй, начальник, здравствуй, профессор, здравствуй, марджон¹, — говорил он, каждый раз низко склоняя голову и прижимая к сердцу руки. Он даже зажмурился глазами, чтобы показать, как он рад с нами встретиться.

Я подал ему кружку с чаем и подвинул мешочек с сахаром. Несколько минут длилось молчание, и мы любовались ловкостью, с которой Нурмамад отправлял в рот сахарный песок прямо с ладони.

Потом он начал разговор:

— Я ходил позавчера на айлок, вода пускал на поле. Вот, марджон встретил — Наташа. Она айлок Ундраск ночевал. Правда я говорю?

— Да, ночевала, — подтвердила Наташа.

— Ай, ай, какой храбрый женщина! — с уважением и неодобрением в одно и то же время сказал Нурмамад.

Он потряс своей чёрной кудрявой бородой и порылся в кармане.

— Нож ты там потерял — вот я принёс,— и он протянул Наташе её перочинный ножик.

Казалось на первый взгляд странным, что на Памире, где, по словам Василия Семёновича, и «человека-то не найдёшь», настолько огромны и труднопреодолимы там горные пространства, — нашёлся Наташин перочинный ножик. Но в этом не было ничего удивительного — ведь мы работали пока только по проторённым тропам.

Больше всех обрадовался Василий Семёнович.

— Благодарю вас, Нурмамад, мы все вам чрезвычайно благодарны. Это имущество экспедиции,— он замялся и неловко раскланялся.— Наташа, немедленно пришлите петлю,— добавил он.

— Спасибо, Нурмамад! — вежливо сказала Наташа. потом, подумав, прижала руку к сердцу и поклонилась Нурмамаду, как делал, здороваясь, он сам.

Мы с Валеё приснули от смеха, и Наташа взглянула на нас с презрением. Смех этот, пожалуй, и в самом деле был неуместен.

— Почему ты говоришь, Нурмамад, что я храбрая? — отвернувшись от нас, спросила Наташа.

Нурмамад степенно поставил кружку на камень.

— Я говорил «храбрая»? Нет, я говорил «глупая». Вот смотри, пожалуйста.

¹ Марджон — женщина (тадж.).

Он развязал свой мешок и неторопясь принялся вынимать из него какой-то тяжёлый тёмный свёрток. Мы все направили свет фонарей на коричневые руки Нурмамада.

— Хороший ковёр, чай пить — очень хороший будет! — гордо сказал он, ловким движением расстала по земле огромную пятнистую шкуру.

— Барс! — воскликнули мы в один голос.

Это была барсова шкура, ещё не выделанная, сырая.

Пока мы ощупывали, осматривали и разглаживали эту огромную, отливавшую золотом шкуру, Нурмамад снова принялся за чай, всем своим видом показывая равнодушие, но кося на нас поверх кружки свои быстрые чёрные глаза.

— Это ты убил барса, Нурмамад? — восхищённо закричала Наташа.

Она погладила мёртвую, но и теперь страшную голову зверя.

— Да, — ответил охотник. — Вот этим ножом, — и он показал нам узкий таджикский клинок.

— Один? — недоверчиво спросила Наташа.

— Зачем один — двое. Я убил, Назри убил. Два ножа, — спокойно ответил Нурмамад, наслаждаясь нашим изумлением.

Шодар хмыкнул, а Василий Семёнович закашлялся, промямлив что-то насчёт «солидной комплекции этого представителя семейства кошачьих».

Нурмамад рассказал нам, как они вдвоём с Назри ночевали на айлоке Ундраск, в той самой кибитке, в которой накануне ночевала Наташа (там они и нашли её перочинный ножик), и как ночью к ним влез голодный барс. По рассказу Нурмамада выходило, что один из них схватил барса за хвост, другой за уши и они стали резать его своими ножами, пока барс не сдох, по крайней мере так мы его поняли.

На некоторые вопросы Шодара, который был неплохим охотником у себя на родине в горной Кушке и особенно был силен в теории этого дела, Нурмамад вообще не стал отвечать, разыгрывая, где надо, непонимание русских слов.

Всё это подытожил Василий Семёнович с недоверием.

— Видимо, охотники всех времён и всех народов одинаковы. Таких фантазёров не даёт больше никакой другой род занятий. Вот вы, Шодар, очень честный человек, а когда рассказываете о своей охоте, так уши вянут, вы уж меня простите.

Шодар немного поспорил, но за Нурмамада не заступился.

Когда Нурмамад закончил свой рассказ, я обратил внимание на отсутствующий взгляд Наташи.

— Ты что, представляешь себе встречу с барсом? — спросил я Наташу, тронув её за руку. — Тебе, верно, жаль, что барс на день опоздал?

Это, конечно, было глупо с моей стороны. Кажется, все поняли это, кроме Нурмамада, который, стремясь донести до Наташи свои мысли, — ради чего он и затеял весь этот разговор, — немедленно поддержал меня:

— Так, так! — энергично заговорил он. — Я говорю — нельзя один марджон на гора ходить! Её будет барс кушать, волк кушать, хирс¹ кушать! Без ружьё совсем нельзя ходить! Я нарочно пришёл сказать.

— А как же ты — ты ведь ножом убил барса? — обиженно сказала Наташа.

— Я — охотник, Памир всегда живу, — гордо ответил Нурмамад и лукаво усмехнулся. — Я горный человек, хитрый совсем!

Все рассмеялись, но не поняли, почему он хитрый.

¹ Хирс — медведь (тадж.).

— Ну, хоп, начальник, прощай, мне кибитка пора,— сказал Нурмамад, которому этот смех явно не понравился.

Он легко поднялся с земли.

— Береги свой марджон, хороший у тебя марджон,— добавил он, подмигнув Наташе и Вале.

Он взял в руки ружьё и расправил плечи, представ перед нами в своей мужественной и тонкой красоте горца. Он поднял было с земли и шкуру барса, но бросил её обратно и сказал Наташе:

— Хочешь, бери этот барс! Хочешь, меня мужем бери? — и вдруг рассмеялся так весело и открыто, что я тоже засмеялся вслед за ним, хотя такие шутки не могли мне доставить удовольствия. И не только мне, но и Шодару — я догадывался об этом уже давно.

— Почему не хочешь? — разошёлся Нурмамад. — Твоя работа плохой — на гора ходить, зверь бояться, кибитка нету, кушать плохо. У нас марджон так не живёт, ему лёгкий работа даём, кибитка хороший строим. Почему не хочешь? Скоро электростанцию будем строить, правда, начальник?

— Правда, — отозвался, улыбаясь, Шодар. — Только ты уж не ругай, пожалуйста, нашу работу, а то некому будет строить электростанцию и большой арык, если мы разбежимся по домам.

Практичная Валя, порывшись в своём рюкзаке, вытащила оттуда пакет краски для шерсти, очень высоко здесь ценимой. Она решила подарить её Нурмамаду.

Тот сперва взял краску, даже раскрыл пакет и, полюбив палец, залюбовался ярким алым цветом, который так любят таджики Памира. Но потом, спохватившись, вернул Вале пакетик со словами:

— Нет, не возьмём. Такой красный очень. Такой уже есть.

— Вот чудак, — заволновался Василий Семёнович, — а вы возьмите и сделайте концентрацию поменьше...

Но Нурмамад не понял про «концентрацию».

— Тогда будет не подарок, а купить, — пояснил он. — Прощай, профессор.

Хотя он прекрасно знал, что самый главный у нас Шодар, а самый почтенный — Василий Семёнович, он всегда первым здоровался и прощался со мной, видимо из уважения к моей большой курчавой бороде. Он даже часто называл меня по ошибке «профессор» или «начальник». Остальные наши мужчины брились. Василий Семёнович брился потому, что хотел выглядеть помоложе, а у Шодара растительность на лице была редкая и белёсая, так что никакой бороды всё равно не получалось. Может быть, моя борода способствовала этому, но Нурмамад часто вступал в разговоры со мной на разные отвлечённые темы. Мои рассказы он слушал почтительно.

Он хорошо во всём разбирался, и я считал лишним объяснять ему, что я не профессор, а просто студент. Мне казалось, Нурмамад и сам прекрасно знал это.

Сегодня он тоже пожал руку на прощанье мне первому, а потом моим безбородым учителям.

Оставив на земле у нашей палатки огромную распластанную шкуру барса, он ушёл вниз к бурлящей реке, где среди густых тутовых деревьев стояла его кибитка.

— Это будет наша общая, — виновато сказала Наташа.

— Зачем общая, Нурмамад тебе одной подарил, — бросил я от очага, который мы с Шодаром заливали оставшимся чаем.

— Теперь Наташа будет у нас — витязь в барсовой шкуре, — усмехнулся Шодар.

— А вам, наверное, жаль, что вы не витязи,— улыбнулась Наташа.— Тебе жаль, профессор? — сказала она мне, подражая произношению Нурмамала.

— Ну, конечно. Где уж нам убить барса,— отозвался я.— Это ты хочешь сказать?

Высокая, рослая Валя загородила от нас хрупкую Наташу, точно ей что-то угрожало.

— Вот что,— сказала Валя, обращаясь ко мне,— ты оставь Наташу в покое. Мы сделаем так. Ты подаришь Нурмамату своё пёстрое байковое одеяло, а ты, Шодар, дашь ему патронов,— распорядилась она.

Мы не стали с ней спорить. Почему-то с самого начала все признавали её право распоряжаться нашими вещами.

Мы стали укладываться на своих спальных мешках, из-за жары не залезая в них, прячась от москитов под самодельными марлевыми накомарниками.

Ветер совсем уже стих, и сквозь неподвижные ветки абрикосового дерева, под которым стояла палатка, были видны всё те же огромные яркие звёзды, а кругом, усиливая рёв грохочущей внизу реки, вздымались чёрные стены горных хребтов.

— Наташа! — позвал Шодар, когда мы уже улеглись. — Пожалуй, ты завтра не пойдёшь в ущелье Ванау. Лучше сходишь вниз, к кишлаку и там возьмёшь пробы воды.

— Это почему? — гневно спросила белая тень, поднявшаяся над Наташиным местом.— Съедят меня в Ванау, что ли? Из-за паршивых барсов бросать работу, когда у меня нехватает проб по истокам Ванау?

— Она ружьё с собой возьмёт,— послышался нерешительный голос Вали.

— Всё равно я тебя не пушу,— твёрдо заключил Шодар и упирылся с головой, считая разговор законченным.

Некоторое время Наташа ещё упрашивала Шодара.

— Знаешь, Шодар, если я возьму ружьё, я только устану, таская его. Только и буду думать, что о барсе... Я ведь завтра рано вернусь из Ванау, часа в два, мне по самой жаре придётся тащить это ружьё...

Я представил себе жару, и осыпи, и овринги¹, подбёмы и спуски, по которым нам предстояло пройти в завтрашних маршрутах, и пожалел Наташу.

Шодар ничего не отвечал, он, по всей видимости, уже заснул.

— Ну ладно, мальчики, гасите фонарь, пока на свет не напользли всякие фаланги — я их ужасно боюсь,— вздохнув, сказала Наташа.— Спокойной ночи! Будильник поставили на пять часов? — добавила она, засыпая.

И всё стихло.

Только далёкий грохот реки смешивался с шумом нашего говорливого арыка.

2

Утром я проснулся от яркого солнечного света, бившего в глаза сквозь дверь палатки, и от ровного гудения мух, облепивших полог. Будильник показывал половину шестого, но Василий Семёнович и Шодар неподвижно лежали под своими накомарниками. Я высунул голову наружу и увидел край солнца, вылезавшего из-за высокой стены ущелья. По стене бежали от него блестящие светлые волны, в которых, точно полированные, сверкали красноватые скалы.

¹ Овринги — выбитые в отвесных стенах участки тропы или прилепленные к скалам плетёные балконы, по которым обходят опасные места над пропастью.

Я зажмурил глаза, а когда снова открыл их, то увидел Валу, стоящую с полотенцем на плече возле брошенной вчера шкуры барса.

— Доброе утро! — сказал я. — Ты что ищешь?

— Я смотрю, где будет больше солнца, хочу разложить гербарную бумагу для просушки. А вы всё спите? Наташа-то уже ушла...

— Ушла? — удивился я. — Она не завтракала?

И тут же заметил под самым солнцем, у входа в ущелье Ванау, где тропа пересекала широкую каменистую осыпь, маленькую серую фигурку — это Наташа начала свой маршрут.

— Честное слово, без ружья! — заорал я, выпрыгивая из-под полога. — Дайте скорее бинокль!

— Он у меня под головой, — неожиданно отозвался Шодар.

— Значит она ушла в Ванау? — повторил он, подавая мне бинокль.

— Наташа ушла в Ванау без ружья! — торжественно сообщил я, точно ожидал, что сейчас Шодар выскочит и побежит за Наташей в одних трусах.

Но Шодар нзхмурил свои белёсые брови, сверкавшие на солнце, словно пшеничные колосья, и неопределённо хмыкнул. Потом зевнул.

— Э, брось, — сказал он, словно отвечая на мои мысли. — Барсы тут довольно редки, их не так просто встретить, даже если очень хочется. Да и Наташа не впервые пошла без ружья, и все мы так ходим. И потом, раз Наташа уже ушла, нам некогда за ней бегать — мы на работе, а не на экскурсии. Давайте-ка лучше завтракать, и приступим к делу.

Василий Семёнович тоже проснулся и скрипучим голосом, немного обиженно сказал:

— Это вообще непорядок — нарушать приказ начальника и уходить безоружной. Кто будет отвечать, если с ней что-нибудь случится? Вы уж её отчитайте, Шодар, когда она вернётся. Но догонять её не стоит, она подумает, что мы о ней чересчур беспокоимся, не доверяем ей или ещё что-нибудь такое...

Мы напились чаю, съели по большому куску пресной таджикской лепёшки, густо посыпанной солью, чтобы днём не так страдать от жары, а потом долго, «до отвала», пили воду. Мы больше не говорили о Наташе и, казалось, даже не думали о ней. Уложив в полевые сумки сухари и сахар, мы надели на себя фотоаппараты, горные компасы, эклиметр и высотомер. Шодар взял ледоруб, а я — спортивное копьё для метания, которое привёз с собой Василий Семёнович. Это копьё со стальным наконечником казалось мне незаменимой вещью и при разбивке палатки, и при переходе реки вброд, и при лазаньи по скалам.

Перед выходом я записал показания анероида-высотомера и обнаружил, что со вчерашнего вечера мы спустились на 80 метров.

— Сколько там? — спросил Шодар.

— 1 858 метров, — ответил я. — А вчера вечером было 1 940. Что же — врёт высотомер, что ли?

— Ну что вы, просто давление сейчас больше, чем вечером, воздух-то ещё не нагрелся, — объяснил мне Василий Семёнович.

«Ничего себе, ещё не нагрелся», — подумал я, вытирая пот с лица.

— Ну, пошли, — поднялся Шодар, когда я кончил записывать.

Надвинув поглубже кепки, надев дымчатые очки, мы тронулись в путь. Василий Семёнович разбирал в тени свои геологические образцы, а Валя принялась раскладывать на солнце листы гербария, придавливая их большими камнями, чтобы не унёс ветер.

Я несколько раз обматывался и смотрел на вход в ущелье Ванау, но там ничего не было видно, только горячее марево мелко дрожало

над гигантской каменной россыпью — Наташа, видимо, уже скрылась за перевалом.

Сразу за выходом из кишлака тропа низко спустилась к реке и пошла почти у самой воды. Здесь было немного прохладнее, ледяные брызги часто долетали до нас. Слева уходили вверх бесконечные конусы осыпей, а тропа вилась между раскалёнными солнцем скалами, беспорядочно разбросанными по долине. Когда мы проходили рядом с этими гранитными глыбами, кожа на открытых до локтя руках, казалось, начинала тлеть от нестерпимого жара, излучаемого горячим камнем.

В том месте, где нам надо было начать подниматься вверх от реки, мы в последний раз напились, зачерпнув кепками мутную, розовую от песка воду. Песок скрипел у меня на зубах, вода лилась из кепки на бороду.

— Ну, хватит, пошли, — торопил меня Шодар, считавший, что пить в маршруте вообще не полагается, а если уж пить, то не больше одного глотка.

И мы полезли вверх, радуясь редким мгновениям, когда нам попадалась тень большой скалы или обрыва. Там мы усаживались и начинали определять по аэрофотоснимку точку, в которой находились.

Я вертелся во все стороны, стараясь угадать, какие из видимых мне вершин изображены тёмными и светлыми пятнами на снимке. Потом, ориентируясь, я накалывал точку на кальке, приклеенной поверх фотографии, и мы записывали показания приборов и всякие углы падения и простираения пластов.

При этом я ругал карты, в которых наши места были украшены весьма неопределёнными разводами, и картографов, которые это нарисовали.

Ориентиров почти не было, кругом виднелись только скалы, камни, осыпи... Изредка встречавшийся кустик сизой полыни, какая-нибудь колючка или одинокое деревцо арчи только подчёркивали гнетущую пустынную ландшафта.

Шодар был сегодня особенно молчалив. Но однажды, после очередного моего выпада против картографов, он строго сказал:

— Да, карта не точная. Но эту карту снимали замечательные люди, и надо обнажать голову, когда говоришь о них. Ты представляешь себе, каково им пришлось, когда они наносили на планшеты весь этот хаос? Они должны были облазить все ущелья, засечь все вершины, зарисовать все реки. А ты не хотел бы влезть сюда — хотя бы только сюда! — с теодолитом или мензулой¹? Сколько их погибло в пропастях, в реках, в пасти барса... ну, и не только барса.

После такой длинной для него речи Шодар умолк, словно обрезал. И я уже больше не осмеливался упоминать о картографах, когда тщетно искал на карте какую-нибудь точку местности. Из всех ужасов, подстерегавших, по словам Шодара, отважных картографов, наиболее живо представились мне барсы. В жёлтых скалах песчаников, покрытых дырами так называемого сотового выветривания, мне стали теперь мерещиться пятнистые шкуры барсов.

Потом мне надоело следить за пятнистыми скалами, но напряжённое ожидание встречи со зверем не прошло. Я представил себе, как Наташа берёт пробы воды, сидя на камне среди белоснежных брызг, а сзади неё, укрывшись в обломках скал, готовится к прыжку огромная пятнистая кошка.

— Шодар, — крикнул я, — тут, наверное, нет никакой террасы. Да-

¹ Походный стол с треногой, на котором составляется карта.

вай вернёмся в лагерь и... — я хотел сказать «и поищем Наташу», но не сказал, запнувшись на полуслове.

Шодар сел на камень и раскрыл планшет с аэрофотоснимками.

— Я думаю, терраса здесь есть, — ответил он. — Василий Семёнович вряд ли ошибается. Но у меня есть такое предложение. Ты пойдёшь в лагерь и, если Наташи ещё нет, отправишься её встречать. Если она пришла, ты выстрелишь из ружья. А я пойду вверх вон по тому карнизу.

Он указал на чёткие, почти горизонтальные полосы, которыми заканчивался гребень.

— Возможно, там есть и терраса. А потом я спущусь на ту сторону, в ущелье Вану.

Он сказал это с напускным равнодушием, и я понял, что он хочет меня обмануть.

Стоило мне пойти вниз, и я часа через два был бы в лагере — ведь мы поднимались сюда всего три с половиной часа. За это время Наташа никак не могла вернуться, а идти ей навстречу — это ещё два-три часа. Здесь же до вершины можно добраться за час, а там спуститься в ущелье Вану очень быстро и спасти Наташу от барса. Это и хотел сделать Шодар.

Я понимал, что он не говорил мне этого, не желая показать беспокойства за Наташу, которое — я хорошо видел это — росло понемногу с самого утра и занимало всё больше места в его мыслях.

Я высказал всё это Шодару, и он, пожав плечами, ответил мне:

— Ты говоришь глупости, Наташа тут ни при чём, и спасать нам некого. Но если ты решил поискать со мной террасу, то пойдём быстрее.

Он вскочил с места и бросился вперёд, на ходу засовывая аэрофотоснимки в планшет.

Солнце висело над самыми нашими головами, оно жгло нестерпимо, и я на ходу пытался вытереть пот с лица о собственное плечо, потому что руки мои были заняты. Снежная вершина Цавкоревца, вздымавшаяся к небу чуть правее нашего пути, казалась миражем — какой тут мог быть снег, когда плавятся камни!

Вскоре сухое русло весеннего водотока, по которому мы поднимались, неожиданно кончилось отвесной стеной метров в сто высотой. Я услышал, как Шодар пробормотал:

— Какой великолепный ледниковый цирк...

Голос Шодара долетел до меня издалека — уши мои были точно заткнуты ватой. Сердце билось так, будто я пробежал на кроссе тысячу метров, а пот ел глаза и мутными каплями скатывался по стёклам дымчатых очков.

Я вытер очки и оглядел «великолепный ледниковый цирк». Гигантский амфитеатр с тремя отвесными стенами вздымался ввысь. Он был открыт только к северу — в ту сторону, откуда мы пришли, обрываясь вниз крутым склоном, по которому чуть заметной щелью уходило к главной долине русло нашего весеннего водотока. Плоское дно древнего ледникового цирка было завалено каменными глыбами, которые притащил сюда много столетий назад растаявший теперь ледник.

Справа, под Цавкоревцем, мы увидели те самые наклонные пласты, которые снизу показались нам горизонтальными полосами. Здесь, вблизи, они выглядели скорее вертикальными. Шодар приложил к гладкой, отполированной водами поверхности пласта горный компас и уныло сказал:

— Сорок три градуса... Теоретически недоступно...

Полированная поверхность пятиметрового карниза мраморовидного известняка была ровной и чистой. Она сверкала на солнце, и серый

мрамор просто слепил глаза. Только в том месте, где плита выходила из стены, вдоль которой она круто поднималась вверх, змеились узкие трещинки.

Я уже готов был согласиться с недоступностью карниза и представил себе, как мы долгие часы бежим к лагерю, а потом круговой, длинной дорогой идём в ущелье Ванау искать Наташу, когда заметил, что Шодар снял ботинки, связал их шнурками и перекинул через плечо.

— Ну, попробуем, — сказал он и направился к карнизу, осторожно ступая ногами в толстых шерстяных носках.

Мы оба — и я, и мой начальник, — теперь, не сговариваясь, уже не делали ту работу, ради которой пришли сюда и которую до сих пор считали такой важной. Оба мы думали теперь только об одном: скорее пробраться в ущелье Ванау, найти Наташу. И как бы Шодар ни скрывал это от меня, я это видел.

— Ты можешь лезть обутом, — заметил мне Шодар, распластавшись животом на скале. — У тебя же резиновые подмётки, а у меня трикони¹ — они здесь здорово мешают.

Шодар цеплялся ледорубом, я — копьём для метания. Я укреплял копьё в але заметных трещинках и лунках и подтягивался, как на турнике, скользя животом по скале. Иногда Шодар опирался на мои руки или плечо, если моя опора в тот момент была прочнее; иногда я цеплялся за ногу Шодара и держался за неё, если нельзя было закрепить копьё.

Мы лезли молча, изредка только обмениваясь отрывочными словами, часто переставая ползти, чтобы передохнуть.

Так мы ползли сколо часа, и чистое бледное небо становилось всё ближе и ближе. Наконец я с тупым удивлением обнаружил, что не вижу больше шерстяных носков Шодара, всё время маячивших у меня перед глазами, а вместо них появилась его голова.

— Ну, давай сюда копьё, — весело сказал Шодар, и улыбка сияла на его обычно нахмуренном лице, украшенном сейчас грязными потёками пота.

Он втащил меня на маленькую наклонную площадку, с которой был виден и северный склон хребта, и южный, спускавшийся в ущелье Ванау. На юго-западе, под Цазкоревцем, виднелись широкие и пологие склоны верховьев Ванау, покрытые нежно-зелёным ковром, а под нами был виден только противоположный борт ущелья — обрывистая красноватая стена с торчащими кое-где хилыми деревцами арчи, с узкими и длинными серыми шлейфами каменистых осыпей, уходивших далеко вниз, в узкую щель Ванау.

Я лёг на скалу и наколол точку на аэрофотоснимке — мы находились на перевале, на узком гребне между двумя цирками, точившими хребет с обеих сторон. «4 340 метров», — записал я показания высотомера.

Шодар в это время внимательно осматривал в бинокль северный и южный склоны хребта — должно быть затем, чтоб увидеть сразу террасу на северном и Наташу на южном. Потом мы записали в полевые книжки показания приборов и свои наблюдения. Впрочем, я не увидел ничего особенного — горы как горы, террасы нет.

Страшно хотелось пить, но зато здесь дул сильный ветер и было совсем не жарко, хотя солнце пекло попережнему.

Шодар очень долго писал что-то у себя в дневнике, и я с нетерпением ждал, когда он кончит. Наконец мы начали спуск.

¹ Трикони — зубчатые пластинки, прибиваемые к подошвам горных ботинок для ходьбы по травянистым склонам и по льду.

Здесь выходил из стены такой же пласт, с таким же крутым карнизом. Только он спускался в южный цирк. Нам показалось, что он немного не доходил до плоского дна, а кончался на некоторой высоте. Впрочем, другого пути у нас теперь не было.

Я думал, что мои штаны расплзутся, — нет, они выдержали. Зато досталось моей коже. Мы довольно быстро доползли ногами вперёд до спуска на следующую ступень; осталось совсем немного — метров сто — до дна цирка. Ступень была единственным местом, где можно отдохнуть, и я уселся на скале, тяжело дыша, а Шодар устроился метров на пять ниже, на плите, засунув пятку в широкую трещину. Эта трещина была единственная на большом отрезке, она шла почти посредине плиты. Я первый поднялся на ноги и, закрепив копьё у стены, прыгнул к трещине, в которой сидел Шодар, но несколько выше него. Я прыгнул, выдернув за собой копьё, но не успел вставить его в щель и закрепить, а может быть я просто промахнулся. Но так или иначе, чётко фиксируя сознанием всё что происходило, я упал на спину, выпустил из рук копьё и поехал вниз головой по гладко отполированному водой мрамору. Мимо Шодара я проезжал уже довольно быстро.

Бросив ледоруб, он схватил меня за ногу и... остановил! Втащив к себе, Шодар усадил меня рядом, придерживая за плечи, и мы молча смотрели, как копьё и ледоруб, набирая скорость, мчались вниз. Ледоруб, ударившись о стенку, рикошетом отлетел в пропасть. Лёгкое копьё застряло в осколках камня под стеной в самом низу карниза.

— Шодар, — наконец говорю я, — как ты решился схватить меня? Ведь ты сам еле держишься здесь, я же мог утащить тебя за собой в пропасть.

— Ну, если б я знал, что ты будешь задавать глупые вопросы, я бы тебя бросил, — нахмутив брови, отвечает Шодар.

Потом он говорит мрачно:

— Ледоруб пропал, копьё тоже, оно в самом низу.

Я пугаюсь:

— Как же мы?

— Я поползу за копьём, — решает Шодар.

— Нет, нет! — говорю я. — Как ты спустишься к той трещине?

Следующая трещина — это всего три метра вниз. Но если ехать на животе, её можно проскочить. Соединяется она с нашей — узкой трещинкой, куда может войти лишь лезвие ножа.

Шодар думает. Он думает очень долго и потом решает спустить меня к следующей трещине на ремне от полевой сумки. Потом он спустится туда сам и мы решим, что делать дальше. Так он говорит. Я ещё вздрагиваю и смеюсь невпопад.

Теперь и я снимаю ботинки — босиком лучше.

И вот я снова ползу на животе вниз, точнее, снова еду. Ремень кончился, а мне ещё полметра. Что делать?

Одной рукой я держусь, другой пытаюсь снять свой пояс.

— Не надо! — кричит Шодар. — У меня есть кожаный шнурок от ботинка!

Он долго привязывает шнурок, и у меня затекают руки. Но, наконец, я в трещине. Хорошо, а как же Шодар?

— Шодар! — вдруг осеняет меня. — Вот финка!

Шодар съезжает вниз на животе, вставляя в трещину финский нож, а я лежу на скале и готовлюсь ловить Шодара, если финка сломается или выскочит.

Накопец Шодар ставит ноги ко мне на руки.

Мы сидим, обливаясь потом, и отдыхаем. Во рту пересохло, и очень хочется пить. Мы кладем в рот по куску сахару, чтобы отбить горечь, но от этого жажда становится ещё сильнее, и мы выплёвываем сахар.

Чтобы продлить отдых, Шодар поднимает к глазам бинокль и начинает осматривать верховья Ваная. Из-за его плеча мне видно, как дрожат его руки с биноклем и как он старается потвёрже опереться локтями о колени.

Конечно, он зря смотрит — Наташи там давно уже нет, в лучшем случае она сейчас под нами, в самой теснине, а скорее всего где-нибудь возле лагеря, если... если всё благополучно. Нам теперь ясна безрассудность нашего поступка, и мы стараемся не встречаться взглядами. Я с грустью рассматриваю карниз, по которому нам надо спускаться дальше.

— Наташи не видно? — спрашиваю я на всякий случай и даже не жду ответа.

— Без ледоруба нам ничего не сделать, — вместо ответа говорит Шодар. — Давай-ка перекурим и подумаем. Доставай махорку.

Шодар курит очень редко. Я понимаю, что положение наше кажется ему весьма серьёзным, если он решил закурить.

— Ждать помощи нам неоткуда, — начинает он думать вслух, затягиваясь и морщась от страшной горечи. — Значит, мы должны достать верёвку сами. Итак, у нас есть: два ремня от полевых сумок, два ремня от брюк, кожаные шнурки (они всё-таки сантиметров по семьдесят) и ремешки от высотомера и фотоаппаратов. Это будет около десяти метров. Такой верёвкой мы не сможем достать даже копыя, которое так близко — всего метров пятьдесят. Но зато с такой верёвкой один из нас спустится к выступу. А от выступа нетрудно добраться до копыя... Ну, начали, пожалуй, — и Шодар с отвращением бросает окуроч в пропасть.

3

И мы всё-таки спустились.

Мы вбили финку в трещину и к ней привязали верёвку, на которой было чуть ли не по два узла на каждый метр. Потом я спустил Шодара к выступу, как он перед этим спускал меня. Там Шодар уже довольно просто дополз до копыя. С копьём он снова проделал весь путь вверх, а затем мы вместе, чувствуя себя великолепно снаряжёнными, добрались до нижнего края карниза.

Короче, примерно через час мы уже бродили под карнизом по дну южного цирка, собиравая, куда мог отлететь ледоруб. Он мог упасть или сюда, или в узкое русло временного потока, начинавшееся под пластом и отвесной трубой уходившее в ущелье Ваная.

После тщетных поисков, надев ботинки и кое-как пристроив ремни на свои места, мы отправились дальше.

— Знаешь, давай поднажмём, — сказал Шодар после одной остановки, когда мы минуту постояли, прислушиваясь к отдалённому рокоту реки.

— А она, — он, конечно, имел в виду Наташу, — где-нибудь возле лагеря Вале ручкой машет, — без всякой видимой связи добавил Шодар. Но я понял, что он здорово забеспокоился. Мрачное ущелье, очевидно, возродило в нём все прежние опасения. Мне тоже стало как-то не по себе, и мы прибавили шагу, глядя только себе под ноги, выбирая удобный для следующего прыжка камень.

Теперь наш путь был сравнительно лёгким, мы, точно горные козлы, прыгали по наваленным беспорядочной грудой камням древней морены,

громоздившейся перед ледниковым цирком. Это был трудный путь, но после ползания на животе он казался нам лёгким и приятным.

С некоторых мест нам было хорошо видно ущелье Ванану, и мы по очереди осматривали его в бинокль, но Наташи не было. Солнце уже спускалось к Ванчскому хребту, и на горах легли резкие чёрные тени. Дно ущелья местами исчезало в зыбких серых сумерках.

Более опытный в хождении по горам, Шодар значительно опередил меня. Краем глаза я следил за ним, чтобы не потерять направления, и вдруг с удивлением увидел, что Шодар замахал руками, сделал несколько огромных прыжков вниз и сел на камень.

Я поспешил к нему.

— Смотри! — обернувшись ко мне, Шодар указал рукой куда-то вниз на бесконечное море камня, которое нам предстояло пройти. — Смотри, она лезет сюда!

— Кто лезет? Ничего не вижу, — ответил я, вглядываясь по направлению его руки. — Кто лезет, где же, ну где ты видишь?

Потом я заметил, как мимо зелёного камня ниже нас метров на сто — сто пятьдесят прошёл человек в белой шляпе с ледорубом в руке.

— Наташа! — завопил я.

Шодар кепкой вытирал пот с лица и молча махал над головой копьём.

Так мы нашли Наташу.

Когда мы подошли к ней, ожидавшей нас возле той самой глыбы зелёного мрамора, у которой её заметил Шодар, он прежде всего строго спросил:

— Ты куда это лезешь? На Цавкоревц, что ли? Москву хочешь увидеть?

— Да нет, где уж мне на Цавкоревц забраться, — ответила Наташа, улыбаясь дрожащими губами. — Я просто хотела отнести вам ледоруб, который вы уронили, товарищ начальник.

И она протянула Шодару его ледоруб.

Мы с удивлением посмотрели на него.

— А почему ты ушла утром без разрешения? — сказал Шодар, отводя её руку и, видимо, злясь: бледность залила его загорелое лицо.

Но Наташа не дала ему договорить.

— Ой, мальчишки, а я-то, дура, что передумала, пока лезла сюда, если бы вы только знали! — неожиданно воскликнула она и спрятала лицо на груди Шодара.

Я с самого начала видел, что без этого не обойдётся, и поймал себя на том, что смотрю на них обоих с удовольствием или, вернее, с чувством, которому нет названия. Шодар казался мне очень красивым и очень мужественным в позе путника, опирающегося на копьё. Ветер шевелил его светлые волосы, такие же светлые, как у Наташи. Пожалуй, они были похожи друг на друга, только Шодар был выше Наташи на целую голову.

— Ведь ваш ледоруб прямо с неба ка-ак шлёпнется на тропу, только камни в стороны, камни как от бомбы разлетелись. Что я передумала, пока лезла... — бессвязно бормотала Наташа, захлёбываясь слезами.

Шодар осторожно погладил её по голове и, слегка отодвинув от себя, сказал неожиданно мягко:

— Ну-ну, успокойся, успокойся.

— В самом деле, чего ты слёзы льёшь? — почему-то басом ска-

зал я, разглядывая широкую трещину в рукоятке ледоруба. — Ты лучше скажи, зачем ты сюда полезла?

— А вы-то сами?

— Мы террасу искали, — важно сказал я и поглядел на Шодара.

— Конечно! Мы искали террасу, — засмеялся Шодар.

Спустившись на тропу к реке, мы долго пили воду, а потом Наташа показала нам щель, по которой ледоруб свалился «с неба». Там действительно виднелось тусклое, бледно-голубое небо, больше ничего не было видно.

Нам надо было спешить. Задул сильный долинный ветер, вода в Вану стала подниматься. Кое-где тропа уже покрывалась водой. Часы показывали четыре.

Мы долго шли по извилистой тропе, почти не разговаривая, тяжело дыша от быстрой ходьбы, механически переставляя налившиеся свинцом ноги. Скоро мы должны были выйти к главной долине, где нас ждали Василий Семёнович и Валя, где нас ждал обед.

Проходя по последнему хлипкому мостику через Вану, мы неожиданно увидели внизу, под мостом, стоявшего на коленях человека, который набирал в горсти воду и пил, высоко запрокидывая голову. Рядом на камнях лежало ружьё.

— Василий Семёнович! — несколько раз окликнул его Шодар, стараясь перекричать грохот реки.

— Эге-ге! — загорланили мы с Наташей.

Наш профессор прислушался, встал на ноги и, увидев нас, прежде всего погрозил кулаком. С трудом выбравшись наверх (он пользовался ружьём, как палкой), Василий Семёнович обиженно сказал Наташе:

— Вы знаете, сколько сейчас времени? Полшестого? Вот то-то же! А вы знаете, сколько мы с Валей передумали, пока ждали вас? А тут ещё этот нурмамадов барс валяется, чёрт бы его побрал!

На усталом лице Шодара мелькнула улыбка.

— Ну, да-да, ну, конечно, — сразу надулся, как ребёнок, Василий Семёнович. — А вы, Шодар, как вы сюда попали? Уж не думаете ли вы трассировать канал по этому склону? С сегодняшнего дня я уже ничему больше не удивляюсь.

— Да нет, Василий Семёнович, мы просто перевалили хребет через ледниковые цирки. Нашли террасу на северном склоне, только несплошную, с разрывами.

Я, вытаращив глаза, смотрел на Шодара.

— Ну-ну, не обижайся, что не показал её тебе, — сказал он. — Я и сам ещё не вполне уверен. Всё равно нам с тобой ещё придётся там полазить, пока мы приспособим её в дело... А нурмамадова барса придётся ему вернуть, а то из-за него рабочий день чуть не сорвали.

Он остановился на минуту и добавил:

— Ох, кажется мне, что этот хитрый Нурмамад убил барса не здесь и не вчера.

— Неужели ты так думаешь? — спросила Наташа скороговоркой.

— Да, я так думаю, — сказал Шодар. — Если Нурмамад вчера убил этого барса, то сегодня сюда должен был прийти другой. Я так думаю... Сегодня я ни о чём другом и думать не мог...

— Позвольте, Шодар, — остановившись, сказал Василий Семёнович. — Я тоже сегодня всё время думал об этих барсах. Так вот, не то у Брема, не то у профессора Бобринского сказано, что барсы, сменяющие в горах Средней Азии пантеру, ходят парами только в конце зимы. А теперь уже, слава богу, лето. Вы же родом из Кушки, Шодар, вам бы следовало знать это.

— Возможно, — пожал плечами Шодар. — Но всё-таки, я думаю, он убил его не вчера. Он, наверное, решил просто напугать нас, потому что заботился о нашей безопасности. Он хороший парень — Нурмамад, но сделал это не очень ловко.

Я уже готов был пуститься в спор с Шодаром, но он сказал:

— Пошли-ка быстрее в лагерь, надо дневники заполнять, итоги подводить, да и Наташа вон голодная — она же ещё не завтракала!

— Я завтракала, — сказала Наташа. — Все сухари и весь сахар съела, до крошки! Но есть ужасно хочется...

Когда мы вышли к каменистой осыпи, на которой я утром в последний раз видел Наташу, солнце уже наполовину село за Ванчский хребет.

Оазис кишлака растаял в густой, но ещё прозрачной тени. Только крошечный белый огонёк — наш очаг, вокруг которого двигался тёмный силуэт, — это, конечно, была наша хозяйка, наша Валя, — говорил, что нас ждёт неоценимый уют походного дома.

Мы прибавили шагу.

СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ

ЧЖУ ДЭ

Уходим из Тайханьшаня

Горные пики подняты ввысь,
стенной Тайханьшань встаёт,
Ревёт внизу река Хуанхэ,
взгляни — и иди вперёд.
На её берегах маяки зажглись,
освещая водоворот.
Этот горный поход успокоит нас
и разгневает — этот поход.

КЭ ЧЖУН-ПИН

Думаю о товарище Ван Чжэне

Дорогой, ведущей через Лунмынь,
При свете ночных светил,
О генерале думаю я,
Что раньше рабочим был.

Рабочий ведёт солдат на бой
С полчищем чёрных сил,
И выше он, чем великий Юй¹,
Который Лунмынь прорыл.

Передай ему этот цветок

Провожая товарища Сяо Саня (Эми Сяо), уезжающего в СССР для участия в торжествах в связи со 150-летием со дня рождения Пушкина.

Цветок гвоздики я сорвал
Среди высоких скал,
Чтобы ты Пушкину его
В России передал.

¹ Юй — древний император. Легенда приписывает ему заслугу спасения Китая от грандиозного наводнения. Лунмынь — теснина, по преданию прорытая Юем. В ней протекает река Хуанхэ.

Чтобы от наших мест вдали —
 За десять тысяч ли —
 Он принял «в дар гусиный пух»¹ —
 Привет моей земли.

АЙ ЦИН

Разговор с углем

Где ты живёшь?

— Живу я в толще гор тысячелетних,
 В тысячеletнем камне я живу.

Ты очень стар?

— Я старше гор, в которых я живу,
 И старше камня старого, как горы.

Давно ль молчишь?

— Тогда дракон ещё лесами правил
 И содрогался слой земной коры.

Не мёртв ли ты?

— Я мёртв? О, нет! Ещё живу я в мире —
 Огня мне дайте! Дайте мне огня!

ЛЮИ ЦЗЯНЬ

В турецкую тюрьму

Откуда врывается этот ветер,
 Который будит меня ночами?
 Откуда доносится эта песня,
 Которая сердце мне рвёт на части?

Из дальней Турции песня эта,
 Из каземата тюрьмы турецкой,
 Вырвалась — гневная — на свободу
 И прилетела сюда, к востоку.

Кто это сердце моё приносит
 На южный берег Чёрного моря,
 Где слышу я горестный звон кандалный
 В туманном свете луны холодной?

Не ты ли, Хикмет, позвал моё сердце,
 Бодрствуя в каменном каземате? —
 Я знаю, тебе не изменят силы,
 Ничто не заставит тебя склониться.

¹ «Гусиный пух, посланный в дар», — символ скромного подарка.

Ты снова кинжал своей песни точишь —
На лезвии пляшет огонь возмездья.
Двенадцать лет не смолкает песня,
Двенадцать лет её слышат люди.

Орёл никогда не забудет неба,
И конь никогда степей не забудет —
Вот так и твоё горячее сердце
От сердца народа неотделимо.

И разве ты можешь быть одиноким?
Народы встают на твою защиту,
Когда ты в тюрьме поднимаешь песню,
Тебе голоса отвечают наши.

Весенним ли утром иль вечером летним
Ты слышишь могучую поступь братьев,
Шагающих сомкнутыми рядами
Во имя свободы, труда и мира.

Переводы Александра Гитовича.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

★

СТАРШЕМУ БРАТУ

С аварского

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Звучала песнь то тише, то сильнее,
Вступали в хор искусные певицы,
Счастливый голос родины моей
Летел над полуночною столицей.

Звучала наша песня в этот час
И эхом в каждом сердце отзывалась,
И тем, кто слышал песню в первый раз,
Она чужою песней
не казалась.

...Она мечтой народа рождена,
Никто не знает, где её начало.
В груди широкой плакала она,
Она в крови горячей клокотала.

Она пришла с подзвёздной высоты,
Из дагестанских саклей и селений.
Она прошла сквозь горные хребты,
Через сердца десятков поколений.

У Надир-шаха в золотом шатре
Невольницы, воздевши к небу длани,
Её сквозь слёзы пели на заре,
Тоскуя о родимом Дагестане.

За эту песню хан
Ирчи Казака¹
Угнал в Сибирь, от злобы озверев,
Но песнь рвалась из каторжного мрака,
Презрев неволю, ханский гнев презрев.

И на Бакинских промыслах впервые
Не под старинный саз, а под баян
Пел эту песню другу из России
Черноволосый горец Сулейман.

¹ Ирчи Казак — кумыкский поэт XIX в.

И песня, счастье звавшая, как чудо,
 Надеждой волновавшая сердца,
 Была последней песнею Махмуда¹
 И первой песней моего отца.

Она звучала в тёмных казематах
 Под пыткой.
 (Так теперь во тьме ночей
 Поют о счастье греки и хорваты
 Перед лицом убийц и палачей).

К заветной цели песнь рвалась упрямо,
 С орлиных круч взлетала в небеса,
 И в споре с ней срывали голоса
 Коран пророка и закон имама.

Товарищ Сталин, посланный Москвой,
 Принёс свободу моему народу.
 Двадцатый год. Над Темир-Хан-Шурой
 Гремела песнь, ликуя, как свобода.

Она звучала так,
 как в тишине
 Звучит сейчас в приветливой столице...
 Она взлетает ввысь и в вышине
 Плывёт ширококрылою орлицей.

И для неё
 не может быть преград.
 Она летит, летит по белу свету...
 Пой, Рагимат,
 пой, Ума,
 пой, Исбат,²
 Пусть Мир сегодня слышит песню эту!

Свободную минутку улучив,
 Включит товарищ Сталин свой приёмник,
 И, этой песни услышав мотив,
 Двадцатый год, далёкий год припомнит!

Авторизованный перевод Н. Гребнева.

* *
 *

Мой старший брат любил меня и нянчил,
 Мой старший брат ходить меня учил;
 Я ставил ножки на пол — робкий мальчик,—
 От счастья плача, не жалея сил.

И постигая таинство движенья,
 Я спотыкался, сделав два шажка,
 Но предостерегала от паденья
 Его большая тёплая рука.

¹ Махмуд — аварский лирик XIX в.

² Имена дагестанских певцов.

У нас всегда была одна дорога,
И вижу я такую жизнь свою:
Шагает брат, а позади немного
Я — маленький — иду, не отстаю.

Я слабым был, но, взгромоздясь на камни,
Я весело встречал каспийский шквал.
Чуть что — мой брат бежал и помогал мне,
Брал на руки, когда я уставал.

Всегда я чувствовал заботу брата.
Он вёл меня и защищал не раз,
Отпугивая палкой суковатой
Лохматых псов, кидавшихся на нас.

Он добрым был, он сильным был и смелым,
И с ним я не боялся ничего.
Я так гордился им, мне так хотелось
Расти и быть похожим на него.

И вглядываясь в пройденные годы,
И снова видя брата пред собой,
Судьбу страны, путь моего народа
Мне хочется сравнить с моей судьбой.

О русский брат! Невзгоды и тревоги
Давили нас, и были слабы мы.
Ты научил ходить нас по дороге,
Ведущей к свету из кромешной тьмы.

Ты защищал нас, и бежали в страхе
Все те, кто преграждал дорогу нам.
Когда б не ты — паши и шахиншахи
Давным-давно прибрали б нас к рукам.

Что мы могли? У края скал отвесных
Мотыгами взрыхлять клочки земли.
Ты нас учил седлать коней железных,
Всдить в полях комбайны-корабли.

Шторма одних и тех же океанов
Нас на волнах качали в трудный час,
Но ты, как старший брат, был капитаном
К далёким маякам ведущим нас.

Ты достигал вершин хребтов огромных,
Мы тоже шли туда по склонам скал,
И для того, чтоб облегчить подъём нам,
Ты нам по-братски руку подавал.

Над саклями парят стальные птицы.
Встаёт плотина и ложится гать...
Растёт народ мой, мой народ стремится
От брата своего не отставать.

О русский брат, всё крепче братство наше,
И в Коммунизм дорогою прямой
Идёшь ты, и десятки братьев младших
Идут, не отставая, за тобой.

Авторизованный перевод Н. Гребнева.

В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Вечер, счастьем окрылённый.
Дом Союзов весь в огнях.
Горец, в зал войдя Колонный,
Восхищённо молвил:
«Вах!».

И ко мне:
— Скажи на милость,
Разлюбезный человек,
Не сюда ли опустилось
Наше солнце на ночлег?..

А вокруг проникновенных
В зале много-много глаз.
Перед выходом на сцену
Кто волнуется сейчас?

Мавр Отелло ли печальный,
Что ревнив, как чёрный бог,
Или Золушка,
хрустальный
Обувая сапожок?

Покорять сердца умея,
Будет завтра здесь опять
Мастер танцев Моисеев
Непреренно выступать.

А сегодня, с гордым чувством,
Что, как пламя у костра,
Дагестанского искусства
Выступают мастера.

Два танцора в поединке.
О кинжал звенит кинжал.
В такт стремительной лезгинке
Аплодирует им зал.

Вышла девушка-кумычка
(На плечах белеет шаль).
Поклонилась
и привычно
Тихо села за рояль.

И, лишь пальцами припала
К чутким клавишам она,
Как долина заиграла
На свирели чабана.

И, проснувшись спозаранку,
 Дочь заснеженных вершин —
 Вышла из дому горянка,
 На плече неся кувшин.

Как зерном созревший колос,
 Вечер песнями богат.
 Зал не дышит:
 льётся голос
 Баталбековой Исбат.

А когда, сердца тревожа,
 С бубном встретился кумуз,
 Показалось:
 я не в ложе,
 А на свадьбе нахожусь.

Танец следует за танцем.
 Песни звонки, горячи,
 Рукоплещут дагестанцам
 Дорогие москвичи.

Весь огромный зал поднялся.
 У друзей любовь в глазах.
 Мой знакомый не сдержался
 И опять воскликнул:
 «Вах!».

Нас с концерта провожая,
 Покидая славный зал,
 Сын великого Китая
 Крепко руку мне пожал.

И сказал в сиянье света:
 — Будет день —
 и наяву
 К нам в Пекин сыны Тибета
 Прилетят, как вы в Москву.

Авторизованный перевод
Я. Козловского

ЮРИЙ ГОРДИЕНКО

★

НОВОГОДНИЕ ПИСЬМА

1

Воинская часть №
Алексею Ильичу Дубровину,
капитану

...Тишь полустанка. Лагерные стрельбы.
Ночёвки на Смоленщине в стогах.
Бросок за Неман. Зарево на Эльбе.
Костры на Керуленских берегах.
Степные дали. Путь к Хинганским высям.
Слепые фанзы, крытые травой...
Всё это — в стопке треугольных писем
Со штемпелями почты полевой.
Давно улёгся ветер боя резкий,
Но для тебя не кончился поход.
Граница...

На каком её отрезке
Сегодня ты встречаешь Новый год?
Не в обороне воинские части,
Спокойны порубежные леса,
Но у людей, хранящих наше счастье,
Как прежде, полевые адреса.
Их нынче не согреет кружка хмеля
(Покой лесной заставы — до поры!).
Кругом так много новогодних елей,
Но только все они без мишуры.
В сугробах троп звериных многоточье
Да часового торная лыжня.
...Спасибо тем, кто новогодней ночью
Хранит нам солнце завтрашнего дня.

2

Хакассия, с. Арбаты,
изыскательская партия,
Анне Александровне Травиной,
инженеру

У Лысых гор, под Абазинской кручей,
Или в Аскизе — где сегодня ты?
Я шлю своё письмо, на всякий случай,
На зимние квартиры в Арбаты.
В краю лесов до срока нелюдимом,

С громадами утёсов по божкам,
 Весь день шумит, дыша морозным дымом,
 В базальтовых порогах Абакан.
 Поёт метель, в печи трещат поленья
 Да бубенцы кочуют вдоль села.
 Как в штабе перед важным наступленьем,
 Наверно ты склонилась у стола.
 Готовя чертежи для камеральных,
 Разведку завершающих работ,
 Там, у доски чертёжной, в даях дальних
 Забудешь ты, что скоро Новый год.
 Как я хочу, чтобы хороший кто-то
 Собрал бы ёлку, не жалея сил,
 Позвал тебя, согрел своей заботой,
 За дружбу первый тост провозгласил;
 Чтоб потеплела зимняя квартира,
 Край, что до срока тих и нелюдим.
 ...В глухой тайге ты служишь делу мира,
 Который людям так необходим.

3

Маньчжурия, с. Саньмяо,
 Борису Степановичу Бельскому,
 врачу

...По тем местам, в иные дни и ночи,
 Пришлось мне на лафете кочевать,
 Где долгом дружбы ты уполномочен
 Исследовать, учить и врачевать.
 Там, в горе и нужде, не люди — тени
 Ютились в стенах лёсса, как стрижи.
 Косившие их вихри эпидемий
 Ещё сегодня в памяти свежи.
 Пустели фанзы, разбрелось стадо,
 Железом грубых боталов бренча.
 ...Ты, помню, мне писал, как было радо
 Село приезду русского врача.
 Хлор с известью замешивая в кадке,
 Дежуря ночи (некому сменить),
 Людей спасал, а самого десятки,
 Нет, сотни раз могли похоронить.
 Устал ли ты, здоров ты или болен,
 Стучит ли вьюга черепицей крыш,
 Ни в жизни, ни во времени не волен,
 Ты людям до конца принадлежишь.
 И, может быть, в час новогодних тостов
 Ты, ободряя молодую мать,
 Готовишься обыденно и просто
 У китайки первенца принять.
 Когда в гостях, однополчане, разом
 Мы пьём за Порт-Артур или Хинган,

Тебе огромным будущим обязан
Ещё один маньчжурский мальчуган.
Сестре не захотев передоверить,
Его ты пеленаешь на столе.
...Ты, как никто, имеешь право верить
Не смерти — жизни доброй на земле.

АНДРЭ СТИЛЬ

★

ПЕРВЫЙ УДАР

Роман

«Поэт, ты без разбора обличаешь тех, кого называют палачами родины, ты пригвоздил Карла V и Филиппа II к позорному столбу истории, — ты не таков, как сова, ты неблагоразумен. Уверен ли ты, что в этом мире уже нет ни Карлов Пярых, ни Филиппов Вторых?»

Шарль де Костер.

1. Дождь идёт

— **С**мотри, как накренилась! Сейчас твоя лодка утонет!
— Конечно, она же дырявая.

Грязный ручеёк, текущий вдоль стены, всё увеличивается и образует в углу кухни большую лужу. Перед ней на корточках сидят дети — мальчик и девочка. Посередине лужи — разъеденная ржавчиной крышка от коробки из-под ваксы. Она ещё кое-как держится на поверхности, но мало-помалу наполняется водой.

И мальчику и девочке года по четыре. Он смотрит на неё большими, несмеющимися даже во время игры глазами с красными веками — грустными-глазами ребёнка из бедной семьи. У неё удивительно светлые, почти белые волосы, такие тонкие и редкие, что через них, как дно ручейка сквозь воду, просвечивает грязновато-серая кожа. Она мило наклоняет головку и говорит:

— Слушай, а ты смог бы сделать лодочку из бумаги?

— Во-первых, нет бумаги... Подержи меня за руку, я попробую её спасти.

— Но ведь у тебя болит рука, ты её намочишь.

Он наклоняется над лужей. Правая его рука обмотана грязным бинтом. Он неловко, как котёнок лапкой, пытается достать крышку, но опрокидывает её, и она идёт ко дну.

— У... чёрт! Держи меня за эту руку, я её вытащу.

— Не хочу.

— Почему?

— Я боюсь заразиться. У тебя такая грязная повязка... Там, наверное, полно микробов. Знаешь, это маленькие букашки, они перелезут ко мне.

— Дурочка! От этого не заражаются.

Девочка отодвигается.

— Тебе больно? Очень?

Он с некоторой гордостью слегка пожимает плечами.

— Знаешь, какой сильный ожог?..

Она кончиками пальцев берёт его руку, чтобы рассмотреть повязку.

— Эта большая булавка прицеплена прямо к коже?

Выпятив грудь, он врёт:

— Да. И знаешь, как больно... А если ты не поддержишь меня за большую руку, я опущу её в воду, чтобы поймать нашу лодку, и мне будет ещё больнее... Всё из-за тебя. Ну, опустить?

Она колеблется и, глядя на перевязанную руку мальчика, морщит нос:

— Нет, я не хочу дотрагиваться.

— Ну, тогда...

Он делает вид, будто окунает большую руку в воду.

— Злюка! — кричит девочка.

Нет, он не злой. Увидев, что она готова расплакаться, он встаёт.

— Ладно, я сейчас ногой достану.

Мальчик обут в грубые башмаки на босу ногу. Кожа ботинок стала твёрдой, как дерево, и мальчик докрасна натёр себе щиколотки. Он опускает ногу в воду и пытается нащупать свой затонувший корабль.

— Вода проходит в ботинок, очень холодно. Ничего не поделаешь. Найдём что-нибудь другое.

— Когда ты вырастешь, ты тоже будешь докером?.. Или моряком?

Он пожимает плечами:

— Я буду доктором. Знаешь зачем? Чтобы не давать людям умирать.

— Но если в человека попадает бомба, он же всё равно умирает...

— Смотри, гидроплан... Это его вода принесла.

На поверхности всё увеличивающегося ручейка появляются две скрещённые спички.

— А вот это будет подводная база!

Он ставит в воду скамеечку. Течение проносит под неё спички.

— Видишь!

Девочка смеётся и хлопает в ладоши.

— Вода-то как поднимается!

— Это прилив!

Мальчик доволен своей выдумкой. Но тяжёлая капля падает на гидроплан, беспрепятственно пересёкший подводную базу, и он разваливается.

— Смотри, и сюда дождь попадает.

— А жалко, что ветер здесь не дует. Мы бы сделали корабль с парусами.

Мальчик изо всех сил дует на спички.

— Чем бы их поймать? Можно кочергой.

Оба поворачиваются к печке и ищут глазами кочергу.

И тут они возвращаются к действительности...

— Смотри, сколько воды всюду!

Мало того, что вода ручьём течёт из коридора и растекается лужей в углу кухни, она теперь капает изо всех щелей между чёрными досками потолка. Капает, как с дерева, которое потрясли после ливня. Кажется, что дождь проникает сквозь стёкла и падает прямо на подоконник: вымокли и клубок ниток, и горбушка чёрствого хлеба, которую мать, уходя, сунула в уголок.

— Ой, воды-то, воды-то!..

Над птичьей клеткой, подвешенной высоко на стене у окна, наплывают всё новые и новые капли и со звоном падают на дно клетки.

— А где ж твоя птица? — спрашивает девочка. — Утонула? Её не видно... и не слышно...

— Нет, она не утонула.

Покраснев, он опускает голову.

— Где же она?

Не поднимая головы, мальчик пытается скрыть брызнувшие из глаз слёзы.

— Ты что-нибудь с нею сделал?

— Отстань!

Он резко поворачивается к девочке спиной и смотрит на струйку воды, которая, спиралью пробежав вдоль провода, стекает на пол по лампочке без абажура.

Внезапно вода в ручейке поднимается так, будто кто-то в коридоре опрокинул полную лохань, и в ту же минуту ветер шквалом обрушивается на барак.

Дети испуганно вскрикивают:

— Мари!

— Мама!

За стенкой прекращается шум передвигаемой мебели. В кухню вбегает женщина, шаркая промокшими стоптанными туфлями. Она, как тряпку, выжимает свой чёрный изодранный передник и вытирает им свои красные иззябшие руки; на ней старый джемпер, рукава которого едва доходят до локтей. У женщины большие глаза, которые так нравятся детям; несмотря на холод, над бровями у неё выступили капельки пота.

— Боже мой! Здесь ещё хуже, чем у меня!

— Вдруг как полило!

Пряди уже поседевших волос падают ей на глаза. Быстрым движением руки она собирает их на затылке.

Она усаживает ребятшек на стол, куда дождь не попадает.

— Здесь и сидите, — строго говорит им Мари.

Потом выбегает на улицу посмотреть, что там творится...

— Эй, Леон! Что вы там, спятили? Это вы на нас воду из канавы пустили? — кричит она.

Старик, с непокрытой голозой, подставив сутулую спину дождю, пытается с помощью тряпок и доски, оторванной от тачки, отвести поток, несущийся вниз по улочке, вдоль барачков. Он хочет соорудить перед своей дверью плотину.

— Что? Я пустил?.. — говорит он раздражённо. У него држит от холода подбородок, а по лицу и коротким седым волосам струится вода. — Плевал я на тебя, понятно? Ты что — хочешь, чтоб у меня там всё затопило? Никто тебе не мешает запрудить тоже!

— Вредный старик! Где я возьму доски?

— Одну я тебе дам! Видишь, я уже кончил... — Он поднимает доску и тащит её к дому Мари. — И почему бабы вечно орут? Ну-ка, посторонись.

Он отталкивает её и всовывает доску в землю перед дверью.

— Вот! Теперьними передник и заткни им дыру, чтоб остановить воду. Сейчас я у себя подсыплю ещё земли и вернусь сюда... Скажет тоже — вредный старик!

От холода у него дрожат колени. Втянув голову в плечи, он бежит к своей запруде.

В коридор попадает теперь только тонкая струйка воды. Сквозь шум бури сюда доносятся крики со всего посёлка. Океан совсем рядом, всего в пятидесяти метрах, за свалкой. Не дождь, а сплошные потоки воды, будто выплеснувшиеся из моря, гонит ветер в посёлок, сотрясая покосившиеся деревянные бараки. Слышен звон бьющихся стёкол. Каждая буря — трагедия для жителей. И среди этого потопа только водонапорная башня, как феодальный замок, невозмутимо

возвышается над посёлком. Впрочем, её еле видно за сплошной стеной воды, которую рвут порывы ветра. Башня как бы противостоит Атлантическому океану, всему западу. С подветренной стороны водокачки вода стеклянным веером падает с круглой крыши и высоко над землёй мельчайшими брызгами рассеивается, как дым.

Мари вбегает в дом. Она возвращается к соседке, где дети продолжают сидеть на столе, забавляясь всем происходящим. Она втаскивает тяжёлую лохань.

— Ну-ка, помогите! — просит она детей и, дав каждому по кастрюле, объясняет: — Делайте вот так.

Они втроем начинают вычерпывать воду из лужи в углу кухни.

Со двора доносится стук лопаты: это вернулся старик, чтобы укрепить запруду.

Лохань наполнена, и Мари кричит:

— Эй, Леон, помоги!

— Если бы все так надоедали, житья бы не было, — ворчит Леон.

Мари и старик поднимают тяжёлую лохань и, перешагнув через запруду, выносят её. Слотыкаясь, скользя по размокшей глине, они идут под проливным дождём.

— Чёртова погода! — ругается Леон. — Если вылить здесь, потечёт к Жежену. Давай выльем посреди сада.

Приходится тащить лохань ещё десяток метров.

Когда они стоят уже в коридоре, запыхавшиеся, с блестящими от дождя лицами и руками, ливень внезапно стихает. Последний порыв ветра словно тряпкой насухо вытирает воздух; во внезапно наступившей тишине слышатся журчание воды, оживлённые возгласы, стук деревянных башмаков. Кажется, будто даже придавленная бурей крыша лацуги с облегчением выпрямляется. Дышится свободнее. Но в то же время сильнее чувствуется холод. Небо голубеет над океаном.

— Мама идёт! — говорит Мари. — Ребята, сидите на месте!

К бараку бежит насквозь промокшая молодая женщина.

— Я так боялась, что тебя не будет дома! — кричит она ещё издали.

— Всё в порядке, Полетта. Успокойся. Всё кончилось.

— Мама!

Мальчик выскакивает из дверей и бросается к ней с раскрытыми объятиями.

— Не трогай меня, ты сухой, а я промокла до нитки. Идём-ка домой...

В коридоре она говорит Мари каким-то беззвучным голосом:

— Я побежала, как только началась буря. Я чувствовала, что здесь неладно. У меня ноги подкашиваются.

Войдя в кухню, она разражается слезами.

— Мари, боже мой, Мари! Что творится! Как нам жить? Это невысказано!

— А ведь я уже почти всё убрала, — говорит Мари.

— Отовсюду течёт! Посмотри на стены. А занавески! Мари, посмотри, во что превратились занавески! И календарь до того вымок, что расплзается. Мы как в пещере. Что за проклятье! Ещё счастье, что вода через дыру уходит под пол!..

— Да, но всё это стекает ко мне, пойдй посмотри.

В кухне Мари тоже дыра в полу. Она закрыта куском старого мнотелеума. Мари приподнимает его:

— Смотри.

В яме — чёрная жидкая грязь.

— Каждый раз, когда идёт дождь, она тут собирается. Вот почему

здесь всегда воняет, и с этим ничего не поделаешь. Ты никогда не замечала? Наверное думала: почему у Мари всегда чем-то пахнет? А дело-то вот в чём... И у меня повсюду льёт... В комнате мне тоже пришлось вытирать пол, отодвигать кровати... Переоденься, Полетта, ты простудишься.

— Ладно, я пошёл, — говорит старик. — Я больше не нужен?

— Спасибо, Мари, — говорит Полетта, — спасибо за всё.

— О чём тут говорить, Полетта, ты бы сделала то же самое.

— Я получила молоко через кассу взаимопомощи, хочешь, дам тебе половину. Я так тебе благодарна!

— Конечно, хочу! — не заставляя себя просить, немедленно соглашается Мари и заглядывает в тусклые глазки своей малышки.

— А для меня, — говорит старик, — у тебя ничего не найдётся? Может быть щепотка табаку? Я не клянчу, я тоже заслужил, спроси у Мари...

— Нет, Леон. Если у Анри и есть, то ведь кисет у него с собой. Вы у него сами попросите, когда он придёт. А лучше я вас угощу стаканом вина. как только получу пособие...

Она приветливо улыбается старику, который от смущения разглаживает усы.

— Тогда до свидания, — говорит он. — А то старуха, чего доброго, подумает, что я сбежал с молодой, чёрт побери!

Мужчины в этом краю суют повсюду свои «чёрт побери». У них это означает и «конечно», и «ты только подумай!».

Старик ушёл, и Полетта переодевается в комнате, где — вот чудо! — с потолка не течёт. Она вытирает плечи тряпкой, и та сразу же становится мокрой.

— Ледяной дождь, Мари! Вот увидишь, пойдёт снег.

Сквозь тонкую перегородку она слышит, как соседка снова вытирает пол в своей комнате.

— У тебя есть чем растопить? — спрашивает Мари.

— Послушай-ка, — говорит Полетта, не отвечая на вопрос. Она накидывает на голые плечи старую шаль и бежит к соседке: — Мари, ты ничего не слыхала? Бабушка Фабьена, знаешь та, которая жила совсем одна, в землянке, возле форта... Утром её нашли мёртвой, я сама слышала, как об этом рассказывали. Умерла от холода. Знаешь, она дошла до последнего. У неё остались только кровать, шкаф и печурка. Сперва, чтобы топить, она отрывала доски от шкафа, потом стала выдёргивать шерсть из матраца. Что это за жизнь, Мари! Когда это кончится? Когда мы выйдемся из этой проклятой нищеты? Хоть бы сегодня в порту была работа!..

Полетта снова начинает плакать, и Мари её неловко обнимает. Может, это и глупо, но она не в силах удержаться, чтобы не поцеловать Полетту в мокрые волосы. Та ведь ещё так молода, ещё не свыклась с нищетой.

— Хочешь, я подогрею тебе кофе? — говорит Мари. — У меня осталось вчерашнее.

— Если тебе не трудно... — соглашается Полетта. — Сейчас надену что-нибудь на себя. А вы, дети, оставайтесь у печки. Тебе не холодно?

— Мама, у тебя есть коробочка без дыр, нам поиграть?

Оглядывая свою кухню, Полетта видит, что с потолка перестало течь, падают лишь отдельные капли. Но вода продолжает струиться между досками пола. Полетта вздрагивает.

«Если ночью ударит мороз, барак весь так и затрещит!» — думает она.

2. Старики

Старуха лежит недвижимо, как мёртвая, и плачет без слёз, уставившись в потолок. Засунув подмышки озябшие руки, входит Леон.

— Всегда ты оставляешь меня одну!..

— А ты что, хочешь, чтоб я сидел возле тебя по колено в воде? — резко отвечает Леон. — По-твоему, пусть нас заливают?

— Ты так долго пропадал...

— А помогать друг другу нужно? Когда Полетта приносит тебе молоко, ты, небось, его берёшь. У неё в квартире просто болото!

Старуха молчит, и он подходит к ней.

— Ну, не плачь, глупая. Если я всё время буду торчать здесь, как же мы будем жить?

Он гладит её по лбу и по седым, сухим, как табак, волосам.

— Ну, всё? Успокоилась?

— Скучно лежать вот так одной целый день... Бог знает что в голову лезет...

— Я понимаю, понимаю... Но нельзя же мне сидеть сложа руки. Не подышать же с голоду... И потом знаешь, Мели, я тебе откровенно скажу: здесь мне ещё холоднее, чем на улице... Сырость... Тебе под всем этим тряпьем всё-таки тепло. А я, когда сижу здесь неподвижно, промерзаю до костей, прямо кровь стынет. На улице я хоть двигаюсь и сразу оживаю... Надо будет придумать что-нибудь и хоть разок протопить, чтобы переменить тебе бельё. Давно пора. Пойти, что ли, попросить ведро угля у Жежена, а?

Привычным движением Леон засовывает обе руки под жалкие изодранные одеяла, гяжёлые от сырости.

— Чувствуешь, как сегодня холодно?

Он нащупывает плечо Мели и просовывает свои замёрзшие пальцы в тёплую щёлочку между её рукой и костлявым телом. Леон, почти опустившись на колени, щекой прижимается ко лбу жены.

— Ты горячая. Похоже, что у тебя жар.

— А ты совсем промок, ещё простынешь.

— Пожалуй, я возьму немного угля у Жежена, у него, наверное, есть... Конечно, я мог бы лечь с тобой, мне было бы тепло, но нельзя же здоровому человеку кончать свои дни в постели.

— Ты хоть немного полежи. Согреешься. Не раздевайся, только пиджакними.

Леон не может устоять против соблазна согреться под одеялами, на старом матрасе. Пиджак он хотел было бросить на стол, но, передумав, вешает его на спинку кровати. Стол весь источен жучком; когда идёт дождь, он так пропитывается сыростью, что стоит надавить пальцем — сразу выступает вода. Он даже заплесневел — того и гляди выползут червяки. Мели немного подвинулась, уступая Леону тёплую вмятину постели, которую она продавила тяжестью своего тела. Леон залезает под одеяла, вытягивается на спине рядом с Мели и, устремив глаза в потолок, облегчённо вздыхает.

— И всё же так жить нельзя... — говорит он. Внезапно, даже не повернувшись к Мели, не отрывая глаз от серого потолка, он мрачно произносит: — Фабьена скончалась... прошлой ночью.

— Значит, настал мой черёд. Я теперь последняя из нашей четвёрки.

— Из какой четвёрки?

— Будто ты не помнишь! Ну, наша четвёрка!.. Фабьена, Жюли, я и Фредерика — помнишь? Мы всегда были вместе!..

— Нашла что вспоминать!.. Сколько нам тогда было? Лет по пятнадцати? Неужели ты до сих пор ещё вспоминаешь об этом?

— Когда лежишь неподвижно в постели, мысли уносятся куда им вздумается. И ничего с ними не поделаешь. Как в тюремной камере, кружатся они в этой старой коробке, словно ищут щели, чтобы вырваться наружу. Вот заболит у меня палец, и знаешь, о чём я вспоминаю? Как меня исцарапал твой котёнок. Мы только начали встречаться. Я тогда второй раз пришла к твоим старикам. Твой отец хотел тут же его бросить в море. Но я не позволила. А ты, когда пришёл из порта, всё целовал мне пальцы, помнишь?..

— Когда ты говоришь об этом, конечно... — нехотя отвечает Леон.

— ...Или вот ещё... Когда у меня поясница немеет — ведь я лежу всё время в одном положении, — я снова вижу эту дивную ночь. Помнишь тот деревенский праздник? Мы без конца танцевали. А вино какое было... я еле держалась на ногах, и тебе пришлось чуть ли не нести меня домой. А луна, какая была луна!..

— Тебе всё весёлые воспоминания приходят в голову.

— Не всегда. Часто приходят и грустные... Фабьена... Она по крайней мере пользовалась жизнью до последнего дня. Она не болела. Отчего всё-таки она умерла?

— Замёрзла. Её нашли утром совсем окоченевшей.

— Да. Она, наверно, умерла внезапно, может быть даже во сне. Она ведь до последней минуты была на ногах. А я вот лежу... Ничего не вижу, ничего не слышу, в общем не живу...

— Бедная ты моя старуха! Сразу видно, что ты вот уже два года лежишь в постели, даже не знаешь, что вокруг творится. Если бы только ты знала, как у нас в посёлке теперь живут старики... С каждым днём всё хуже. Всё идёт прахом. Посмотрела бы, что делается в других бараках в такой денёк, как сегодня. У нас ещё куда ни шло... Ты не знаешь, до чего дошла Фабьена. Ты права, она ещё двигалась, но ты не поверишь, чем в последнее время она занималась. Каждое утро она отправлялась рыться в мусорных ящиках; она ходила по переулкам, на рассвете, чтобы никто её не видел.

— А ведь какая она была гордая — Фабьена; помнишь?

— Такой она и осталась... Она и пошла на это, чтобы не появляться в благотворительной столовой. Всё же несколько раз ей пришлось туда прийти. Не знаю, чего она стыдилась. Это не нам надо стыдиться, чёрт побери! Она приходила с большой консервной банкой, которую торопливо наполняла, и быстро убегала, чтобы съесть суп в своей дыре. Пока она возвращалась, суп, наверно, остывал, но она, видно, предпочитала есть его холодным у себя, чем горячим на людях. Она ходила в лохмотьях, но, как и раньше, носила чепец из чёрного кружева, ещё совсем крепкий, и поэтому у неё что-то сохранилось от прежней Фабьены.

— Да, Фабьена это тебе не кто-нибудь! В школе мадам Дансар она была любимицей. Как она читала стихи наизусть! Просто удивительно! Ну, а фортепиано! Сядет, бывало, пройдёт пальцами по клавишам и сразу подберёт мелодию, а ведь не училась... У неё было дарование. А голос — ты помнишь, как она пела? А какая была решительная! Ещё когда она была в школе, ей понравился её Филибер; ей не было и десяти лет... И она своего добилась.

— Но счастье недолго длилось.

— Всё-таки...

— Что говорить! Он погиб ещё в пятнадцатом. А о своих обоих сыновьях она так ничего и не смогла узнать. Убиты, в плену, пропали без вести?.. И осталась совсем одна.

— Но хоть десять-то лет они прожили счастливо.
 — Ты хочешь сказать, что я не сумел дать тебе и это?
 — Леон, у нас совсем другое дело. Нам повезло.
 — То-то же... Мы и сейчас не самые несчастные, правда? Живём... Я подрабатываю то тут, то там, не нищенствую. А потом ещё наше счастье, что Жежен помогает. Да, надо сказать, когда я вытащил его из шлюза, я сделал доброе дело. Но он стоит того. Жежен хорошего не забывает...

— Леон, смотри, снег идёт.
 — Ах, чёрт возьми! Только этого нехватало!
 — Послушай, надо бы в один из ближайших дней всё-таки помыть и переодеть меня. Почему ты не хочешь позвать сестру Марту? У меня какая-то непонятная болезнь. Может, она в ней разберётся.

Леон спрыгивает с высокой кровати.
 — Ты мне осточертела со своими монашками!
 — Она так хорошо за мной ухаживает. Убеждения здесь ни при чём.

— Знаем мы их, прикидываются добренькими, чтобы обдурить человека. Влезают в душу, а потом нащёптывают своё.

— Нет. Ты же сам знаешь, что на эту грязную работу никто не идёт, кроме маленькой толстушки. А она говорит только хорошее. И очень возможно, что она больше коммунистка, чем ты!

— Не мели ерунды! То же самое говорил тот священник, который втирался к рабочим. Да и что они собой представляют, все эти епископы, архиепископы и как их там ещё? Все они пользуются своей рясой, чтобы усыпить людей, заставить их примириться с нуждой.

— Ты это вычитал в своей газете?
 Леон в это время надевает на себя промокший пиджак, но запутывается рукой в отпоровшейся подкладке.

— Ну и что! Лучше уж говорить, как в моей газете, чем как твои святоши, по псалтырю, не так, что ли?

Внезапно раздаётся резкий вой портовой сирены. Она одновременно свистит и чудовищно рычит, но тут же, как бы обессилев, замолкает.

— Опять твой будильник отстал. Уже полдень, а на нём — без десяти. Пора встречать детей.

Леон выходит. Медленно и тихо падает густой снег и тут же тает, попадая в лужи, в грязь, на крыши барачков, с которых ещё стекает вода после только что прошедшего ливня. Белые хлопья падают так плавно и однообразно, что они кажутся неподвижными, и весь серый посёлок с его водонапорной башней словно тихо поднимается к невидимому небу, которое вместе с ним уходит ввысь.

Петля, старик пробирается между лужами и, стараясь не увязнуть в глубокой леденящей грязи, ступает по камням. Он прячет голову как можно глубже в поднятый воротник, а на уши нахлобучивает морскую фуражку, но лицо остаётся открытым, и от холода он смешно двигает усами и супит брови.

Что это... в такую слякоть велосипедист!

Леон отходит в сторону на траву у края дороги.

— Ну и погодка, Леон!

— Как с работой?

— Да что там! Взяли человек пятнадцать-двадцать, не больше. Всего-то один пароход!

Мужчины начинают возвращаться из порта. Большинство из них даром потеряло всё утро в ожидании работы и регистрации.

Леон мимоходом заглядывает к Жежену.

— Я иду за детьми. На обратном пути забегу — разжиться угольком, если у тебя найдётся.

— Ладно. И потом у меня есть рыба, заходи — угощу.

— До скорого.

Жежен с порога смотрит на удаляющегося Леона. Ему самому уже семьдесят пять лет, Леону — под восемьдесят.

Молодёжь ещё даёт время от времени Жежену поработать денёк-другой в порту сигнальщиком. Так с грехом пополам он и сводит концы с концами... И держится ещё молодцом, чёрт возьми!

Главная улочка посёлка выходит на асфальтированное шоссе, по которому бесперывно несутся легковые и грузовые машины. По обе стороны шоссе ещё виднеются остатки стен, груды камней, бетона, смятое железо — развалины двух посёлков, начисто разрушенных в сорок третьем налётами «летающих крепостей». Леон внимательно озирается по сторонам и только после этого торопливо переходит через шоссе. Тут он попадает на узкую тропинку, ещё более грязную, чем поселковая улица, и останавливается за бугром. Ребятишки возвращаются из школы этой дорогой. Обычно Леон доходит до первого поворота. Там он ждёт, когда покажутся мальчики и девочки, которых он успел узнать по именам за те пять лет, что ходит их встречать каждое утро и каждый вечер, кроме четвергов, воскресений и каникул, — с того самого дня, когда военный грузовик раздавил на шоссе одного из малышей Роллана. Никто никогда не просил Леона встречать детей, но у него это как-то само собой превратилось в привычку. Ребятишек в посёлке хватает: трое или четверо в каждом бараке — самое меньшее. Размахивая палкой, Леон собирает школьников возле шоссе и потом, выждав подходящий момент — он сам досмерти боится машин, — выбегает на середину дороги и, зажав палку в коленях, машет руками и кричит:

— Бегите, чёрт подери! Бегом, бегом, живо!..

3. В доте Атлантического вала

Леон славный старик, только почему он вечно грозит своей палкой? Неужели он и вправду ударит, если его не послушаться? Поль, старший из троих приёмных детей Гиттонов, тащится позади всех, задумавшись, несмотря на холод и снег. Леон палкой делает ему знак — прибавить шаг. Поль минуту колеблется, затем, нехотя, догоняет товарищей. Неужели старый Леон может ударить?

Полю одиннадцать лет. Много в жизни ему кажется странным. Перед ним возникает множество вопросов. Он любит Гиттонов, они ведь так давно заменили ему родителей, так давно, что он и не помнит, когда это случилось. Он даже не помнит, когда и как он узнал, что у него нет своей семьи, что Клодетта и маленький Жан ему не родные брат и сестра, что они тоже приёмные дети... Но порой ему мерещится какой-то очень неясный и нежный образ, как будто — но лишь как будто! — в его памяти всплывает самое раннее детство, быть может, первые месяцы его жизни, когда его ласкала и баюкала ещё родная мать. Может быть, он ошибается? Может быть, это была уже мама Гиттон? Он не знает... Он ощущает эту неуверенность, как незаживающую рану. Она делает его непостоянным в привязанностях и в настроениях, чувствительным, как девочка, способным смущаться, болноваться из-за пустяка, из-за неправильно понятого взгляда или из-за палки Леона...

Всё возрастающую нищету Гиттонов Поль воспринимает как что-то

враждебное и противится ей изо всех своих детских сил. Он боится её. Он никого никогда так не любил, как ненавидит нищету.

Сосушее чувство голода не покидает Поля, и он — уже большой мальчик — догадывается, что ему угрожает не только это. Он очень хорошо понял, что именно произошло в начале прошлого учебного года. В тот день директор школы вызвал папу Гиттона и о чём-то разговаривал с ним. Повидимому, он сказал ему, что из его мальчика — ведь Поль для него почти родной сын — может выйти толк, если ему дать возможность учиться дальше. Он почти всегда идёт вторым в классе... Первый ученик — его приятель Пьерро, сын доктора... О том, что директор говорил именно об этом, догадаться было не трудно.

Вечером, когда папа Гиттон вернулся, он пошептался с мамой, потом сел у печки, посадил Поля на колени и был с ним необычайно ласков. Слёзы выступили у него на глазах, когда он смотрел на мальчика. Видно, он думал: я очень рад, но я бы ещё больше радовался, если бы ты был мне родным сыном. Может быть, тебе удастся хоть немного подняться над нашей жалкой жизнью. И он объяснил Полю: сейчас, сынок, у нас тяжёлое время, но это, конечно, скоро кончится, безусловно кончится. Во всяком случае, если Поль и дальше будет хорошо учиться, он может не сомневаться — папа Гиттон сделает всё, чтобы он мог продолжать учение... Он говорил об экзаменах, о «стипендии» и был так весел, что вечером заставил мамашу Гиттон танцевать посреди дота под песенку, которую он то распевал, то насвистывал:

Мой друг Поло,
Подними свой бокал...

Поль не всё понял из того, что ему сказал отец, но крепко-крепко поцеловал его в шершавые, как наждачная бумага, щёки.

Но вот в этом году, когда всё должно решиться, — о дальнейшей учёбе не было и речи. На этот раз Поль всё очень хорошо понял. Он понял также, что не стоит ни о чём спрашивать. Даже учитель ничего не говорил. А между тем Поль попрежнему шёл вторым в классе за своим приятелем Пьерро, первым учеником. Тяжёлое время, видно, не прошло так быстро, как надеялся отец.

Поль готов на всё, чтобы избавиться от нищеты. Он избегает её как только может. Он старается как можно меньше оставаться в доте. Будь погода получше, он придумал бы кучу предлогов, чтобы удрать на берег или в поле. Но зимой приходится сидеть дома: только по четвергам и воскресеньям Поль уходит в гости к Пьерро. Там, в полутёмной маленькой комнатке вечно ждут с унылым видом какие-то люди, почти все хорошо одетые. Они явно волнуются и только делают вид, будто читают большие, красивые книги с картинками, в которые Поль, когда никого нет, так и впивается. Тут и мама Пьерро, всегда в белом переднике, с воротничком, туго облегающим шею, отчего её лицо кажется ещё круглее и нежнее; целый день она только и делает, что моет руки. Первое время Поль не смел ни к чему притронуться. Ему всё казалось, что его приглашают из жалости, — конечно, доктор и его жена, — потому что с Пьерро они товарищи. Потом он привык, перестал стесняться. Он приходит не потому, что беден и может там иногда поесть в четыре часа, а просто потому, что очень дружит с Пьерро. Он стал чувствовать себя непринуждённо, прошли те времена, когда он едва прикасался к конфетам и пирожным. Но одно всё же отличало его от Пьерро, который уплетал всё, не задумываясь: за едой Поль всё время упрекал себя — это несправедливо, надо бы кусочек положить в карман для Клодетты и маленького Жана... Это приходи-

лось делать потихоньку, и часто у него потом оставалось ощущение, что его поступок заметили. В такие минуты Поль уже не чувствовал себя просто приятелем Пьерро... Он испытывал какое-то грустное, тоскливое чувство... И всё же эти четверги и воскресенья, дружба с умным Пьерро, планы, которые они вместе строили, — всё это уводило Поля далеко от привычного полумрака их дота...

Если бы старый Леон ударил его, даже совсем не больно, это бы ему так не сошло. Во-первых, Поль забросал бы его грязью и камнями. Потом папа Гиттон пошёл бы к нему и сказал, чтобы он не смел трогать чужих детей. Но в сущности он, должно быть, не вредный, этот старый Леон. Ведь он не со зла...

Войдя в дот, уже по запаху можно определить, что на обед опять одна отварная картошка. Стол накрыт. Глядеть тут не на что. Для маленького Жана есть немного снятого молока, но вина для Гиттона нет. Посреди стола бутылка из-под пива — неизвестно с чем, похоже, что с водой... Да... с водой...

Сразу же вслед за детьми приходит Гиттон. Слышно, как он кладёт свой велосипед на крышу дота. Потолок в добрых два метра толщиной, но, как ни странно, сюда доносится даже слабый шум...

Переступив через лужу, образовавшуюся у входа, Гиттон говорит: — Вот видишь, а они ещё смеялись над моим дотом! Пока что их бараки затоплены водой. Здесь, конечно, не роскошно, но по крайней мере сухо.

— Конечно. Правда, перед дверью столько глины после дождя.. Но ведь ты её в два счёта уберёшь?

— Ясное дело. В сто раз больше убрали, чтобы откопать вход. Уберём и это.

Да, надо сказать, что папаше Гиттону пришлось немало потрудиться, чтобы превратить дот в жильё. Впрочем, другого выхода не было. До этого они жили в какой-то невероятной лачуге: деревянный каркас, обшитый пятью или шестью слоями просмоленного картона. Окон там, конечно, не было и свет падал только через стёклышко, вставленное над дверью. Воздуха, впрочем, и так хватало: он проникал прямо в щели. И вот однажды в бурю, когда ни отца ни матери не было дома, начал отрываться один из листов картона. С четверть часа он бился под ливнем. Ветер его ломал и крутил во все стороны, наконец он разорвался на куски и улетел. Для ребятишек это была минута облегчения, потому что лист, раскачиваясь из стороны в сторону, раскачивал весь дом. Казалось, буря решила выкорчевать их лачугу и для этого расшатывала её то влево, то вправо, как это делают с зубом, когда хотят его вырвать.

Как только оторвался один лист, — готово дело! — отделился и другой, торчавший из-под него, поболтался минуту-другую и тоже улетел вверх, чтобы тут же прилипнуть, как афиша, к водонапорной башне. Так и пошло. Кусок за куском, лист за листом, ветер полностью разобрал домик, точно гигантский артишок.

Ребятишки до последней минуты не звали соседей. Они укрывались за остатками уцелевшего картона. Но в конце концов не осталось и этого. Только в самом низу сохранилось несколько досок. Остов домика стоял нелепый, бесполезный, и в него беспрепятственно проникали ветер и дождь. Обрывки картона — в несколько слоёв — болтались на столбах каркаса, напоминая корешки огромных квитанционных книжек. Дождь поливал матрацы, соломенные стулья, стол. Вода струилась по зеркалу шкафа. Крыша над остовом покачивалась, как огромная шляпа; она держалась благодаря большим камням, которые папаша Гиттон

набросал на неё, чтобы не дать ей улететь при первом же порыве ветра. Но что проку от крыши без стен! Да и камни в свою очередь начали скатываться — они могли в любую минуту упасть на голову.

Дети в общем отнеслись к происшествию довольно легкомысленно. Что же касается отца и матери, то они, вернувшись домой, прямо остолбенели. Тем более, что буря к тому времени улеглась и воздух был совершенно спокоен. Вечернее солнце стояло над морем. Жаворонок взвивался всё выше и от этого особенно чувствовался простор. В мягком свете спокойного прозрачного вечера бедствие, обрушившееся на их жилище, казалось совершенно неправдоподобным.

Вот тогда и было решено атаковать дот.

Он был полностью засыпан землёй. Виднелась только крыша, та самая круглая площадка, на которой дети любили играть «в дом». Начали вспоминать, что когда-то здесь была лестница, которая вела к двери и к цементной дорожке, опоясывавшей дот на глубине около двух метров. Вначале соседи помогли быстро расчистить вход, это было главное, — комфорт дело десятое. Сколько пришлось перетаскать одной только глины! Двести, триста тачек, может быть даже больше. Дверь показалась довольно быстро, но земля прсникла по крайней мере на два метра в глубь коридора, который надо было расчистить, прежде чем протиснуться внутрь дота с фонарём, чтобы увидеть, как всё это выглядит. Там было так сыро и холодно, что вначале помещение показалось совершенно непригодным для жилья. К счастью, когда дверь и окно, служившее бойницей, были расчищены, а глина, отброшенная на метр, образовала покатуую стену, по которой скользил свет, здесь стало даже светлее, чем в лачуге. Понемногу бетон впитал сырость. Но, боже мой, как здесь воняло! Не трудно догадаться, чем служил этот дот до того, как он ушёл под землю, для всего посёлка, не говоря уже о прохожих и туристах, которые иной раз разбивали поблизости свои палатки. Море, ясное дело... Будьте уверены, на этот раз мамаша Гиттон не пожалела жавеля! Она его разливала целыми бутылками. Потом всю дрянь смели в кучу и, зажав нос, вынесли из дота. С надписями и рисунками на стенах возни было тоже не меньше... Даже те, которые были сделаны мелом, стереть было не так-то легко. А кое-где неприличные слова так и пришлось оставить, потому что они были выщерблены в цементе. Их заслонили — где кроватью, где шкафом. И всё же, что ни говори, это лучше, чем ветер и дождь. Сволокли сюда весь домашний скарб и кое-как устроились. Гиттон использовал вмазанные в стены скобы, чтобы повесить полочки, этажерки. Он смастерил дверь и даже настоящее окно из деревянной рамы и кусочка стекла, для прочности обмазав всё это цементом. Что и говорить, Гиттоны это умеют! Когда у них будет настоящий дом — насчёт порядка можно не сомневаться! Чтобы в доте был свет, Гиттон приладил автомобильный аккумулятор. Он, конечно, быстро истощался и давал тусклый слабый свет, но и это было уже кое-что; Гиттон даже питал надежду наладить в скором времени таким же путем и приёмник.

— Из одной крайности в другую, — сказал Гиттон. — Там не было стен, а здесь такие, что никакой ветер не проймёт! Мы теперь часть Атлантического вала.

Вначале не обошлось без осложнений. Пришли полицейские с какими-то господами... Говорят: не имели права... Какого права? Что они, собственно, называют правом? Да и вообще их дот стоял без дела. О нём и не вспоминали. Конечно, когда его расчистили, они хватились, что это их собственность! Ладно, обожди, я им покажу! Гиттон взбежал наверх, перепрыгивая через ступеньки, взобрался на самую высокую кучу

глины и начал орать, размахивая руками. Дело происходило днём. В посёлке находились мужчины, сидевшие без работы. Они собрались у дота. Что же, сказали они, под открытым небом, что ли, жить? Куда же Гиттону деваться?

— Это собственность морского министерства, — сказал один из полицейских.

— Ладно, я буду вносить квартирную плату! — крикнул Гиттон.

Это было здорово сказано! Ребята были вне себя, но полицейские стали переглядываться, явно подумывая о том, что сейчас самый подходящий момент, чтобы отступить с честью. Они поняли, что если будут настаивать, то им непоздоровится.

— Для начала — это появится в завтрашних газетах, — сказал им Анри. — На этот счёт можете быть уверены.

А Гиттон уже дал волю рукам. Он схватил одного из этих типов в штатском за пуговицу пальто и начал её крутить:

— Послушай, старина! Я охотно верну тебе твой погреб! Только с одним условием... Ты будешь жить здесь, а я переберусь к тебе. Договорились?

Короче говоря, они убрались восвояси и больше не возвращались. Только однажды пришло извещение, что платить за квартиру не надо, но за землю вокруг дота раз в три месяца придётся кое-что вносить.

Вопрос о жилье был улажен. Ещё немного разгребли глину перед окном, и теперь, когда оно открыто, впереди виден океан, а левее — так называемый пляж, вдоль которого тянется изогнутая линия вилл с красными крышами, утопающих в зелени садов... Ничего не скажешь, вид красивый...

Когда идёт дождь, как например сегодня, самое скверное — это то, что глина сползает в углубление перед окном и по ступенькам лестницы.

— Конечно, это мигом уберём, — повторяет Гиттон.

— Насчёт работы — опять ничего? — спрашивает его жена.

Прежде чем ответить, он смотрит на неё, пытаясь понять, с какой целью она задала этот вопрос. Она опускает глаза.

— Это я тебе не в упрёк... — прибавляет она.

— Работы нет, — говорит Гиттон, — сколько нам ещё полагается гарантийных?

— Я думаю, дней за шесть, может за семь.

Гиттон — докер. Когда он без работы, БКМО¹ платит ему гарантийную заработную плату — триста пятьдесят франков в день. Но не больше чем за пятьдесят дней в течение полугодия. Сейчас этот срок подходит к концу.

Жена Гиттона поднимает крышку кастрюли.

— Посмотри, это всё, что у меня осталось... Если бы мы хоть кур не продали... Да ещё так дешево.

— Тыфу! Ты опять за старое! — кричит Гиттон, но тут же замолкает. Дети пристально смотрят на него, особенно внимательно смотрит Поль, сидящий за столом в ожидании обеда.

— Ладно! — говорит Гиттон. — Что сделано, то сделано, я тебе это сто раз говорил. Откуда бы мы иначе деньги раздобыли?

— Ты прав, конечно, но всё-таки обидно!

Как и все докеры, Гиттон прежде имел целый курятник. Ничего не стоило собрать немного зерна, рассыпавшегося во время погрузки или разгрузки. У него за дотом было около шестидесяти кур и, кроме того, утки. Но в прошлом полугодии, когда гарантийная зарплата кон-

¹ Бюро конфедерации портовых рабочих. (Примеч. перев.).

чилаь, серьёзно заболела Клодетта. Нужны были деньги на лекарства. К тому времени оставалось всего двадцать кур, остальные были уже съедены в самом различном виде, чаще всего их просто отваривали и сли без всякой приправы. Гиттон предложил все двадцать штук одному торговцу. Тот воспользовался случаем и уплатил за них всего шесть с чем-то тысяч франков. Деньги эти очень быстро разошлись.

— Всё-таки без конца так не может продолжаться, — ворчит папаша Гиттон.

Он смотрит на детей, которые молча ждут у стола отварную картошку, и ему ещё тяжелее потому, что они не родные его дети... А у Поля что-то своё на уме, сегодня это бросается в глаза.

4. Золотистые локоны

Чем ближе подходил этот час, тем яснее понимала Жоржетта неизбежность предстоящего. Каждый раз, взглянув на будильник, она всё острее ощущала в сердце боль, расходившуюся по всему телу, как круги от брошенного в воду камня, и даже руки у неё начинали дрожать. И вначале в это утро, когда она собирала дочь в дорогу, каждая вещь, которую она брала в руки, — бельё, школьные принадлежности, зубная щётка, порошок, ещё какая-то мелочь, — всё будило в ней грусть. Но то была скорее какая-то смутная тревога, почти физическое недомогание, томящее ощущение слабости, какое испытывает человек в дождливые дни. Нескольких часов впереди было достаточно для того, чтобы этот отъезд ещё не казался неизбежным, решённым. Но потом каждая минута, приближавшая разлуку, камнем ложилась ей на сердце.

А тут ещё дети перед уходом в школу подошли к кровати Жинетты, чтобы поцеловать её на прощанье... Она хотела встать... Жоржетта крикнула:

— Поспи ещё немножко, наберись сил, шутка ли — просидеть семь часов в поезде...

А дети смеются и без конца целуют сестрёнку.

— Привези мне чего-нибудь, — просит её Жерар. — На ёлку привези, хорошо?

Жинетта улыбается. Она радуется предстоящему путешествию. Но каково это матери, когда дочь рада, так рада отъезду.

Все трое ушли, и сразу в доме воцарилась тишина. Только Жинетта, пытаясь снова заснуть, ворочается в постели, а на кухне прерывисто дышит и порой стонет во сне спящий возле печки на трёх составленных вместе стульях малыш. Он не проснулся и тогда, когда старшие шумно прощались с Жинеттой. Жоржетта укладывает вещи в большую ротниковую корзину для голубей. Как она скрипит, эта корзина! Вот уже три года, как она у них, с тех пор как они взяли к себе сына одного шахтёра. Потом, во время своего отпуска родители приехали за ним, и теперь всё, что напоминает о мальчугане, — это корзина, да ещё редкие письма. Всё-таки куда легче взять к себе чужого ребёнка, чем отправлять своего...

— Мама!

— Что тебе?

— Мама, ты здесь?

— Конечно, я же тебе отвечаю.

— А мне приснилось, что я уже там. Проснулась, и ничего не могу понять...

Жоржетта подбежала к кровати Жинетты с какой-то смутной надеждой, как будто приснившийся девочке сон мог что-нибудь изменить...

— И тебе было там хорошо? Ты была довольна?

— Очень!.. Но ведь ты будешь ко мне иногда приезжать, правда, мама?

— Конечно, — солгала Жоржетта.

Голос сестры разбудил малыша, и, увидев из кухни, что та ещё в постели, он спрашивает:

— Ты тоже больна?

В тазу, который Жоржетта поставила на огонь, чтобы в последний раз выкупать дочку, уже закипает вода. Накаляясь, дно таза погрескивает. На улице поднимается буря.

— Сейчас внесу коврик, уберу вёдра в чулан, да накрою крольчатник клеёнкой, — говорит Жоржетта. — А ты не выходи на улицу... Ужас, что делается! Неужели тебе придётся ехать в такую погоду?

Потом опять наступает тишина. Жоржетта старательно намыливает Жинетту. В кирпичной кухоньке тепло. Девочка стоит в корыте совсем голая. Больной мальчик отвернулся к стене... Подумать только, Жинетте уже одиннадцать лет... Жоржетта особенно следит за её волосами и всегда прежде всего моет ей голову. Какие у Жинетты чудесные волосы. Золотистые длинные локоны падают ей на плечи и, право, они стоят самого прекрасного убора на свете. Как обидно, что их приходится мыть зелёным мылом, но другого нет. Должно быть, от него секутся эти тонкие, пушистые мягкие волосы.

— Мама, мне больно!

— Вот и всё, дочка. Надо же промыть как следует, а то мыло останется.

А про себя Жоржетта думает, что не скоро теперь ей доведётся мыть эти золотистые локоны. Может быть, поэтому она их дольше обычного намыливает, выжимает, перебирает...

За окном хлопьями повалил снег. Когда мокрую с ног до головы Жинетту нужно было вытирать, Жоржетта спохватилась, что забыла полотенце на проволоке во дворе. Теперь оно, конечно, вымокло. Чтобы девочка не простудилась, Жоржетта пока на скорую руку вытирает её своим передником и уходит за полотенцем. По небу видно, что сейчас снег пойдёт сильнее. До чего же она рассеянная...

Открывая кухонную дверь, — как она скрипит! — Жоржетта вздрогнула от испуга. Что-то шархнулось от неё в глубь двора. Бог знает, что ей померещилось, она совсем потеряла голову. Это всего-навсего старая собака, которая рылась в лоханке с мусором. Надо будет, наконец, отнести этот мусор на берег. Вот уже два месяца, как в посёлок не приезжают за отбросами. Тоже хороши... Потом взгляд Жоржетты упал на старую тряпичную куклу с шерстяным лоскутом вместо платяща. Это, видно, Жинетта забыла её на дворе возле чулана. Как странно: снег сразу тает повсюду и задерживается только в волосах куклы. Теперь, пожалуй, её не стоит вносить в дом. И всё-таки Жоржетта поднимает куклу и прислоняет к окну так, чтобы на неё не падал снег. Полотенце ещё не успело обледенеть, но стало тяжёлым от снега.

— Мама, что ж ты меня не вытираешь? Мне холодно.

Ах, да. Жоржетта настолько поглощена мыслью о девочке, что даже забыла, что та её ждёт. Она думает о дочке так, будто Жинетта уже далеко.

— Можно мне теперь повернуться? — спрашивает малыш.

Жоржетта почти машинально одевает девочку, выбирая вещи поновей. Жинетта, конечно, не растолстела, но очень выросла и окрепла за последний год. Всё ей узко, всё коротко, платье не закрывает красных, огрубевших от холода коленок. Особенно мало пальто: оно так

тянет в плечах, что верхнюю пуговицу приходится оставлять расстёгнутой. Но уж зато всё на ней чистое и заштопанное.

По-настоящему Жоржетта очнулась, когда в порту пробило двенадцать. Оставались считанные минуты. Теперь всё ясно, ничто измениться не может. Не в силах сдержать себя, Жоржетта едва успевает отвернуться, чтобы девочка не увидела хлынувших слёз. Она даже не могла заставить себя приготовить завтрак. Она просто подвигает на огонь вчерашний кофе: польём с хлебом, и ладно. А Жинетта, как условлено, перед отъездом позавтракает у Жоржа. Жорж — это депутат-коммунист, который возьмёт Жинетту с собой в Париж и отвезёт к той учительнице, которая выразила желание взять к себе девочку лет двенадцати из семьи безработного докера. Сердце сжимается, как подумаешь, что твою девочку выбрали чужие люди, вместо того, чтобы самой выбрать людей, к которым ты её посылаешь. Хотя, конечно, она им вполне доверяет, особенно потому, что Жорж... И всё же сердце Жоржетты сжимается. Девочке будет там хорошо, слов нет, ей будет хорошо, но именно потому — это трудно выразить, ведь это такое непонятное, смутное чувство — именно потому Жоржетта заранее знает, что не сможет заглушить в себе смешанную с горячей благодарностью острую ревность матери к той далёкой женщине-другу, которая надолго забрёт у неё ребёнка...

Вернулся Люсьен. Пока он вешает свой велосипед на крюк в чулане, Жоржетта сморкается, вытирает слёзы, чтобы казаться спокойной, когда он войдёт.

Но Люсьен и сам натянуто улыбается и тут же спрашивает:

— Ну как, значит расстаёмся?

Сразу видно, и его всё утро неотступно преследовала эта мысль. И такая тоска скрывается за его неестественно бодрым тоном, что Жоржетта почти забывает о своей собственной боли. Она пристально глядит на мужа. За тридцать лет, прожитых вместе, она впервые видит его таким, с напряжённым лицом, с желваками на скулах.

Он поймал её взгляд и почувствовал, что нужно сказать что-нибудь незначительное, пустое, чтобы хоть как-нибудь разрядить гнетущее напряжение.

— Ты нацепила ей бант, а в Париже, может, уже не носят теперь эти штуки...

— Снять? — спрашивает Жоржетта.

Девочка кивает головой.

— Видишь, так гораздо лучше, без всяких фокусов, — замечает Люсьен.

Он пропускает сквозь пальцы волосы Жинетты, и они струятся по его руке, отливая золотом, словно пшеница на солнце. Какое богатство!

Он крепко целует дочь.

— Ты бы пока расстегнула пальто. Время ещё есть... А то простудишься, когда выйдешь на улицу.

— Я не хотела бы задерживать Анри, — объясняет мать. — Он отвезёт её к Жоржу на велосипеде. Итак, пока будем прощаться...

Все замолкают. Сейчас придёт Анри, и они услышат, как звякнет звонок его велосипеда, когда он прислонит его к стенке...

— Что делать, жена... Мы не могли поступить иначе...

Давно Люсьен её так не называл. Они глядят друг на друга, не продолжая при девочке этот разговор, хотя обычно они не стесняются детей, да и к чему им показывать всё в розовом свете?.. Малыш опять заснул. Он очень слаб и всё время спит. Но во сне, по крайней мере, у него ничего не болит...

И Люсьен и Жоржетта в таком напряжении, что сами не знают, как себя вести сейчас, как они будут расставаться с Жинеттой... Да, Люсьен постарел. Он часто повторяет: «Мне уже пятьдесят один, ты, дочка, будешь мне опорой под старость...». Внезапно, как бы очнувшись, он встаёт. Жоржетта говорит первое, что приходит в голову:

— Нелли получила извещение. У нас выключают электричество за неуплату... Через неделю...

— Вот видишь... Мы не можем поступить иначе...

— Знаешь, я не приготовила завтрак.

— Да ладно, что уж там сегодня... — Он снова садится и ставит девочку между коленями. — Там тебе, наверное, устроят ёлку. По правде говоря, в этом году мы не смогли бы вам ничего подарить.

— Это неважно, папа. Ты же знаешь, что это неважно. Я же понимаю, — отвечает Жинетта.

Он слегка тормозит её, как бы благодаря за эти слова, и снова машинально перебирает её волосы, словно перекачивает между пальцами бусинку.

— Не забывай каждое утро хорошенько расчёсывать их, — напоминает девочке мать. — От этого волосы становятся пышнее и лучше блестят.

— Зато ты попутешествуешь, дочка. Увидишь Францию, — говорит Люсьен с наигранным оживлением. Он хватается за эту мысль, которая только что пришла ему в голову, и повторяет, взглянув на Жоржетту: — Увидишь Францию... А здесь, Жинетта, честно сказать, предстоит тяжёлое время. В твоём возрасте нельзя голодать.

Нелегко ему было произнести эти слова, но он считал, что должен всё объяснить дочери. Нельзя же отпускать ребёнка просто так, не рассказав, в чём дело; мало ли что она может подумать...

— У нас кончается картошка, — замечает Жоржетта, чтобы помочь ему. — Осталось всего на два дня.

Люсьен опускает на стол свой огромный кулак. Без раздражения: разве в раздражении тут дело?

— Каждый день, — говорит он, — я прохожу мимо ихнего склада... Сто тонн бобов гниёт там вот уже четыре года. Их жрут крысы... Эти бобы им всучили в Чили вместе с селитрой... Они не знали, что с ними делать... А теперь, когда бобы уже начали портиться, они даже перестали охранять свой склад. Но эти бобы так отдают плесенью... Некоторые, правда, говорят, что с уксусом их кое-как ещё можно проглотить, да и то... На другом складе — зерно, которое начало прорасти, а в третьем — пропасть сахара... Представляю себе, как после сегодняшнего дождя из-под ворот течёт сладкая вода... Но это военный склад. Ну, ладно! Не вечно так будет... Какая ты чистенькая, Жинетта. Будь вежливой там. Не капризничай. Не пользуйся тем, что с тобой будут нянчиться...

Девочка не успевает ничего ответить. Слышно, как Анри прислоняет свой велосипед к стене барака. Люсьен и Жоржетта одновременно встают. Жоржетта опять не может сдержать слёзы. Люсьен прикусывает губу. Девочка замечает всё это и с тревогой глядит то на мать, то на отца. До сих пор для неё всё было так просто... Люсьен обнимает жену за плечи — скорее чтобы поддержать её, чем для того, чтобы утешить: кто знает, в такую минуту всё может случиться.

— Мы не первые и не последние. Ведь во времена «Дьеппа»¹

¹ Люсьен имеет в виду забастовку докеров, отказавшихся грузить оружие для войны во Вьетнаме. Рабочие других городов взяли к себе на время детей бастующих докеров. (Примеч. перев.).

уехало больше пятидесяти ребят. Все они вернулись, ты же знаешь. За ними там ухаживали, как за принцами.

В комнату входит Анри.

— Не плачьте, Жоржетта — говорит он. — Жорж прекрасно знает эту семью. Они, правда, не коммунисты, но люди хорошие.

Стоя за спиной Жоржетты и попрежнему обнимая её за плечи, Люсьен знаком показывает Анри, что надо торопиться.

— Вот видишь, — говорит он жене, — Анри думает то же самое...

— Ну, пора, — перебивает Анри. — Надо ещё позавтракать у Жоржа, только-только и успеем на поезд.

Внезапно просыпается малыш. Ничего не понимая и не решив ещё, заплакать ему или нет, он спрашивает плачущую мать:

— Мама, что такое?..

Люсьен торопливо и неловко целует Жинетту в обе щеки и в волосы. Потом её едва удаётся вырвать из объятий не владеющей собой Жоржетты Анри поспешно прикручивает корзинку для голубей к багажнику, сажает Жинетту на раму и пытается шутить:

— Готов! Станция назначения — Париж!

Слёзы матери потрясли Жинетту. Теперь она совсем растерялась. Анри смотрит на Люсьена, тот машет ему рукой, и он отъезжает. Но не успеваешь он сделать и десяти метров, как Жинетта, расплакавшись, пытается соскочить с велосипеда. Жоржетта вскрикивает, и даже Люсьен на минуту теряет голову. Он так никогда толком и не поймёт, что с ним стало в тот момент. Наверное, в такие минуты можно задушить человека. Он делает несколько шагов, точно пытаюсь догнать Анри, увозящего его ребёнка, но не окликает его... Что-то в нём обрывается... Конечно. Так лучше.

В дверях барака толпятся люди. Подходят женщины, чтобы чем-нибудь помочь. Люсьен, сам не зная почему, машет им рукой — мол, не надо, и говорит Жоржетте:

— Пойдём домой. Ни к чему, чтобы на нас глазели. Идём...

Жоржетта рыдает, уронив голову на стол. Но почувствовав, что руки, обнимавшие её плечи, разжались, она понимает, что с мужем что-то произошло. Люсьен человек мужественный, второго такого, пожалуй, в порту не сыщешь, но сейчас он бледен, как полотно.

— Люсьен!

Если бы она не знала, какой он сильный, она бы наверное так не испугалась. Он сжимает огромные кулаки. Она знает: для него борьба — всегда работа мускулов, даже когда это борьба с самим собой.

— Люсьен!

Он смотрит ей прямо в лицо. Он весь, как натянутая струна. Впервые в жизни она видит, как затуманились его глаза.

— Не надо, Люсьен, — говорит она тихо. — Не надо...

Жоржетта больше не думает о себе, о своём горе. Сейчас она думает только о нём. У него дрожат губы. Наконец, он с трудом произносит:

— Это не столько из-за её отъезда... Мучительно то, что я не способен прокормить свою семью. Мне стыдно, Жоржетта. Мне стыдно!

— Не говори так. И успокойся. Вон дети идут из школы. Не надо при них!..

Малыш на своих стульях снова заснул.

— Что за жизнь! — успеваешь промолвить Жоржетта, прежде чем дети вбегают в комнату.

5. На ячмене

— Чего ты скулишь? Есть у тебя работа, ну и работай!

Когда кричишь, то кажется, что говоришь быстрее, и докеры кричат, чтобы поскорее закрыть рот и не глотать серую пыль, не чувствовать вкуса соломы. Да и шум заставляет кричать и вообще поменьше разговаривать. Поговорить удаётся только во время короткого перерыва, когда один грузовик уже полон, а другой ещё не подошёл.

Жак никак не ожидал от Дююи такого грубого ответа. Он думал, что Дююи коммунист. Он был даже в этом почти уверен. Вот почему уже с полчаса его мучило искушение поговорить с Дююи. А тот просто отшил его.

— Эй, поберегись всё-таки!

Это Дююи его предупреждает. Над головой Жака, будто выжидая, повисла тяжёлая ржавая бадья. Жак поспешно отбегают в сторону. Впрочем, по колену в зерне не очень-то побежишь — к ногам будто ядра привешены. Бадья падает возле Жака.

Он бросает взгляд на трёх своих товарищей, прежде чем вместе с ними приняться наполнять зерном бадью. Кажется, они посмеиваются над ним. Конечно, когда так вот отбежишь, слегка испугавшись, вид у тебя не слишком бравый. Однако что Дююи хотел сказать своим «всё-таки»? Ясно, ребята что-то имеют против него... А может быть, ему только кажется... Но во всяком случае это предположение вполне вяжется с тем, что мучает Жака вот уже несколько дней и о чём он как раз и хотел спросить Дююи.

Окружив в углу трюма высокую бадью, докеры широкими взмахами лопат наполняют её ячменём, и их движения, чередуясь, чертят в воздухе симметричную, равномерно вращающуюся фигуру. Другая бадья в это время опускается в другой угол или посреди трюма — как придётся, будто ищет людей — или же поднимается уже наполненная, и через край из неё сыплется зерно.

— Берегись!

— Эй, там наверху, чего смотришь?

Наполненную бадью недостаточно быстро подняли, и она, раскачиваясь из стороны в сторону всей тяжестью своих девятисот килограммов, ударилась о край люка. Ну и махина! Удар отозвался по всему огромному судну. Бадья резко качнулась, и из неё высыпалось добрых двадцать лопат зерна. Что он там вытворяет, этот крановщик! За час работы четвёртый раз выкидывает такую штуку! Хочет заставить нас делать двойную работу, что ли? Если и дальше так пойдёт, он, чего доброго, пристукнет бадьёй и нас. Где тебя так учили работать?.. Наверху в своей кабине крановщик пожимает плечами: я, мол, тут ни при чём. Он показывает на сигнальщика, которого, очевидно, обвиняет в том, что тот неверно подаёт сигналы. Взбешенный старик грозит ему кулаком. По правде говоря, его угрозы никого не пугают. Но теперь, когда дела из рук вон плохи, люди готовы съесть друг друга.

Норма и так чертовски велика. О приработке не может быть и речи. Когда проходил здесь Робер, профсоюзный уполномоченный, его остановили. Он быстро подсчитал в уме и сказал: «Вы едва ли справитесь с нормой. А за приработком гнаться — подохнешь! Дурака не валяйте... А тут ещё этот остолоп просыпает зерно!..»

Тем четвертым, которые работают поближе к середине, не так тяжело, как тем, кто стоит с краю, где почти до дна достаёшь и работать можно только лопатой. У них ещё здоровенная толща зерна. Они кладут набок бадью и захихивают в неё ячмень руками, жёстким, коленями — всё идёт в ход. В минуту они наполняют её доверху. И то хоро-

шо! Благодаря им и подвигается работа. Жак и другие здесь, с краю, уже вроде только подметают за ними.

Ну, уж если у кого нежная кожа, тому здесь невоготу! Они ведь иной раз в зерне до пупа... Взять хоть Соважона, взгляните только на него — чешется изо всех сил. Хорош он будет! А некоторые и на десять метров не могут подойти к ячменю. Только взойдут на судно, только посмотрят издали — у них всё тело начинает зудеть. Это необъяснимо. Другим, как например Жаку, ячмень нипочём... Вчера толстяк Лебуа решил ещё раз попробовать. Ему сразу же пришлось бросить. Соважон пытается перетерпеть. Повидимому, у него за этот месяц не очень-то много заполнено клеточек на рабочей карточке... Нарядчик, когда проходит, смотрит на него с палубы и словно спрашивает: как идут дела? Соважон сдерживается, чтобы не чesaгся, сжимает зубы и отвечает жестом, который должен означать: плохо, но идут. Он даже силится улыбнуться. На что только не приходится итти!

Да, с нормой эти господа постарались! Чем больше людям нужна работа, тем больше хозяева этим пользуются. Случись прежде, что докерам поставили бы такие условия, все отказались бы работать. А теперь подстёгивают голод, ребятишки, а иногда и жена. Начинаешь колебаться. Что до Жака, то он по первому знаку воткнул бы в ячмень лопату и сказал: я поднимаюсь наверх. Но в том-то и дело, что ему легче, чем другим. Эти две недели ему здорово везло. За весь год у него такого не было. Есть что-то подозрительное, неясное в этом везении. Что за ним кроется? Жак непрерывно мучает себя этим вопросом, он начал задавать его и другим. И если теперь Дююи обрывает его и все на него косо посматривают, то не оттого ли, что не только Жаку его везение кажется подозрительным... Эта история начинает всерьёз беспокоить его. Скажи ему кто-нибудь сейчас на этот счёт хоть слово, он бы не спустил, сразу бы встал на дыбы. Такой уж у него характер — чуть что, тут же вскипает. Будь то коммунисты или не коммунисты — ему всё равно, — учить его нечего! Никогда он не нуждался ни в чьей подсказке, всегда сам делал что надо. Чего же ещё они хотят? Раз от этого везенья ему самому не по себе, почему же они на него косятся?

Через минуту его раздражение улеглось. Он сердится, но уже не на товарищей. Снова он донимает себя, требует у себя объяснений... Он заставляет кого-то в себе самом отступать, допрашивает его, обвиняет, бросает ему вызов. Всё это надо, наконец, выяснить...

Ветер, стихший было пока лил дождь, теперь опять поднимается. Он возвращается сюда полновластным хозяином просторов и словно в отместку сметает сильными порывами тучи с неба. Порой он врывается в трюм и обрушивается на зерно и людей. Горячее зерно кружится вихрем. Людей пронизывает холод, но тут же их снова окутывает тёплая пыль. И тогда в наступившей тишине слышно, как там, наверху, высоко-высоко над мачтами и снастями гудит ветер. Он сшибает чаек, которые кажутся особенно белыми в сумеречном свете. Чайки едва противятся ветру, они падают и снова взмывают.

Первый, с кем Жак посоветовался ещё позавчера, был Декуан. Но чего можно было ожидать от Декуана? Так, по крайней мере, он рассуждает теперь. Впрочем, этот разговор был для Жака невесёлым открытием... Декуан и Жак с давних пор, можно сказать ещё со школьной скамьи, были неразлучными друзьями. Но за последнее время они заметно охладели друг к другу... Декуан, подавленный нищетой, не устоял, запил. С женой у него тоже плохо. Он начал её бить. Она вела себя не лучше. Детей они совсем забросили. Он долго не по-

лучал работы, и за это время они оба опустились. А теперь, хотя у него часто бывает работа, жизнь у них не налаживается. Жак не вмешивается в их дела, у него хватает своих забот. Но позавчера, придя на работу, он решил поговорить с Декуаном.

— Последнее время нас обоих что-то часто нанимают...

— А тебе это не нравится? Значит, мы на хорошем счету.

Жак ещё подумал о том, что последнее время ему даёт работу один и тот же нарядчик Медар, по прозвищу Бонассон. Хорошего о нём ничего не скажешь.

— Ну, а другие, которых никогда не берут, каково им смотреть на это? Ведь из трёхсот наших ребят — двести за месяц и недели не работали.

— Есть из-за чего кровь себе портить! А как же тогда наши толстозадые ¹? Их всегда берут, никто им и слова не скажет...

— Толстозадые другое дело, с ними уж давно так повелось, правилом стало. Они берутся за любую работу и делают то, что другим не под силу. Понятно, что их всегда и нанимают. И потом, что о толстозадых толковать, это их дело. Да и о них тоже поговаривают: мол, если бы соблюдалась очередь, не брали бы всегда одних и тех же.

— Значит, боишься сплетен, людей боишься, особенно коммунистов? Так, что ли?

Жак искоса посмотрел на своего прежнего приятеля и не стал продолжать разговора. Ему не по душе, когда людей делят на категории. Он не делает различия между коммунистами и не коммунистами — ведь все они здесь докеры. И потом — чего стоит человек, которого нужно подталкивать на правильное, честное дело... Боишься, сказал Декуан... Бояться коммунистов? Да что это значит?.. Нет, здесь что-то другое...

Когда из одного отсека зерно выгружено, Жак с товарищами переходят к следующему люку. Здесь можно немного отдышаться. Хотя так только говорится. Ветра тут нет, но зато пыли... Ячмень насыпан высокой горой. Стоит только тяжёлому ковшу-грейферу упасть зубьями вперёд, как он почти весь уходит в ячменную гору и сразу же поднимается, отплёвываясь длинными струями зерна. И тогда весь трюм шевелится, как живой, вся огромная масса зерна осыпается к вырытому ковшом углублению, движется в каком-то круговороте, потом успокаивается, и только то немногое, что ещё падает косым дождём из поднятого ввысь коеша, то там, то здесь вспенивает её поверхность.

— Отдохнём минут пять за счёт старой обезьяны, — говорит Дюпюи, опускаясь на зерно в углу под навесом. Рядом с Дюпюи ложатся и остальные.

— Они собираются не платить нам за то время, когда работает грейфер, — говорит Сожер.

— Ещё чего захотели! Так они могут нам и вовсе не платить. Если выходит, что можно малость передохнуть, то мы тут ни при чём. Пускай нам дают другую работу... Не чешишь ты так, потом ещё хуже будет.

Соважон, запустив руку под ремень, усердно скребёт себе ногтями живог. Он вздрагивает, как застигнутый на месте преступления, потом поворачивается на другой бок, весь сжимается и скрещивает руки, сопротивляясь невыносимому зуду.

— Завтра я этой чесоткой всю семью заражу, — ворчит он. — Со мной всегда так.

¹ Так докеры называют грузчиков, которые переносят большие тяжести. (Примеч. перев.).

Жак не решается сразу опять заговорить о том, что его волнует. Он начинает издаലെка.

— Что ни говори, а посидишь месяц без дела — совсем отвыкаешь от работы. Если так и дальше пойдёт, перестанешь чувствовать себя рабочим, будто нет у тебя профессии.

Дюпюи как-то странно посмотрел на Жака. Он хотел было что-то сказать ему, но удержался. Он подумал об Анри. «Если я его упрекну, — сказал он себе, — Анри опять, наверное, будет мне говорить, что я слишком резок... Правда, скажет он, с этим парнем не всё ясно, но пока не за что осуждать человека»... Поэтому Дюпюи ограничивается тем, что, поднявшись и засунув руки в карманы, говорит с таким видом, будто он вкладывает в свои слова скрытый смысл:

— От всего этого мне захотелось на двор.

Он уходит. Жак идёт за ним и нагоняет его на палубе.

— Ты должен мне объяснить, — говорит Жак почти угрожающим тоном. — Что бы ты сделал на моём месте?

— А что на твоём месте? — спрашивает тот, чтобы выиграть время.

— Ты прекрасно знаешь. Почему ты меня избегаешь?

— Сам понимаешь, нельзя всем доверять.

Кровь бросилась в лицо Жаку, но он сдержался.

— Что ж я тебе могу сказать? — продолжает Дюпюи. — Тебе дают работу — бери её. Дело не в этом, а в том, что они тебя, именно тебя, а не других, всегда выбирают...

— Вот над этим-то я и ломаю себе голову. Потому что, можешь мне поверить, я-то тут ни при чём.

— Я тебе верю, — отвечает Дюпюи тоном, который скорее говорит о противоположном. — Может быть, они хотят тебя купить. Во всяком случае, я не от зависти...

— А другие? — спрашивает Жак.

Они спускаются по сходням на берег. Дюпюи пытается превратить разговор в шутку.

— Видишь, а здесь я ни при чём. Это ветер... посторонись, не то я тебя обмочу!

Он принуждённо смеётся. Жак насупился.

— Так не доверяешь?

Наконец это выводит Дюпюи из себя. Он резко говорит:

— Послушай, старина, ты мне надоел. Я не собираюсь давать тебе советы. Это твоё дело. Я сегодня первый день за весь месяц работаю, ты работал дней пятнадцать. Повторяю: я ничего не имею против. Не хочешь ли ты, чтобы я тебя ещё пожалел?

В его голосе больше сочувствия, чем раздражения. Жак это понимает. Они молча поднимаются по сходням. Их окутывает туча пыли, поднявшейся с грузовика, который грейфер в один приём наполнил зерном. Теперь нужно снова сгрести ячмень в кучу так, чтобы ковш мог его захватить. Работают они молча.

В душе Жака тоже свершается тяжёлая работа. Вспышка гнева против Дюпюи уже прошла. Он борется теперь с самим собой, потому что, по правде говоря, если с его стороны в этом не было ничего зависящего от его воли, предумышленного, подготовленного, есть же всё-таки какие-то причины для того предпочтения, которое оказывает ему нарядчик. Он хочет найти эти причины. Он словно и в себе самом разгребает груды зерна.

Грузить суда, отправлявшиеся во Вьетнам, он отказался, как и другие; значит, дело не в этом. Не было забастовки, в которой он не держался бы до конца, значит и не в этом... Он, как и все, член ВКТ. Он

не коммунист, но и не в другой партии; и таких много. Однако именно о нём говорят, что он не коммунист. Может, потому-то он и на хорошем счету у этих сволочей.

В куче зерна его лопата сталкивается с лопатой Дююи. «Может быть, они хотят тебя купить», — сказал ему Дююи. — Факт тот, что Жак за собой не чувствует никакой вины. Что ещё? Его отец был социалистом. Поэтому и он в тридцать шестом вступил в социалистический союз молодежи. А уж раз допустил промах, не дело теперь открещиваться на каждом углу. Но если эти сволочи думают, что быть социалистом — значит стакнуться с ними, чёрта с два! Не на того напали! Министры в Париже или там мэр Гужон со своим заместителем, членом РПФ¹, может, и продались, даже наверняка. Но только не он. Прежде всего, он ведь не в социалистической партии, да и вообще-то где она, эта самая социалистическая партия? Но всё-таки они, может, поэтому на него и рассчитывают. Нужно где-нибудь об этом сказать во весь голос, прямо, ясно, начистоту... В буфете, например, или в «Сухой глотке»... Ладно! Ну, а с Декуаном ведь та же история — тут в чём дело? Но Жак сразу отказывается сравнивать себя с Декуаном. То, что Жак услышал от него позавчера, так непохоже на то, что думает он сам. Для Декуана тут не встаёт никаких вопросов, его всё это вполне устраивает. Но Декуана знают как его приятеля. Может, ребята воображают, что и Жаку всё это нравится... Не исключена возможность, что у Декуана рыльце в пушку. Тогда, значит, надо ему шепнуть словечко так, между прочим, чтоб он знал, с кем имеет дело, если он заблуждается на его счёт...

Всё это проносится в голове Жака, пока он лопатой сгребает в кучу зерно. Когда ковш опускается, Жак, как и все, отступает назад, а когда ковш поднимается, снова возвращается на своё место одновременно с зерном и снова орудует лопатой в ячмене, осыпавшемся в образовавшуюся воронку. Всё тот же прилив и отлив людей, зерна, мыслей.

«Может быть, они хотят тебя купить»... Да, за спиной у тебя почти ничего, а впереди? Неужели ты попадёшься на удочку? Нет, ведь ты не ребёнок! А всё-таки... Сейчас, конечно, и разговора об этом не может быть. Если, например, завтра скажут грузить суда для отправки во Вьетнам, для тебя ничего не изменится — ты откажешься наотрез. И всё-таки... Представь себе, что Дююи снова кольнёт тебя насчёт работы... Каково тебе будет с твоим-то характером... Вот уж сегодня ты дважды обозлился на него... Почему? Потому, что тебя легко задеть за живое. Ты всё думаешь, не смотрят ли на тебя ребята как на перебежчика. И вот ты начинаешь относиться к работе, которую тебе дают, как к пороку, как к постыдной болезни. Ты всё время украдкой оглядываешься, чтобы проверить, не смотрят ли на тебя: а этот и сегодня работает!.. Чуть промелькнёт на палубе тень — и ты опять поднимаешь глаза: кто ещё может увидеть, что ты работаешь? Нелёгкая это штука при твоём характере... Так ты скоро и на Дююи и на других станешь смотреть, как на врагов, а потом и на самом деле перебежишь на другую сторону... Жак вздрогнул. До этого ещё далеко! Но пришла же тебе в голову такая мысль, старина...

— Ухитрился вспотеть в такую погоду? — говорит Дююи

Жак вместо ответа вытирает пот рукавом своей истрёпанной куртки.

— У тебя нет платка? — спрашивает Дююи, вытаскивая из кармана и протягивая ему свой.

— Спасибо, — говорит Жак.

¹ РПФ — «Объединение французского народа» — фашистская организация, возглавляемая де-Голлем. (Примеч. перев.).

Он берёт у Дююи его большой клетчатый носовой платок и одним движением вытирает себе лицо.

Дююи, видно, ищет предлога, чтобы возобновить разговор. Протянуть Жаку свой платок — не лучшее из того, что можно было тут придумать. Это вышло даже как-то неожиданно. Но в конце концов нетрудно догадаться, почему он это сделал. Наверняка, он снова подумал об Анри. Тот сказал бы: «Нельзя быть слишком резким... Надо понимать, что всем нелегко. Нужно объяснить... Конечно, надо остерегаться, чтоб не принять сволочь за порядочного человека. Но сволочей не так уж много. Иногда мы сами толкаем людей на подлость, отрезая им путь»... Эти слова, как надоевший припев, раздражают всех, тем более раздражают, что Анри прав.

Перерыв. С грузовиком, повидимому, авария. На этот раз Дююи стводит Жака в сторону.

— Понимаешь, — говорит Дююи, — я не хочу тебя ни на что толкать. Тебе самому, Жак, решать, что делать.

Жак размышляет вслух:

— И до этого тоже нас довела нищета, краснеешь оттого, что тебя всякий раз нанимают в то время, как другие сидят без работы...

Дююи опять не знает, что сказать. Поставьте-ка себя на его место. Попробуйте что-нибудь посоветовать Жаку... На всякий случай он говорит неопределённо:

— Нищетой они и хотят нас взять; не надо давать себя обвести вокруг пальца.

Собственно, этим он ничего не сказал. Это всем известно. И всё же слово «нищета» вдруг уводит Жака очень далеко. Нищета для него — это Франсина, сдерживающая слёзы при нём. Прошло только пять лет, как они поженились. Она ещё совсем молода. У них уже двое детей, мальчик и девочка, чудесные малыши. Она ожидает третьего. То были самые трудные дни безработицы, когда она заметила, что беременна. За неделю до этого ей пришлось отправить старшего под Тур к виноградарям, решившим взять ребёнка из семьи безработного докера. Для девочки не было больше молока. Они дошли до крайности. В рожке ребёнка была только кипячёная вода с размятой картошкой. Ах, этот невыносимый вечер, когда они не произнесли ни слова и всё же вели тягостный разговор... Он не осмеливался ей советовать. Но он прекрасно понимал, о чём она думала, ощущая под сердцем ребёнка, чувствуя хватающую за душу ответственность за эту, среди таких невзгод забрезжившую жизнь, которую ничего не стоит вернуть в небытие...

Перед Жаком опять встаёт с беспощадной отчётливостью одна подробность того вечера, и воспоминание о ней камнем ложится ему на сердце. Устроившись между ним и женой, девочка начала играть с куклой... Он не решался взять её у ребёнка, чтобы не привлечь внимания Франсины. Девочка баякала и целовала своего тряпичного малыша. Вечер был какой-то особенно тихий. Лишь с океана доносилось через ровные промежутки жалобное поскрипывание буя. На этот раз Франсина не совладала с собой. Она тихо плакала, и слёзы капали на её вязанье, а руки попрежнему спокойно перебирали спицы, как будто бы они были здесь ни при чём, всецело занятые крохотным розовым чепчиком, который приобретал уже форму головы, особенно когда она растягивала его на пальцах, чтобы посмотреть, как получается... Тогда Жак крепко прижал её к груди, и она заплакала, не сдерживаясь, навзрыд. Ей стало от этого легче.

Дююи тоже задумался. Дела невесёлые, и люди как-то сосредото-

чиваются, уходят в себя. Взгляд Жака упал на огромную острую зубрину на стальном опорном столбе, поддерживающем палубное перекрытие. Должно быть, судно во время войны попало под обстрел или бомбёжку. Заденешь мимоходом — обязательно поранишься... Огромная запятая навыворот, заострённая, как кинжал. Стоит поскользнуться — и напорешься головой или рукой...

Самое страшное в нищете — это то, что она сказывается на всём. Дело не только в холоде и в голоде... Проклятая повсюду суёт свой нос, даже в то, что существует для тебя одного, или для тебя и любимого человека, в самое чистое и сокровенное, в самое в тебе лучшее и благородное. Нищета грязнит всё. Даже Франсина, он заметил, колеблется в выборе своих подруг между Полеттой, женой Анри Леруа, и Люс, женой Декуана, которую Жак не любит...

Жак не сводит глаз с выбоины на стальном столбе. Ему приходит в голову мысль о ранении... В самом деле, это всё бы уладило.

— Дюкси, а что если мне получить больничный лист?

Ведь после таких двух недель работы было бы на что жить, пока всё войдёт в колею: по бюллетеню выплачивают, исходя из заработка за последние полмесяца... И тогда будет покончено с подозрением ребят... Многие поймут... Скажете — нечестно? А нищета — это честно?

Дюксию не очень-то любит, чтобы его впутывали в такие истории. Жак оборачивается и, убедившись, что там, где они стоят, их никто не может увидеть, внезапно вынимает из кармана свой большой складной нож и раскрывает его.

— Дюксию, удружи!

Он показывает знаком, что просит сделать ему на руке порез наподобие римской цифры V, чтобы было похоже... Жак глазами показывает на столб с зубриной.

Но Дюксию смотрит на него искоса, вот-вот отвернётся. Дело не в ране, не в крови. Он всякого насмотрелся в порту. Дня не проходит без этого... Здороваясь, нередко чувствуешь, что у человека на руке не хватает пальца... Но не в том дело. Что, если это провокатор? Глупость сделать недолго, а партия отечай. Он знаком показывает, что отказывается, поворачивается спиной к Жаку и уходит. Но тут же оборачивается, охваченный каким-то предчувствием...

— Жак!

Дюксию лишь успел увидеть, как Жак, положив руку на острую зубрину, нажал на неё изо всех сил, будто ломаясь в дверь. Хлынула кровь.

— Чёрт! До чего больно! — бормочет Жак, сжимая раненую руку здоровой.

Услышав крик Дюксию, ребята подходят к месту происшествия узнать, в чём дело. Зовут нарядчика.

— Я видел, как он ударился о столб, — говорит Дюксию, — поскользнулся. Надо остерегаться, эта штука вся ржавая. — Но, поддерживая за руку бледного как полотно Жака, он шёпотом говорит ему:

— Не так следует защищаться...

Жак не очень хорошо понимает, что тот хочет сказать... Впрочем, и сам Дюксию, пожалуй, затруднился бы разъяснить...

Дойти до этого, чтобы только не работать?! И ведь он не лодырь. Насборот, если кто прежде любил свою работу, так это именно Жак...

С Жака сняли куртку. Разорванная рубаха прилипла к ране.

— Побыстрее, недолго и застудить!

Рана чертовски глубокая. Кровь широкой струёй течёт по руке. Большое красное пятно расплывается в ячмене. Будет примешана кровь к пиву благополучных людей...

6. Страшная ночь

Поля всё ещё нет.

Правда, на дне котлована, в котором оказался дот, когда вокруг него выбрали глину, темнеет рано. Но сейчас и на самом деле уже поздно. Декабрьские сумерки крадутся по земле, притаились в углах. Последние отблески дня гаснут над океаном, совсем спокойным, словно усыпленным холодом; он кажется серовато-розовым, как будто заходящее уже солнце освещает его изнутри. А ведь занятия в школе кончаются в четыре часа. Поль, должно быть, снова пошёл к своему докторёнку. «Как эти люди, — думает Жанна Гиттон, — не понимают, что мальчику не следует засниваться так поздно, особенно зимой... В темноте всё может случиться...» Жанна опять, в который раз за сегодняшний вечер, поднимается по цементным ступенькам и глядит вдаль; всё ниже и ниже нависает небо, всё громче рокочет едва различимый во тьме океан...

Двое других ребяташек, Клодетта и маленький Жан, ужинают. Они не понимают, почему Жанна так часто выходит из дота, почему она так часто открывает дверь и напускает холод... Они не знают, где может быть Поль; Жанна их уже расспрашивала... Всякий раз, как она возвращается и подходит к печурке, её охватывает дрожь, как будто холод, который она принесла в себе, рвётся наружу, а тревога пользуется этой дрожью, как лазейкой, чтобы проникнуть поглубже.

Возвращается Гиттон, и она, не дав ему даже внести в дом велосипед, посылает его к доктору...

— Будь всё-таки с ними повежливей, — напутствует его Жанна.

Гиттону уже однажды привелось побывать в этом доме — он как-то заходил за Полем. Они добрейшие люди, но итти туда Гиттону неприятно. Когда имеешь дело с доктором, всегда кажется, что, уходя, ему надо заплатить. Это посещение, возможно, принесёт пользу... У них, наверное, бывает работа, хозяйство-то большое... Попадётся лишний раз на глаза — могут подумать и о нём... Только бы это не было из жалости. Гиттон уже не раз думал о том, как чувствует себя Поль в гостях у своего приятеля Пьерро. Он представлял себе... Главное, чтобы ничего не делалось из милости. Сам-то он, ясно, никогда не попросит, слова не скажет. Вот если бы они сами предложили работу, это не будет выглядеть так, будто он воспользовался дружбой Поля и Пьерро... Пришёл бы к нам доктор, мы бы ему заплатили... Ну, а это то же самое... почти то же самое...

— Нет. Поля у нас нет. Мы его не видели.

Маленькая женщина кажется в полумраке коридора совсем седой. Повернувшись, она крикнула:

— Пьерро!

— Сейчас!

Пока мальчик сбегает по лестнице, она добавляет:

— А ведь уже поздно!..

— Конечно, — говорит Гиттон. — Я просто ума не приложу, где бы он мог быть.

Вот и Пьерро... Возможно, он что-нибудь знает.

— Ты не знаешь, где Поло?

Увидев Гиттона, мальчик побледнел, как будто он догадался о чём-то или почувствовал себя виноватым.

— Нет, — отвечает он, — я не знаю, куда он пошёл после уроков...

— Эдмон! — снова кричит женщина.

Потом, обращаясь к Гиттону, говорит:

— Зайдите всё же на минутку. Как это тревожно! Я скажу мужу.

— Нет, — решительно возражает Гиттон. — Я немедленно отправлюсь на поиски. Вы сами понимаете. Мало ли что!..

Но доктор уже подошёл. Это большой, сильный человек, который всеми командует. Первым делом он хватает Гиттона под руку и тащит его в дом:

— Ну входите же, входите! Если вы простудитесь и напустите холода в коридор — от этого дело не поправится.

Они действительно славные люди, во всяком случае не задаются, как многие другие. Но денежки в этом доме водятся... Стены в коридоре облицованы чем-то вроде фаянса...

— Мы не знаем, где Поло. Он не вернулся из школы.

— Зажги, наконец, свет! — обращается доктор к жене, сам нажимая на кнопку выключателя.

— И вы ничего не предполагаете?.. — начинает он допытывать Гиттона, пожалуй даже с некоторым подозрением заглядывая ему в глаза. Ведь он совсем не знает этого человека. Но он всё же не уточняет своего вопроса...

Впрочем, Гиттон уже направился к выходу; повозившись секунду с замком, он открывает дверь.

— Главное — это немедленно отправиться на поиски...

— Куда?

— Не знаю.

— Надо предупредить комиссара полиции.

Гиттон кивает головой, как бы соглашаясь, но это лишь из вежливости. Больше всего ему хочется уйти.

— Если я могу быть вам полезен...

— Спасибо, — кричит он им уходя. — Большое спасибо.

Он уже вскочил на свой велосипед и быстро покатил к волонапорной башне, не разобравшись даже, по какой дороге ему ехать.

Раз его нет у Пьерро, значит дело серьёзное. Сомнений больше быть не может. Гиттон вспоминает, какое выражение лица было у Поло днём. Он затаил что-то в себе... Теперь нечего его искать у людей. Случилось несчастье. Что могло взбесить на ум мальчику? С родным сыном, думает Гиттон, это было бы, может быть, не так тягостно... Дело, конечно, не в тех неприятностях, которые следует ожидать от опекунского совета. Он без опекунского совета всегда очень близко принимал к сердцу всё, что касалось его приёмных детей. Он всегда чувствовал куда больше ответственности за них, чем если бы это были его собственные дети. В любви к приёмным детям есть какой-то грустный оттенок... Их ещё больше жалеешь, чем родных...

Предупредить комиссара?.. Гиттон резко останавливает свой старый велосипед. Может быть, сперва поехать в ту сторону и заявить комиссару? Но что он сделает? Только всякие неприятности... А пока что время упустим. Не раз приходилось Гиттону иметь с ним дело, но разве он когда-нибудь помог?.. Взять хотя бы историю с дотом... Ещё поиздевался над ним...

Чем он может помочь? Доктор советует, потому что не знает... Полицейские существуют вовсе не для того, чтобы нам помогать... Анри об этом всегда говорит. Им нельзя верить ни на грош. Искать надо на берегу и в гаванях. И если уж к кому обращаться, то, конечно, не к комиссару... Надо посоветоваться с Анри, заехать к нему по дороге...

— Вам повезло, — говорит Полетта. — Редкий случай, он дома. Обычно он по вечерам на собраниях.

Взобравшись на стол, Анри обёртывает изоляционной лентой электрический провод.

— Из-за этого проклятого дождя... — говорит он, слезая, пока Гиттон переводит дыхание. — Когда включали свет, вспыхнула искра. Так мигом всё может загореться. Что случилось, старина?

Гиттон рассказывает...

— Итти в полицию?.. Я предпочёл посоветоваться с тобой...

Возможно, что он даже хочет доставить Анри удовольствие, выказывая такое предпочтение...

— Тут совсем другое дело, — замечает Анри. — Несмотря ни на что, нужно будет потом заявить в полицию. На этот раз им придётся пошевелиться. Им немало платят!.. Но прежде всего надо организовать поиски.

— Я сейчас отправляюсь на бѐрег, — говорит Гиттон. — Пройду от мола до самого пляжа.

— А я соберу ребят, — продолжает Анри. — Мы обойдѐм обе гавани и канал — это в первую очередь. У всех встречных спрашивай, не видел ли кто Поля...

У своего дома Гиттон бросает велосипед, спускается в дот, чтобы проверить, не вернулся ли мальчик; он делает это для очистки совести, сам не веря в такую возможность. Мамаша Гиттон всхлипывает, уткнувшись в передник.

— Я чувствовала, что его нет у доктора, — говорит она. — Мне страшно. Клодетта вспомнила, что он её сегодня перед школой поцеловал очень крепко, крепче, чем обычно. Наверное ему было плохо у нас, Марсель!

— Я пошёл на берег, — бросает он. — Ты меня нагонишь... Фонарь я беру...

Когда Гиттон вышел, Анри надел свою кожанку.

— Вот видишь, в кои-то веки я выбрался посидеть вечерок с тобой...

— Я уже привыкла, — отвечает Полетта. — Раз нужно, значит нужно.

— Как хорошо, что ты понимаешь... — шепнул он и, прижав её к себе, крепко поцеловал. — Ты славная...

Анри обошёл несколько домов. Весь посѐлок всполошился. Мужчины и женщины вышли на улицу. Все разошлись в разных направлениях, расспрашивая запоздалых прохожих. Ночь, как назло, хоть глаз выколи! Да ещё этот ветер... Когда он чуть стихает, кажется, будто доносятся какие-то крики... Одни пошли в рыболовную гавань, другие к сухому доку; кто отправился к подводной базе и к шлюзу, кто — к молу, некоторые пройдут вдоль канала... Каждый ищет, не надеясь найти ребёнка и понимая, что есть один шанс из тысячи... Ну, а вдруг кто-нибудь из них всё-таки найдѐт... Нас так много!

Гиттон совсем один бредѐт по берегу с фонарѐм в руке. Ему кажется, что он не продвигается вперѐд. По этим камням, покрытым устрицами и ракушками, трудно и днѐм-то пройти. А сейчас, при свете фонаря, принимаешь тень камня за камень и то и дело попадаешь в ямы с водой. Что ни шаг — подвѐртываешь ногу. Хоть плачь от досады и холода. К тому же высокая дамба заслоняет все огни порта и посѐлка и даже маяк, лучи которого через равные промежутки времени чуть освещают покрытое тучами небо. Ни одного огонька, даже на молу у пристани. Непроницаемая ночь сомкнулась вокруг Гиттона; она до того вся наполнена глухим гулом океана, что непонятно, с какой стороны вода и с какой — суша. Судя по времени, начался прилив... Ориентироваться можно только по ветру, пока он не переменял направление.

Но как на это рассчитывать, когда надвигается холодная водяная громада прилива.

Гиттон внезапно замечает, что он, вместо того, чтобы удалиться, идёт прямо к океану. Только услышав всплеск первой волны, он понимает это. Лучше, пожалуй, идти вдоль волн, прислушиваясь к их шуму, чем пробовать ориентироваться по ветру. Можно даже посветить фонарём. Но он боится, что косу, по которой он идёт, прибой отрезет от берега, и быстро удаляется. А как же Жанна — она ведь придёт без фонаря!.. Может, она увидит его издали. И окликнет... А мальчик... даже если он и здесь, его никто не увидит, пока он сам не покажется. В слабом пятне света, падающем от фонаря, жестикулирует чудовищная тень человека. Ну, а если Поль уже попал в прилив... Если он попал в прилив, всё пропало... Когда прибывает вода, течение всегда идёт от берега... его бы уже унесло далеко... Гиттон чувствует себя очень одиноким. Ему хочется кричать. Некоторое время он сдерживает себя. Если мальчик удрал, то, разумеется, не для того, чтобы откликнуться на зов. Но чувство страшного одиночества берёт верх. И Гиттон кричит, не надеясь на ответ, кричит, чтобы услышать хоть собственный голос, хоть какой-нибудь голос:

— По...оль! По-ло!

Первый возглас уносит ветер. Вторым заглушает море.

Но вскоре ветер доносит до него далёкие ответные голоса — сперва со стороны подводной базы, потом отовсюду. Глубокая надежда, удивительное облегчение охватывают Гиттона. Может быть, эти крики, думает он, означают, что мальчика нашли. Он бросается бежать, перепрыгивая с камня на камень, и громко разговаривает сам с собой. Помимо надежды, что сын найден, его охватывает какая-то подсознательная радость от мысли, что он может уйти от этого враждебного ночного моря. Ракушки трещат у него под ногами, он оступается, падает на колени и разбивает стекло фонаря; ветер тут же вступает в схватку с огнём. Ругаясь, Гиттон поднимается и снова бежит на голоса; колени и руки у него мокрые, то ли они в солёной воде, то ли в крови — он и сам не знает.

Взобравшись на дамбу, он продолжает бежать по мёрзлой траве, вдоль куч мусора, по направлению к посёлку. Ему кажется, что оттуда и доносятся крики. Он добегают до подводной базы, и здесь его ждёт жестокое, нелепое разочарование. Всё натворил его собственный крик. Тут собрались все товарищи — они думали, что он нашёл Поля и звал на помощь. Вот почему они кричали ему в ответ. Услышав эти крики, прибежали и остальные. Никто не сердился, но у всех создалось впечатление, что в такую темень и ветер ничего нельзя сделать. И все эти несчастные, измученные, продрогшие люди, понимающие, что случилось несчастье, но бессильные сказать своему товарищу хотя бы слово утешения или ободрения, — все они, со своими пляшущими огоньками фонарей, пришли сюда...

— Нужно дождаться Анри, прежде чем бросить поиски, — замечает кто-то в толпе. — Он должен сейчас прийти.

— Как так — бросить? — кричит только что прибежавшая Жанна. Крики и её обманули.

Услышав возгласы и увидев свет фонарей, Жанна вообразила, что Поль тут, совсем близко от неё, и теперь она всё ещё не может свыкнуться с мыслью, что его не нашли. Он должен быть здесь, где-то на берегу...

Все вздрогнули от её внезапного крика:

— Поло!

— Успокойся, — говорит ей кто-то в темноте.

Приближается электрический фонарик. Судя по тому, как он танцует, человек, который его держит, — бежит.

— Эго, должно быть, Анри.

Так и есть. Он кричит ещё издали:

— Ну что?

— Ничего! Ничего! Можешь не бежать, — отвечает Гиттон.

Все с фонарями направляются навстречу Анри. Издали их огни кажутся одним большим ярким пятном света, которое от порывов ветра всё время меняет форму.

— Что теперь делать? — говорит Гиттон, поравнявшись с Анри. — Наверное, мы опоздали...

— Не падай духом, — отвечает Анри. — Может быть, мы всё преувеличиваем...

— Сколько хлопот из-за этих детей! — говорит какая-то женщина.

— Они не виноваты, — замечает другая.

— А кто, по-твоему, виноват? — набрасывается на неё Жанна.

Та не отвечает. Они здесь собрались не для ссор. Слышно, как вдали, на повороте тормозит машина. Похоже, что она приближается сюда. Все столпились сейчас вокруг Анри.

— Не стоять же здесь сложа руки, — говорит Анри. — Что же предпринять?

Это в его манере — сперва спросить, что думают остальные. Он научился этому в партии.

— Может, податься на вокзал?

— А может быть, в доты? Он мог там спрятаться на ночь...

— До чего ему должно быть страшно... ребёнок и совсем один... — замечает одна из женщин.

— Знать бы, почему он убежал, — это могло бы нас навести на след.

— А ты — ты мог бы сказать, почему? — резко обрывает его Гиттон.

— А что? Может, ты его отругал или отшлёпал, бывает.

— Чтоб я его ударил! — кричит Гиттон, подскочив к обидчику. — Никогда! Пальцем не трону ребёнка!..

— Может, и зря... — отвечает тот.

Кто затеял этот разговор? Анри поднимает свой фонарь и смотрит. Это Альфонс, нарядчик, неплохой парень, можно сказать, настоящий товарищ. Странно, из-за этого ветра Анри не узнал его голоса... Он говорит ему сурово:

— А твои ребята на тебя не поглядывают иногда исподлобья, когда тебе им нечего дать, кроме куска хлеба?

Альфонс молчит.

— Сразу видно, что он работает, — бросает какая-то женщина.

— Эй ты, потише!.. — кричит Альфонс. — Если я работаю, то польза от этого всем... Если бы не я...

— Хватит! — отрезает Анри. — Нашли время ссориться...

Впрочем, спор неожиданно прерывается. Из стоящего на краю посёлка старого кирпичного полуразвалившегося домика с криком выбегает девочка:

— Мама! Пожар!

— Боже мой, Жером! Это лампа! Там ребёнок! — испуганно кричит жена Бузара — казначея ячейки.

Все бросаются к дому. Бувар — впереди. Когда прибегают остальные, он уже успеваеет огодвинуть стол.

— К счастью, ничего страшного, — говорит он.

На земляной пол упала лампа. Керосин расплылся широким горящим пятном.

— Повезло, что пол у меня не деревянный, — говорит Бувар... — Хоть раз повезло...

Мать бросается к малышу; он спокойно сидит на своём раскладном стуле, держит в руке ложку и блестящими глазами, без слёз смотрит на всё происходящее...

— А я ведь совсем рядом была... Ты видишь, на секунду нельзя отлучиться!

— Пусть пламя само погаснет. Ничего. Пожара не будет.

Жером хватается девочку за руку:

— Ты её опрокинула? Тебе повезло, что здесь люди. А то получила бы хорошую взбучку!

Он отпускает её. Все растерянно стоят в дверях, освещённые снизу пламенем; их лица мертвенно бледны.

— Огонь здесь не опасен...

Бувар каблуком топчет сырую землю, затем показывает на чёрные балки потолка:

— Всё здесь пропитано водой. Загореться ничего не может. Можно не опасаться...

— Ты что же, сидишь без электричества?

— Да, уже давно! Больше месяца, как они его выключили. А лампа шаткая. Если она свалится на кого-нибудь, особенно на малыша...

Услышав шум подъехавшей машины, все снова высыпали на улицу. Здесь не часто проезжают автомобили, тем более ночью. Фары бросают прямой слепящий свет на стоящие в ряд бараки и на капли косо дождя — никто и не заметил, как он начался.

Это доктор Деган. Захлопнув дверцу машины, он тут же спрашивает:

— Поль не вернулся? Его не нашли?

— Нет, господин Деган, — отвечает Гиттон.

— Жена и сынишка очень волнуются... Я приехал узнать, не надо ли что-нибудь сделать, помочь...

— Возможно, что его и поймали, — говорит Анри, — и он сидит где-нибудь в полицейском участке. А если те и не подумают побеспокоить-ся предупредить нас — удивляться тут нечему! Сообщат завтра...

— Может быть, объехать посты?..

— Вы бы оказали большую услугу, — говорит Гиттон.

— Но если Поль пошёл в ту сторону, то он, возможно, уже в другом кантоне...

— Тогда вам придётся сделать большой конец.

— Ничего, — говорит доктор, — у меня достаточно бензина.

— Может быть, мне отправиться с вами? — спрашивает Анри.

— Как хотите...

Анри подумал, что хорошо бы как следует встряхнуть этих «моков»¹ и заставить их приняться за поиски. Он сделает это лучше, чем доктор. Он им прямо скажет: если вы не пошевелитесь, клянусь, об этом узнают.

— Я отправлюсь на вокзал, — замечает кто-то из толпы.

— А мы с тобой, Дюпюи, пойдём вместе, поищем в казематах, ладно?

— Я только предупрежу жену и вернусь.

¹ Презрительная кличка полицейских, данная по имени Жюля Мока. (Примеч. перев.)

Анри забежал домой.

— Его не нашли. Я вернусь поздно. Ладно?

— Я лягу спать, — тихо отвечает Полетта. — Если бы не дети, я пошла бы с вами. Но Мари оставила у меня и своих. Мне бы хотелось лучше уйти, чем оставаться здесь одной. А тут ещё дверь не запирается. Ночью страшно...

Дверь настолько прогнила, что приделывать к ней замок уже невозможно. По ночам приходится придвигать к двери стул, чтобы услышать шум, если кто-нибудь войдёт.

— Ну, а сегодня из-за этой истории с ребёнком ночь кажется ещё страшнее, чем обычно...

7. Нищета — это янки

— Что и говорить! Настоящие акробаты. И как только они ухитрились написать это так высоко!

— А те-то, небось, уже думают, что надписи возникают сами собой.

На бетонной стене шлюзной камеры, на высоте десяти-двенадцати метров от земли пляшут метровые белые буквы длинной надписи. Она словно колыхается в неровном свете больших электрических ламп на железном мосту:

**«НИ ГРАММА АМЕРИКАНСКОГО МАТЕРИАЛА НЕ БУДЕТ
ВЫГРУЖЕНО!»**

— Пусть попробуют её стереть!

— Тем более, что пока они хватятся, все уже прочтут.

— Да, уж эти господа спозаранок не поднимаются... Они притащутся сюда часам к десяти. А к тому времени, будь спокоен, это наделает шуму.

Скоро семь. Докеры сходятся в порт как по звонку: а вдруг перепадёт какая-нибудь работа. Иллюзий у них нет... Они приходят скорее, чтобы выполнить формальность. Сведения, полученные накануне в местном бюро профсоюза, ничего не сулят: сегодня в порт войдёт только одно судно, и то небольшое — с голландской сажей. Заранее ясно, что дело пустое. Работы хватит всего на две, может быть на три партии рабочих: человек на шестнадцать, самое большее — на двадцать четыре. Докеры приходят сюда, главным образом, из-за обязательной регистрации, иначе не получишь гарантийной зарплаты. И так изо дня в день пропадает всё утро — в толкотне на этом рынке рабов, потом в очереди к окошку регистратора; а дома жена уже моет ребят и собирает их в школу, и лучше не путаться у ней под ногами; начинаешь шататься, чтобы убить время, или ищешь хоть какую-нибудь работу, чтобы принести домой пару франков.

— Да, люди посмеются! Уж эти янки встали всем поперёк горла...

Докеры подъезжают на велосипедах или подходят группами в два-три человека, останавливаются, поднимают голову, читают вслух, восхищаются работой, прыскают со смеху. Вы только посмотрите наверх, нелёгкая штука взобраться туда и сделать надпись. Непонятно, как это им удалось.

— Посмеются? Возможно... И то хорошо, — говорит Клебер, молодой парень, участвовавший в этом предприятии (о чём никто не знает).

Не до смеха было там, наверху, при таком ветре, как сегодня ночью... Да и вообще какая уж там потеха с американцами? Стоит только посмотреть, что они вытворяют в Корее... Когда видишь, как все поражены надписью, чертовски хочется сказать кому-нибудь одному: это сделал я. Как? Как ты мог это сделать? — спросил бы тот. Э, брат, —

секрет изобретателя! При помощи святого духа. И этак позадаваться немного, разжечь любопытство. Что ты на это скажешь? Попробуй-ка сделай то же самое! Отчего же не погордиться, раз ты имеешь на это право. Но здесь всё же лучше не болтать.

«НИ ГРАММА АМЕРИКАНСКОГО МАТЕРИАЛА НЕ БУДЕТ ВЫГРУЖЕНО!»

Папийон, «толстозадый», который вот уже год как выбыл из партии из-за какой-то неприятной истории, смотрит на надпись с ещё большим любопытством, чем другие. В своё время это было, можно сказать, его специальностью: плакаты, надписи мелом, дёгтем, краской, ночные походы с банкой клейстера и кистью, привешенными к рулю велосипеда. А дома Фернанда встречала его словами: «Опять ты весь вымазался... Если тебе снова скажут, что меня не видно на собраниях, ты им ответь, что я занимаюсь пропагандой, стирая твою одежду. Ведь на тебе не штаны, а настоящий плакат!». Пожалуй, именно этого Папийону, вот уже год, больше всего нехватает. Первое время он в раздражении ещё говорил себе: «Слава богу, отделался! Осточертело! Шутка сказать, почти каждую ночь!». Но когда обида улеглась и Папийон пришёл в себя, ему стало особенно горько видеть, как другие вместо него делают его работу... Фернанда ничего не говорит, но, будто принимая всерьёз то, что она говаривала прежде, сама стала ходить теперь вместе с ним на все открытые собрания. Такая надпись — это действительно номер, мировая работа, настоящий подвиг!

Тот, кому это удалось, может быть доволен собой! Тем более, что непонятно, как он мог взобраться без лестницы, без каких-либо приспособлений. На лестнице ветер сразу бы скинул его, да и легко ли принести и установить её, когда рядом патрули ОРБ¹. Да, Папийону сразу захотелось приключений. Эх, чёрт возьми, если бы не эта история!..

— Насчёт надписей, — говорит он, — я мастак.

Клебер искоса поглядывает на Папийона — чего он хвастает? Так, пожалуй, ребята решат, что это намёк на то, что он сделал эту надпись. Ещё чего нехватало! Клебер согласен ничего не говорить, но он не может допустить, чтобы другой приписывал себе его работу. Будто незначай, Клебер роняет:

— Был мастак, да выдохся.

Папийону утёрли нос. Ему остаётся только помалкивать. Вместе с носовым платком он прячет в карман своё самолюбие, спрашивая себя, какая муха укусила этого мальчишку, что он так срезал его при всех...

Метрах в двадцати у входа в порт, возле мотков колючей проволоки, оставшихся со времён войны, стоит караульная будка. В ней дремлет охранник из ОРБ. Глядя на него, докеры вспоминают снова о надписи и шутят:

— А эти, думаешь, не американский материал?

— Ясное дело! Только их не выгружали.

— Пока нет. Но вот увидишь, когда-нибудь выгрузят и таких.

— Да, — говорит Гиттон. — Янки — наше несчастье...

— Ты здесь, Гиттон? А что твой парнишка?

— Ничего неизвестно. Его не нашли. Беда...

¹ ОРБ — Отряды республиканской безопасности (Compagnies Républicaines de Sécurité — CRS) — отборные отряды французской жандармерии, созданные Жюлем Моком для подавления демократических сил, борющихся за мир и национальную независимость. (Примеч. перев.).

— Ну и что же ты будешь делать?

— А ты бы что сделал на моём месте? Предупреждена полиция, опекунский совет. А я... хоть бейся головой об стенку. Нам с женой только и остаётся, что реветь, я и реву, как баба. Но даже если б я обшарил все окрестности—это бы ни к чему не привело. Да и при всех обстоятельствах я должен приходиться на регистрацию, как всегда, будто ничего не случилось...

— Эй, Жюль Мок! Проснись! За что тебе деньги платят? Тебя приставили следить за нами, а не спать!

Раздаётся общий взрыв хохота. Видно, «Жюль Моку» здорово хочется спать, если он способен заснуть на таком холоде. Едва ли его спасает одеяло, в которое он завернулся. А может быть, он и не спит, а только съёжился, чтобы согреться! Вот он задвигался, как бы давая знать, что бодрствует. Он бы сейчас наорал на них, но с этими докерами шутки плохи. Они сразу устраивают собрания, прекращают работу, выходят на демонстрацию. И в конечном счёте ему же влетит от начальства. Вот почему он предпочитает смиренно сидеть в своей конуре. Пусть над ним издеваются и осыпают его руганью... Он уже привык к тому, чтобы его ругали, — что поделаешь, такое уж у него ремесло. И потом, сколько бы ни меняли посты, чтобы никто чересчур не намозолил глаза, — если, оставшись один, начнёшь придирааться, будь уверен — тебя возьмут на примету... Когда на демонстрации орудует целый отряд с дубинками, карабинами, слезоточивыми бомбами, — вот тогда можно дать себе волю, врезаться в толпу и сыпать удары направо и налево. Но в одиночку лучше помалкивать. Изобьют. Да и море недалеко...

В бараке, где помещается профсоюзное бюро, можно кое-как укрыться от ветра, и народу здесь полным-полно. Пол прогибается — столько здесь теснится людей в башмаках на деревянной подошве, в сабо, в сандалиях.

Ветер пробивается сквозь щели между плохо пригнанными досками, и если стоишь у стены, то струи холодного воздуха режут тебя на пять или шесть частей. Поэтому никто не даёт оттереть себя к стене, все стараются держаться на середине. Если кого-нибудь отталкивают, тот ругается и выходит из барака с тем, чтобы снова войти и попытаться протиснуться на лучшее место. Таким образом холод вызывает своего рода течение едоль стен — как в закипающей воде... К счастью, здесь ко всему относятся добродушно. Если не балагурить по всякому поводу и вопреки всему, если не заставлять себя шутить, жизнь станет невыносимой. А так всё же легче выдерживать.

Внутри барака — дверь в крохотный «кабинет» Робера, секретаря союза. Робер ещё не пришёл, но имеется ещё несколько ключей от его комнаты. Есть ключ и у Папийона, и он отпирает дверь.

Почти всю комнату занимает печка с ржавой трубой и большой, не очень-то прибранный стол. На краю стола — телефон. Знаменитый телефон! Пыли на нём — хоть пиши пальцем «Мари дура»... Потому что, по правде говоря, Робер не часто пользуется телефоном. Он никогда не был в ладах с подобными штуковинами. Когда, сделавшись секретарём, Робер впервые воспользовался телефоном, он держал трубку «вверх ногами» и говорил в мембрану. «Странно, никто не отвечает. Испорчено, должно быть», — убеждённо заявил он, глядя на нас. И даже теперь, в тех случаях, когда Робер не может обойтись без телефона, он держит трубку кончиками пальцев, и нужно слышать, как он в неё орёт из боязни, что его не услышат, — громче, чем на митинге! А сейчас телефон вообще не в чести... Ещё года четыре-пять назад, когда правительство не было тем, чем оно стало, имело смысл позвонить в министерства или

в областные органы, в префектуру, в мэрию... Теперь это всё впустую— всё равно что насвистывать в трубку.

На почерневших стенах «кабинета» развешаны плакаты, расписания дежурств, написаны мелом лозунги. Здесь докеры как у себя дома. Несмотря на то, что порт со всех сторон огорожен и все выходы охраняются патрулями ОРБ, никто не осмеливается тронуть эту лачугу и сунуть сюда свой нос.

В печурку подбрасывают стружки и щепки. Они быстро разгораются. Дымит так, что глаза на лоб лезут, но, несмотря на это, каждый стремится войти в комнатку: когда дым рассеется, здесь будет чудесно. Беда только в том, что, когда пятеро, прижавшись вплотную, сидят на скамейке вдоль стены и столько же стоят, то уж больше не поместится ни один человек.

Кто-то, поднявшись на носки, поверх голов заглядывает в комнату.

— Робер ещё не пришёл?

— Нет, но мы за него. Ты что хотел?

— Да вот, посоветоваться...

— Да, на это союз годится! — кричит ему Папийон. — А как что другое, так тебя нет. Небось, не скучаешь без профбилета!

Последнее слово как бы переломилось надвое: сосед Папийона по скамье основательно двинул его локтем в бок. Тот, что пришёл за советом, бросает на Папийона недобрый взгляд.

— Ну и что? — спрашивает кто-то. — Что за совет тебе нужен?

— Вчера я работал на ячмене. Больше не выдержу. Если я сегодня не пойду на выгрузку ячменя, имею я право наниматься на другую работу?

Это Соважон. Да, у него даже всё лицо расчёсано.

— Конечно, имеешь...

После ухода Соважона Папийону влетает.

— Почему ты с ним так разговаривал?

— Союз для всех!

— Но это же двуличный тип, — защищается Папийон. — В прошлом году у него профбилет был.

— Я мог бы тебе сказать то же самое по другому случаю, — говорит Дюлюи с самым невинным видом, открывает заслонку печки, чтобы подбросить дров.

— Знаешь что, заткнись! — отвечает Папийон. — Мы ещё как-нибудь об этом поговорим.

— Пришёл за советом — это уже кое-что. Бьюсь об заклад, что в этом году он снова возьмёт свой профбилет.

— Если бы у всякого, кто приходит сюда, был профбилет, то без билета оставалось бы не больше десяти из трёхсот. Никогда ещё не было столько жалоб, как сейчас.

— Хозяева пользуются тем, что людям нужна работа.

— Думают, что все на неё так и набросятся за любую плату.

— Они поговаривают даже о том, что введут неоплачиваемые часы.

— Ну уж брось. Это враки!

— А я тебе говорю, что так!

— Во всяком случае, они на это способны.

— Пойдите, а что это значит?

— И то правда, ты этого не знаешь, ты тогда ещё пешком под стол ходил. И такие ещё хотят командовать...

— Я и не собираюсь командовать, — возражает Клебер, задавший вопрос. — Надо толком объяснить, что к чему, а смеяться нечего...

— Посмотрите-ка на него — прямо порох! Я просто подразнил тебя. Неоплачиваемые часы это вот что... Ты нанялся... Но вместо того, чтобы получать плату с момента найма, ты ждёшь, пока придёт судно. Ты даром теряешь время. Тебе платят только с момента, как ты приступил к работе.

— Ну, этого они никогда не посмеют!

— Они осмеливаются и на худшие вещи, — говорит какой-то парень, протискиваясь в дверь. — Я как раз пришёл к Роберу поговорить об одной истории.

— А куда, в конце концов, девался Робер?

— Он пошёл ругаться насчёт одного дела с подлюгой Бужо. От предпринимателей только и жди подвоха. Скоро до того дойдём, что сколько человек на работу выйдет — столько и конфликтов будет за день.

— Ну, что у тебя там стряслось?

— Вчера подрядились: сорок две тонны в мешках снять с грузовиков и потом погрузить в вагоны. Нам посчитали сверх сорока двух только три тонны. А по-нашему — так дело не пойдёт...

— Конечно, сгрузить да погрузить после того, как сложили на набережной, это двойная работа. Вас надули примерно на сорок тонн. Ничего себе вывернулись!

— Ладно, раз право на нашей стороне, мы своё потребуем.

— И нужно держаться твёрдо.

— Об этом не беспокойся. Справимся и без тебя. ☺

— Как знать...

Начинается раздача нарядов. Для Альфонса — нарядчика-коммуниста — это всегда трудный момент. Сегодня Альфонсу особенно тяжело — весь остаток ночи после треволений с поисками Поля он не мог заснуть и думал об упреке той женщины: «Сразу видно, что она работает...» Она права — у него есть работа. Но если бы не он, то в рабочих карточках его товарищей было бы ещё меньше отметок. И они это хорошо знают. Хорошо это знает и она. Может быть, она сказала эту фразу в минуту раздражения. Но она её сказала. От этого не уйдёшь. Остальные нарядчики почти все в руках у нанимателей. После освобождения всё обстояло по-другому, все десятники были хорошие ребята. Их сменили одного за другим. Только Альфонс остался. Возможно, что хозяева просто не решаются довести дело до конца; а может быть, они хотят создать видимость... Для Альфонса задача не в том, чтобы при найме делать различия между докерами в пользу коммунистов, а в том только, чтобы помешать другим делать это различие им в ущерб. Они, как правило, оттирают наших товарищей, оставляют их без работы. Конечно, для Альфонса — что и говорить, — его положение имеет свои преимущества. Он не сидит без работы, его не давит нужда. Но, в конце концов, разве это преступление? Ведь его убеждения от этого не меняются, он их никогда не скрывал. А всё-таки ему завидуют — вот что тягостно. И даже при самом найме наживаешь не только друзей. Стараешься быть справедливым, заранее узнать, кто особенно бедствует и больше нуждается в работе. Говоришь себе: у меня шестнадцать жетонов, на вид они не представляют собой ничего особенного, но на самом деле каждый из них означает хлеб и молоко для семьи в течение нескольких дней. Их нужно распределить как можно лучше, дать тому-то и тому-то. И всё равно, неизбежно кого-нибудь забываешь или в чём-нибудь ошибаешься. Влезаешь на платформу, у самой твоей головы горит большая лампа, ярко освещающая толпу докеров, а ты возвы-

шаешься над всеми этими протянутыми к тебе руками, над товарищами, которые отталкивают друг друга и вот-вот готовы подраться, и со всех сторон слышишь:

— Меня!

— Меня!

— Альфонс!

— Меня, Альфонс!

...Да, тут есть от чего заколебаться и помрачнеть. При таких условиях работать тяжело, что и говорить, хотя и зарабатываешь на жизнь. Правильно говорят ребята: это рынок рабов. И мерзавцы пользуются положением, чтобы посеять раздор, чтобы самых обездоленных восставить друг против друга...

Когда отдан последний жетон, мгновенно опускаются протянутые руки, стихают крики, прекращается толкотня. Двести пятьдесят — триста разочарованных, озлобленных докеров возвращаются в барак, чтобы встать в очередь на регистрацию. Нет для них никакой работы. Опять никакой работы...

— Вот когда грязная работа, вы, толстозадые, и с места не сдвинетесь? Зады себе греете?

— Надо ж и другим дать поработать!

Папийон и Жорж, второй «толстозадый», даже не выходили на найм, оставшись сидеть на своей скамье у печки.

— Есть ребята, которые злятся на нас, — говорит Жорж.

— А ты встань на их место, — отвечает Папийон.

Он задумывается на минуту, потом продолжает:

— Скажи по правде, если бы сегодня грузили не сажу, ты ведь тоже пошёл бы наниматься?

— Может и так, — признаётся Жорж, — хотя, между нами, я мог бы работать много больше, чем работаю... Я часто даю и другим.

— Что ж, тебе ноги, что ли, протянуть на работе, — снова замечает Папийон. — Ну ладно, кончай, идут ребята...

В комнатухе снова становится полно.

— Две партии, шестнадцать человек. Остальные могут подышать с голоду!

— Если бы хоть этот идиот Ориоль принял отставку у Мока, может, что и изменилось бы.

— Подумаешь, большое дело! Опять поставили бы тех же самых!

— Ну и банда прохвостов!

— Да, всё дело только в них, а работы ведь много.

— Пароходов-то достаточно!

— Они их грузят и разгружают в других портах.

— Ну и дела! Своим планом Маршалла они задушили торговлю.

— Так-то оно так, но суда всё-таки ходят, а они нарочно дают направление в другие порты тем, которые должны были прибыть сюда.

— Значит, те порты зарекомендовали себя лучше, чем мы.

— Ну, гордиться им нечем.

— От нас ни одного гружёного судна не ушло во Вьетнам, ни одного, так что...

— Это ты зря. Другие порты тоже сделали, что следует. Дело не в этом.

— А в чём же тогда?

— Послушай. Нищета — это не только расплата за то, что мы сделали. Дело в том, что американцам продали и всю область, и порт, и нас вместе с ним. И вот конец торговле, теперь это военный порт.

А для видимости, для того, чтобы не сразу бросался в глаза, какие тут перемены, сюда изредка направляют и торговые суда. Будто ты никогда не слышал, что они собираются выгружать здесь оружие. Тебе уже год об этом толкуют. Ребята надрываются, чтобы предупредить людей, скоро камни об этом заговорят, а тебе всё ещё невдомёк... Представь себе такое положение: дела идут — лучше не надо, все как сыр в масле катаются, у докеров есть деньги, ребятишки одеты, курятники полны кур, продуктов сколько хочешь. Предположим, что это так. И вот прибывает оружие. Тогда ни у одного не возникло бы сомнения, каждый подумал бы: я могу перебиться и обойдусь без их паршивых денег. Мало того — все как один будут препятствовать выгрузке — никто не побоится тюрьмы, потому что каждый знает: его семья обеспечена и семья товарищей тоже, твоих близких поддержат, пока ты будешь сидеть в тюрьме. Но если в тот момент, когда прибывает вооружение, ты будешь подыхать с голоду...

— Зачем ты это говоришь мёр... Говори о себе или с других. Я? Да никогда в жизни!

— Ну, поговорим о других. Боюсь, что некоторые из ребят могут не устоять. Они пойдут на эту грязную работу, как на бойню, но пойдут... Что поделаешь, возьми вот моего сына. Недавно он женился. У него не было ни гроша и он не мог достать работы. Вот и пошёл на вредное химическое производство. Он знает, что это окончательно его доконает, и так уж из Вьетнама он вернулся больным. Парень прямо позеленел, плечи согнулись... А всё-таки продолжает работать...

— Это не то. Выгружать оружие американцев хуже, чем итти на смерть.

— Это значит другим готовить смерть.

— Покончить с собой человек ещё имеет право, это никого другого не касается... Но такое дело было бы преступлением...

Как всегда, так говорят самые прозорливые, самые сильные, самые решительные. Вокруг них толпа неплохих ребят, которые пока только слушают и взвешивают за и против. Тысячи противоречивых мыслей сталкиваются у них в голове, хватают друг друга за шиворот, хотя и не очень твёрдо держатся на ногах, потому что мысли, как люди: когда они голодны, нельзя требовать от них больших усилий... Но все знают одно: так или иначе нужно покончить с этой проклятой трагедией. Земля не должна быть адом.

— Нищета, — говорит маленький Юзеф, голос которого и от обилия образов и от необычного акцента поднимается, падает, струится, как музыка его родины, — нищета — это эфир, чтобы усыпить человека перед тем, как его положить на операционный стол.

— Нищета — это подкладка солдатской шинели.

— Руку в огонь, — говорит Дююи.

Все знают — это и его излюбленный номер и его клятва. Дююи кладёт ладонь на чугунный кружок печки и некоторое время, не отнимая руки, затаив боль, смотрит на окружающих.

— Руку в огонь, нищета — это янки!

8. Резолюция Политбюро

Пора оживить деятельность обеих партийных ячеек докеров. В разгар борьбы против грязной войны во Вьетнаме они хорошо себя показали. Но потом их работа заглохла. Похоже, что ребятам уже мало обычных партийных собраний. Вернуться к будничной партийной жизни, которая прежде казалась им вполне нормальной, было для них не легко. Суровые дни борьбы против погрузки оружия на «Пэмбеф»,

«Кутанс» и особенно «Дьепп»¹ сделали их другими людьми. Они словно поднялись на новую ступень, а партия, не сразу освоившаяся с изменившейся обстановкой, ещё не нашла соответствующих форм работы.

Всё это и волнует Анри, члена бюро секции, который прикреплён к обеим ячейкам. Он же является и секретарём одной из них, той, что носит имя Георгия Димитрова. Это имя обязывает, и когда докеры решили дать его своей ячейке, в других ячейках секции поднялся страшный шум, так как большинство из них до сих пор носили скромные названия своей улицы или предприятия. Если теперь димитровцы не сумеют как следует наладить работу, то при первом же случае их все коммунисты разделают под орех. Надо хорошенько взвесить свои силы, прежде чем взять такое имя. К счастью, другие ячейки, вслед за димитровской, тоже выбрали себе почётные имена. Железнодорожники, например, назвали свою именем Пьера Семара², есть также ячейки имени Мориса Тореза, имени Андрея Жданова... По выбранному имени можно судить о целеустремлённости коммунистов, об их воле к борьбе. Но взять имя — это одно, а вот быть достойными его — это совсем другое дело. Теперь у ячейки иные обязательства, чем прежде, когда они скромно назывались «Рыночная площадь» или «Золотой крест»... Правда, нет ни одной такой, которая решилась бы назваться именем Сталина. Вот это должна бы быть ячейка! Подумать только, к чему обязывает это имя! Что касается ячейки имени Димитрова, то надо признаться, что она пока ещё не на высоте. Другая портовая организация носит имя Анри Гайара, докера, расстрелянного гитлеровцами...

Что и говорить, в плохой работе ячейки нищета тоже играет свою роль. Чем хуже живётся товарищам, тем труднее их вовлечь в работу. Вечерами их из дому не вытащить. И дело здесь не в лени, а просто, когда плохо живётся, то хочется заснуть, забыться, не думать... Куда уж тут идти на собрание... поспать бы... И хватает же у некоторых наглости говорить, что мы делаем ставку на нищету... Правда, чем ты несчастнее, тем ты больше ненавидишь этот прогнивший режим. Но сила нашей партии именно в том, что она борется против нищеты. Нищета сама по себе, не будь партии, — к чему бы она привела?..

Во всяком случае надо встряхнуть обе ячейки, и в этом сегодняшнее собрание может сыграть решающую роль.

Вот почему — как это ни глупо — Анри волнуется, по-настоящему волнуется перед собранием. Вот что значит слишком тщательно готовить своё выступление. Обычно на всех собраниях он чувствует себя свободно; изредка обращаясь к своим заметкам, он говорит легко и просто, как умеет. Ведь кругом товарищи, все друг друга знают целую вечность, ну и говоришь с ребятами запросто, как со своими... Но сегодня на собрании стоит очень важный вопрос, и, готовясь к нему, Анри с головой ушёл в «Кайе дю коммунизм», «Франс нувель», «Юма»³, чтобы как следует во всём разобраться и всё продумать до полной ясности. Он даже написал с начала до конца свой маленький доклад. А когда так тщательно готовишься, то одно из двух: либо всё пойдёт как по маслу, либо полный провал, потому что вдруг наступает

¹ Названия пароходов, которые французское правительство собиралось отправить с оружием во Вьетнам. (Примеч. перев.).

² Пьер Семар — член ЦК КПФ, герой Сопротивления, казнён гитлеровцами. (Примеч. перев.).

³ «Кайе дю коммунизм» — теоретический и политический орган ЦК КПФ, «Франс нувель» — еженедельная газета ЦК КПФ; «Юма» — так французские рабочие называют центральный орган КПФ — «Юманите». (Примеч. перев.).

такой момент, когда от избытка мыслей уже не знаешь, с чего начать, чтобы не запутаться. Да ещё вот что: хотя ты уже и привык выступать и больше думаешь о том впечатлении, которое производят твои слова, чем о собственных переживаниях, всё-таки, если рядом оказывается человек, политически более развитый, который тебя слушает, как это будет сегодня вечером, когда придёт секретарь секции Жильбер, — то всегда чувствуешь себя несколько скованным. К тому же, если читать по бумажке заранее написанное выступление, это не очень располагает товарищей высказываться... Только бы всё получилось как надо...

Из-за всех этих тревожений Анри не смог заставить себя поесть до собрания. Он с усилием проглотил ломтик хлеба, который чуть не застрял в горле, как пилюля, принятая без воды... Да, сегодня самое главное — это именно обсуждение. Когда Жильбер предложил собрать вместе обе ячейки и обещал присутствовать, он хотел главным образом заставить докеров высказаться. Если они теперь не так аккуратно посещают собрания, сказал он, то на это должны быть причины, которые известны лучше всего им самим. Нельзя их только упрекать, надо выслушать их мнение. Иначе вся наша работа не выйдет за пределы узкого кружка активистов.

Итак, решено было обойти всех товарищей и пригласить их на собрание. Помимо этой организационной подготовки, собрание было тщательно подготовлено и политически: выпустили специальную листовку о борьбе партии и в частности наших портовых ячеек за интересы докеров. Решено было также пригласить сочувствующих и дать им тоже возможность высказаться на собрании, словом, сделать всё, чтобы понять, что же именно тормозит работу. Будет короткое вступительное слово с изложением фактов, без комментариев, с тем, чтобы сразу задать собравшимся вопрос: «Ну, так что же вы обо всём этом думаете?».

Уже ясно, что собрание удастся. К назначенному часу, то есть к 8.30 собралось уже больше половины коммунистов. Было много людей, пришедших впервые, и тех, которые давно уже не показывались. Конечно, неприятно, что собрание запаздывает. Но что же делать? Эту скверную привычку не скоро вытравишь... Даже если мы начнём в девять часов, это будет уже не плохо. Кстати, можно поручиться, что первыми явились сочувствующие и те, кто редко приходит... Отвыкнув ходить на собрания, они отвыкли и запаздывать. А последними как назло приходят именно активисты. Таким образом ясно, что мы сами поддерживаем эту дурную привычку. Даже сам Жильбер подаёт плохой пример — его до сих пор ещё нет.

— О! Что за привидение явилось, — кричит Анри, чтобы с кем-нибудь поболтать и заглушить своё волнение.

— Да, привидение... — отвечает ему насмешливо старик в чёрной маленькой каскетке с приподнятым козырьком. — Когда стоило придти, я приходил... Но вы не умеете наладить работу в ваших ячейках.

— Ты говоришь так, будто ячейка тебя не касается...

— На последних собраниях, на которых я присутствовал, нас было от силы человек двадцать—двадцать пять из пятидесяти, и всё одни и те же. Вот что, — он так размахивает рукой перед носом Анри, что заставляет его поднять голову, — знаешь, почему я пришёл? Тут не в приглашениях дело. Речь могла идти о самом обычном собрании. Всё дело в надписи на воротах шлюза. Вот это работа! По крайней мере видно, что мы существуем. Тут какой-то сдвиг. Последнее время можно было подумать, что ячейки и вовсе нет. Разговаривали, собирали членские взносы, распространяли брошюры — это всё, конечно, нужно... Но

со стороны дела эти не видны. Вот когда перестаёшь ходить на собрания, тогда только начинаешь всё это понимать как следует. А к чему вся наша работа, если она не чувствуется за пределами ячейки?.. Так, болтовня, потеря времени.

— Чего ж ты раньше молчал? Ты прав. Повтори всё это сейчас на собрании, — отвечает Анри, в душе всё же слегка задетый, потому что речь идёт главным образом о его ячейке — имени Димитрова.

Скоро девять, а Жильбера всё нет... Это неловко — его ждут, его отсутствие, должно быть, все замечают. А сколько сегодня народу! В порту триста докеров, из них в партии всего сто один, да кое-кто из них ещё отсутствует, а пришло не меньше ста двадцати человек! Жильбера попржнему нет; Анри испытывает даже какую-то радость. Он стыдится её и старается побороть... Конечно, если Жильбер не придёт, это будет очень неприятно, но лично ему будет гораздо спокойнее. Он бы меньше волновался. Правда, так рассуждать недостойно, тем более, что Жильбер сможет лучше его провести собрание. Но вместе с тем чувство облегчения, в котором он бы никому не признался, поднимается в нём. Дело в том, что Анри становится неуверенным, робким, когда кто-то более опытный находится с ним рядом. Мысль об этом мешает ему целиком отдаться слушателям, находить нужные фразы, слова, жесты... Стыдно, но это именно так. До чего сложно устроен человек... И когда внутри что-нибудь разладится, то наладить так же трудно, как найти иголку в стоге сена.

— Ну что ж, придётся начать, — говорит Анри Франкеру, секретарю ячейки имени Гайара, который только что вошёл и задыхается ещё от быстрой езды на велосипеде. Это очень высокий парень, он всегда ходит сгорбившись, чтобы быть одного роста со всеми. Его кожаная куртка так узка, что он кажется великовозрастным юнцом, выросшим из своей одежды.

— Разве я опоздал? — спрашивает Франкер с деланным удивлением. — А что, Жильбер не пришёл?

— Нет ещё, — отвечает Анри, — должно быть, его задержало что-нибудь важное. Иначе...

— Ну, положим, — говорит Франкер, выписывая рукой подобие вопросительного знака. — Я не удивлюсь, если он и совсем не придёт. Плевать им на докеров. Нас как будто и вовсе не существует. Ведь никогда ни один из членов секции у нас не бывает.

Анри пытается возразить, но Франкер выпрямляется во весь свой гигантский рост, точно стремясь стать недосыгаемым для Анри.

— Речь, конечно, не о тебе, Анри. Ты ведь секретарь одной из ячеек и ответственный от секции за нашу работу — нехватало ещё, чтобы и ты не показывался. Кроме того, ты сам докер. А другим наплевать. Когда же что-нибудь случается, тогда они все прибегают. Они знают — если у докеров всё в порядке, значит и в секции порядок. Иначе...

— Это всё ерунда, Франкер! Ты скоро заговоришь словами наших врагов, которые кричат, что мы подопытные кролики, что мы нужны лишь для того...

Франкер высоко поднимает руку и, почти касаясь потолка барака, резко отмахивается, как бы говоря: «Ну, что ты придумал?».

— Как раз наоборот, — возражает он Анри.

— Секция не может всюду поспеть... Кстати, ты ведь член комитета секции. Значит, ты — тоже секция.

До чего красноречивы жесты Франкера. Вот и сейчас он так повёл плечами, как никто другой, пожалуй, не смог бы. Его долговязая фигура как будто состоит из одних шатунов и подшиппников.

— Ты не понимаешь, что я хочу сказать... Сегодня уж во всяком случае тебе не увидать твоего Жильбера. Надо начинать без него.

Вместо стола президиума сойдут положенные на козлы доски. Усаживаясь рядом с Анри, Франкер добавляет, просто чтобы ещё что-нибудь сказать и не выглядеть растерянным под обращёнными на них взглядами собравшихся:

— Я всегда говорил, что школьный учитель не годится в руководители секции. Нам нужен докер...

— Даже если ты и прав, — говорит Анри, — то Жильбера нам не в чем упрекать. Попробуй найти более дельного и преданного человека.

В председатели предлагают Робера. Поднимаются руки... Единогласно... Он занимает председательское место. Франкер сразу просит слова. Что с ним? Лучше было бы вести собрание по намеченному порядку...

— Товарищи, я думаю, что для начала следует сравнить результаты соревнования между нашими ячейками. Какая из них оказалась сегодня активнее...

И он с самоуверенным видом поворачивается к Анри, тот одобрительно смеётся. Франкер хорошо придумал. Чуть было не забыли. Это поможет оживить собрание. Что-то у всех слишком серьёзный, слишком торжественный вид.

— Товарищи из ячейки имени Димитрова, подымите руки!

Получается внушительно. Люди, не опуская рук, смеются. Им кажется, что победили они.

— Внимание! Я считаю... Два... Четыре...

К концу подсчёта со всех сторон раздаются радостные возгласы.

— Тридцать восемь, сорок, сорок один... А сколько вас всего? — спрашивает Робер.

— Сейчас пятьдесят два, — гордо отвечает Анри.

— Ну, а теперь ячейка имени Анри Гайара...

Их тоже порядочно... Идёт подсчёт... тридцать восемь... из сорока босьми.

— Победа наша! — говорят «димитровцы», снисходительно посмеиваясь.

— Но следует отметить, что мы привели большее число сочувствующих, — защищает Франкер, спасая честь ячейки.

— Вот ещё! — выкрикивают «димитровцы», — посчитай-ка!

— Чего зря болтать! — кричит из глубины зала Папийон. Он стоит в проходе между скамейками, широко расставив свои короткие ноги. — «Сочувствующих», как ты говоришь, приводить не надо. Сами приходим — мы уже взрослые. А ну попробуй посчитай... Эй, «сочувствующие», как он нас назвал, поднимите-ка руки.

— Идёт! — говорит председатель.

Общее замешательство среди беспартийных. Несмело поднятые руки, смущённые взгляды по сторонам. Чувствуют себя неловко и те, кто впервые присутствует на партийном собрании, и те, кому не очень-то приятно, что они всего лишь «сочувствующие».

— Сорок три, — говорит Робер, растерянно взглянув на Анри и Франкера, чтобы понять, как ему следует отнестись к этому факту.

— Значит, победили в соревновании мы! — кричит Папийон. — Да ещё человек пять рук не поднимали.

Все аплодируют. Когда водворяется тишина, Робер, обменявшись взглядом с Анри, говорит:

— А теперь, товарищи, приношу извинение от имени Жильбера Ледрю, которого задержали важные дела, и предоставляю слово секре-

тарю ячейки имени Димитрова, члену бюро секции, товарищу Анри Леруа.

Все снова аплодируют. В зале откашливаются, сдвигают скамейки, усаживаются поудобнее. Одни быстро закуривают, другие прячут потухшие трубки в карман... Сейчас начнётся.

Раз Жильбера нет, Анри придётся выступить дважды: как докладчику и с обобщением. Поэтому он решает отложить пока своё так тщательно подготовленное выступление. Может быть, оно пригодится в конце... Он ставит вопрос ещё проще, чем предполагал.

— Товарищи, цель нашего собрания...

С первых же слов страх исчез. Всегда так бывает. Анри думает лишь о том, чтобы не говорить пустых фраз, сказать только самое нужное, и проверяет по лицам и глазам товарищей, доходят ли его слова. Их взгляды и выражение лиц подскажут, что нужно сказать. Ведь главное — их мысли, их настроения... Опирается следует именно на это... Важнейшие события последних недель... Ещё вчера Трумэн... Не остановится перед применением атомной бомбы... У нас во Франции... американская оккупация... безработица, нищета... Да, надо сразу сказать о самом существенном... На нас лежит особая ответственность, большая ответственность, чем... Мы — авангард.. И потом правительство... Ремилитаризация Западной Германии... А за спиной — Франко... Следовательно, необходимо, чтобы партия действовала... А наши ячейки несколько оторваны от жизни... Членские взносы... Брошюры... всё это нужно, но.. Быть может, это происходит от того, что ячейки недостаточно занимаются вопросами, которые больше всего волнуют нас, докеров. Как вы думаете?.. Так вот, цель сегодняшнего собрания... Чтобы вы все нам помогли нащупать эти основные, волнующие всех трудящихся, вопросы, чтобы за нашими ячейками действительно шли массы докеров, чтобы нам с новыми силами двинуться дальше. Вот и всё. Теперь слово за вами. Прошу высказаться, что, по-вашему, является для нас самым насущным делом?

Закончив, Анри взглядом спрашивает Франкера: «Ну как?», и тот кивает: «Всё хорошо, всё правильно».

Робер уже встал и старается подбить кого-нибудь первым взять слово. Сочувствующие поражены таким оборотом дела. Некоторые даже слегка разочарованы. Они пришли сюда только послушать, что будут говорить партийные руководители. С ними они могут согласиться или нет — это их дело. Зато для тех, кто верил болтовне, что здесь и слова своего не вставишь, собрание становится интересным...

— Правильно поставлен вопрос, — говорит Дююи, решившийся выступить первым, — потому что ошибки наших ячеек состоят в том, что они заняты бездной всяких дел, но всё это делается как-то отвлечённо, и постепенно самые простые вещи так усложняются, что перестают интересовать кого бы то ни было. Может, я непонятно говорю, неясно выражаюсь... я не мастер произносить речи...

— Ну, ну, не приbedняйся, — с улыбкой вставляет Анри.

Движением руки Дююи прекращает смех в зале.

— А если меня кто и не поймёт... Что ж? Тем хуже для него. Так вот: мы говорим обо всём, мы хватаемся за всё, и никак толком ни в чём не разберёмся. И больше всего меня возмущает то, что мы ещё имеем смелость толковать об «основном звене». Вот и ты, Анри, как припев, всё время твердишь о нём. Вы говорите: вот этот вопрос решает все остальные, это — «основное звено». Я бы не возражал, если бы действительно было так. Но ведь у нас пока одни слова, и каждый посвоему понимает «звено». Для одного это — стачечная борьба, для дру-

гого — борьба против увеличения срока военной службы, для третьего — против американской оккупации, или перевооружения Германии, или борьба с репрессиями, или подготовка съезда, или демонстрация, или ещё бог его знает что... От всего этого голова идёт кругом. А ведь в конце концов всё сводится к одному. Не думайте, пожалуйста, что я такой уж дурак... Я прекрасно понимаю, что сегодняшнее «звено» завтра перестает им быть. Но если всё на свете считать «основным звеном», то будет уже не «основное звено», а целая цепь. И это не в первый раз. Такая же штука была с «изменением ритма». Когда Морис¹ на съезде сказал, что нужно изменить ритм, — это было полезно, это нам всем помогло нащупать слабые места, но вот все стали повторять это выражение, не пытаясь вникнуть в его суть и верно его применить. Это выражение превратилось в какое-то заклинание. Каждый считал, что стоит только его произнести, и он уже сделал своё дело, может спокойно сидеть сложа руки. Что ж, если считать, что всё дело в изменении ритма, то лучшим коммунистом посёлка была бы безусловно Финетта — вряд ли кто лучше её умеет «изменять ритм». А, Папийон, ты что думаешь на этот счёт?.. Так вот... и нечего смеяться, если я нескладно говорю... Так вот, если так будет продолжаться, то с «основным звеном» произойдёт то же самое. Если не ставить вопросов, которые волнуют всех, то собрания никому не будут интересны. Это ясно. Говорят об Америке, о Германии, о Корее, об Испании, об этом... как его, Тито... Ладно, я не возражаю... Повторяю — я не против этого, но у нас на собраниях недостаточно говорят о наших собственных делах и особенно о той нищете, в которой мы живём. Вот на прошлом собрании речь шла даже о Ближнем Востоке. Кто здесь из присутствующих знает, что это за штука — Ближний Восток? С таким же успехом можно говорить о квартале Нумеи². Собрание превращается в какую-то высшую школу, где главным образом изучают географию. Прямо тебе учёные заседания... Конечно, никто не против учёбы. Очень важно во всём этом разбираться. Но при нашей собачьей жизни столько неотложных забот... Иногда мне больше хочется пустить в ход кулаки, чем размышлять над проблемами, возникшими на другом краю света. Я, конечно, говорю не о Советском Союзе, о Польше и Китае — тут совсем другое дело. Я думаю, что мысли сейчас у всех заняты одним — нищетой. Как нам из неё выбраться? Вот и всё...

Дюпюи садится, украдкой поглядывая по сторонам, — какое впечатление произвели его слова. Конечно, думает Анри, в том, что он сказал, есть доля правды. Выступить сразу, чтобы исправить некоторые детали, уточнить вопрос?.. Нет, пожалуй, это может сковать остальных, тех, кто ещё хочет высказаться. Пока лучше пусть всё идёт, как идёт... Ведь в основе слов Дюпюи не такая уж неверная мысль. Да и по тому, как немедленно Сегаль поднял руку, сразу видно, что он не согласен. Сегаль обращается к Дюпюи. Он будет возражать. Вот одно и уравнивает другое. Так правильнее. Пусть лучше товарищи неумело выразят свои собственные мысли, чем повторят готовые заученные фразы.

— Я не согласен с Дюпюи, — говорит Сегаль. — Я считаю, что, наоборот, мы слишком мало говорим о политике в ячейках. Когда мы встречаемся в буфете или в «Сухой глотке», о чём мы говорим? Конечно, о политике. Что же получается? Ведь ячейка скоро станет

¹ Морис — так рабочие Франции называют генерального секретаря КПФ Мориса Тореза.

² Нумеа — главный город острова Новая Каледония — колонии Франции. (Примеч. перев.).

единственным местом, где не говорят о политике. Мы занимаемся мелкими организационными делами. А все значительные политические события проходят мимо нас. А вот борьба с нищетой — это, скорее, дело профсоюза.

Франкер наклоняется к Анри и шепчет:

— Это неверно.

Анри терпеть не может эту привычку Франкера — сидя в президиуме, всё время перешёптываться. Говорит пустяки, а вид такой, будто решает мировые проблемы, и всё это для того, чтобы показать, что он, мол, больше всех понимает. Конечно, Сегаль не прав, и это понимают все ребята. Человек двадцать кричат ему с мест.

— Ладно, ладно, — отмахивается Сегаль, — даже если партия и должна бороться с нищетой, то говорить нам здесь об этом нечего; наша нищета нам известна и нечего её выставлять напоказ. И так она бросается в глаза. Интересно совсем другое...

Атмосфера накаляется.

— Сразу видно, что ты живёшь в посёлке Бийу. Тебе хорошо...

— А вот если бы твою постель заливало, тебя бы больше интересовало, как покончить с нищетой!

— Отстаньте, что вы меня все перебиваете, — кричит Сегаль. — Вы даже не знаете, что я хочу сказать!.. Вы мне приписываете то, чего у меня и в мыслях не было. Я думаю: мы не можем не говорить о Корее или, скажем, о выступлении Трумэна, потому что это всех нас касается. Тебе что, Дюпюи, безразличны ужасы, которые американцы творят там? Они сжигают напалмом женщин, детей, стариков, они расстреливают наших товарищей. Американцы — ещё почище бошей! По-моему всё это география?

Дюпюи пожимает плечами. Конечно, он не это хотел сказать.

— Покончить с нищетой! Покончить с нищетой! — всё более возбуждённо продолжает Сегаль. — Мы с ней покончим только тогда, когда мы этим янки набьём хорошенько морду. Ты увидишь, что скажет в один прекрасный день Сталин или Мао Цзе-дун. Вот тогда мы покончим с нищетой...

Сегаль садится. Собрание шумно протестует. Достаточно уже было разъяснений, чтобы по крайней мере одно было ясно всем: миролюбие политики Советского Союза. Да, сразу видно, что Сегаль не часто ходит на собрания. Это видно ещё и потому, как он волнуется. Он недоволен, что его перебили. Конечно, зря его прерывали. Он не смог высказать всё, что хотел. Он всё ещё полон невысказанных мыслей, и весь этот гул вокруг действует ему на нервы. Ему не сидится. Робер пытается водворить тишину:

— Товарищи, призываю к порядку!

Эти слова вызывают смех. Атмосфера разрядилась. Этим «призываю к порядку» на собраниях всем прожужжали уши, оно звучит, как председательский кслокольчик.

— Можно мне? — спрашивает Гиттон.

— Валяй, — отвечает Робер.

— Сегаль говорит глупости, — начинает Гиттон. — Американцы хотят разжечь войну везде, не только в Корее. И у них бы это вышло, если бы Сталин не был так бдителен. Их бы, конечно, разгромили, но были бы миллионы жертв. Ты имел бы здесь то же, что и в Корее...

— Ну, что тебе, в твоём доте...

Папийон хотел пошутить, но шутка не получилась.

— Если бы ты жил в моём доте, или в Корее, ты бы не шутил. Не над чем... Ну, а тебе, Сегаль, я вот что скажу: разве ты не понимаешь,

что говоришь словами наших врагов? Ведь это они кричат, что советская армия принесёт с собой революцию, а что сами мы, дескать, бессильны... Но не кажется ли тебе, что нашим советским друзьям много пришлось пережить с октября 1917 года? Не кажется ли тебе, что они уже достаточно сделали и что у них ещё и сейчас немало дел? Мы же были бы лодырями и трусами, если бы считали, что от американской агрессии нас должны прикрыть наши советские друзья, а мы пока будем сидеть сложа руки и ждать!.. Мы мало говорим о том, что американцы вторглись к нам. Они ходят по нашим улицам и с первого взгляда кажутся вполне безобидными, но колорадский жук тоже казался нам таким, когда мы его увидели в первый раз! Ведь это те же самые американцы, которые орудуют в Корее! Не надо думать, что американцы во Франции лучше американцев в Корее: ведь Франция для Америки — важный стратегический плацдарм, и уж, будьте уверены, сюда посылают самых проверенных, самых отборных. И дело имеют они здесь не с советскими людьми, а с нами. А что мы? У нас как будто бояться задать этот вопрос — ведь он требует ответа, а ответить — это значит действовать. И тут надо прямо сказать: среди нас есть такие, которые, как страус, хотят спрятать голову под крыло. Правда, товарищи?

Да, Гиттон дал хорошую взбучку своим товарищам. И после его ответа Папийону все настроились очень серьёзно.

— Так что ж мы делаем? Мы просто наблюдаем за событиями и даже о них не рассказываем. Это, может быть, и трудно себе представить, но три четверти французов и не подозревают, что американцы водворяются в нашей стране. Скажем, американцы посылают транспорт с оружием. Мы, докеры, это очень хорошо знаем. Вот уж больше года предупреждаем всех, разоблачаем... Коммунистические газеты полны фактов, доказательств, объяснений... Но ведь не все читают наши газеты, далеко не все! А янки стараются пока как можно меньше мозолить нам глаза. Они прекрасно понимают, что их встречают не очень-то приветливо. Удивительно, но ещё масса людей считает, что всё это басни. Вот, к примеру, около аэродрома, недалеко от нашего посёлка, живёт старик, который собственными руками построил себе дом. Так вот, американцы решили расширить этот аэродром, и домик старика, как и половина наших бараков, окажется на их территории. Янки собираются окружить этот дом со всех сторон железной решёткой, оставив лишь узенький выход. Так даже этот старик ничего не понимает. На днях он мне сказал: «Какое невезение, что они решили обосноваться именно здесь». Он думал, что это единственное место во Франции. Мне пришлось ему долго объяснять, что американцы делают это везде, на всём юго-западе... А он об этом ничего не знал. Да и откуда ему знать? А мы надеемся, что люди сами разберутся что к чему, что они сами раскусят американцев... Может быть, мы боимся ответственности? Иначе в чём же дело? Вот надпись на шлюзе — это здорово! О ней говорят, она заставила задуматься... В том же духе надо и продолжать...

Гиттон изложил свою мысль и собирался было сесть, но передумал:

— Да, я чуть было не забыл. В одном, отвечая Дюкюи, Сегаль был прав. Я думаю даже — они оба правы. У меня в доме, если можно так назвать мой дот, такая нищета, что позавчера вечером убежал мой сын, и никто не знает, где он. Но нищета не упала с неба, как раз об этом мы говорили в порту вчера. Её послали нам американцы прежде, чем сами пришли. Да, это, так сказать, их разведчик. Кто-то напомнил Сегалю, что он живёт в посёлке Бийу. Конечно, там другие условия. Это же относится и к жителям посёлка Дотри. Кстати, это просто позор,

что даже члены партии называют его до сих пор посёлком Дотри. Ведь Дотри только задержал его строительство и без товарища Бийу¹ его бы никогда не достроили. И не забывайте, что если бы не типы вроде Клодиуса Пети и Дотри, то рядом с водонапорной башней стоял бы и другой новый посёлок. Так вот, надо быть наивными дураками, чтобы не понять, что ещё в те времена проводилась та же политика, что и сейчас. Уже тогда американцы начали готовить почву... Нищета сокращает расстояние между нами и Кореей. Сильно сокращает. Посудите сами: когда живёшь в хорошем доме, всё кажется иным, не опускаешься. Уж я-то могу вам сказать, что если те, кто живёт в бараках у водонапорной башни, несмотря на чудовищные условия, сохраняют веру и надежду, это значит, что они крепкий народ. И есть доля правды в том, что живущие в других посёлках недостаточно понимают это... У нас хуже, чем где бы то ни было... Ну, я уже, кажется, сбился. Главное сказано. Я кончаю. Нужно одно: объяснить людям, что американцы водворяются в стране, и зачем они это делают.

Анри не хочет сказать что-нибудь слишком одобрительное, чтобы пока не повлиять на ход обсуждения, и он бросает лишь одну фразу:

— Настоящая речь, старик!

— Душа наболела, — добавляет Робер.

— Здорово сказано, — слышен из глубины зала голос Папийона.

— Ну ладно, а что если я сам себе предоставлю слово?.. — предлагает Робер.

И так как все, смеясь, соглашаются, он начинает спокойно, медленно говорить. Лучше бы он дал высказаться тем, кто обычно не выступает, думает Анри. Только бы он не завёл свою шарманку. Ну, послушаем...

— У меня два вопроса... Прежде всего, стачечная борьба в порту, борьба против сверхэксплуатации, растущей вместе с нищетой. Безусловно, коммунисты должны были бы уделять этому больше внимания. Ведь каждая бригада, вынужденная работать без соблюдения надлежащих санитарных условий или без должной охраны труда, имеет самое меньшее одного коммуниста в своём составе; и несмотря на это, часто бывает, что никто пальцем о палец не ударит, чтобы тут же на месте принять соответствующие меры. Члены партии не сумели втянуть в работу всех остальных. Даже наоборот, часто случается, что инициативу проявляют не коммунисты и всё делается каким-то канцелярским способом. После конца работы или вечером, а иногда даже и на следующий день, приходят ко мне и говорят: так, мол, и так, надо бы вмешаться по такому-то поводу. Я-то, конечно, вмешиваюсь. Думаю, что здесь меня не в чем упрекнуть. Но люди забывают, что самое основное, самое действенное — это прямой протест самих рабочих. Вот, например, в этой истории с нитратами, ведь ты, Жерар, был тогда в той бригаде. А на днях, в прошлый вторник, во время инцидента с досками там работал Гриньон. Я говорю не в укор нашим товарищам. Ответственность лежит на ячейке в целом. Дюпюи верно сказал, что если бы мы побольше говорили на собраниях о наших требованиях, то товарищи были бы больше подкованы и внимательнее бы относились к этим вопросам. И они бы делали то, что должны делать.

Второй вопрос более серьёзный. Мы много говорим об американцах и недостаточно о ремилитаризации Западной Германии. С моей точки зрения, мы в этом вопросе уклоняемся от линии партии... После всего

¹ Франсуа Бийу — депутат-коммунист. Был министром экономики в 1946 году. (Примеч. перев.).

того, что мы читаем в «Юма» и в других газетах, становится бесспорным, что борьба против перевооружения Германии — это основной, первостепенный вопрос. А надо признаться, в поргу в этой области мы ещё ничего не сделали. Я, товарищи, не буду говорить о работе всей секции, это не моё дело. Конечно, американцы — это очень важно, но всё-таки не это самое главное. Американцы касаются лишь нас, портовых рабочих, да и сколько их здесь, этих американцев. Примерно с тысячу. В то время как восстановление вермахта — прямой путь к развязыванию новой войны против Советского Союза. И вот чисто местная проблема — не дать превратить наш порт в американскую военную базу, поскольку нам, докерам, она бьёт в глаза, заслонила основной вопрос. Мы не следуем линии партии... Мы без конца толкуем о каком-то несчастном корабле с американским военным грузом, который, может быть, никогда и не придёт, в то время как нацисты формируют целые дивизии...

— Разрешите мне, Робер, — вдруг резко перебивает Анри. Он уже несколько минут нервно барабанил пальцами по столу, волнуясь от того, что слова Робера вызывают всё растущее одобрение.

— ...Я должен сказать вам, что я совершенно не согласен с Робером.

Робер слегка побледнел. В зале заволновались. Анри критикует секретаря профсоюза — это что-нибудь да значит!

— Так вот, — говорит Анри, поднимаясь, — этот вопрос требует немедленного разъяснения: да, это очень важный вопрос для нас всех, вопрос, который многих из нас тревожит последнее время. Верно также и то, что мы не разрешили его, раз мы почти ничего не сделали, чтобы помешать перевооружению Германии. Была даже попытка уклониться от его решения и всё внимание направить на борьбу против американской оккупации. Однако и в этом вопросе у нас не всё благополучно. Мы допустили ошибку. Но вот Робер всё перевёртывает кверху ногами. Это уже другая ошибка. Послушаешь его — выходит, что американская оккупация, прибывающее американское оружие — это всё чепуха. Каждому совершенно ясно, что это неправильно. Вся беда в том, что мы мало думаем о взаимосвязи событий. Останавливаешься то на одном, то на другом вопросе, взятом отдельно, в отрыве от всего остального, забывая, что всё связано... Меня самого мучила эта проблема, и я поставил её на бюро секции. Мы долго обсуждали, но ничего не прояснилось. Жильбер обещал посоветоваться в бюро федерации. Я так и не знаю, чем всё кончилось. Но зато на той неделе я прочёл в «Юма» документ огромной важности, касающийся этого вопроса, а следовательно, и нас. Я хочу прямо сказать Роберу: меня удивляет, что ты не читал его. Это резолюция Политбюро. Она свидетельствует о том, что так или иначе руководству нашей партии стало известно, с какой проблемой столкнулись низовые организации. Политбюро обсудило этот вопрос, и резолюция вносит полную ясность в его решение. Теперь мы сумеем выйти из тупика. Руководство нашей партии всегда подсказывает нам решения всех сложнейших проблем. Происходит так потому, что в нашей партии руководство и низовые организации — единое целое. Они — как сердце и кровеносные сосуды, связанные непрерывной циркуляцией крови... О чём же говорит резолюция Политбюро? Вкратце вот о чём: борьба против американской оккупации неотделима от борьбы против перевооружения Германии. То есть в резолюции написано прямо противоположное тому, что говорил здесь Робер. Вот постановка вопроса, до которой мы не додумались. Мы не увидели этой взаимосвязи. **Послушайте.**

Анри быстро роется в своих листках и вытаскивает вырезку из

«Юма». Робер пользуется этим моментом, чтобы сесть. Он сожалеет, что остался стоять с глупо болтающимися руками, у всех на виду. Да ещё этот дурак Папийон, который во всё суётся, стал издали делать ему какие-то знаки: мол, ну и влетело тебе!

— ...Слушайте... заголовок гласит: «Не пропустим оружия для восстания вермахта». «Политбюро ещё раз подчёркивает, что, отдавая порты Бордо и Ля-Паллис в распоряжение американских вооружённых сил, правительство лишает французского суверенитета эти два порта, что является безусловным предательством национальных интересов». Так... Это партия уже говорила... Но послушайте дальше: «Кроме того, правители Франции становятся соучастниками переброски вооружения, выгруженного в Бордо и в Ля-Паллис и предназначенного для новой немецкой армии. Политбюро энергично протестует против этих антинациональных действий. Оно приветствует докеров, которые отказываются разгружать военные материалы, предназначенные для немецких нацистов, готовящихся к реваншу». И в заключение Политбюро, — я читаю, — «призывает всех французов и всех француженок, братски объединившись, всемерно противодействовать ремилитаризации Германии, требовать прекращения американской оккупации французских портов, которые недопустимо видеть превращёнными в военные базы, где выгружают оружие и снаряжение, предназначенное для нового вермахта». И так далее... Что всё это значит? Вот последняя фраза, например, она показывает, что речь идёт совсем не о деле местного значения, как говорил Робер, которое нам кажется важным только потому, что оно происходит у нас под носом. Напротив, руководство партии подчёркивает, что это большая национальная проблема. Практически для нас это означает, что всё предпринимаемое нами против американцев будет направлено также против перевооружения Германии. С другой стороны, всё, что мы делаем, втягивая самые широкие массы в борьбу с любыми проявлениями политики развязывания новой войны и в том числе в борьбу против перевооружения Германии, — всё это будет содействовать усилению борьбы против американских оккупантов... Значит, речь идёт не о том, чтобы выбирать между двумя задачами, как это делает Робер. Для нас основное — это борьба с американской оккупацией. Мне думается, что теперь вопрос совершенно ясен и мы можем ещё раз поблагодарить руководство нашей партии. Не правда ли, Робер? Всё ясно?

Анри с улыбкой повернулся к Роберу. Ясно было одно — критики Робер не переносит. Его лицо помрачнело. Правда, он молчит, как как теперь уже ничего не скажешь. Всё стало совершенно понягным и убедительным лично для Робера так же, как и для других. Но всё же на вопрос Анри он отвечает лишь неопределённым движением плеч и головы — и да, и нет. К счастью, всем известно, как он самолюбив; чуть не так слово скажешь, сразу лезет в бутылку. А то можно было бы подумать, что дело серьёзное и расхождение глубокое... Такое поведение Робера засгавляет Анри, который уже взялся за стул, внезапно добавить:

— Давайте, товарищи, продумаем всё до конца. Каждый из нас должен воспользоваться этим, чтобы со всей остротой поставить для себя вопрос...

Теперь — осторожно. Каждое слово будет иметь особое значение. Сейчас все будут задеты за живое... Если кто примет это в обиду, нужно сразу всё уточнить, разъяснить... Конечно, неприятно ставить Робера в такое положение. Но надо сказать, что он со своим дурацким характером только усложняет всё дело. И Анри чувствует, что одновре-

менно с боязнью обидеть товарища в нём поднимается желание поспорить, потребность в том до конца честном и откровенном разговоре, который в конце концов ещё крепче сплотит и братски сроднит всех.

— Мы все должны спросить себя, не ищем ли мы предлога, чтобы избежать главной, самой трудной битвы? Я только ставлю этот вопрос, пусть каждый сам отвечает за себя. Ясно одно — хотим мы этого или нет, мы находимся на передовой линии. Поэтому борьба у нас более трудная, чем где бы то ни было в стране. Мы должны делать то, что делают все, и ещё не мало сверх этого; словом, приобретать опыт нового Сопротивления, вести массовую борьбу против выгрузки военных материалов. Это посложнее, чем собирать подписи под Стокгольмским Воззванием. Несомненно, есть товарищи, которые хотели бы заняться более лёгкой и привычной работой. Конечно, никто не решается прямо признаться в том, что он колеблется, что он побаивается трудной борьбы. Вот и выдумывают всякие «благородные» отговорки, прикрываются всякими «политическими» аргументами, но если дать этим настроениям волю, то дело сведётся к отказу от настоящей борьбы...

Робер принимает все эти обвинения на свой счёт. И вот наступил момент, когда, по его мнению, можно без особого скандала высказать всю свою обиду:

— Ты лучше прямо скажи, что я боюсь, — говорит он, вставая. — Товарищи знают. В тридцать девятом ты ещё мальчишкой был, спросика у них, трусил я или нет? А теперь...

— Вот так номер! — замечает Анри очень спокойно, с улыбкой. — Если сам председатель выступает, не получив слова...

Раздаётся смех. Чувствуется, что докеры рады этой разрядке, так как обсуждение приняло серьёзный оборот. Франкер поднимается, желая что-то сказать, но Анри останавливает его, положив ему руку на плечо. Если он вмешается, спор может перерасти в настоящее столкновение, да ещё в присутствии сочувствующих... Или, чего доброго, Франкер скажет что-нибудь не идущее к делу, слишком примирительное... Анри достаточно опытен, чтобы сгладить все острые углы, не отступив ни на шаг от принципиальной постановки вопроса...

— Почему ты всё принимаешь на свой счёт, Робер? Я ведь говорю обо всех, и о себе тоже. Ты и сам знаешь, что такие сомнения возникают у многих. И в этом нет никакого преступления, особенно если подумывать, сколько каждому из нас приходится перетерпеть, чтобы устоять в борьбе. Я хорошо знаю, что это такое, — я в этом месяце работал всего шесть дней... Но раз вопрос поставлен, мы все вместе должны бороться с тенденциями уйти от основного. Это относится к тебе не больше, чем ко всем. До решения Политбюро я не лучше тебя разбирался в этом вопросе. И меня тоже можно было упрекнуть в том, что я пытаюсь обойти его, и в этом была бы доля правды, даже если бы я протестовал, обиделся бы на такое обвинение. Но теперь уж никто из товарищей не имеет права обойти этот основной вопрос. Все формы нашей борьбы за мир — борьба против перевооружения Германии, против увеличения военной службы, против фашизации, борьба за хлеб — всё мы должны подчинить нашей основной цели — борьбе против американской оккупации. В частности, мы должны хорошо подготовиться к прибытию американских пароходов с вооружением: Было бы наивно думать, что они не попытаются любыми средствами разгрузить свои суда здесь, как это предусмотрено в их планах. Вы согласны со мной?

— Конечно!

— Если не мы, то кто же этим займётся?

— Безусловно, — подтверждает Робер. — Я и не думал возражать против этого.

— Ну вот, всё в порядке, — говорит Анри, усаживаясь. — Выходит, что, поспорив, мы ещё лучше договорились... Что ж, продолжим. Давай, председатель, действуй.

— Дела покажут, кто чего стоит, — бормочет Робер и, принуждённо улыбаясь, добавляет: — Ну, кто теперь возьмёт слово? Надо же наверстать потерянное время.

В зале все громко протестуют. Никто не считает время потерянным. Анри попрежнему спокойно улыбается; он чувствует, что вёл себя так, как следовало. Может быть, не всё прошло вполне удачно, но с этим приходится мириться. Главное, спор всех взбудоражил. Теперь можно быть спокойным — резолюция Политбюро не останется незамеченной. В общем всё получилось неплохо. Вот опять Франкер с многозначительным видом наклоняется к Анри и, поглядывая на присутствующих, шепчет: «А что, это может дать толчок! А?».

Обсуждение продолжается. Но основное сделано. Сейчас уже больше десяти. Нельзя затягивать собрание позже одиннадцати, это предел для такого открытого собрания. А то в следующий раз придут неохотно! Всё получилось здорово... Анри почти не слушает выступающих, он думает о своём заключительном слове. На клочке бумаги он набрасывает несколько фраз, бегло просматривает свои записи. Прежде всего он нарисует общую картину американской оккупации страны, чтобы ещё раз подчеркнуть важность этой проблемы. Многие, несомненно, её всё ещё недооценивают... В общем собрание несколько отклонилось от намеченной цели: успеет высказаться не больше семи-восьми человек. Зато в другом отношении оно оказалось в высшей степени удачным и будет хорошей затравкой для следующего. Встряска для ячеек получилась неплохая.

Всё-таки трудно думать, когда другие говорят. После Папийона и Жерара, соседа Анри по бараку, слово берёт Клебер. Всё, что он говорит о новых формах борьбы, интересно. Клебер тоже молод, но понимает, в чём суть. Уж он глупостей не скажет.

— Я выйду на минуту, — говорит Анри Франкеру. — Ты мне потом расскажешь, что здесь происходило.

Анри хочется обдумать всё, собраться с мыслями, но как только он оказывается на улице и больше не видит перед собою людей, перед которыми ему опять предстоит выступать, его снова охватывает вместе с ночным холодом какой-то дурацкий страх... Чтобы согреться, Анри прохаживается, скрестив руки на груди. Сосредоточиться трудно. Сквозь дощатую стенку барака доносится приятный голос Клебера. И Анри, может быть оттого, что он остался один на один с этой бескрайней ночью, охватывает внезапно ощущение огромной ответственности, которая лежит на нём.

Он думает о Робере — преданном, неутомимом товарище, но готовом по любому ничтожному поводу встать на дыбы — ему претит каждое слово критики. Анри думает также о Гиттоне, который продолжает жить борьбой, несмотря на своё горе — ведь его сынишка так и пропал. Борьба так жестока, а нищета так безысходна... Иной раз сжимается сердце, как подумаешь, что предстоит товарищам, которых он должен всё глубже втягивать в эту борьбу... Но тотчас же тысячи ещё более ужасных картин встают перед глазами: что всех ждёт, если борьба ослабнет. Есть страдания, которыми гордишься. В самых тяжёлых испытаниях пробуждается твоё сознание. Ничто так не возвышает человека, как случай, приведший его на едва различимые перепутья, где

скрещиваются дороги счастья и горя миллионов людей. Анри кажется, что именно на таком перепутье и в такую ночь люди могли выдумать бога... Нельзя подняться над самим собой, не испытав удивления, сомнений, тревоги, но также и той глубокой радости, которую знают только дети...

До чего ослепительны эти звёзды, когда выходишь ночью из светлой комнаты и когда тебе холодно...

И когда ты очень хочешь есть...

Анри возвратился в барак и, поёживаясь от холода, садится на место. Сочувствующий Гаспар Дюбуа заканчивает своё выступление. Франкер только шепчет Анри:

— До чего же здорово говорил Клебер! Какие у нас богатейшие возможности для работы!

И сразу Анри предоставляют слово для заключения. Он ещё не успел установить контакт с аудиторией. И глаза его ещё щурятся от света. В комнате не накурено — с табаком дела плохи, но Анри видит всех словно сквозь дымку.

Он почти не глядит в свои записи. Так много нужно сказать. Самое главное, думает он, это ярко обрисовать картину того, как юго-западный район страны подвергается оккупации. Прежде всего о портах — они превращены в военные базы; затем аэропорты и базы морской авиации, восстановленные американцами: Ля-Паллис, Ля-Рошель, Рошфор, Сан-Жан-д'Анжели, Сент, Коньяк, Ангулем, Утен, Периге, Бордо, Бержерак, Бискарос, пруд Казо, Ажен, Мон-де-Марсан, По... Военные лагеря, склады боеприпасов и горючего, которых хватило бы, чтобы взорвать и сжечь весь юго-запад Франции. Идёт грандиозное строительство стратегических железных и шоссейных дорог; восстановление и переоборудование старых укреплений Атлантического вала, сооружённых ещё Тодтом. Всё это образует огромный треугольник, своим основанием опирающийся на франкистскую Испанию, где американцы создали мощную военную машину. От Юго-Запада зараза распространяется всё дальше и дальше, каждый день поступают сообщения: создан новый военный лагерь, оккупированы новая территория, новый город, новый завод. Из оккупированной зоны по шоссе и железным дорогам через Монлюсон, Бурж, Шательро, Тур движутся военные грузы в Западную Германию.

Затем следует уточнить причины нашей борьбы. Присутствие у нас американцев — это война и разорённая, превращённая в пустыню зона оккупации. Мы ничего не имеем против самих американцев. Американский народ... у себя на родине... но когда они приходят к нам — это колонизация, это война.

И в заключение быстро сказать, что надлежит делать... Не только докерам, но и всему населению... Мы не одиноки... Солидарность... Вся Франция, весь мир смотрят на нас... одобряют нас, поддерживают нас... На нас ответственность, надо быть на высоте своей ответственности!

Пока товарищи аплодируют, Анри садится и спрашивает у Франкера, который час. Четверть двенадцатого. Не сумели уложиться в регламент... Он говорил целый час, но никто не ушёл. Кто-то из зала предлагает послать Морису Торезу приветствие с пожеланием скорейшего выздоровления и с протестом против совершённого на него покушения.

— Мы уже об этом подумали, — говорит Робер и читает текст. Все дружно хлопают.

После собрания Анри останавливает первого попавшегося:

— Ну, как впечатление?

И сразу же у стола собирается несколько докеров.

— По-моему, следует устраивать почаще такие объединённые собрания. Чувство локтя — великая вещь.

— Наши споры свидетельствуют о том, что атмосфера накаляется.

— И что перед нами встают более сложные задачи, — добавляет Анри.

Он замечает, что Робер уже ушёл. Ушёл один, ни с кем не попрощавшись и даже не пожав ему руку. Этого никогда ещё не бывало.

9. Дом с белой облицовкой

Самое тяжёлое для Полетты, конечно, — зависеть от Жизели, быть служанкой Жизели. Такие вещи, когда о них думаешь, переполняют сердце, как капля полную чашу.

Мы, девушки, как-то дольше, чем мужчины, не расстаёмся с детством... Дольше сохраняются школьные связи. Подруги продолжают охотно встречаться, мимоходом перебрасываются словечком, станцуют в паре, если случится увидиться на вечеринке, словом, будто и не хотят замечать всего, что изменилось с тех пор, как на переменах где-нибудь в уголке они делились друг с другом своими маленькими секретами или когда они возвращались из школы окольным путём, чтобы пройти по городскому саду, где так хорошо мечтать среди зелёных газонов и прудов с зеркальными карпами и искать встречи с мальчишками, чтобы в последнюю минуту со смехом от неё уклониться... Они упорно цепляются за старую дружбу, будто машут друг другу платками, переключаясь через разделяющую их всё более глубокую пропасть...

После окончания школы различия между ними невероятно возросли. Есть, быть может, в овеванных нежностью воспоминаниях детства тоска по тому неповторимому времени, когда перед всеми открывались равные — вернее, казалось, что равные — возможности... Потому что потом у каждого своя дорога. Что поделаешь, такова жизнь.

В то, пожалуй, самое светлое время, когда им было лет по пятнадцать и они ещё учились в школе, подругами Полетты были Жизель, Люс, Франсина, Марсель. Это была неразлучная пятёрка. Отец Полетты и отец Марсели в то время работали вместе, была у них маленькая мастерская, в которой они изготавливали какие-то детали для заводов; между собой они ладили. Отец Жизели тогда только что открыл свою мясную лавку; начал он с малого, но с большим шумом, продавал дешевле всех, и к нему хлынули покупатели. У Люс и Франсины отцы работали докерами, девочки получали стипендию. Уже шла война, но вначале для них мало что от этого изменилось. Только к Пасхе сорокового года и для неразлучной пятёрки настали трудные времена. Отцам Полетты и Марсели пришлось продать свою мастерскую, в которой теперь они работали себе в убыток. Они стали искать работу на заводе. После каникул Марсель продолжала учиться, но Полетта пока что осталась дома. Потом, через несколько дней после начала учебного года, отца Франсины арестовали и посадили в тюрьму, потому что он был коммунист... Люс некоторое время ещё продержалась в школе, но вскоре из всей компании там остались только Жизель и Марсель, и у них появились новые подруги. Сейчас Марсель, у которой жизнь сложилась лучше, чем у других, преподаёт в педагогическом институте где-то под Парижем. Её муж тоже преподаватель, и из писем, в которых она всегда расспрашивает о своих бывших подругах, ясно, что её огорчает только то, что до сих пор у неё нет детей.

Не то, что у нас!.. Здесь детей столько, словно их приносит океан.

Отец Жизели очень разбогател, стал одним из самых крупных мясников в городе. Дом у него облицован белой плиткой и не заметить его

нельзя, особенно теперь, когда Вивьеновскую больницу — как раз на-против мясной — заняли американцы и американский флаг полощется над улицей...

Франсина и Люс, как и Полетта, остались в своём кругу, вышли замуж за докеров.

Оглядываясь на своё детство, мысленно возвращаешься к истокам любви. Для Полетты и Анри всё было решено давным-давно, с того самого дня, когда он подтрунил над ней — им было тогда лет по тринадцати.

Всё как будто было решено и для Жизели с Жераром, неразлучным другом Анри, который вместе с ним приходил в городской сад, чтобы встретить там подруг. Похоже было даже, что у Жизели и Жерара это ещё вернее. В пятнадцать лет они уже целовались, крепко прижимаясь друг к другу, вечером у Башни Четырёх Жандармов или даже днём — по воскресеньям в кино. Полетта с Анри не так торопились, будто предчувствовали, что у них ещё вся жизнь впереди.

...Анри и Полетта поженились сразу же после войны, в начале сорок шестого. Для Жизели и Жерара всё усложнилось. Между ними было теперь такое расстояние, что к этой любви в пятнадцать лет они сами, пожалуй, начали относиться как к ребячеству, как к игре... При положении её отца не могло быть и речи о том, чтобы Жизель оказалась на людях с докером. И всё-таки с её стороны не обошлось без кокетства. Порисоваться — как, мол, она терзается, это было теперь в её стиле, потому что она не знала, куда ей девать своё время. Отец Жизели хотел, чтобы мясная её не касалась, и прочил ей хорошую партию. Этого требовало его тщеславие... Он считал, что богатое приданое и учительский диплом — достаточное к тому основание. Чтобы убить время, Жизель бегала по портнихам, читала романы, смотрела модные журналы, в которых полно всяких фотографий, анекдотов и любовных историй, слушала радио и смотрела без разбору все картины, какие только шли...

Ещё и теперь иногда она осмеливается спросить Полетту: «А что говорит Жерар?..» И это нехорошо... У Жерара теперь трое детей. Нехорошо играть с людьми... Жерар парень честный, смелый, но бесхарактерный... И всё же несколько лет назад, увидев, какой оборот принимает дело, он сразу поставил точку. Он сказал Жизели: «Довольно ребячиться, мы друг другу не пара». Он и действительно так думал, но, кроме того, он не хотел в один прекрасный день услышать это же от её отца при посторонних. Он стал избегать её. Потом он познакомился с Мари, и вскоре они поженились. Так к чему эти выходы Жизели? Тем более, что любовь в пятнадцать лет не так легко забывается, и часто остаётся какой-то след, что-то вздрагивает в тебе, когда случается иногда встретиться... Нехорошо играть... Потому что для Жизели это игра, даже если порой она сама бывает обманута ею, начитавшись всяких глупостей... Иногда (правда, довольно давно) она даже плакала по этому поводу и рассказывала Полетте, что плачет часто... И всё-таки у неё не может быть действительно глубокого чувства, даже если она иногда и грустит об этой любви в пятнадцать лет. Это грусть капризной барышни, до полудня нежащейся в постели чуть ли не на шёлковых простынях, в комнате, которую приходится убирать Полетта. Полетта вытирает пыль с ночника под зелёным муслиновым абажуром, чистит пылесосом огромный серый ковёр, она натирает гранёные края большого овального зеркала, так что они сверкают, как кристалл, выпускает ещё тёплую мыльную воду из ванны, которую только что приняла Жизель, в то время как на улице, за роскошными гардинами, опять идёт

дождь и Полетта думает о том, что там, в бараке, снова, наверное, течёт на кухне, где сидят дети...

Это несерьёзно. Это значит выдумывать трагедии, и даже когда Жизель говорит: «Ужасно, что вырастает такая стена между людьми» — это звучит слишком красиво, наверное она прочла что-нибудь похожее где-то в журнале или услышала в кино... Полетта не верит этому. Нехорошо с её стороны всё ещё кокетничать с Жераром. И для чего? Чтобы попытаться создать никому не нужный соблазн недостижимого? Нездоровая прихоть! Были бы у неё настоящие заботы, сразу бы отказалась от всей этой чепухи, которую она выдумывает, потому что ей нечего делать. Впрочем, все её горести не мешают ей одеваться по последней моде, бегать по дансингам и теннисным кортам, валяться на пляже — жить беспечной радостной жизнью...

До чего всё это чуждо Полетте! Нет, это некрасиво... Жерар, конечно, не даст себя втянуть в эту дурацкую игру... Ему теперь двадцать семь лет. Мари двадцать девять. У них трое детей. Но нищета так быстро старит женщин, что Мари обращается с Полеттой, как со своей дочерью, хотя той двадцать пять лет... Не вина Мари, что в бараке нищета, да и кто виноват в том, что есть люди, которые не умеют страдать и мечтают порой — это читаешь по их глазам, — как бы убежать от несчастной жизни, вроде сынишки Гиттона...

Жизель не так уж плоха. Но никуда не уйдёшь от всех её вздорных выходов, от этих манер богатой выскочки. Она наняла Полетту, чтобы помочь ей, когда узнала о её нищете... И, наверное, сделала она это из добрых побуждений. Но это не мешает ей говорить с Полеттой свысока. Они ведь больше не в школе... И как бы там ни было, но Полетте платит отец Жизели... А в общем нельзя сказать, что Жизель действительно счастлива. Она сама рассказывает, что, оставшись одна, она часто плачет. Как бы это выглядело, если бы Полетта, у которой ничего нет, расчувствовалась и стала бы утешать Жизель, у которой есть всё! Мир сошёл с ума!

Правда, Жизель потеряла мать. Жермена была убита в сорок четвёртом, когда «летающие крепости» бомбили город будто бы потому, что здесь находилась база подводных лодок. Она оказалась в числе десяти погибших, которых так и не отыскали среди развалин... У неё нет даже могилы на кладбище... Кто может заменить мать избалованной девчонке, которую не учит сама жизнь?.. Жермена оставалась совсем простой. Она не забывала о том времени, когда сортировала рыбу, как теперь Франсина, а её муж работал приказчиком у Фуанье... До чего же всё перепутано в жизни! Прекрасная мясная лавка Фуанье была разбита той же бомбёжкой. Ни он ни его жена не пострадали, но были разорены, а их двое детей погибли от бомбы в школе, всего в пятидесяти метрах от дома... Фуанье остались ни с чем. И они уехали из города, чтобы никто не видел, как они теперь живут. До чего война изменила положение людей! Не рабочих, конечно; им стало ещё тяжелее. Некоторые из тех, кто раньше преуспевал, разорились, другие, воспользовавшись событиями, достигли всего, о чём мечтали; и не только богатство было перетасовано: люди, считавшиеся почтенными, показали себя бесчестными; иные богачи заслужили уважение; безвестные рабочие стали героями. И это ещё не всё: здесь в каждом сердце хоть один день развевалось красное знамя, когда, полыхая огнём на крыше рейхстага, оно и для Франции стало сигналом возрождения. И пусть у каждого свой символ веры, всё же каждый с тех пор хранит в себе каплю той благородной крови, которой окрашено это знамя.

Здесьнее общество так перетряхнула, перемешала война, так измо-

тали бомбардировки, что и теперь, шесть лет спустя, оно всё ещё далеко от того, чтобы успокоиться, отстояться. Оно мучительно и тщетно пытается обрести своё прежнее равновесие, вернуться к своим противоречиям, и раньше неисчислимым, но привычным, — противоречиям между собственно городом и просолёнными кварталами порта, которые теперь стёрты с лица земли, но которые всё ещё напоминают о себе, как инвалиду его ампутированная рука; противоречиям между внешним бульваром, который всё ещё существует только в проекте, если не считать деревьев возле нескольких больших и светлых зданий, и старым городом с бесчисленными отсыревшими арками, под которыми гнездятся жалкие лавчонки и роскошные магазины со всеми своими сокровищами...

Да, Жермена оставалась простой сортировщицей рыбы, и она всегда чувствовала себя чужо́й в своей лавке и как бы стеснялась, что разбогатела. С каждым днём она была всё приветливей, будто просила прощения и старалась дать людям какое-то возмещение за деньги, которые ведь всё же отбирались у кого-то... И ещё неизвестно, становилась ли она счастливее в то время, как дела мясной лавки шли в гору. Когда её муж уезжал с тугим кошельком за скотом на базар или на бойню, она знала, что вечером услышит его расслабленный голос, увидит его багрово-красное лицо, его тушу, переполненную мясом, винами, алкоголем, знала, что он с циничной гордостью скажет, что истрчено много денег, после того, как много добыто...

Да, будь ещё жива Жермена, всё сложилось бы иначе и для Жизели... Её отцу не стало ни холодно, ни жарко, когда стряслась беда. Он почувствовал себя только свободнее; к тому же Жермена со своими простонародными вкусами могла только плохо повлиять на девочку, ведь насчёт её будущего он строил столько честолюбивых планов.

Только для того, чтобы не повредить себе в глазах покупателей, он одно время стал реже показываться в кафе на главной площади. Таков был его траур... Но дома, несмотря на войну, он ни в чём себе не отказывал. Полетта сама слышала, как он много раз рассказывал об обильных обедах, на которых его друзья — такие же пройдохи, как и он сам, обжирались мясом, опивались вином! Притворно стыдливо прячась в столовой, они наслаждались этой скандальной роскошью, в то время как все кругом были лишены самого необходимого...

Он ненавидит всех, кто стоит ниже его, а его самого презирают даже все торговцы города. Но его лавка — в самом богатом районе, и он поставляет мясо в лучшие отели, где иногда останавливаются иностранцы и министры...

Известно, что он шляется по бабам, ходит в самые грязные притоны, но когда он в мясной — никто об этом не догадается. Он очень искусен. Здесь он — заслуживающий уважения, безупречный человек, полный предупредительности...

Полетте тяжело смотреть на все эти жирные туши, развешанные в лавке, она так редко может купить мясо для Анри! К счастью, она не часто убирает в мясной. Только вечером перед закрытием она быстро проводит тряпкой по красному кафельному полу. Однако, находясь в кухне или в столовой, она слышит, как покупатели просят вырезку или огузок, как стучит топор, которым рубят мясо, слышит скрип весов... Вырезка... Ей никогда не случалось покупать такое дорогое мясо, и она, наверное, не знала бы, как его приготовить. Правда, раз в неделю сверх той платы, которую она получает за те четыре дня, когда после обеда здесь убирает, она уносит домой кусочек мяса — его хозяйин

даёт ей даром. Но, быть может, именно эта доброта — самое отталкивающее в нём...

С тех пор как американцы заняли больницу напротив лавки, в мясной только и говорят о войне, о военных перевозках, об ожидаемом транспорте с оружием... Чего только Полетта не наслышалась!.. Есть люди, которые такое несут, что диву даёшься, ушам своим не веришь... Когда Полетта передаёт Анри эти разговоры, он задумывается. Поразительно также, что даже самые далёкие от нас люди, не лишённые здравого смысла, думают иногда так же, как мы, сами не подозревая об этом... Но всё-таки в этом районе в основном все за американцев, во всяком случае даже и те, кто против, не решаются признаться в том. Тут всё жёны морских офицеров, судовладельцев, богатых коммерсантов из старого города, судейских чиновников, врачей. Дела у них, видно, обстоят не блестяще, раз они вынуждены сами ходить за покупками, тем не менее они сохраняют полную видимость благополучия и входят в мясную с таким видом, словно боятся запачкаться, дотрагиваются до всего только кончиками пальцев и громко разговаривают. Сюда приходят даже две древние старухи с лорнетами. Они так брезгливо смотрят на людей, будто поднесли пинцетом к глазам и разглядывают какое-то насекомое.

— Правда, что они недавно прогнали одного подрядчика, потому что работа не спорилась? Кого это?

Американцы действительно торопятся. Не успели они прибыть, как сразу же переоборудовали старинное здание больницы, которое за несколько месяцев до этого город хотел превратить в музей, в исторический памятник. Они сломали внутренние стены, всё вычистили и перекрасили, устроили роскошные кабинеты и поставили пропасть телефонов. Сейчас замуровывают все окна первого и второго этажей: явно боятся демонстраций, чувствуют, что они не дома, хотя их огромный флаг реет над улицей... «Исторический памятник». Ну и что из этого? Он старый и грязный... Ах, уж эти французы, со своим пристрастием к старине, к прошлому... Какая отсталость! Мы... Но что поделаешь. Ведь в городе только это старое здание находится так далеко от рабочих посёлков.

— ...Господина Пренана, мадам Дюкен.

— Да? Он работал быстрее при немцах. Если бы свершилось правосудие...

Мадам Дюкен вдруг стала революционеркой! Когда сейчас говорят о немцах и о тех, кто с ними сотрудничал, хозяин настораживается. Теперь так много толкуют об освобождении немецких генералов, о перевооружении Германии. Он ничего не имеет против этого. Лучше они, чем русские, если нужно выбирать. Вот поэтому сейчас не время дурно отзываться о тех, кто и при немцах неплохо устраивал свои делишки. Старуха Дюкен, наверное, как-нибудь не поладила с Пренаном. Вот она и злобствует. Немцы только предлог.

— А вы знаете, мадам Дюкен, что вовсе не он тормозил работу. Это его рабочие. Он сказал об этом офицерам.

Мясник говорит с каким-то пренебрежением, как бы отмахиваясь от всего этого и даже презирая свои собственные слова.

— Конечно, они энергичнее нас! У них всё идёт как по маслу...

— Они привыкли к тому, чтобы работа была сделана быстро и хорошо.

— А здесь рабочие думают только о забастовках, о политике... Что, мясо опять подорожало?

— Я здесь ни при чём, мадам Дюкен. Вы ведь меня знаете. Я и сам покупаю всё дороже. Во-первых, налоги!.. Во-вторых, поставщики тоже своего не упустят! Уж они-то набьют кубышки!..

— Это зависит от точки зрения. У моего деверя прекрасная большая ферма. И, представьте себе, он утверждает обратное: по его словам, наживаются торговцы. Всё зависит от того, кто какую газету читает. Есть газеты, которые видят белое там, где другие — чёрное.

— О, поверьте, мадам Дюкен, я никого не упрекаю. Каждый защищается по-своему, каждый зарабатывает как может. Но возвращаясь к нашему разговору, я скажу, что американцы, чего уж тут говорить, умеют держать рабочих в руках, и для их же блага, заметьте, для их же блага!.. И нам бы нужна крепкая рука... Я знаю, что значит работать... Я начинал приказчиком в мясной, мне никто не помогал выбиться...

— Не следует всё же забывать о нищете. В порту не у всех есть работа.

— В порту? Чья вина, что порт больше не работает?

Теперь уже другой, мужской голос доносится к Полетте в кухню.

— Если бы эти господа не привередничали и не придумывали бы, что они будут разгружать, а что не будут, то суда попрежнему заходили бы и в наш порт. Вот, например, компания «Мессажери». Я её вполне понимаю. Она уже трижды прогорела, присылая сюда свои суда, которые отправлялись обратно пустыми; докеры отказывались их грузить под тем предлогом, что груз идёт во Вьетнам. Господа докеры, видите ли, сложили руки. И конечно, следующие пароходы компания пошлёт в другие порты. Это естественно.

— Я это и говорю, — замечает мадам Дюкен. — Не для всех есть работа.

— Но опять же, кто в этом виноват? — снова слышит Полетта мужской голос. — Конечно, если бы это были торговые перевозки, как они их называют, как будто все остальные не торговые, то они соизволили бы ими заняться. И то это не помешает им бросить работу, когда им взбредёт в голову. Но поставьте себя на место компании. Это дезорганизует всю её работу. И тогда она устранивается иначе, и, между нами, если бы мы тоже косвенно не страдали от бездействия порта, я сказал бы, что так им и надо, этим дикарям. Они получили то, чего добивались.

Мадам Дюкен, не прибавив ни слова, даже не попрощавшись, уходит.

— Женщины ничего в этом не смыслят, — говорит со смехом всё тот же мужчина. — Я понял это на своих дсмашних; при мне они рта не открывают, но иногда я слышу, как они разговаривают в соседней комнате... Что за чушь они несут!..

Теперь Полетта узнаёт голос. Это Деласю — рыбопромышленник, хозяин Франсины и бывший хозяин Жермены. Отчасти в память этого мясник с ним говорит с каким-то подобострастием.

— Во всяком случае, — продолжает Деласю, — хотят они этого или нет, при американцах порт оживёт. Наши дела тоже. И знаете, все об этом мечтают. Я много сталкиваюсь с коммерсантами, потому что вхожу в бюро их объединения. Так вот, если бы теперь наша торговля держалась только на рабочих, мы бы недалеко ушли...

— Это правда. Они больше не покупают, — вставляет мясник, который до этого только стучал топором, будто ставил восклицательные знаки в рассуждениях Деласю.

— При американцах торговля оживёт. Уже сейчас их около тысячи, и с ними жёны, дети. Все они едят и пьют... И им не платят шесть

франков в день, как нашим бедным солдатам. Они умеют тратить деньги.

Издалека доносятся гудки. Полдень.

— Чёрт возьми, мне пора.

— Нет, погодите, — говорит мясник. — Сейчас вы увидите кое-что забавное. Смотрите, и так два раза в день...

Полетта знает, о чём идёт речь. Теперь, когда молоденькие продавщицы выходят в полдень и вечером из лавок старого города, мясник тайком наблюдает за тем, что происходит на улице. Услышав гудки, американские солдаты, как мальчишки, с хохотом и криком несутся к воротам больницы. Они шумят, толкаются, чтобы захватить удобные места на краю тротуара... И когда приближаются девушки, то, не выпуская жевательной резинки изо рта, они предлагают: «Пройдёмтесь, мадмуазель!». Солдаты отпускают скабрёзные шутки, подталкивают друг друга, пристают к девушкам... Одни девушки злятся, дают пощёчины, другие ничего не осмеливаются сделать и крадутся вдоль стен, опустив глаза, в то время как кто-нибудь из американцев идёт следом и что-то шепчет. Есть и такие, которые смеются и отвечают на шутки, принимают от солдат жевательную резинку и сигареты.

— Видите? — слышит Полетта и представляет себе, как оба они сейчас там в лавке тоже подталкивают друг друга локтями. Она знает, что иногда и Жизель, у которой вечно на уме глупости, смотрит на всё это из окна своей комнаты.

— Забавно, неправда ли? — доносится из лавки.

— А родители никогда ничего не говорят?

— Что вы, в их годы. Они уже достаточно взрослые, чтобы самим знать, что делать. И многие из них уже... Вы понимаете... Теперешняя молодёжь!..

Наверно, у него опять тот же масляный взгляд...

...Как в тот день — один из первых, когда она пришла в мясную. Она смотрела на мясные туши и думала о том, как Анри любит мясо и как редко он ест... Будто угадав её мысли, мясник сказал:

— Если ты хочешь мяса, я тебе его дам...

Робкая по натуре, она ответила не сразу... К счастью... Так как взглянув тут же ему в глаза, она поняла, что он хотел сказать...

10. С глазу на глаз

— Надо убрать клетку. Пустая, она наводит тоску.

По правде говоря, сделали глупость, продав попугая. Но это только говорится — «продали», на самом деле надо было расплатиться за молоко... Попугай нравился лавочнику... К тому же он сказал, что хочет помочь, а потом, когда дела поправятся и они смогут заплатить свой долг, он вернёт попугая... Всё-таки это было живое существо, с ним было как-то веселей. Дети плакали навзрыд. Бесполезно им было объяснять, что попугая отдали тому господину, который отпускает в долг молоко, и что они часто не платят ему по целому месяцу... Дети не понимают, что молоко стоит денег. Оно для них вроде как с неба падает. И попугай тоже... Ведь он у них столько лет. Это было что-то ещё вроде свадебного подарка одного моряка, который, выпив коньяку в «Сухой глотке», расщедрился. Дороже всего стоила клетка... Теперь, когда она опустела, её лучше, пожалуй, убрать.

— Завтра я сниму её, — говорит Анри, — но что мы с ней будем делать?

— Давай сохраним её. Мало ли что... В хозяйстве пригодится, — говорит Полетта.

Они только что легли. Ночь сегодня тихая, мороза нет, ясный лунный свет пробивается сквозь щели ставен. Они лежат на спине, рядышком, держась за руки, словно дети.

— Это самое лучшее время за весь день, — говорит Анри. Он сжимает её руку и поворачивается к ней лицом. Другой рукой он тихонько гладит её плечо, шею.

— Полетта...

Он целует её в уголок рта, прижимается лбом к щеке.

— Ты устала?.. У тебя болит голова?..

— Нет.

Они прислушиваются к мерному дыханию двух спящих рядом ребятшек.

— Как его рука?

— Как будто лучше... Но как он обжётся!.. Ты не думаешь, что пикриновая кислота — это слишком сильное средство для ребёнка? Ничего другого не было под рукой, но это, может быть, всё-таки слишком сильно...

— Просто несчастье, что ты не можешь оставаться с ними... Этого бы не случилось...

У неё чуть не вырвалось: «Если бы я не зарабатывала, как бы мы жили?». Но она промолчала. Она понимает, о чём он не говорит, но думает в глубине души: «Бывают недели, когда только ты одна и приносишь в дом деньги». Для женщины это тяжело. Когда столько забот, любовь и нежность проявляются в том, чтобы молчаливо обходить все эти мучительные вопросы. Если говорить друг другу всё, что думаешь, были бы бесконечные ссоры, каждое слово причиняло бы страдание. Конечно, не будь этой проклятой нищеты и всего, что она в себе таит, можно было бы всё рассказывать любимому человеку, не боясь его обидеть... Каждой мыслью делиться друг с другом... Исчезли бы сами собой эти недомолвки, эта подчас невыносимая насторожённость. Но Анри думает о другом. Он говорит:

— Конечно, я тоже мог бы изредка то тут, то там подрабатывать, если бы я не тратил время на...

Теперь Полетта поворачивается к нему и, уцепив его за руку, со смехом перебивает:

— Не болтай глупости! Ты прекрасно знаешь, что я этого не думаю.

Анри снова ложится на спину. Он любит лежать вот так, касаясь головой её плеча, как бы под её защитой. Как хорошо, что она его понимает... У него теплее на душе, когда она лежит рядом и одобряет его поступки.

— Для того, чтобы всё изменить, кто-то должен посвятить себя этому, — говорит Анри, чтобы ещё больше убедить её и чтобы они стали ещё ближе друг другу. — Предположим даже, что я постараюсь выпутаться, буду подрабатывать где придётся — ведь я не глупее других. Ну, и что же?.. Всё равно меня, как и остальных, ничего не ждёт, кроме нищеты. Тут самые корни выкорчёвывать надо. И пусть нам сейчас и труднее, но зато наступит день, когда всё изменится. Всё пойдёт как надо. Каждому своё... Что до меня, то я хочу внести свой вклад в наше дело. Жизнь была бы мне не в радость, если бы я не делал всё возможное, чтобы приблизить это время...

Чтобы помешать ему говорить, она водит пальцем по его губам, дразнит его, как бы говоря: «Я знаю, всё знаю, не надо меня убеждать». Он замолкает и пытается губами поймать её палец; она подзадоривает его...

— Ты кончил свою речь?

Каким становишься снова молодым, когда ночная тишина ограждает тебя от всего мира. Медленно погружаешься в сон, безмятежный, как летняя ночь. Снова чувствуешь себя свободным и чистым, почти недосыгаемым для повседневных невзгод. Тебе двадцать пять лет, и у тебя такие же руки, мускулы, губы, как если бы ты был богат. Во всём, что ты говоришь, сквозит мечта... Так сильно желание жить, любить...

— Я вижу, к чему ты клонишь... Ты говоришь мне всё это потому, что собираешься согласиться, если тебе предложат... Ты хочешь подготовить меня, чтобы и я не возражала?

Анри не отвечает прямо.

— Вот видишь, как иногда ошибаешься в людях. Казалось, Франкер не очень-то любит Жильбера. Неделю тому назад на собрании Франкер сказал: «Он не пришёл к нам потому, что докеры его не интересуют. Конечно, учитель...» Только что я встретил Франкера. И сказал ему: «Ты знаешь настоящую причину, почему Жильбер не пришёл на собрание?» Он побледнел, улавливая в моих словах упрёк; он уже знал, в чём дело. И он мне ответил почти злобно: «Отстань. Не приписывай мне того, что я не говорил. Я и сам знаю, какой он преданный. Дело не в этом. Знаю и то, что если бы ему помогли, он не дошёл бы до такого состояния». Это Дюпюи рассказал ему обо всём. Он только не знал, в какой санаторий отправляется Жильбер и что ему надо ехать так срочно. Я сказал Франкеру: «Вот видишь, всегда хорошенько подумай, прежде чем обвинять человека». Это его задело, и он ответил: «Нехорошо, Анри, так говорить. Ты меня не понимаешь. Послушай, я хотел сказать... вот возьмём, например, то, что ты говорил тогда Роберу на собрании о мужестве, которое нам необходимо, помнишь? Так вот Жильбер не смог бы этого сказать, потому что он не сидит без работы, ему всегда обеспечено его жалованье. Поэтому он и не мог бы разговаривать с Робером, как равный с равным, это бы не имело такого веса. Конечно, Жильбер довёл себя до такого состояния, потому что он очень много работал, и эта жертва ничуть не меньше тех, которые приносим мы. Но она меньше бросается в глаза, и возможно, что Робер попрекнул бы Жильбера...» Тут я сказал Франкеру, что вовсе не хотел обидеть его, потому что, по правде говоря, я зря на него взъёлся. Франкер этого не заслужил... «И всё-таки, — сказал он мне, — ты прав, когда говоришь, что мы недостаточно внимательны к трудностям, которые испытывают товарищи. Нельзя допускать, чтобы они доводили себя до такого состояния. И ведь речь здесь идёт не об одном человеке! Это касается всех, сверху донизу, там — Морис, а здесь у нас — Жильбер... Словно заботиться о своём здоровье стыдно. Смогри, ведь и депутат Жорж тоже не обращает внимания на свою болезнь желудка. Скоро, чего доброго, начнут этим гордиться. Уже хвастают болезнями и выставляют их напоказ, как награды, как доказательство своей преданности». До чего забавен Франкер, когда он разговаривает и размахивает своими длинными ручищами... Ты спишь?

— Глупый! Я думаю о том, что никогда не допущу, чтобы ты так губил своё здоровье. Тебе пришлось бы иметь дело со мной...

— Вот именно, Полетта. Жильбера доконало то, что он был одинок. На первый взгляд это имеет много преимуществ. Ни жены, ни детей — никого, кто бы терпел лишения из-за твоей преданности делу. Правда?..

Вместо ответа она только ущипнула его как бы в отместку за его намёк.

— ...Но ведь всякий раз после собрания Жильберу приходилось проделывать длинный путь на велосипеде, возвращаться ночью одному в холодный дом, в холодную постель, и никогда его не ждал горячий

ужин. Частенько случалось, что усталость побеждала голод, и он ложился на пустой желудок — просто нехватило сил приготовить себе еду... И морально ему нелегко. Учитель — это не то, что наш брат, рабочий; на заводе или в порту — все ребята вместе, а при его профессии чувствуешь себя довольно одиноким. Ведь дети не в счёт, сама понимаешь...

Он коснулся её ноги.

— Вот уже полчаса, как мы с тобой болтаем, как влюблённые. Мне с тобой всё-таки легче...

— Ах, ты, лиса, — говорит она. — Ты что-то затеваешь...

Она берёт его руку, целует её, прижимает к себе, как куклу.

— Ты знаешь, как ко мне подойти... Если б тебе предложили, ведь ты согласился бы, да?

— Кто-то же должен за это взяться.

— Брось... Уж лучше скажи прямо, что ты готов лопнуть от гордости, как в тот день, когда тебя выбрали в Бюро секции! Сам знаешь, что от меня тебе ничего не скрывать...

— Во-первых, об этом ещё и речи не было... Может быть, всё это мне только кажется. А главное, я не уверен, справлюсь ли. Куда я похужусь по сравнению с Жильбером...

Придя сегодня домой, Анри сразу же рассказал Полетте о болезни Жильбера и добавил: «Я не знаю, но у меня впечатление, что ребята предложат мне его заменять».

Она опять подшучивает над ним, притворяясь серьёзной.

— А если бы я сказала «нет»?

— Ты этого не скажешь...

— А всё-таки, если бы сказала?

Он уже не смеётся.

— Ты ведь это не серьёзно?

Полетта почувствовала, как Анри вздрогнул. Он только говорит:

— Это было бы нехорошо с твоей стороны...

Она понимает, что его слова не выражают и сотой доли того, что он думает.

— Дурень, я ведь шучу, — говорит она. — Вот видишь, это доказывает, что ты про себя уже всё решил, а меня спрашиваешь только для формы.

— Ну, вот! Уж и решил... Прежде всего, это зависит от ребят, а не от меня. Ясно, если бы они меня выдвинули, я бы не стал отказываться, это правда... Но я не уверен, что справлюсь.

Она тихо смеётся.

— Ты всегда так говоришь...

Порой кажется, что женщина создана для того, чтобы вселять в душу мужчины веру в свои силы. В этом не раз убеждаешься. Обнимая свою подругу, чувствуешь себя сильнее...

— Дело тут совсем не в моих способностях. Загвоздка в том, что я не знаю никого, кроме докеров и коммунистов. С торговцами, ремесленниками, крестьянами я практически никогда не сталкиваюсь. А ведь главной задачей, которая встала бы передо мной, как перед секретарём секции, было бы вовлечь в борьбу против американской оккупации всё население, а не только рабочих. Это вполне достижимо. Я убеждён, что можно найти пути. Но враг уже немало сделал, чтобы оторвать нас, докеров, от остального населения. Взять хотя бы жильё. Нас селят всех вместе, в посёлках, где-нибудь на отшибе. И в остальном — то же самое. Как можно вовлечь всех в борьбу, когда не знаешь, чем люди

живут, что они думают? Я вот занимаюсь одним только портом, и мне теперь ещё труднее, чем другим, найти общий язык с людьми, с кем бы то ни было, кроме рабочих, а иногда даже с рабочими не коммунистами. Прошлой ночью в машине я вначале не знал, о чём говорить с доктором Деганом. Слова не мог из себя выдавить. Он не пересгавая говорил о чём угодно, а я только и отвечал «да» или «нет». О чём только не говорят люди! Между нами, мы, коммунисты, всегда заняты почти одними и теми же проблемами. А вот другие интересуются одновременно кучей всяких вещей, которые на первый взгляд никакого отношения к политике не имеют. Вот, например, доктор. Он говорил со мной о детях, о гирях и гантелях — это его слабость, — об охоте, о медицине, об экспонатах для Вивьеновского музея. Но самое любопытное, — я не думаю, чтобы он делал это ради меня, — это то, что он всё это сводил к политике! Он даже ухитрился в связи с гиревиками поговорить о Советском Союзе, назвал имена, цифры! Он разбирается в этом лучше, чем я в истории коммунистической партии большевиков. Помнишь ту книгу, которую ты мне купила? Вот уж я, надо признаться, никогда не интересовался, как обстоит дело с тяжёлой атлетикой даже в Советском Союзе, хотя уже кто-кто, как не мы, докеры, всю жизнь занимаемся тяжёлой атлетикой!

Она закрыла ему рот ладонью.

— Скажи прямо, ты собираешься говорить всю ночь?

Отстранив её руку, он отвечает:

— Когда я думаю обо всём этом, мне совсем не хочется спать... В такие минуты кажется: всю бы жизнь глаз не сомкнул. Голова совсем ясная.

Ночью всё воспринимается иначе, и в том, что людям нужно остаться с глазу на глаз за такой вот завесой ночи и тишины, чтобы открыть своё сердце, — тоже одно из проклятий, тяготеющих над нашим прогнившим миром...

— Что я знаю? — возвращается Анри к своим мыслям. — Я ведь встречаюсь только с теми, кто бывает на наших собраниях. Ты вот видишь людей хоть у мясника и в других лавках, а я? Вот это меня и беспокоит больше всего. И в этом будет моя главная трудность, если меня выберут... Что думают все эти люди, которые ходят в мясную лавку?

— Ну, эти-то, большей частью за...

— За что?

— За американцев.

— Они изменят своё мнение, безусловно изменят. Не могут не изменить, факты всегда сильнее...

На мгновение Анри умолкает, потому что на матрасике зашевелился ребёнок.

— Все эти люди презирают нас, докеров, — продолжает Анри. — Они нас ни во что не ставят. А ведь именно мы первые поняли что к чему, и мы их научим видеть, где правда. Может статься, что мне придётся руководить и их сопротивлением. Ты понимаешь, что это значит? Не удивительно, что им трудно разобраться в том, что происходит...

Потом, вдруг погладив её плечо и руку, Анри говорит:

— Какая ты красивая...

— Тебе так кажется, потому что ты не видишь моих волос. Никогда они не были у меня такими спутанными. Потрогай...

— А, наконец... Минут пять я старался вспомнить одну песенку и не мог. Помнишь, ля-ля, ля-ля-ля...

И он напевает мелодию, рассеянно перебирая её волосы.

- Почему мне вспомнилась именно эта песенка?
 — Может, потому, что в ней поётся:

Если, друг, ты падёшь в борьбе,
 Станет в строй на смену тебе
 Товарищ твой.

- Да что ты! Я и не думаю об этом... Что мне угрожает?..
 — Или, может быть, из-за этих строчек:

Есть страна далеко от нас,
 Где люди мечтают с глазу на глаз
 О чём хотят.

- Скорей из-за этих.
 Он кладёт ей ладонь на глаза.

— Закрой глаза на минутку. Представь себе, что у нас всё уже, как там у них... Мы живём в квартире, такой, как там у рабочих, — светлой, в большом доме с центральным отоплением, со всеми удобствами. Детишки спят в кроватках... Я, конечно, стахановец... Наверное, там есть стахановцы и среди докеров... У нас есть всё, что нам нужно. Работу мы, предположим, кончили в шесть часов. И больше никаких забот ни у меня, ни у тебя. Ребятишки чистенькие, им тепло. сухо; у них куча игрушек, и за ними ходят воспитательницы в белых халатах... Мы, как влюблённые, отправляемся на прогулку. Потом идём в клуб, в отель «Модерн» — его тогда превратят в клуб. Там масса прекрасных книг и всякие игры — шашки, шахматы, карты, всё что угодно... Затем радио, телевизор, патефон и даже кино, и небольшая сцена... Мы провели наш вечер в тысячу раз лучше, чем это когда-нибудь удавалось богачам. Домой мы вернулись в обнимку. Да, Полетта?.. У меня даже слёзы навёртываются на глаза. Мне так хорошо, когда я думаю обо всём этом, точно я смотрю советский фильм: когда я вижу на экране смеющиеся лица советских друзей, у меня от волнения перехватывает дыхание, и я сжимаю кулаки, чтобы прийти в себя. Вот мы заходим за ребятишками. Они уже клюют носом, особенно Ненетта, ты ведь её знаешь. Мы берём их на руки, несём наверх и укладываем спать. Постом наш черёд. Мы опять вместе и у нас нет никаких забот. Мы думаем только друг о друге, только друг о друге, неправда ли, Полетта? Только о том, что касается тебя и меня. Да, Полетта?

Перевод с французского

Л. Лунгиной, Д. Мильотиной, К. Наумова.

(Окончание следует)

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

ИВ. ЗЫКОВ

★

ПО ВОЛГЕ

Идут плоты.

В Козьмодемьянска, где в Волгу с севера впадает Ветлуга, расположился большой лесной рейд. На многие километры вдоль берега, в сторонке от судового хода, так, чтобы не мешать движению, тянется вереница стоящих на якорях плотов. Есть тут и готовые к дальнейшей отправке плоты, но больше всяких отдельных «кусков»: «комяг», «челеньев», «маток» с домиками и опромными колёсами для подъёма якорей. Это, так сказать, полуфабрикаты и детали, из которых, придёт время, будут составлены большие плоты.

Ранней весной они приплыли сюда с высокой водой по Ветлуге, из лесов Кировской и Коспромской областей, и ждут своей очереди на дальнейшую отправку вниз по Волге.

Там, в южных степях, дерево нужно и в городах, и в сёлах, и в полях, и на пастбищах, и в угольных шахтах, и на железных дорогах. В наш металлический век роль дерева далеко не кончилась. Оно необходимо для строительства жилищ и промышленных предприятий. Без деревянных опалубок нельзя уложить бетон. Деревянные стойки нужны в угольных шахтах, шпалы необходимы для постройки железных дорог. Без столбов нельзя зажечь в колхозах «лампочки Ильича». И очень ценится дерево на степных пастбищах.

Широчайшее и самое разнообразное применение в технике и строительстве стала находить слоисто-клеёная древесина. Наиболее простой и давно известный её тип — фанера. А сейчас научились придавать слоистой древесине структуру и форму, при которой прочность её повышается до прочности цветных металлов. Она становится пригодной для различных изделий, вплоть до труб и машинных подшипников.

И надо снабдить безлесный юг деревом. А путь лежит через Волгу.

В течение лета Козьмодемьянский лесной рейд постепенно разгружается. Отдельные звенья, стоящие до поры до времени на якорях, соединяют в большой плот. Подходит буксирный пароход, зачаливает «воз» на гак, и начинается буксировка или в Батраки, для переправки на железную дорогу, или в Саратов для той же самой цели, или в Сталинград. А часть идёт до Аспрахани и даже через Каспий в Туркмению.

Ещё больше плотов идёт с Камы и её притоков, сближающихся своими верховьями с притоками Печоры и Северной Двины, текущих через дремучие лесные чащи дальнего севера.

— У нас тут второй Архангельск, — гордо заявляют камские лесосплавщики.

Где-то там, в верховьях Вятки, Камы, Вишеры и Колвы, среди густейшей паутины впадающих в них мелких рек и речек визжат электропилы и валяются деревья. Срубленные стволы плывут сначала поодиночке, а при слиянии рек устраиваются запаны. Очень большая и важная запань находится в Керчеве, в районе слияния Камы, Вишеры и Колвы. Здесь идёт сплотка. Поперечными перекладинами и диагоналями срубают из брёвен прочные «квадраты» — «челенья» или (что быстрее, но менее прочно) связывают брёвна проволокой в «пучки». Челенья или пучки соединяют

стальными просами в небольшие плоты тысяч по пяти кубометров. В таком виде лес сплавляется вниз по Каме до Соколок.

В Соколках, при впадении в Каму реки Вятки, находится огромный лесной рейд. Сюда приходит лес и с Камы, и с Вятки. Здесь несколько малых плотов связывают в один, и получаются плоты по 25 000 кубометров и больше. Их гонят на Волгу.

Сплав леса в плотах — самый выгодный и дешёвый из всех возможных видов транспорта, за исключением перекачки жидкостей и газов по трубам. Но для перекачки преобладают большие первоначальные затраты на устройство трубопроводов. Для плотов почти ничего не требуется.

Наш плот № 2004 идёт из Соколок. Он огромен. Длина — полкилометра, ширина — около ста метров. От Камского Устья нас буксирует пароход «Руслан».

По сути дела нас несёт течением. Буксир тянет километра по полтора в час, а иногда и меньше. Но течение добавляет нам за час пять километров своей скорости. Вода сейчас весенняя, быстрая. С её помощью мы делаем за сутки полтораста километров.

Головой плота на Волге принято называть его задний конец. Здесь находится команда, стоят два жилых домика и сосредоточено всё, что требуется для управления ходом плота. У нас имеется пять чугунных лотов по две тонны весом, пять якорей по полторы тонны. Всё вместе называется тормозным железом. Для подъёма железа служат восемь гигантских колёс — «вороб».

Сейчас наш плот идёт по спокойному месту, и потому все лоты у нас подняты, их цепи «заклюнуты», привязаны особыми верёвками — «клёвками».

Но дежурные «клёвщики» обязаны смотреть на буксирующий пароход и следить за его сигналами. Отсюда, с заднего конца плота, пароход кажется совсем маленьким.

Впереди виден остров, его мыс делит реку на две части. «Руслан» сворачивает вправо. Около трубы парохода взвизгивает белый клубок пара, немного погодя доносится звук гудка. На правое крыло мостика выходит человек и взмахивает белым флагом вниз. Это сигнал — «опускай правый лот!». Клёвщик Егор Ветров подбегает к цепи правого лота и отвязывает клёвку, удерживающую цепь. Раздаётся прохот и ляг. Цепь скользит по жёлобу и уходит в воду. Остаётся только прикреплённый конец.

Теперь лот волочится по дну. Цепь постукивает, дрожит от тяжкого напряжения жёлоб, дребезжит скрепляющая его толстая железная проволока.

— С дном Волги разговаривает, — шутит дядя Егор. — Кто его знает, что там такое на дне делается. Камни, должно быть, лежат: видишь, как цепь-то подпрыгивает.

А «Руслан» снова выпустил белое облачко пара, снова доносится гудок. Маленьким тёмным пятнышком кажется человек, стоящий на этот раз на левом крыле командного мостика; мелькают взмахи белого флага.

Клёвщица Поля на своей женской половине плота спускает левый лот.

— Для чего бросили лоты? — спрашиваю я у клёвщика.

— Ну, как же! — отвечает дядя Егор. — Вода перед островом делится надвое. Пароход наш вправо пошёл, а плот-то вдруг да и откатится в сторону, попадёт в левую струю, тут нам и ирышка. Разве пароход может справиться с водой? Этакую машину подцепил! Если перед плота пойдёт за пароходом вправо, а зад угодит в левую струю, — поставит тогда плот поперёк реки и набросит на остров.

Затормозённый лотами плот вытягивается, распрямляется. Он раскинулся огромным полем. Высокими пнями стоят на углах чельнев вертикальные стояки — «ухваты» и «бабки». За них зачалены связывающие плот тросы. При выпрямлении плота чельнев перемещаются, группы вертикальных «ухватов» и «бабок» начинают перебегать — одни идут вправо, другие влево, и весь плот кажется огромной площадью, наполненной суетливым движением толпы. Наконец всё встаёт на своё место. Теперь плот вытянут в струнку. Боковое течение не откатит его в сторону, не бросит на мель.

Перед нами прошёл простейший и грубейший пример необходимости спуска тормозного железа. А бывают ещё более тонкие и сложные случаи.

Затишье. Вода блестит и переливается перламутровыми бликами. Но вода при-тихла только на поверхности, а в глубине идёт непрерывная работа.

По временам в речной глубине будто вздохнёт кто. Поднимается тогда на поверхность клубок струй, взбурлит и разбежится широким кругом, и снова входит вода вниз множеством маленьких вращающихся вороночек, словно стекает по невидимым трубам.

Вода катится в реке клубками, а не течёт ровно, сплошной массой. В русле всякой реки глубокие плёсы чередуются с мелкими перекатами.

Струи воды направлены не только вверх и вниз, но и в стороны. И потому реки не текут по прямой линии, а извиваются. И ещё более извилистой, чем сама река, бывает глубокая часть русла, та, что служит судовым ходом. Вода в реке не течёт параллельно берегам, она идёт по руслу зигзагами и промывает себе зигзагообразную дорогу. Вот глубь подошла вплотную к левому берегу, он стоит над водой крутым обрывчиком — яром, а на противоположном берегу видна отлогая песчаная отмель; дальше глубокое русло перешло к правому берегу, и теперь уже здесь стоит яр, а на левом берегу разлёгся песок.

Эти метания воды из стороны в сторону повлияли на разветвления речного русла. Волга от Камского Устья до Каспия, как девичья коса, вся сплетена из отдельных прядей. Протоки разбегаются в стороны, сходятся и вновь разбегаются. Между ними лежат острова овальной формы.

Самые широкие и глубокие из проток принято считать основной Волгой, все остальные — «воложками». Но это весьма условно.

Зигзагообразные метания воды, или, как на Волге говорят, «свалы» течения, особенно сильны на перекатах и перед разветвлением воложек. Безопасные для лёгкого и быстро идущего пассажирского парохода с коротким корпусом, они опасны для медленно идущих и растянувшихся на километр грузовых караванов. Различные части длинного каравана подвергаются одновременному действию противоположных свальных течений и вправо, и влево. Тут-то и нужно тормозное железо.

Сейчас наш плот, заторможенный лотами, послушно идёт за буксировщиком. Но скорость хода заметно убавилась. Ходить с лотами безопасно, но невыгодно: великим стройкам коммунизма и всему нашему народному хозяйству надо, чтобы плоты доставлялись быстро. И потому железо стараются поднять тотчас же, как только минет в нём надобность.

Мы сидим в домике и едим горячую вкусную кашу. Стол стоит перед большим окном. В окно виден весь плот, а вдалеке помахивает колёсами и пукает белую пену наш буксировщик. И мы видим, как взвилось над «Русланом» белое облачко парового гудка. А клёвщица Поля уже кричит:

— Подъём! Правый лот!

Мы побросали ложки, кинулись к воробе, облепили, как мухи, со всех сторон её питантское колесо и пустились вкруговую. Мы шли, вращая колесо, и с каждым нашим шагом цепь наматывалась на вал воробы.

Клёвщица Поля завела песню, и хор плотовщиков из двадцати семи человек грянул:

Село солнышко за тучу,
Волгари собрались в кучу.
Ой, шаг шаганём,
Шагать будем, шаганём!

Песня звучит весело и бодро. В неё вплетаются озорные, шуточные слова, и снова громовым раскатом грохает припев: «Ой, шаг шаганём!» Поют в полный голос, как поют только на волжских просторах.

Двухтонная чугунная плита, усеянная выпуклыми шишками, поднялась к краю плота, тотчас же заключила цепь. И тут же белый флажок покрутился на другом крыле мостика «Руслана». Мы перешли к другой воробе, там тоже как следует

«шаганули» и разделились со вторым лотом прежде, чем были спеты все возможные вариации песни, и раньше, чем остыла наша каша. Настолько быстро была закончена вся операция.

После ужина плотовщики собрались около костра. Он горит неугасимо в срубе, похожем на колодец. Внутри насыпан толстый слой песка, на нём горят поленья, а на перекладине висят над огнём ведра, чайники, котлы. Вода для чая кипит круглые сутки: дров много.

Вечером у костра поют протяжные волжские песни:

Ой, да ты не стой, не стой
На горе крутой...

Идём Жигулями. Весна прикрыла волнистые горы светлозелёными кудряшками молодой листвы. По пребиям буераков среди светлой зелени лиственных лесов пробежали узкие привы тёмных елей и сосен.

Налетел ветерок, верхушки деревьев зативали, и на склонах гор началось шумное движение.

Плот, увлекаемый течением, плывёт дальше. Справа пошли крутые каменистые обрывы. Ни дерева, ни травки. Высятся голая каменная скала, похожая на руины древнего замка.

В широких долинах — чашах с отлогими склонами — стоят сёла Отважное и Моркваша с крестьянскими избами из серого обветренного дерева. А позади раскинулись белые дома новых рабочих посёлков. Село Отважное превратилось в город нефтяников — Жигулёвск. На горах видны буровые вышки.

И тут же рядом развернулось строительство Куйбышевской ГЭС. Нам, плывущим вдалеке от берега, строительство предстаёт деятельной беготнёй автомашин на вновь проложенных дорогах.

— Почему не видно плотины? Где её начали строить? — спрашивают плотовщики. Бригада плывёт в этом году первым весенним рейсом.

Плотина будет спростыт позже. Нельзя разом обнажить дно поперёк всей реки: надо оставить путь для стока волжской воды. Поэтому приходится строить по частям. Сначала строят здание гидростанции, вот здесь на правом берегу, у горы Могутной. А на левом берегу, за островами и воложками, где в пяти километрах от нас синее на косогоре лес, будут построены судоходные шлюзы. И только тогда наступит черёд строить плотину. В 1955 году, когда всё будет готово, закроют пролёты шитами, и вода начнёт подниматься; разольётся тогда здесь Куйбышевское море. Останутся над водой справа Жигули, а слева — вон тот далёкий косогор с синешюшными лесами.

Строительство многокилометровой плотины — это, прежде всего, перемещение колоссальных тяжестей. Должны быть построены железные и автомобильные дороги. Для армии строителей должны быть подготовлены жилые помещения. И вот мы уже видим результаты подготовительной работы. В склонах Жигулей высечены дороги, и по ним снуют автомашины. На далёком косогоре левого берега видны на опушке леса белые домики. Это — вновь построенный Портовый городок. Дальше, рядом с деревней Кунеевкой вырос новый городок Комсомольск.

А «Руслан» ведёт нас дальше, и ему помогает попутное течение. По Жигулёвскому берегу тянутся каменоломни. Склоны гор испещрены дырами, словно тут проезжают гигантские сприжи. Добытый известняк ссыпается по желобам вниз для пропрузки в баржи. Рядом дымит труба завода, обжигающего известь.

В облачный вечер Жигули кажутся ещё более прекрасными. Река и склоны окутаны легчайшим туманом, исчезли все неровности и острые углы, всё смягчилось, сгладилось и стало нежносеребристым.

А плотовщики распелись. Песня увела их мысли от тихой Волги к бурному морю.

По синю морю
Корабель плывёт,
Ой, да корабель плывёт,
Лишь волна ревт.

По светлой реке протянулись тёмные языки ряби, а потом и вся река посерела. Подошёл ветер, упали первые капли дождя, вернули нас к действительности и разогнали певцов по койкам.

Вспомнилось: когда я только ещё собирался сесть на плот, береговые люди с жаром уговаривали меня отказаться от этого намерения:

— Грязно там, повидимому, и неудобно; лежат, вероятно, все вповалку на нарах...

Что же оказалось на деле? Никаких нар, стоят отдельные для каждого человека койки, покрытые чистыми простынками и одеялами. На переднем «хвосте» плота есть лодка, переправиться на пароход — минутное дело, а там — баня. И какая же может быть тут грязь? Ведь ни одна пылинка не может долететь с берега на середину реки.

Плывут на плоту приветливые, добрые, трудолюбивые люди. Я к ним перепрыгнул с катера в Тетюшах и был принят с широким и тёплым радушием. Ещё даже не зная, откуда и зачем я к ним внезапно свалился, каждый оказал те или иные знаки внимания. А молодой бригадир Степан Васильевич Карпычёв показал койку:

— Вот эта койка с краю будет, пожалуй, поудобнее. И не сомневайтесь относительно клопа, блохи или ещё чего другого. Комара и того нет: полая вода, весь комар в воде утонул, объявится только после спада.

Наш буксировщик «Руслан» — знаменитое судно. Его именем названо замечательное движение, перестроившее всю работу речного флота. Руслановские методы позволили таскать тяжёлые караваны с большей, чем прежде, скоростью. Выгода двойная: увеличилась нагрузка и выросла скорость. Достигается это применением передовых методов судовождения.

Капитан «Руслана» Пётр Степанович Букаев и некоторые члены его славного экипажа — лауреаты Сталинской премии. Руслановский метод изучается научно-исследовательскими институтами. Зародившись на «Руслане», он быстро распространился по Волге, перекинулся на все другие судоходные реки нашей страны, лёг в основу работы всего речного флота и повлёк за собой совершенно новую организацию транспортного процесса.

Капитан Букаев немолод, он плавает на Волге больше сорока лет и уже семнадцать лет командует «Русланом». Многолетний опыт капитана сыграл, конечно, положительную роль в разработке нового метода судовождения.

А «Руслан» — старомодный колёсный пароход, не очень большой и не очень сильный. Конечно, он хорошо отремонтирован и содержится заботливыми руками в прекрасном состоянии, но над ним тяготеет старая конструкция.

На Волге много новых «сормовичей». Сильные, быстроходные. Не суда, а загляденье. И вначале кажется странным, почему инициатором замечательного новаторского движения стал старенький пароходик. Почему не те, а этот?

Но, во-первых, дело не в судах, а в людях. И, во-вторых, руслановский метод заключается в максимальном использовании всех благоприятных обстоятельств, которые помогают скорому движению, и к максимальному устранению всех помех. А старенький «Руслан» более чувствителен ко всем трудностям и помехам, чем могучий новый теплоход. Трудности и помехи — одни и те же, что для мощного, что для слабого судна, но на слабом они более заметны, а на мощном их считают мелочью и порой ими пренебрегают. А из мелочей составляются в сумме огромные величины. Таким образом, нет ничего особо удивительного в том, что именно «Руслан», чувствительный к помехам, выступил инициатором движения, направленного на устранение всех помех.

Руслановский метод родился из опыта капитана Букаева, помноженного на энтузиазм и трудовую доблесть всего коллектива судна.

Паровая машина «Руслана» в пору своей юности развивала 250 лошадиных сил. Попади она в плохие руки — давно бы изнасилась и пошла бы на слом. Но у бывшего механика «Руслана» И. М. Плеханова и нынешнего механика В. П. Соро-

кина — золотые руки. Они ухаживали за машиной, как мичуришцы ухаживают за своими яблонями, многое поправили в ней и устранили потери энергии. А энергия теряется и от состояния гребных колёс, и от малейшего несовпадения их оси с осью машинного вала, и от того, сколько в дымовой трубе парохода накопилось сажи, и от режима работы машины. Когда на перекатах и всяких опасных местах приходится долго работать малым ходом, давление пара в котлах, естественно, снижается, а когда приходит время дать полный ход, то пара нехватает, и уходит полчаса для того, чтобы поднять давление. Всё это мешает, и всё это надо устранить.

Сила советских людей, беззаветно преданных своему делу, устраняет и не такие недостатки. Они неутомимы в своих исканиях. В золотых руках механиков старенькая машина переродилась и начала развивать 300 лошадиных сил.

Устранить всё, что замедляет, — таков принцип руслановского метода.

Вот, например, тормозное железо. Ещё три года назад все плоты волочили за собой тормоза на всём протяжении своего пути. Теперь лоты поднимаются и опускаются по сигналу «Руслана» только в самых трудных и опасных местах. Забегая вперёд, скажу, что на протяжении 1 200 километров от Камского Устья до Сталинграда мы шли с железом в общей сложности 300 километров, получили большой выигрыш в скорости и сократили рейс против прежнего больше, чем на двое суток.

Но как же можно идти без тормозов по капризной реке?

Оказывается, можно, если капризам реки противопоставить умелый курс. Надо заранее предвидеть боковые свалы воды и, приближаясь к месту свала, нужно уметь заранее завести плот в противоположную сторону. Допустим, впереди предстоит свал влево, — надо к началу свала завести плот к правому берегу, и тогда боковое течение вынесет плот только на середину русла, не больше, потому что буксировщик всё время противодействует свалу, становится поперёк русла, оказывается уже не впереди плота, а сбоку и работает изо всех сил, чтобы не позволить капризному течению сбросить воз на опасную мель.

Буксировщик ставит плот в такие положения, при которых вода несёт его в нужном направлении. Получается, что капризы реки не мешают, а помогают движению. Но, конечно, зевать при этом нельзя. Каждый километр пребует от парохода в своей позиции.

Огромный опыт капитана Букаева помог разработать этот замечательный метод. Капитан знает каждую пядь волжского русла.

Основное в руслановском методе — выбор правильной трассы. При движении вниз по реке с попутным течением разумно пользоваться быстриками, при движении вверх против течения надо прокладывать трассу по тиховодам. Поэтому путь вниз идёт по воложкам с быстрым течением, путь вверх — по другим воложкам с тихой водой. Для весны одни пути, для лета — другие.

Всё это настолько бесспорно, что сразу же завоевало всеобщее признание, и теперь на всех советских реках стремятся ходить только по «руслановским дорожкам». Разрабатываются эти трассы на основе коллективного опыта всех передовых капитанов реки.

Руслановский метод позволил увеличить воз при одновременном ускорении движения. И это можно видеть на примере самого «Руслана». Прежде он вёл плоты по 10 000—12 000 кубометров, теперь вёл плоты в 25 000—30 000 кубометров древесины. Продолжительность же рейса сократилась. Производительность машины за сутки росла так: в 1946 году — 2 460 тоннокилометров в сутки на одну лошадиную силу, в 1947 году — 3 350, а теперь — 6 630. Вот как меняется одна и та же машинная сила в умелых руках. Производительность выросла в 2,6 раза.

А мощные пароходы новой постройки, используя те же методы, достигли более высоких результатов, чем сам старичок «Руслан».

Пароход «Киров» первым связал воедино два таких плота, какой мы ведём сейчас, и провёл по Волге спаренный плот объёмом в 45 000 кубометров. Вслед за ним спаренные плоты начали водить и другие мощные волжские пароходы. Теперь такие плоты плывут по всем сплавающим рекам Советского Союза. А сам «Киров»,

случалось, ташил воз в 60 000 кубометров. Если перевозить лес по железной дороге, то для погрузки одного такого плота потребуются 30 большегрузных поездов с тридцатью паровозами и тысячами вагонов! Вот насколько выгоден речной транспорт для массовых перевозок леса!

Принципиальная основа руслановского движения — устранение всех помех — нашла самое разностороннее выражение.

Вот, например, остановки в пути. Кто ж не знает, как невыгодно отражаются они на скорости движения. Ведь даже пассажир подмосковной электрички испытывает неудовольствие, когда видит надпись: «поезд следует со всеми остановками», хотя остановки и минутные.

А плотам и грузовым караванам совсем недавно приходилось делать долгие остановки. На пути от Камского Устья до Сталинграда буксировщик два-три раза останавливался для набора топлива. Плот становился тогда на якоря, команда шла на берег закупать продовольствие. Пока всё сделают, с якорей снимутся, на буксир зачатятся, глядишь — часов 15—20 прошло.

Переформирование плота для прохода через узкие пролёты железнодорожных мостов требовало остановки на сутки и даже больше.

Все эти вынужденные задержки противоречили сути руслановского движения. Но как же без них обойтись? Надо же брать и топливо, и продовольствие!

Надо. Но для этого вовсе не требуются остановки. Пусть караваны совершают безостановочное движение от места отправления до порта назначения. Вышел из Астрахани в Горький — иди без всяких остановок, работай полным ходом до самого Горького, а топливом и продовольствием караван могут снабдить на ходу вспомогательные суда. Они выйдут на середину реки, пристанут к борту безостановочно плывущего грузового судна и передадут ему всё, что надо.

Расчалку и счалку плотов для прохода под мостами тоже можно производить на ходу. Для этого тоже в нужную минуту к плоту должны подойти вспомогательные суда.

Вот тебе на! — скажут скептики, — сколько же потребуется вспомогательных судов! Раньше караваны сами себя обслуживали, а тут требуют, чтобы за ними ухаживали. Во что это обойдётся!

Обошлось очень недорого. Содержание небольшого количества вспомогательных судов стоит много дешевле, чем стоили раньше остановки многочисленных караванов.

Когда перед нами развернулась широкая панорама Куйбышева с его взбегающими на косогор улицами, нас встретил танкер и пристал к борту «Руслана». Началась перекачка мазута. На танкере есть продуктовая лавка. Трое плотовщиков сели в лодку, поехали закупать продовольствие. Я тоже отправился на «Руслан» поговорить с его знаменитым капитаном.

Танкер качает в бункера «Руслана» нефть, плотовщики и судовая команда закупают продовольствие, мы с капитаном Букаевым беседуем, а караван безостановочно плывёт. Пристань и улицы Куйбышева остались позади. На краю города вышасяется опромный элеватор, все остальные здания кажутся перед ним малютками. Вот и элеватор уходит вдаль...

— Вы меня не возвеличивайте, — говорит капитан. — Конечно, я тоже свою долю внёс. Ходишь по Волге, присматриваешься, как вода течёт, что из этого образуется. Вот и приходят в голову мысляшки, как всё лучше устроить. Сами обстоятельства наталкивают. Но заслуга принадлежит всему коллективу, не мне одному. Нет букаевских методов, есть методы «руслановские». Когда мы разрабатывали свой первый стахановский план, каждый член нашего коллектива внёс какое-либо полезное рационализаторское предложение. Мы их суммировали, всё учли, где можно, хоть часок времени сэкономили. На одном деле часок, на другом часок, а всего мы за навигацию сэкономили сорок суток. Разумеется, в эти сэкономленные сорок суток мы выполнили много дополнительной, сверхплановой работы.

Мы все уже вернулись на плот, а танкер всё ещё качал «Руслану» топливо.

Кончив, наконец, своё дело, он отошёл от «Руслана», встретил караван барж, идущий снизу, пристал к нему и поплыл обратно к Куйбышеву.

Безостановочное движение караванов требует чёткой работы береговой службы. Прежде каждый пароход был как бы единоличником. Теперь вся река вместе с движущимися в обе стороны караванами стала единым, целостным организмом.

Потребовалась совершенно иная система управления речным флотом. Долгое время на Волге существовали три зональных пароходства: Верхне-Волжское, Средне-Волжское и Нижне-Волжское. При новом порядке они стали анахронизмом. Как мог караван двигаться от Каспия до Щербакова и бесперебойно обслуживаться в пути, когда береговые учреждения в разных частях реки принадлежали разным хозяевам?

Надо было сделать так, чтобы все береговые учреждения на всём протяжении пути каравана принадлежали тому же хозяину, которому принадлежит и сам движущийся караван. Громадное общеволжское пароходство было бы очень промоздким, и потому образованы были три специализированных пароходства: пассажирское, сухогрузное и нефтеналивное. Все они управляют плаванием по всей реке от верховьев до устья, но каждое по своей специальности.

Вот с какими изменениями в технологии транспортного процесса и в организации управления флотом связано руслановское движение. Это могучее движение, потому что оно массовое. Но началось-то оно на нашем «Руслане». Снимите шапку, когда повстречаете этот неказистый чёрный пароходик с крашенными омой надстройками.

Опрямную роль в управлении сложным механизмом судовождения играет диспетчерская служба. Районные и участковые диспетчерские следят за движением судов, ставят на погрузку или разгрузку, направляют, куда надо, обслуживают во время плавания вспомогательным флотом, а при выходе за пределы участка передают соседней диспетчерской «из полы в полу».

В Куйбышевской районной диспетчерской Волжского прудового пароходства, как и во всякой другой диспетчерской, стоит на столе множество телефонов, на стене — шкаф селектора, откуда слышатся голоса и с верховьев, и с низовьев Волги, а рядом — комната радиостанции с промкоговорителем для передачи распоряжений по рейду и проходящим мимо судам.

На другом столе лежит громадная лента миллиметровки. В ходе навигации она перематывается с валика на валик. Операторы вычерчивают на ней красными и чёрными линиями план и выполнение хода судов. Чёрные и красные зигзаги бегут по бумаге, как молнии.

Диспетчерская помещается на дебаркадере. В окно видна река с противоположным лесистым берегом. Лес уходит вдаль отдельными пребешками: ближние — зелёные, дальше идут синие и сизые, а на горизонте — сероватые, седые. Видно по этим пребешкам, что там не сплошной берег, а острова, разделённые волжками.

Беспрерывно звонят телефоны. Дежурный диспетчер Фёдор Петрович Алфёров берёт то одну, то другую трубку:

— Алфёров, диспетчер... Да, 1303-я подошла, стоит пока на нижнем рейде... Место есть, нет тяги. Вернётся баркас, — поставлю под Чкаловский спуск на разгрузку...

Звонит другой телефон. Не выпуская первой, диспетчер берёт другую трубку:

— Алфёров, диспетчер... 1068-я самоходка идёт на Ставрополь с цементом для строительства Куйбышевской ГЭС...

В окно врываются частые-частые, нетерпеливые гудки. Диспетчер выглядывает в окно: подходит на погрузку пассажирский пароход «Власть Советов». У него расписание, задерживать его нельзя. Диспетчер срывается к радиостанции, и по всей реке вплоть до лесов противоположного берега гремит его усиленный громкоговорителем голос:

— «Адыгеец», отойди к четвёртому причалу, дай место «Власти Советов!» «Власть Советов», подходи к шестому!

Алфёров принял от соседей и передал им все сообщения об идущих судах, об

их заявках на топливо, зарплату командам и о прочих нуждах. В числе переданных Батракам сообщений было и такое:

— В 12.30 прошёл «Руслан» с плотом в 30 тысяч. Ширина — 92 метра, требует расчалка под Сызранским мостом.

И эта строчка, вписанная в журнал, наложила на диспетчера Батраков серьёзную обязанность. Он должен во время выслать навстречу «Руслану» вспомогательные суда.

Беспокойная ночь.

Наш плот слишком широк, чтобы пройти в пролёт между быками моста. Его надо разделить на две узких половинки, и надо сделать это на ходу.

Начали готовиться. На голове плота, на матках, остались только двое дежурных. Остальные взяли короткие багорчики и вышли на плот. Поддепляют из воды конец, развязывают узлы, втыкают багорчики и вытягивают трос. Все участники работы должны делать согласованный короткий рывок в одно и то же мгновение, иначе силы распылятся. На помощь приходит песня. Короткая, как рывок. И вот запевают:

— Ай-лю! Ещё лю!

Перебирая трос, все делают рывок на этом коротком «лю!». Плот состоит из привязанных к маткам двенадцати продольных полукилометровых лент. Челенги наплетаны в них на канат, как бусы на нитку. Ленты связаны между собою поперечными тросами. Сейчас бригада снимает поперечные связи; посреди плота появляется продольная щель.

К сожалению, нет ещё такой умной машины, которая ходила бы по плоту и развязывала бы в нужных местах узлы; приходится это делать самим людям. Плот — сооружение сугубо деревянное и сугубо временное, трудно пронизать его механизмами. При всём том лесосплаву так хорошо помогает даровая сила течения, что все завязанные и развязанные узлы, все поднятые ворабами лоты ложатся на кубометры ничтожными копейками.

Бригада готовит плот к расчалке, а он безостановочно плывёт. Справа идут зелёные холмы с отлогими боками, как хлебные караван. Лощины заполнены тёмной зеленью дубовых лесов. Слева лежат острова. Впрочем, сейчас островами их назвать нельзя: они залиты, и деревья стоят в воде.

Погода явно не благоприятствует операции, самой сложной за весь рейс, какую «Руслану» и его плоту приходится сейчас делать. На северо-западе в несколько ярдсов напромоздились чёрно-синие косматые тучи. Они быстро приближаются, и вот уже несутся над нами. Шумно затрепыхались на мачтах флаги, засвистели верёвки. С навстречной стороны у края плота заплелокались волны.

Ветер тащит плот в сторону, старается прижать к затопленным островам.

В этот момент к нам подошёл высланный из Батраков мощный винтовой пароход «Капитан Шумилов». Он обменялся с «Русланом» гудками и взмахами флажков, подошёл к голове плота, улёгся в неё слева носом и принялся толкать навстречу ветру. Плот идёт по середине реки, как ни старается ветер прижать его к берегу.

А бригада, снимая одну за другой поперечные связи, уходит всё дальше и дальше от домиков к переднему хвосту плота, и уже издали доносится песня:

Ещё разик, ещё раз,
Ой, да раз, ещё раз!

Плот постепенно раскалывается продольной щелью на две ленты. Ступают сумерки. Моросит дождь.

Работа продолжалась далеко за полночь. Наконец весь плот раскололся на две половины. Остались связанными только концы, да посередине набросили одну временную счалку, чтобы плот не разошёлся раньше времени.

К нам подошли ещё два парохода. Много было гудков. Настолько выразительны эти гудки, что даже слыша их впервые, понимаешь, когда пароходы одобряют друг друга, когда потораливают, когда возмущаются.

«Капитан Шумилов» отцепился от заднего конца нашего плота и ушёл к передней его части, где скопилась теперь вся плотовая команда. Только дежурные оставались всё время сзади на голове или на матках.

«Шумилов» подал буксирный канат на правую часть плота. «Руслан» отпустил правую и впрягся в одну левую половинку. Оба парохода шли рядом. И тогда пришла пора развязать на переднем конце плота последнюю поперечную чалку. Передний конец раздвоился, пароходы начали расходиться в стороны, и трещина, расщепившая плот, стала расширяться. Вскоре плот принял форму римской цифры V. Всё это сопровождалось множеством гудков и криков, но гудки звучали спокойно, всё шло гладко, как по маслу, без всякой заминки. Не было ни путаницы, ни минуты промедления. Пароходы и бригада плотовщиков работали дружно, разумно и слаженно.

Начинался серый, мутный рассвет дождливого ветреного утра. Вдалеке обозначилась поперёк реки тёмная полоска. То был Сызранский мост. Медлить нельзя.

Сзади около головы плота работали пароходы «Краснознамёнец» и «Кашпирстрой». Они тоже всё время обменивались гудками, вели разговор между собой, с передними пароходами и с плотовой командой. По обеим частям плота бежали назад, прыгая по скользким от дождя брёвнам, плотовщики. Они развязали поперечные крепления на голове плота, и та разошлась на две половинки. Пароходы растащили их в стороны. Теперь рядом плыли два совершенно отдельных плота. Левый вёл «Руслан» с «Кашпирстроем», правый — «Шумилов» с «Краснознамёнцем».

На левом плоту все лоты были опущены, а на правом всё железо находилось на борту. И потому сразу же, как только плоты разошлись, левый начал отставать, а наш правый стремительно понёсся вперёд.

Сердито хлопали волны, натыкаясь на брёвна. Дул сильный западный ветер и оттаскивал плот в сторону. «Капитан Шумилов», работая полным ходом, заводил передний конец плота навстречу ветру. То же самое делал «Краснознамёнец» с задним концом. Он зашёл слева, упёрся носом в брёвна и, старательно взбивая воду колёсами, толкал плот против ветра.

Длинная узкая половинка плота стала очень гибкой. Середину никто не поддерживал, её относил ветром, и плот плыл, изогнувшись серпом.

Мы приближались к мосту. Под ним волновалась и шумела серая вода. Теперь стало ясно, какое быстрое течение. Вода будто проваливалась под мост и бурлила у гранитных быков. От каждой опоры острым углом расходились усы, как из-под форштевня быстрондущего судна.

Стало понятно, что наша изогнутая деревянная лента не сможет пройти под мост. Она налетит на быки выпуклостью своего изгиба, и тогда произойдёт неминуемое крушение: все связи распадутся, канаты будут порваны, вместо стройной системы чельнев, нанизанных на трос, как бусы, выплывут из-под моста отдельные переломанные брёвна.

Восемнадцатилетний Геннадий, самый молодой член нашей бригады, плывущий по первому разу, побледнел.

Но лягнули и пропрохотали цепи. Мы бросили всё железо, какое осталось на нашей половине. Плот резко затормозился и начал вытягиваться. Сусливо забегали взад-вперёд навстречу друг другу «ухваты» и «бабки» на чельнях, плот стал казаться многолюдной площадью. «Шумилов» напруг всю силу своей машины; из-под его кормы нёсся вспененный бурун и вздымался выше борта.

Плот, если и не вытянулся в струнку, то во всяком случае стал настолько прямым, что легко мог пройти между устоями моста. «Шумилов», искусно маневрируя, проделывал фигуры «высшего пилотажа». Он провёл переднюю часть по самой середине пролёта, а потом резко уклонился против ветра, и по самому центру пролёта прошла средняя часть плота. «Краснознамёнцу» уже ничего не стоило втолкнуть в пролёт моста хвост, точнее не хвост, а голову, потому что волжский плот идёт хвостом вперёд.

Кипела между быками серая вода, её шум под мостом казался очень громким. И словно для того, чтобы усилить шумы, наверху прогремел паровоз; за ним, стуча колёсами, потянулась по мосту длинная вереница красных товарных вагонов.

Но все шумы и громы звучали для нас уже победной музыкой. Весь плот уже проплыл по судоходному пролёту, не задев гранитных устоев. Сзади, километра за два от нас, «Руслан» вёл свою половину, а «Кашпирстрой» помогал ему, толкая задний конец против ветра.

Мы вышли на широкий плёс. Позади в пролёте моста показался «Руслан». Миновав мост, он пустился вдогонку за нами, но сближался довольно медленно и покакивал неторопливыми гудками: «Куда спешите? Подождите!».

А «Шумилов» ему в ответ: «Ничего не могу поделывать: все лоты положены, работаю малым ходом. Догоняй сам побыстрее или наберись терпенья!».

Наконец «руслановская» половина поравнялась с нами. Там прохнулы цепи, все лоты были опущены в воду и замедлили ход. «Краснознамёнец» и «Кашпирстрой» зашли с двух сторон и подтолкнули матки с домиками одну к другой, а плотовщики крепко счалили их тросом. После этого пароходы пошли вперёд и осторожно тыкались носами в разных местах. Половинки плота сближались. Плотовщики бежали вперёд и накладывали поперечные чалки.

А потом «Шумилов» вытащил свой буксирный канат и отошёл в сторону. «Руслан» впрягся один. Счалка закончилась быстро. Наш плот снова широк, снова стоят рядом два белых домика и снова построились в колонну все восемь гигантских колёс — воров.

В этот момент мы подошли к Батракам, и все при ненужных уже нам вспомогательных судна отправились к берегу. Там им дадут новое задание. А «Руслан» продолжает плавание один.

Дядя Егор расказывал:

— В тихую погоду под мост пройти — одно удовольствие, а на этот раз приятного было мало: ветер, дождь, холод, да и работали всю ночь. При дневном свете было бы сподручнее.

Клёвщица Поля смеялась:

— Геня-то, Геня! Видать, жизнь свою дорого ценит...

Геннадий краснел:

— Испугался я, действительно. По неопытности. Не знал, что плот сможет враз выпрямиться.

Поля всё ещё смеялась, но только из озорства.

Дядя Егор глядел на них понимающими глазами и прятал улыбку.

— Еловая твоя голова, — сказал он Геннадию, — около нас четыре парохода орудовали, со всех сторон, как галки, налетели, попечение об нас имели. Мысленное ли дело, чтобы плот на разгром отпустили? В бытность старого времени плоты да беляны шли самосплавом, безо всяких пароходов, да и то под мостом проходили.

— Как же тогда управлялись?

— Только лотами да правилами. Само собой — разве такие плоты тогда шли? Маленькие, тыщи по четыре кубов. Теперь уж и не нужны прежние умельцы на одних лотах без пароходов плоты водить. Потому — пароходов хватает, а с пароходами-то сподручнее. Последняя беляна по Волге лет двадцать назад прошла. Доски теперь в баржи грузят и тоже пароходами везут. Всё к лучшему идёт! При коммунизме плоты тоже погонят как-нибудь по-новому, не по-нынешнему.

— При коммунизме-то, может, плотов совсем не будет, — возражает Геннадий. — Леса в степях да в пустынях вырастут, незачем будет по Волге лес гнать.

— Те леса дорогие, их рубить нельзя. Те леса должны поля оберегать, засуху уничтожать. Нет, я и при коммунизме плоты не перестану гонять.

— А доживёшь?

— Почему ж не дожить? Я мужик остойчивый, шесть десятков прожил, а из шести пудов не выхожу и никогда не болею. Борода жёлтая, без седины. Доживу!

Снова светит солнце и блестит вода. С плота всё кажется красивее, чем с палубы пассажирского парохода: вид на все четыре стороны.

По ночам без умолку поют соловьи.

Саратовский мост прошли без расчалки: это новый мост с широкими пролётами, а Сызранский, где пришлось нам расчлливаться, — старый, дореволюционный.

С воды на колёса.

Нас, горожан, тянет к себе нетронутая природа, потому что видим мы её по-малу. А когда долго плывёшь по реке и целыми неделями над тобой висит небо да со сторонам стелются окаймлённые лесами берега, начинаешь больше ценить города — средоточие результатов человеческого труда и культуры. С удовольствием смотришь тогда на стены и крыши, и тем больше радуешься, чем больше крыш и стен видишь в одном месте.

Таким гигантским средоточием людей и людского труда предстаёт Сталинград, растянувшийся вдоль реки километров на полсотни. От железнодорожной станции Причалной на севере, где идёт строительство Сталинградской гидростанции, до Шпалопропитки на юге, откуда начинается Волго-Донской канал, тянутся группы белых домиков на косогорах, нефтяные баки, заводские корпуса, дымящие трубы. В центре города заводские корпуса уступают место многоэтажным жилым зданиям, а потом снова начинаются трубы, корпуса. В административном отношении всё это пространство, наверно, как-то условно делится, но с реки условных границ не видно, а постройки тянутся непрерывно и составляют единое целое.

Вся эта растянувшаяся вдоль реки полоса составляет единый хозяйственный организм, возникший в том месте, где главная водная улица России наиболее приближается к хлебородному Югу и промышленному Донбассу.

Волга в этом месте похожа на карте на изогнутую в локте руку, и локоть лежит совсем рядом с Доном. Естественно, что именно отсюда по кратчайшему расстоянию от важнейшей водной транспортной магистрали должны были разбежаться железные дороги на Кубань и в Черноморье, в Донбасс и центральные земледельческие районы. Отсюда ближе и удобнее доставлять южным районам важнейшие волжские грузы — лес, нефть, соль. И здесь удобно принять на воду южный хлеб, уголь и металл.

На протяжении пятидесяти километров по берегу реки идёт железная дорога, и всюду тут либо что-нибудь перегружают с воды на колёса или с колёс на воду, либо перерабатывают приплывшее по воде или привезённое на колёсах.

Путь «Руслана» и нашего плота должен закончиться в Сталинграде. Увидев лесной рейд, мы подумали, что здесь нас и поставят. Но наш «Руслан» идёт дальше. Полдня мы плывём мимо длинного Сталинграда, и нескончаемо тянутся причалы, склады, дома, заводы.

В южной части города, рядом с Бекетовкой, снова видим скопление плотов. Здесь находится большой лесобработывающий комбинат.

Вообще Сталинград — крупный центр лесопиления, возникший в безлесной местности. Волга через Сталинград снабжает древесиной весь Юг. Только небольшая часть леса прибывает сюда в баржах в обработанном виде и перегружается из барж в вагоны. Плыть по воде удобнее лесу-кругляку в плотах, а грузить на железную дорогу лучше переработанный лес: он становится компактнее и оставляет на заводе часть своего веса в виде опилок, коры, горбылей и прочих отходов. В вагоны грузятся шпалы, дошки, балансы, рудничная стойка.

Но «Руслан» проходит мимо всех лесобработывающих заводов. Наши брёвна пойдут на железную дорогу кругляком, без распиловки. Такой лес тоже необходим строительству.

Перевалка наиболее промоздких грузов вынесена на самый край, в Красноармейск. Здесь с воды на колёса берут брёвна, строительный песок, а с колёс на воду спускают донбасский уголь, кубанский и донской хлеб.

Под Красноармейском нас поставили на якорь у входа в Сарептский затон. «Руслан», сдав плот, захватил две баржи с солью и двинулся вверх по реке. Плотовая бригада уехала обратно в Соколки на пассажирском пароходе, там она сидит на новый плот.

А тот плот, на котором мы сюда приплыли, прекращает своё существование и распадается на составные части. Маленькие катера отделяют от него чельня и заводят в затон. В затоне чельня рассыпаются. Освобождаются от пут медно-красные стволы сосен, белые берёзы с неободранной берестой, зелёные осины, темнокорые ели.

Впервые мне пришлось наблюдать, как работает лесоперевалочная база.

Верхняя площадка лесоперевалочной базы расположена метров на тридцать над уровнем воды. Надо поднять сюда брёвна и погрузить в вагоны. Работа немалая, но она облегчена механизацией.

Руки человека даже не прикасаются к брёвнам. Всё здесь делают электромоторы. В гору поднимаются на столбах наклонные желоба длиной в полкилометра. По желобам двигаются непрерывные цепи и волокут брёвна. На цепи насажены пластинки с шипами, они не позволяют брёвнам ни скользить, ни сваливаться. Непрерывно движется по желобу цепь, безостановочно ползут брёвна. А в вагоны их укладывают автопогрузчики.

Всё механизировано, всё облегчено. И, однако, дальнейший путь нашего плота по рельсам обойдётся дорого.

Насколько велик объём работ по перевалке грузов с воды на колёса и с колёс на воду, говорит длина железнодорожных путей на пристанях и перевалочных базах Сталинграда.

Только на одной территории лесоперевалочной базы проложен двадцать один километр своих, внутренних железнодорожных путей. А это — только маленький кусочек волжского берега под Сталинградом. Тут же рядом, на хлебных и угольных причалах Красноармейска, рельсы идут местами по много пар в ряд. Сколько же рельсовых путей уложено для смычки берега с рекой на всём протяжении Сталинграда? Повидимому, многие сотни километров. Они равны целой железной дороге.

На центральной пристани Сталинграда выстроилась вереница порталных кранов — «кировцев». Издалека они похожи на слонов, ворочающих хоботами. Пачки досок взлетают из недр барж, описывают в воздухе дуги и опускаются в вагоны. Крановщики приладились и снайперски точно укладывают с разлёта доски прямо в вагон, совмещая подъём и спуск с одновременным горизонтальным движением.

— Вагоны грузим, как семечки прыжём, — рассказывает крановщик Сергей Клементьев, — да только заминки бывают: мало железная дорога вагонов подаёт.

То же самое заявляют крановщики Красноармейска.

А грузчики ленточных транспортёров, переваливающие хлеб и уголь из вагонов в суда, жалуются:

— Река не подаёт вовремя барж. Грузить-то хорошо прямо из вагона в баржу, из баржи в вагон. А если вываливать на землю, класть в пакгауз, а потом снова перегружать, выходит двойная работа.

Конечно, нельзя всегда организовать дело так, чтобы для разгрузки прибывших барж стояли наготове порожние вагоны и для прибывших вагонов — пустые баржи. Складывается иногда такая ситуация — река требует:

— Дайте вагоны для разгрузки барж.

А железная дорога отвечает:

— Нет, вы дайте сначала баржи для разгрузки наших вагонов, тогда мы дадим освободившиеся вагоны для разгрузки ваших барж.

И начинают платить друг другу штрафы — то за недодачу вагонов, то за их простой.

На Волго-Доне все неудобства исчезнут. Не придётся перегружать. Не станут копеечки расходов превращаться в рубли. Плоты пойдут прямо в Ростов и в Керчь.

Изменится вся техника лесосплава. На утихомиренной плотинами Волге новые пойдут плоты, без лотов и воров. Плоты поплывут головой вперед. Конечно, исчезнет помогающая сила течения, а шлюзы поставят предел размерам плотов. Но это — только кажущееся неудобство. То, что выгодно теперь, окажется невыгодным в изменившихся условиях. Дешевизна сплава останется, но она будет достигаться другими мерами. Потребуется затрата большей тяговой силы парохода, но зато ненужной станет на плоту команда в 27 человек. Плоты будут способны проплыть через шлюзы, крупные водохранилища и по Азовскому морю. Такие плоты испытаны в уже переспроенных верховьях Волги — на Рыбинском море и канале имени Москвы.

Баржи с крепёжным рудничным лесом, необходимым при добыче угля, и баржи со шпалами, без которых нельзя обновить железнодорожный путь, подойдут к шахтам Донбасса. И там же освободившиеся суда станут грузиться углем и металлом. А хлеб начнут сыпать в баржи на Дону и на Кубани.

Прямой путь с Волги к Дону и Азово-Черноморью вызовет к жизни новые грузофлоты. Окажется выгодным перевозить такие грузы, которые сейчас по воде не перевозятся.

Река, соединившая северные моря с южными и все пять морей с Москвой, станет Большой Волгой.

Когда пришлось перегнать несколько десятков маленьких рыболовных судов из Балтийского моря в Чёрное, это был очень трудный и дорогой перегон вокруг всей Европы. Сейчас переходы судов из одного моря в другое становятся лёгким делом.

И вот, как приглядишься к причалам Сталинграда и Красноармейска, начинаешь понимать, насколько необходимо спрительство Волго-Донского судоходного канала нашему народному хозяйству и как оно быстро окупится. Недаром Волго-Дон был вековой мечтой нашего народа.

Канал пяти морей.

Канал пяти морей начинается в Красноармейске, у входа в тот самый Сарепский затон, куда заводят плоты и баржи для перегрузки на железную дорогу. И у самой Волги канал шагнёт шлюзом № 1 на десятиметровую ступеньку. Тут же неподалёку находится второй шлюз, а немного поодаль — третий. Так канал в самом своём начале сразу восходит на тридцатиметровую высоту.

Если посмотреть отсюда на запад, в сторону Дона, вы видите гряду рыжих, выжженных солнцем холмов. Они крутосклонны, а высота их — метров полтораста, не меньше. Слишком высоко и круто для устройства волной лестницы.

К югу холмы понижаются, становятся отлогими. Обрывистые высоты, непрерывно окаямлявшие правый берег Волги от Горького до Сталинграда, удаляются там от реки и переходят в цепь невысоких и волнистых Ергеней. Туда, на юг, в обход крутосклонных холмов, и направляется канал вдоль русла речки Сарпы, а потом, плавно закругляясь на запад, в районе Чапурников новыми ступеньками-шлюзами поднимается на водораздел в самом удобном и отлогом месте.

И всё же подъём крут. Вспомним, что от Щербакова до Москвы на расстоянии 394 километров пароход проходит через 8 шлюзов, а здесь все 9 шлюзов волной лестницы от Волги до высшей точки водораздела расположены на каких-нибудь двадцати километрах.

Водораздел между Волгой и Доном не надо представлять таким острым гребнем с покатоствами на обе стороны. В сторону близкой Волги, действительно, виден склон, а в сторону далёкого Дона простирается то, что воспринимается взором, как равнина. Но на самом деле это очень отлогий, незаметный для глаза спуск к Дону. Невдалеке от Чапурников проходит речушка Червлёная, и она течёт в сторону Дона, впадая в его приток Карповку.

Этот равнинный водораздел пришлось прорыть глубокой и длинной выемкой, и много здесь было работы для экскаваторов.

Всего на отлогом Донском склоне сооружаются три плотины, подпирающие водохранилища, три насосных станции и четыре шлюза.

Канал чрезвычайно умело вписан в рельеф междуречья. Его плавный зигзаг обходит все трудности, поставленные природой, и выгодно использует все природные удобства. Даже маленькие речушки, пересыхающие летом, начинают играть важную роль, предоставив свои русла для строительства крупных водохранилищ.

Настолько умело использованы все природные условия, что из общего протяжения в 101 километр канал идёт по искусственно созданному ложу только 56 километров, а 45 километров приходится на водохранилища.

Теперь, когда трасса канала проложена, все трудности преодолены, все неудобства устранены, кажется, что сама природа предназначила это место для строительства, создав удобные места для сооружения водохранилищ на высшем уровне канала. Но это, конечно, не так. Заслуга принадлежит изыскателям и проектировщикам.

А без больших водохранилищ не может существовать и действовать ни один шлюзованный канал.

— Что такое, по-вашему, канал? — в ответ на мои наивные вопросы говорит главный инженер Мариновского строительного района Константин Андреевич Гришин. — Миллионы кубометров вынудой земли? Бетонные стены шлюзов? Плотины? Облицованный гранитом глубокий ров? Нет, всё это пока ещё не канал. Каналом сооружения станут тогда, когда наполнятся водой. Цель — вода. Канал — непрерывная водная лента от Дона до Волги. Все сооружения — только посуда для воды. Они необходимы, поскольку без них не будет и воды. А её потребуется много. Надо наполнить русло и постоянно пополнять расход. Расход её очень велик. Шлюзы Волго-Дона ещё сухи, видеть, как они работают, нельзя. Вспомните, как действуют шлюзы канала имени Москвы.

И встали в памяти шлюзы Московского канала.

Чёрные железные ворота раздвинуты. Зеленеет фонарь светофора: вход свободен. Пароход входит в длинное, узкое, глубокое ущелье бетонной камеры. Чёрные половинки ворот сзади поворачиваются и смыкаются. Впереди видны также же чёрные ворота.

Вверху голубеет небо, а здесь темно и нет ветра. Дым парохода расплзается по всей камере.

Сверху взмахивают флажком, показывая, в каком месте чалиться. Бросают на нос и корму пирьки с тонкими верёвками. Матросы на пароходе подхватывают их и привязывают толстый канат. Его втаскивают наверх и зачаливают за кнехты.

В то же мгновение из-под передней запертой двери вспучиваются шумные водяные бупры, вода клопочет, словно вырвалась из-под гидростанции: открыли клинкеты. По шлюзу растекается белая мыльная пена. Из-под корпуса парохода, сбоку и сзади тоже расходятся круги, но спокойные: открыли боковые галереи. Вода равномерно, со всех сторон, и очень быстро наполняет камеру.

Пароход ползёт вверх, матросы подбирают ослабевающие чалки. Становится светлее. И вот уже ирыша парохода и командный мостик поравнялись с верхом бетонной стены. Девушка в матросской форме и берете подаёт оттуда вахтенному штурману парохода книгу для рапики. Пока штурман пишет: «замечаний нет», пароход поднялся ещё выше; протянул было штурман руку, хотел возратить девушке книгу, — не тут-то было, пришлось сбежать по лестнице вниз на палубу.

Пароход выходит на уровень поверхности земли. Видны травы, деревья и постройки. Кончился подъём. Пароход стоит у берега. На земле разбиты цветники. По дорожкам ходят люди.

Чёрная дверь впереди дрогнула и ушла под воду. Матросы убрали чалки. Пароход гудит, шумит колёсами и пускается в путь.

Прошло всего десять минут. За это время из верхнего отрезка канала в камеру шлюза вылилось с полстни тысяч кубометров воды.

Так каждое шлюзование переливает из верхнего отрезка в нижний по полсотне тысяч кубометров. Когда пароход поднимается, вода переливается ему навстречу; когда опускается, — идёт вместе с ним.

Отсюда можно видеть, в каком большом запасе воды нуждается канал для своего существования и работы. Разумеется, запас должен находиться в самой возвышенной части канала. Оттуда вода и растекается по шлюзам на две стороны.

Работа канала имени Москвы поддерживается Икшинским, Учинским, Клязьминским и Химкинским водохранилищами, находящимися на высшем уровне водораздела между Волгой и Москвой-рекой. А туда она накачивается из Волги.

Ту же роль станут выполнять и водохранилища Волго-Дона. Варваровское водохранилище выведено на один уровень с водораздельным участком, иначе оно не могло бы питать канал и шлюзы. От 9-го шлюза Волжской лестницы до 10-го шлюза, где начинается спуск к Дону, пролегла через водохранилище и канал ровная горизонталь.

Волго-Дону потребуется много воды ещё и потому, что от Варваровского водохранилища отходят самотёчные оросительные каналы.

Откуда же возьмётся на водоразделе столько воды? Ведь в речке Червлёной её мало, летом она пересыхает.

Нужна не вода Червлёной, нужно только её русло и удобный рельеф окружающей местности. А воду накачают из Дона по трубам.

Около железнодорожной станции Мариновка, вдоль полотна, лежат валы украинского камня и волжского песка. На рельсах стоят ещё не разгруженные составы. И тут же, вдоль железнодорожного полотна, протянулся по земле ряд чёрных цилиндров. Они видны издали и кажутся поездом, составленным из цистерн.

Это и есть трубы для насосных станций. Их диаметр — 2,8 метра. Три таких трубы укладывают в ряд и закапывают в землю. Насосная станция тремя могучими насосами станет накачивать по трём «ниткам» до 4 миллионов кубометров воды в сутки.

Строительство Волго-Дона — это, прежде всего, титаническое рытьё земли. В 1952 году, когда через степь поплывут плоты, вода прикроет от глаза всю празднозность труда, заставившего землю стать удобной «посудой» для сплошной водной ленты от Дона до Волги.

Из великих строителей коммунизма первым заканчивается Волго-Дон.

В 1951 году кадры эксплуатационников Волго-Дона ещё проходили практическую подготовку на канале имени Москвы, а в будущую навигацию они перейдут на новый канал.

Постройка канала от Красноармейска до Калача сама по себе ещё не решает задачу соединения Волги с Азово-Черноморьем, потому что от Калача до Азовского моря остаётся ещё 440 километров мелководного Дона. В современном состоянии он мало пригоден для судоходства.

Надо сделать Дон полноценной, глубоководной магистралью. Эта задача решается сооружением Цимлянской плотины. Плотина удержит вешние воды от бесполезного стока в Азовское море, поднимет воду на 26 метров и заставит её разбежаться колоссальным водохранилищем длиной в 180 и шириной в 30 километров.

Этой воды хватит не только для судоходства на всём протяжении Дона и снабжения Волго-Донского канала, но и для строительства оросительных систем в засушливых донских, сталинградских и сальских степях. Гидростроительство осуществляется в нашей стране комплексно и решает одновременно задачи транспорта, энергетики, орошения полей, улучшения климата. Волго-Дон входит важным звеном в Сталинский план преобразования природы.

Хозяйство Волготанкера.

Деревянные воровы на плотях пусть не послужат основой для ложного вывода о якобы примитивной технике речного транспорта. Всё стоит на своём месте и подчиняется закону целесообразности. По неперестроенной Волге плот без воров не прогонишь, и нет смысла придумывать взамен воров какие-либо машины, потому что на будущей Волге с тихими течениями плоты пойдут без тормозов. Там же, где

нужна и возможна высокая техника, она имеется налицо. Свидетельство тому — Астраханский слип Волготанкера. Это мощный подъёмник судов на сушу.

По отлогому склону берега под воду уходит множество рельсов. На них стоят большие многоколёсные тележки. Электрические лебёдки управляют их ходом.

Опустили в воду десятка два тележек. Подплыла баржа «Кильмезь» и встала над ними. Включили моторы, тележки подхватили баржу и выволокли на берег. Вот и всё. А баржа «Кильмезь» — не маленькое судно. Она имеет полтора метра в длину и двадцать в ширину; на её плоской палубе можно сыграть в футбол.

Куда ни взглянешь, всюду по берегу тянутся рельсы. Они идут вдоль и поперёк; вся территория разграфлена ими, как клетчатая бумага. И вся территория заполнена вытасненными на сушу судами. Под днищами барж мигают синие огоньки электросварки.

До постройки слипа баржи заводили для ремонта на затопленный весенним паводком берег. После спада воды они обсыхали и стояли на земле до будущей весны. Ремонтировали их не спеша: впереди был целый год, раньше спустить на воду нельзя.

На Астраханском слипе утром 5 мая 1951 года баржу «Кильмезь» в 10 000 тонн подняли на берег. Ремонт предстоял небольшой: надо заварить на днище тысячу разъеденных ржавчиной мелких дырочек. Для такой малости не стоило пересаживать судно с тележек на тележки и катить на «двор». Баржу оставили на подъёмных тележках. За день сварщики всё сделали; в тот же вечер «Кильмезь» сползла в воду и пошла под налив нефтью. Навигацию проплавает, а в дальнейшем её поставят на капитальный ремонт.

— Что значит слово «Кильмезь»? — спросил я у начальника слипа.

— Нефтеналивные баржи носят имена советских рек. В нашей стране сто восемь тысяч рек. Из них вы знаете, вероятно, каких-нибудь несколько сотен. А барж у нас много, общезвестных имён для всех не хватает. Я и сам не знаю, где течёт эта Кильмезь.

Двор слипа заполнен баржами, стоящими на капитальном ремонте. Капитальный ремонт заключается, чаще всего, в смене всей обшивки. Остов нефтеналивной баржи, рёбра, внутренние переборки, делящие судно на отсеки, — всё это постоянно омывается нефтью, никогда не ржавеет и способно уцелеть на века. А обшивка купается в воде и разъедается снаружи ржавчиной.

Для ремонта судов существуют ещё пловучие и осушенные доки. Но слип имеет много преимуществ. Док тесен, слип просторен и даёт одновременно место многим большим судам.

Слип помогает Волготанкеру содержать в порядке хозяйство. А хозяйство у Волготанкера большое, и выполняемая работа огромна. В волжском транспорте нефть занимает по количеству второе место после главного волжского груза — леса.

Нефть приходит сюда с Каспия и здесь переливается в речные баржи. Работу выполняют могучие насосы пловучих нефтестанций.

В последние годы флот Волготанкера усиленно пополняется новыми дизельными буксирами, сошедшими со стапелей Сормова. Красивые, хорошо оборудованные, шестисотсилльные винтовые суда полуморского типа... Им удобно будет ходить по водохранилищам — морям будущей Волги: они не боятся большой волны, а навигационные приборы позволяют им держаться на правильном курсе, когда исчезнут из виду берега.

Они не похожи на прежние буксиры. Сормовский конструктор А. Н. Каманин рассказывал, что, когда первый пробный буксир пошёл в испытательный рейс по Волге, на всех пристанях спрашивали:

— Это что за судно?

— Буксир.

— Ну, да! Буксир! Разве такие буксиры бывают?

На Волге их прозвали «музыкантами», потому что они великолепно радиофицированы и на стоянках задают концерты.

«Музыканты» — флот будущей Волги. Сейчас они, как одежда, сшитая детям на рост: их эксплуатационные качества полностью придутся впору только на перестроенной Волге.

А в современных условиях наилучшими эксплуатационными качествами обладают 1200-сильные колёсные пароходы, построенные накануне войны. Они тянут воз вдвое больше, чем «музыканты». Наиболее передовые из них, работающие по-руслановски, — «Ленинец», «Циолковский», «Академик Губкин» — выполняли в прошлые годы по 300—400 миллионов тоннокилометров.

План «Ленинца» в этом году — полмиллиарда тоннокилометров.

Два полных хода.

Всюду плоские острова и во все стороны расходятся воложки. Местами они уходят в бесконечность, и вода удирается в небо. Многие острова залиты, ивы стоят в воде.

Такова весенняя Волга от Астрахани до Сталинграда.

Начало мая. Вода в низовьях прибывает и будет прибывать до июня. Давно скатились в реки вешние воды с полей центральных областей Русской равнины, но ещё тают снега в лесах Прикамья и на отрогах Северного Урала, а вода оттуда бежит до Каспия месяца полтора-два.

«Ленинец» уже сделал один рейс до Горького, вернулся в Астрахань и позавчера отправился в новый пробег, захватив на буксир четыре баржи с двадцатью пятью тысячами тонн переработанной нефти.

Караван идёт по девять километров в час. Но волжская вода льётся нам навстречу с весенней скоростью. «Ленинец» идёт руслановской трассой и выбирает места, где вода течёт потише — километра на три, но временами ему поневоле приходится идти и по таким местам, где вода бежит навстречу по семи километрам. В среднем течение относит нас назад на 5 километров в час. От такого вычитания остаётся полезный остаток в 4 километра. За первые сутки караван продвинулся ровно на 90 километров. Рейс до Горького займёт в разгар весеннего яроводья около 25 суток.

Рассвет провёл по синему небу полосы — оранжевую, золотистую и лиловую. Они оразились в притихшей реке, на воду легла их нежная окраска. А вскоре из-за дальнего острова жарким раскалённым углем выглянул край солнца. Красные лучи скользнули по борту «Ленинца», порозовели плывущие на буксире баржи.

Открылась дверь каюты, и на палубу «Ленинца» вышел плотный, маленького роста человек лет шестидесяти в рабочей курточке и с коротенькой стальной палочкой в руке. Механик Григорий Николаевич Яшин начинал свой трудовой день.

В тот же момент с мостика спустился капитан Григорий Константинович Кириллов. Он закончил ночную вахту. До четырёх часов утра, когда дорогу приходится отыскивать в темноте, зорко присматриваясь к смутным силуэтам берегов, волжские капитаны сами ведут свои суда.

Капитан и механик с весны до осени жили по неизменному регламенту и каждое утро встречались на палубе в одно время, а весной их встречало и солнце.

В словарном фонде волгарей нет слова «спать», потому что оно, кроме основного, имеет ещё добавочный смысл, несовместимый с постоянной бдительностью, необходимой на Волге. Капитан лёг у себя в каюте «отдыхать», а механик начал утренний обход механизмов.

Машина будет безостановочно работать 25 суток. Чтобы она «не устала», надо заниматься её гигиеной. Механик выслушивает, выстукивает и ощупывает механизмы, как заботливый врач своего пациента. Роль стетоскопа играет универсальная стальная палочка. Григорий Николаевич никогда с нею не расстаётся и называет её ласково «шомполочком».

Механик прикладывает ухо к цилиндрам и слушает долго и внимательно, как они дышат паром. Ощупывает крутящиеся части машины: нет ли напрева? Стучит и пробует своим «шюмполочком», даёт указания вахтенным.

Из машинного отделения механик переходит в кочегарку, заглядывает в топку. Огненными перьями жар-птиц колышутся факелы сгорающей нефтяной пыли. Всё идёт хорошо, пар держится на марке, но механику надо, чтобы было ещё лучше, и он делает кочегарам те или иные замечания.

По бокам парохода, как два дома, взгромоздились громадные кожухи гребных колёс. Там внутри идёт безостановочная шумная мёлотба воды. Механику Яшину надо заглянуть и туда. Он открывает заслонку. Семиметровые стальные плиты несутся вдогонку друг за дружкой, тяжко плюхаются в воду, взлетают и наполняют всё пространство внутри кожухов кружением крупных водяных шариков, похожих на хрустальные подвески старинных люстр.

Механик выходит на палубу осматривать наружные механизмы: нефтякой насос, буксирную лебёдку.

Работой своих 1200 лошадиных сил «Ленинец» устроил на глади реки большое беспокойство. Вода вокруг него бурлит и мечется. Несутся из-под колёс белые водоводы, катятся по бокам парохода высокие, крутые, короткие волны и загibaются острыми языками. Вода стремительно несётся назад, и потому нос передней баржи находится на расстоянии 360 метров от кормы «Ленинца». Ближе было бы невыгодно: сильная струя воды из-под колёс парохода была бы в баржу и замедляла бы ход каравана.

Изю всех сил рвётся вперёд могучий пароход. Понёсся бы он птицей, если бы не тащился у него за кормой тяжёлый груз нефти. Но тугой струной протянулся над водой к возу тяжёлый стальной трос. Пароход делает прыжки и отскакивает назад, как на пружине. И ярость машины обрушивается на воду, заставляя её кипеть, бурлить и вздыматься высокими волнами.

В тот раз капитану Кириллову недолго пришлось отдыхать. Проснулся, взглянул в окно и увидел низкий ровный берег. Подумал: «Подходим к Аркунскому яру» — и уснул.

Проснувшись во второй раз, должно быть, от стука, капитан увидел в окне низкий берег, узнал и подумал: «Подходим к Аркунскому яру». Хотел снова заснуть и спохватился: «Что за чёрт? Ведь подходили уже... Подходили или нет?».

В этот момент в дверь спальни постучали. Донёсся голос матроса:

— Товарищ капитан, вас просят на мостик.

— Повисли? — догадался капитан.

— Да, висим.

Капитан Кириллов вышел на мостик.

Так же крутились колёса, так же бурлила вокруг «Ленинца» вода, но пароход вместе со своим тяжёлым, растянувшимся на километр возом «висел» на одном месте. Его ход полностью уравновесился быстротой воды.

Рядом с нами стоит белый бакен, обозначающий поворот русла. И тут из-за угла бьёт быстрая струя. Настолько она сильна, что к бакену приязали пустую бочку, чтобы не затонул, иначе течение пригнуло бы его ко дну. Около бочки с бакеном бурлит вода, и тянется длинный след, словно бочка с бакеном несутся по реке друг за дружкой вдогонку.

Нефтевоз упорно борется с водой. Сам он потихонечку миновал бакен, но, когда с быстрой струёй повстречались идущие за ним баржи, караван приостановился, попятился и медленно сполз назад. Бакен ходит между кормой нефтевоза и носом первой баржи: Влез непрошённым гостем в караван и не хочет уходить.

Капитан прикинул: что можно сделать? Ничего нельзя. Нефтевоз держится на правильном курсе. Белый бакен, обозначающий праницу судового хода, показывает, что прижаться ближе к берегу невозможно. Лёгкий пассажирский мог бы, но наши баржи сидят в воде на три с половиной метра. Влезать на мель тоже нельзя.

— Великоват воз для яроводья,— сказал старший штурман Павел Иванович Шваров. — Взять бы тысячёнок на пять меньше — летели бы через все быстразы, ничего не замечаячи.

— Верно,— ответил капитан,— да об этом думать поздно. Не к делу разговор. Надо выходить из положения... Позовите механика.

— Вот что, Григорий Николаевич,— сказал он, когда механик с щомполочком в руках появился на мостике, — вы как сейчас работаете? По паспорту или сверх паспорта? Надо дать два полных хода! И надолго, пока не пройдем весь быстряз.

Яшин разволновался:

— Есть ли в этом нужда? Часто на машину налегать — это не годится. Топливо тоже надо экономить. Сорок лег по реке хожу — ни одного, так сказать, грамма не пережёт. Вы бы тиховода поискали!

— Нет здесь тиховода. Надо форсировать быстряз.

Яшин обмяк:

— Коли иначе нельзя, пойду, дам два подных.

Мы привыкли думать, что раз в паспорте машины значится 1 200 лошадиных сил, так она и не в состоянии дать больше. Это неверно. Увеличивая наполнение цилиндров паром, Яшин доводит мощность машины до полутора тысяч. А иногда, чтобы выволить караван из беды, даёт рывок и на тысячу семьсот. Вот это и называется «два полных хода».

На быстрязе потеряли четыре часа и отстали от расписания. В Астрахани, в диспетчерской Волготанкера, красная линия «Ленинца» на рулоне миллиметровки опустилась ниже чёрной. В Волготанкере забеспокоились: что с «Ленинцем»? Не придётся ли облегчать его воз?

В тот вечер на нефтевозе состоялось партийное собрание. Всё обсудив, решили: воза не облегчать, довести караван с полным грузом до конечной пристани.

— Коли до того дело доходит, машинная команда в любой момент готова давать два полных. Но такого сраму, как сбавка воза, чтобы не было! — волновался Григорий Николаевич Яшин.

Дали в Астрахань радиограмму о том, что «Ленинец» задание выполнит.

Тот весенний рейс пришёлся на самый «пик» паводка, и привелось каравану ещё раз повиснуть. Случилось это около Горной Пролейки, выше Сталинграда. Там на реке лежит «осередок» — молодой остров, не успевший ещё обрасти травами и кустарником, нечто среднее между песчаной отмелью и настоящим островом. Около него крутится суводь. А под выступами обрывистого горного берега тоже суводи да быстрязи.

С нашим километровым караваном надо держаться подальше от суводей: мигом раскидает баржи в стороны, изломает караван.

Нефтеналивные баржи надо вести так же осторожно, как носят яйца. При своих промадных размерах они имеют борта толщиной в 6 миллиметров. Более толстая сталь была бы невыгодна для их грузоподъёмности: на современной Волге приходится экономить каждый сантиметр погружения судна в воду и бороться за наименьшую осадку. При такой толщине борта прочность барж по отношению к их колоссальному размеру и весу — меньше прочности яичной скорлупы по отношению к весу яйца. Разумеется, сталкиваться баржам нельзя, иначе получится «яичница». Да вдобавок некоторые сорта нефтяных продуктов воспламеняются от сильных ударов при столкновении судов. Нефть — это ведь не шутка! Недаром на всех баржах за километр видными буквами написано: «Не приставать, не чалиться!»

На Астраханском слипе пришлось мне увидеть баржу с вырванным бортом. Баржа — совсем молодая, свежескрашенная, рано ещё ей по возрасту подниматься на слип. Но в белом борту на десяток метров чернела пустота. Такие повреждения бьвают у кораблей от взрыва мин. Я спросил:

— Что такое с ней?

— К яру прислонилась.

Нет, от суводей надо держаться подальше, и мы идём сейчас от Горной Про-

лейки мимо Нижне-Александровского рынка к Балыклею по самой середине реки. Иного безопасного для каравана пути тут нет.

Долго трудился «Ленинец», пока не одолел быстрик.

Вспомнились воды перестроенных советскими людьми верховьев Волги — глубокие, стоячие, тихие. Нет там ни «верха», ни «низа», легко идти в обе стороны. Там силы реки направлены не на помеху, а на пользу человеку. Укрошенная вода вращает турбины Ивановской, Угличской гидростанций; силы реки превращаются в электроэнергию, и не остаётся у неё бешеной силы, которая могла бы пойти во вред судоходству.

Скоро и вся Волга станет такою же. А пока приходится бороться с капризами реки. Важное подспорье в этой борьбе — руслановские методы судовождения. Если река перед нами раздваивается и если на одной воложке вода бежит по семи, а на другой по три километра в час — мы сворачиваем туда, где три. И редко ходим по середине русла, больше по обочинам фарватера. Поэтому бакены — всегда наши ближние соседи. И мы идём по тому краю фарватера, который примыкает к отмелому берегу: здесь тиховоды. Приглубые берега, обрывы, яры всегда от нас на противоположной стороне: там быстрики. Зигзагам метаний воды в речном русле мы противопоставляем собственные зигзаги; нам приходится переваливать с одной стороны реки на другую, и нашими соседями бывают попеременно то красные, то белые бакены.

Катиться вниз по быстрикам, подниматься вверх по тиховодам — способ давний и общепонятный. Но прежде каждый капитан пользовался им по-своему. Одни ходили так, другие иначе, но никто не использовал всех выгод тиховодов до конца.

Руслановцы включили в трассу новые, ранее неиспользовавшиеся воложки и разработали наиболее разумную и выгодную трассу.

Руслановские методы означают отказ от ненужного избытка страховочных мер по обеспечению безопасности плавания. Судам вовсе не надо иметь под днищем запас глубины в десяток метров — в весенний период достаточно двух (а в межень на перекатах приходится поневоле довольствоваться и пятнадцатью сантиметрами). Но надо тщательно следить, чтобы эти необходимые два метра никогда из-под днища не выскользнули. Поэтому руслановские методы предъявляют высокие требования к бдительности и умению судоводителей.

Из воды торчат верхушки ветел. Бакен привязан к дереву. Мы идём вплотную к лесу.

В лодке едет бакенщик.

— Ближе очень наваливаетесь, — кричит он нам и прозит кулаком. — Вода льётся в затон, мигом на берегу будете.

Капитан берёт рупор и отвечает:

— Ничего, браток, не беспокойся: у нас всё рассчитано.

Столько на этой реке всяких опасностей. Когда вода прибывает, она льётся через берег на пойму, и местами берег начинает работать, как всасывающий насос. Таких мест, конечно, надо избегать: может втянуть на пойму. При спаде, наоборот, караван может получить в бок струю с берега.

Капитан об этом знает. Он часто поглядывает назад: не зевают ли рулевые на караване, не свалились ли баржи в сторону? Вот он заметил непорядок, протянул руку к гудку, и «Ленинец» трижды рывкает басом. Третья баржа получила выговор: она уклонилась в сторону от курса и должна немедленно исправить оплошность.

Спокойно и безопасно выкатиться на середину дороги, но мы идём по краю фарватера, по грани, отделяющей безопасность от опасности, и потому на носу «Ленинца» ведётся непрерывная работа. Матрос меряет глубину чёрно-белым полосатым шестом — «наметкой». Необходимое, но утомительнейшее дело. Поэтому матросы несут вахту вдвоём и сменяют друг друга, работая по получасу. А там, где можно ориентироваться без измерения глубины, штурман немедленно отдаёт приказ: «Положи наметку!».

— Скоро навсегда положим наметку,— рассказывает мне капитан Кириллов,— не станет она нужна на новой Волге, как и сейчас её нет между Москвой и Щербаковым. Там всюду глубина и всюду тиховод, не приходится отыскивать его на границе с отмелью. Там идёт ясная прямая дорожка по глубоким местам.

На будущей Волге техника судовождения станет иной. Переведут капитана с другой реки, и он в первый же свой рейс безошибочно пройдёт по новой Волге, руководствуясь картой, компасом и маяками, так же, как волжские капитаны прошли по незнакомому, созданному волею советского человека, новому судоходному пути из Щербакова в Москву.

Основа судовождения на современной Волге — точное знание поведения текущей воды на каждой яди речного русла. Потому и окружены почётом старые капитаны — потомственные речники. Плавали их отцы, и сами они с малых лет плавали с отцами и привыкали к реке. Типичный представитель волжских династий речников — бывший капитан «Ленинца», а ныне капитан-наставник Волготанкера Дмитрий Фёдорович Железцов. Его дед, отец и сам он проплавали в общей сложности сто семьдесят лет.

Григорий Константинович Кириллов — представитель талантливой и быстро растущей смены.

Кириллов сделал «Ленинец» кузницей кадров. Все на нём учатся, каждый рулевой — будущий штурман, и каждый штурман — будущий капитан.

Одним из первых капитанов Волги Кириллов включился в руслановское движение, стал одним из активных пропагандистов руслановских методов. Он разрабатывал вопросы наиболее выгодной для быстроты хода длины буксирного троса, способы счала вoза, методы проводки пужёных караванов вниз по реке. На первой руслановской конференции по его предложению вынесено было решение об открытии для весеннего хода больших караванов Караванной воложки, Ушаковского горного хода, Бабановской воложки.

Бабановская воложка (в 75 километрах ниже Саратова) проходит прямой улицей вдоль красивого горного берега с озерами и лесами, а основное русло лежит под луговым берегом и петляет вокруг островов. По основному фарватеру получается очень извилисто и длинно; воложка сокращает расстояние на семь километров, да и течение на ней вдвое слабее.

Для больших караванов Бабановская воложка была закрыта, потому что имеет узкий выход — всего метров семьдесят судового хода, и тут иногда случались аварии.

Некоторые капитаны ею всё-таки пользовались в отступление от правил: уж очень выгодная воложка. Другие избегали.

— Один нехитрый манёвр делает Бабановскую воложку совершенно безопасной,— говорит капитан Кириллов.— Какие там есть неудобства на выходе из воложки? Резкий толчок при переходе каравана с тихой воды на быструю и боковой свал всды. Вот и надо эти толчки нейтрализовать. Только и всего. Да сами увидите.

Когда мы шли по Бабановской воложке, капитан условным гудком вызвал к радиотелефону шкипера первой баржи и прокричал:

— Варначёв, на выходе из воложки свал будет к горному берегу. Сам не зевай да скажи Лебедеву на второй барже, чтобы он тебя поддерживал. Я дам сигнал.

Ровно за двести метров до выхода на быструю спруту Кириллов перевёл рукоятку машинного телеграфа на «средний ход», в первый раз после выхода из Астрахани колёса «Ленинца» завертели медленнее. Всё внимание капитан перенёс теперь на караван и дал сигнал, чтобы переключкой рулей на баржах приняли меры против бокового сноса. Как только первая баржа вышла на быстрик, капитан перевёл рукоятку телеграфа обратно на «полный ход», и пароход рванулся вперёд с прежней силой.

— Вот и всё,— сказал Григорий Константинович,— двумя переводами рукоятки ликвидировали все опасности, а выигрыш от воложки — пять часов.

Я спросил:

— Для чего вы сбавляли ход при встрече с быстряком? Мне казалось, надо наоборот.

— Если бы не сбавил, получилась бы из каравана лепёшка всмятку. В тот момент, когда первая баржа встретила быструю воду, задние баржи шли по тихой воде. Если бы первая баржа споткнулась, задние налетели бы на неё по инерции. Они ведь счлены вплотную одна к другой. Вот я и дал возможность каравану успокоиться, заранее замедлив ход. А когда первая баржа встретилась с быстряком, надо было резко дёрнуть её вперёд, вытащить из-под идущих по тихой воде задних барж. И тут я дал полный ход. Так всегда делаем на перекатах. Только там маневрирование, конечно, сложнее.

Через десять суток после выхода из Астрахани прошли Саратов. На одиннадцатые сутки закончили первую тысячу километров. Далась она нефтевозу в результате упорной борьбы.

Меняется пейзаж, меняется погода. Из зоны щедро греющего солнца мы входим в зону облаков. Вчера они плыли по небу лёгкими лебедиными перьями да курчавыми завитками белых барашков, а сегодня взгромоздились в три яруса.

По зазеленевшим холмам горного берега узором пятен и полосок раскидались перелески — передовые посты леса в южной степи.

В низовьях коренные берега были сухи и пустынные. Растут только ивы с голубовато-седой листвой на залитых островах Волго-Ахтубинской поймы, а больше нет там никаких лесов. Здесь лес на заливных островах стал богаче и разнообразнее: с краю — гоже ивы, а подальше чего-чего только нет — тополя, осинник, ольха, клёны.

Выше Саратова на стоящих в воде лесах обозначилась узкая рыжая полоска — ровная, словно очерченная по линейке. Начался спад, и поднялись из воды ветки, обильные речным илом и не успевшие зазеленеть.

Мы вышли из пика. С каждым днём рыжая полоса над водой становится шире. Снижаясь, вода теряет силу и замедляет бег. Наш нефтевоз ликвидировал одиннадцатичасовое опоздание и с каждым днём наращивает превышение над планом.

Помогают воложки. Мы часто сворачиваем на них с основного хода. Аграфеновская, Девушкина, Панышинская и другие удобные воложки значительно сократили путь.

Чем выше поднимаемся по реке, тем больше обозначается спад паводка. В Кулбышеве вода уходит из-под дебаркадеров. Их ежедневно отодвигают всё дальше от гранитной стенки набережной, чтобы не обмелились, и плотники стучат топорами, прибывая новые доски мостков и ступеньки лестниц. Мостки и лестница вырастают за сутки на метры. К лету дебаркадеры уйдут вдаль, сядут вниз, и слезающие с паромов пассажиры начнут кряхтеть под тяжестью своих чемоданов на высоком подъёме к набережной.

Мы идём мимо городов без остановок. На каждой дистанции нас встречает диспетчерский баркас и танкер с пловучей лавкой. Обойдёт танкер все наши баржи, всем предложит снедь и ширпотреб, потом причаливает к нам и наливает бункера «Ленинца» топливом. Полтора миллиона пудов нефти находится в наших баржах. Но взять собственную нефть мы не можем без постановки каравана на якорь, так же, как лошадь, везущая воз сена, не может ухватить с него клочок без распряжки. Зато лошадь, идущая сзади воза, может насыщаться.

Мы тоже иногда даём свою нефть другим судам.

К нам приблизился танкер «Литвин» — длинный, узкий винтовой пароход с трубой на самой корме. Дал гудок, и человек на мостике помахал рукой. На Волге принято переговариваться гудками да взмахами, и при помощи жестикულიции речники выражают весьма отвлечённые понятия. Вот и сейчас танкер несколькими взмахами руки передал, что он имеет разрешение взять из каравана 700 тонн нефти и что он развезёт её по МТС для весенней посевной кампании.

Наш вахтенный штурман взмахом руки позволил подойти. «Литвин» пристроился

к нашему «Риону», передал шланг и начал сосать. А «Ленинец» попрежнему бьёт колёсами воду и движется, окружённый волнами, бурлением, пеной, шумами и всплесками, и у каждой баржы под носом — белые курчавые усы.

Восходы, дни, закаты, ночи. Смена вахт. Перемены погоды. Ветры и затишья, солнечная ясень и дождики из тёмных туч. Перемена ландшафта. Но несомлаемы вздохи машины, непрерывен шум воды под колёсами и безостановочна напряжённая дрожь парохода, привязанного к вазу.

После выхода из Астрахани только однажды прозвенел машинный телеграф. Случилось это на Бабановской воложке две недели назад. С тех пор стрелка телеграфа снова замерла, упёршись в надпись: «полный вперёд».

Гуще становятся леса и зелёнее праны. После сдержанных блёклых тонов волжских низовий, с их голубовато-седыми ивами и бледной полынью, от бурной зелёной яри северных лугов даже ломит с непривычки в глазах. Признаки севера начинают проглядывать в лесах: краснеют основные стволы, белеют берёзы, и ёлка нет-нет и выставит острую верхушку.

Кама впадает в Волгу чересчур скромно. Два узеньких устья Камы с низкими берегами мало отличимы от всяких иных воложек, которых здесь немало в обширном архипелаге островов, образовании слиянием двух могучих рек.

В нескольких километрах от подлинного устья расположена под высокой горой важная узловая пристань Камское Устье с многокилометровой вереницей барж на рейде.

Под Козьмодемьянском, как всегда весной, выстроилась длинная очередь плотов, ожидающих отправки.

И вот, наконец, город Горький с оживлённым и шумным рейдом, густо заставленным пароходами и баржами.

Рейс закончен. Одолели Волгу на тридцать часов раньше срока. Теперь «Ленинец» належке покатится вниз за новым караваном, и Волга станет ему помогать. Но эта помощь слишком мала по сравнению с тем ущербом, который нанесло нам её быстрое течение.

— Подумаешь, незидаль — помощь! — говорит капитан Кириллов. — Поможет на самый малый пустяк. Вот посчитайте! Вода была нам в лоб больше двадцати трёх суток, а теперь будет дуть в пятки всего четверо-пятеро суток, потому что за этот срок мы уже успеем докатиться до Астрахани. За 23 дня вода удлинила наш путь на 3 000 километров, укоротит теперь на 500. Была в лоб, когда у нас за спиной висел тяжёлый рюкзак в полтора миллиона пудов нефти да плюс вес четырёх больших железных барж. Она мешала нам в трудном положении, когда, как говорится, на тяжёлом вазу и рукавица тянет, брось рукавицу — ваз остановится; а помогать станет, когда мы катим належке, во всей силе, и не очень чувствительны ко всем внешним воздействиям. Волга ведёт себя, как прежние нижегородские купцы: платит долги по гривеннику за рубль.

И всё же помощь волжского течения позволит механику Яшину на обратном пути попеременно чистить на ходу котлы, оставляя под парами один котёл. У руслановцев всё организовано так, чтобы обеспечить безостановочное движение на всю навигацию.

Межень.

Два месяца я провёл на Каспии и в Волжской дельте. «Ленинец» готовился в новый рейс. Капитан Кириллов предложил:

— А не поехать ли вам в Москву с нами, через Горький? Теперь на реке другая обстановка. Весной нам делать было нечего, а сейчас увидите настоящую работу.

И вот я снова на «Ленинце».

Путь парохода проходит в данный момент по лёгкому, спокойному месту; не требуются сложные манёвры, и капитан охотно ведёт со мной неторопливую беседу, прерываемую сменами курса, встречами с другими судами и наблюдением за соб-

ственным караваном. Покажется впереди огонёк встречного парохода — Григорий Константинович сотрясёт воздух и берега рёвом басистого гудка, помигает бортовой лампочкой, чтобы показать встречному, с какой стороны ему следует обойти караван, и снова течёт наша беседа. Разговор идёт на сезонную, злободневную тему — о перекатах.

— Существует несколько типов перекатов, — рассказывает капитан. — Вид переката изменяется с его возрастом. Есть перекаты с мелкими застругами, это перекаты молодые. Год от году заструги растут, и формируются перекаты с крупными застругами. Потом мель поднимается всё выше и выше, а вода оставляет в ней себе для прохода узенький жёлоб — «корыто». Перекатившись по корыту через мель, вода раскидывается веерообразно и вымывает сзади переката глубокий котлован. С годами всё круче становится скат от мели к глубине — «подвалье». Формируется тогда взрослый и вполне законченный перекат с крутым подвальем. Это и есть самый распространённый тип переката. Есть ещё перекаты с раскосьями, под крутую косу, с выпуклым подвальем, но они встречаются реже. Основная форма — перекат с крутым подвальем, с ним и приходится чаще всего иметь дело, будь он неладен!

Капитан поглядел на разноцветные огоньки каравана, прокричал гудком указание баржам, чтобы не рыскали по сторонам, и продолжал:

— Для судоходства важно, разумеется, корыто переката, его глубина и ширина: по корыту ведь ходим. А для нас, тяжеловозов, важна ещё и длина корыта, и форма подвалья, потому что на подвалье меняется течение, и тут надо не зевать.

Сменившись с ночной вахты, капитан Кириллов идёт к себе в каюту и ложится «отдыхать» в кабинете на диван, не раздеваясь, чтобы вскочить по первому звонку телефона или при первом стуке в дверь. Но чаще он пробуждается раньше звонка или стука. Отдалённый удар колокола в машине и вслед за ним треньканье машинного телеграфа, которым теперь начинают пользоваться часто, заставляет его открыть глаза. Точно так же мать пробуждается при первом хныканье ребёнка. Капитан смотрит в окно, узнаёт берег, понимает, почему проскрипел телеграф, и, если случай наступил, направляется на мостик в тот самый момент, когда вахтенный штурман собирается позвонить ему по телефону.

Не думайте, однако, что Кириллов постоянно недосыпает. Нет, в течение дня выберется время ещё раза два прилечь на диване; поднимаясь на мостик вместе с восходом луны, он скажет:

— Знатно сегодня отдохнул! Не хуже, чем весной, когда нам в рейса делать было нечего.

Новая обстановка прибавила судоводителям дела. Наступила межень, пора низкого уровня воды в реке.

Волга заметно изменилась. Весной глаз всегда видел три цвета, три полосы, три стихии: небо, воду и берег с какой-нибудь растительностью — от берёзы на севере до полыни на юге. Чаще всего берегом был затопленный водой лес. Где растительности не было, вода упиралась в обрывистый яр.

Теперь по всей Волге прибавился четвёртый элемент — пески. Они отделили воду от трав и деревьев, легли широкими клинообразными пляжами. Купальщикам — раздолье, судоходству — урон.

Там, где весной мы шли по тиховодам на пятиметровой глубине, всюду обнажились отмели. Пески закрыли входы в воложки. Посреди реки осередки показали из воды жёлтые спинки.

И в окружении жёлтых отмелей обозначились перекаты. Не прежние «Телячьи броды» и «Собачьи пролазы» с глубиной корыт, телятам по колено. Нет, нынешние перекаты имеют судоходные «корыта» не мельче 275 сантиметров. Такая глубина поддерживается постоянной работой земснарядов.

Земснаряды стоят на нашем пути в самых узких местах судоходного русла. «Ленинец» обходит их с большою осторожностью. Нам встречаются машины всех систем. Скрежещут черпаками ковшевые землечерпалки для тяжёлых и каменистых грунтов и гудят помпами землесосы.

На волжском фарватере земснаряды заняты своим привычным стародавним делом — срывают, разрушают грунты, расширяют корыта перекатов, увеличивают их глубину. Высасываемая со дна реки жижа течёт по плавающей на понтонах широкой трубе к берегу или куда-нибудь в сторонку, и там растёт новый песчаный островок. Важно убрать песок из корыта переката, а новый островок в сторонке никому не мешает.

Убрать перекаты навсегда невозможно, потому что здесь приходится иметь дело с живой, постоянно действующей силой. Река живёт и мечет наносы.

— Вот, например, — рассказывает Г. К. Кириллов, — около Хвалынска, ещё во время войны было русло с глубиной в пятнадцать метров и настолько широкое, что тут был устроен плотовый рейд для стоянки плотов во время штормов. А теперь русло сузилось, обмелело, образовался перекат, и стоит там земснаряд, пробивая проход для судов. И тут же в восьми километрах повыше, с 1948 года начал расти и в 1950 году оформился другой перекат. Он пока ещё широк, не задерживает движения, но баржи на нём уже «рыщут», чуя под собой мель.

Земснарядам приходится ежегодно бороться с перекатами так же, как дворникам надо убирать снег с улиц каждую зиму, а навек избавиться от него нельзя. Упорной борьбой с наносами удаётся не только поддерживать ширину и глубину корыт на постоянном уровне, но и вести организованное наступление на перекаты, не только оберегать реку от порчи, но и улучшать её.

Наносы реки отступают перед мощью советских машин. При всём том перекаты остаются перекатами. Судостроению они — помеха. Перекаты определяют состав лёгких возов, методы судовождения и вообще влияют на многое.

Состав нашего воя определяется условиями межени. Ослабели течения, река потеряла силу, буксирам можно брать на гак более тяжёлые воя.

«Ленинец» тащит на этот раз пять барж.

Все баржи могли бы вместить 35 000 тонн, но перекаты не позволили налить их до полна. При полной нагрузке они осели бы в воду более, чем это позволяют правила судоходства. Поэтому баржи налиты на предельно допустимую осадку. У них под днищем всего 15 сантиметров запаса воды.

«Ленинец» идёт летними путями. Весенние ходы закрыты. Они, по большей части, пересохли. Нет уже двухпутного движения вверх и вниз. Движение в обе стороны уплотнилось на сузившемся основном русле Волги. Больше поэтому происходит встреч, чаще раздаются гудки.

Наш караван делает в среднем по 120 километров в сутки. Шли бы скорее, да много времени берут перекаты: при манёврах на перекатах машина подолгу работает малым ходом.

Иногда перекаты идут группами, один за другим. Бывает, что задние баржи тащатся ещё по первому перекату, а сам «Ленинец» взбирается уже на следующий.

В двадцати километрах ниже Ульяновска подошли к Городищенской суводни. Нам предстоит проехать караван по узкому и извилистому пути. Проход длинного каравана осложнён извилинами фарватера и разнобоем течений, в которые попадают разные части длинного воя.

Капитан вызвал к радиотелефону шкипера головной баржи:

— «Аракс», «Аракс»!.. Впереди Городищенская суводь. Опасность такая: с левой стороны под песком — абсолютный тиховод, при зарыске влево свалитесь в тиховод и выкинетесь по инерции на песок; с правой стороны — суводь. Вызовите шкиперов всех барж на мостик! Усильте правёж! Держитесь строго нам в кильватер! Начну сейчас подбирать буксир.

На извилинах пути воя должен изгибаться в строгом соответствии с извилинами.

Чтобы вернее вести воя по узкому пути, чтобы он лучше слушался буксиров-

щика. предстоит подобрать буксирный канат, подтянуть воз поближе к корме «Ленинца». Сделать это на полном ходу, конечно, нельзя. Надо сбавлять ход.

Буксировщику нельзя сбавить ход резко: воз раскатится по инерции. Приходится сбавлять постепенно. Кириллов ставит ручку машинного телеграфа на «средний», выжидает, когда воз успокоится, переводит на «малый», снова ждёт и бросает команду:

— Подбирай буксир!

Начинается постепенный, с выжиданиями, перевод ручки телеграфа с малого на полный ход. Манёвр во времени рассчитан так, чтоб к его концу караван подошёл к суводи.

Слева зелёный остров дразнит нас жёлтым песчаным языком. Красные бакены показывают, что пески уходят под воду и продолжаются до середины реки. Справа водоворот. Путь между песками и суводью вьётся диагоналями, косяками. Бакены показывают углы зигзагов.

«Ленинец» кладёт руль то влево, то вправо. Все баржи должны в точности повторить его путь. Головная баржа должна сделать поворот, дойдя до того места, где повернул буксировщик. Каждая из последующих барж повторяет те же повороты на тех же местах. Воз изгибается цепочкой, как вереница путников, идущих гуськом друг за другом по извилистой узкой тропинке на карнизе горного склона. Нельзя остушиться, дорога узка. Слева — пески, справа — водоворот.

Надо иметь в виду, что всё лёгкое и безопасное для одиночного, быстро идущего судна становится трудным и опасным для каравана. Сам «Ленинец» не боится ни суводей, ни перекатов, но в беду может попасть его воз. Водовороты опасны для караванов, потому что баржи связаны вместе, и каждая, получив какой-нибудь толчок, тянет за собой все остальные.

— Вот тут я попал в сорок девятом году с двумя баржами, — говорит Кириллов. — Рысканули и свалились в суводь. Оступиться здесь легко: видите, по какой узкости приходится пробираться? А скоро тут не станет ни суводи, ни песков, ни островов — всё уйдёт под глубокую стоячую воду. Здесь разольётся Куйбышевское море. Станем ходить вон около того берега.

Он показал рукой за острова, где вдалеке высились кудрявые зелёные горы.

— Прямым курсом пойдём на Ульяновск, как по линеечке. На десятках километров ни одного поворота. Путь-то насколько сократится!

Между Ульяновском и Казанью лежит руппа перекатов. На двадцать километров — сплошь перекаты.

Капитан приглашает механика Яшина и политично начинает:

— Как, Григорий Николаевич? Осилим без расчалки? Или поодиночке станем таскать? Поодиночке — потеря двух суток. Как у вас с машиной?

— Вы наверху по своей линии управьтесь, за мной дело не станет.

— Ну, значит без расчалки.

Подобрали буксир, самым малым ходом подвели первую баржу к подвалю, а потом дали полный, чтобы поднять её на корыто. Потом снова сбавили, пока вся она не вошла в корыто. А потом снова дали полный ход, и вторая баржа стала втягиваться в корыто. «Ленинец», бросаясь из стороны в сторону, удерживает голову каравана от зарысков в стороны.

Пароход уже сошёл с переката, первая половина веза идёт ещё по корыту, а задняя половина ещё под перекатом.

А дальше идёт второй перекал.

Понятно, что движение каравана опирается, как на фундамент, на работу «Ленинца», на силу его машины. Головная баржа находится под непосредственным воздействием буксировщика; задние баржи испытывают его через посредство предыдущих. Буксировщик может тянуть их только вперёд, но он бессилён нейтрализовать их движение вбок.

Вдоль берега Теньковского острова мы подошли к его концу, острым мысом

рассекавшему Волгу и её течение надвое. Пока мы шли вдоль острова и рядом с нами справа был его берег, караван получал безопасную струю прямо в лоб. А как только головная баржа начала выдвигаться вперёд за мыс, где течение раздваивалось, тут она получила в бок сильный удар, толкнувший её вправо и втягивавший в воложку, текущую по другую сторону острова. А все задние баржи тянулись ещё по эту сторону. Понятно, что при слабости машины или неточности управления все пять барж могли повиснуть ожерельем на рассекавшем Волгу мысе.

«Ленинец» круто повернул влево и оттягивал головную баржу от опасного сноса. Баржа начала разворачиваться: нос пошёл за буксировщиком, а корма качнулась вправо. Качнулись вправо все висевшие на ней сзади баржи и подозрительно приблизились к острову. А в этот момент из-за мыса выдвинулась вторая баржа, тоже получила удар в бок, тоже качнулась вправо, и задние баржи приблизились к острову ещё подозрительнее. Очень немного осталось до того, чтобы баржи «прижались к яру».

И тут у «Ленинца» нехватило сил. В борьбе с боковым течением ему пришлось повернуть ещё круче; он встал почти поперёк реки, вышел на мель за грань безопасности, обозначенную линией бакенов. Баржи, потеряв ход, стали изгибаться дугой совсем не в соответствии с рельефом речного русла.

Надо растянуть караван, иначе он погибнет. Нужна сила!

Капитан два раза подряд качнул ручку телеграфа вокруг диска и два раза поставил её на прежнее место против надписи «полный ход». Два раза пробил колокол и два раза проокрипели цепные передачи. И снизу, из машины, дважды отпетовали исполнение приказа. Два раза качнулась на диске стрелка и два раза устоялась на ту же надпись. Это означало, что Григорий Николаевич Яшин, опрокинув все пределы и заставив машину работать «через не могу», бросил ей в подкрепление полтысячи свежих лошадиных сил.

Так наши руслановцы, разорвав замкнутое кольцо возможностей машины, придумали для несуществовавшего прежде хода несуществовавший прежде сигнал, перецапнув через кольцо возможностей телеграфного диска.

Колёса «Ленинца» залили пеной полреки. Оспровершие водяные брызги плясали вокруг парохода, били в лоб баржу и вкатывались на её палубу, как морской прибой на отлогий берег. Брошенные на подкрепление «лошадиные силы» начали оказывать действие. Караван стал понемногу вытягиваться.

А на берегу неподвижными волнами стояли холмы, сплошь покрытые яблоневыми садами. Тут недалеко находится деревня Антоновка — родина антоновских яблок. Из зелени садов высунулось белое здание дома отдыха. Вероятно, отдыхающие смотрели на нас, считали баржи и, быть может, находили изгибы каравана красивыми. Капитану эти изгибы сейчас не нравились. Он напряжённо следил за баржами, и только после долгой пляски воды, поднятых двумя полными ходами, когда весь хвост каравана миновал Теньковский остров, у капитана отлегло от сердца. Он снял фуражку с позолоченными листьями на козырьке, отёр со лба пот, просигналил телеграфом один полный ход и сказал:

— Ну вот. С Теньковским кончено.

Помолчал и добавил:

— Скоро и со всеми будет покончено. Здесь тоже будет плескаться Куйбышевское море. Прямой курс по компасу на Казань, без поворотов пятьдесят километров. Казань подойдёт к Волге, то есть Волга подойдёт к Казани. А сады с антоновскими яблоками останутся: они на горном берегу. Вообще всё хорошее останется, всё плохое уйдёт. Не станет никаких перекатов: ни с крутым подвалем, ни с раскосьями, ни под кругую косу, будь они все прокляты! Ну, а пока, что же делать, пойдём к следующему перекату.

Снова звонит телеграф и пощёлкивает цепная передача,двигающая стрелку с полного на малый, с малого на полный и, наконец, на два полных хода. Раздаются слова команды:

- Лево руля!
- Право на борт!
- Так держаты!

Тесновато караванам на летнем судоходном русле Волги в районах суводей и перекаатов. В песнях поётся: «широка и глубока», а для современных караванов она и узка, и мелка.

Когда поглядишь, как караван пробирается по узкому извилистому корыту, когда видишь, как на этом нелёгком и скользком пути бьёт его то слева, то справа изменчивое течение, как «рыскают» баржи и как весь огромный хвост мотается из стороны в сторону, а зона безопасности измеряется метрами и сантиметрами — только тогда поймёшь, какое это высокое искусство — водить большегрузные караваны. Но наши речники умело справляются с трудностями и, пользуясь руслановскими методами, раскрывают всё новые и новые резервы для повышения нагрузок, для увеличения производительности и улучшения работы речного флота.

На ночной вахте под Горьким мы с капитаном ведём беседу о близком будущем Волги.

— Вот мы, речники, — говорит капитан, — придумываем всякие ухищрения, чтобы неудобства реки меньше мешали судоходству. А плотины разом и навсегда устраняют все неудобства. Не станет ни мелей, ни перекаатов, ни быстриков, ни суводей, ни свалов, ни колебаний уровня воды за время навигации. Будет абсолютный тиховод и построенная большая глубина без паводков и межени.

— Что это даст судоходству?

— Вместо двадцати пяти суток наши весенние рейсы до Горького будут продолжаться всего девять-десять суток. Баржи всегда станем наливать до полна. Выгрый получится и от глубины, и от стоячей воды, и от спрямления курса. Сейчас петляем по воложкам из стороны в сторону и даже по прямому руслу ходим зигзагами от одного берега к другому, а по водохранилищам станем ходить прямыми курсами и по глубоким руслам и навсегда «положим наметку». Значительно выгоднее станет волжский водный транспорт. Сейчас, при всех перекачках, при борьбе с быстриками да с перекатами, при медленном движении караванов против быстрых течений, доставка нефти в Москву водным путём обходится в три-четыре раза дороже, чем по железной дороге. После перестройки Волги она станет в десять раз дешевле.

— А большие волны на крупных водохранилищах-морях? Разве они не создадут неудобств и опасностей?

— А разве вы не знаете, что на морях всегда было меньше аварий, чем на реках? Это же общеизвестно и понятно.

— Допустите, что не понятно.

— Тогда объясню. В открытом море судам на воде мягко: не обо что там удариться. Жёстко становится только от близости берега или дна. Ну, а где в просторном море берег, где дно? Столкновения судов на море — тоже необычайно редкая вещь. А на реке дно в пятнадцать сантиметров, берег всегда под локтем, — как тут не прислониться к яру? Да и столкновения судов на реке случаются. Узко, тесно!

— Всё-таки, — говорю я, — большая волна неприятна.

— Низкобортному колёсному пароходу, конечно, на волне тяжело, — отвечает капитан, — колёса станут спотыкаться. Потому и создаётся для новой Волги новый винтовой флот. Вот эти буксирные сормовичи «музыканты» да большие сухогрузные теплоходы, что постоянно встречаются нам на пути, великолепно приспособлены для волны. А колёсный флот в конце концов уйдёт на боковые реки. Ведь с повышенным уровнем Волги повысится вода на её притоках, и многие малые реки станут судоходными.

Я спросил:

— Когда перестроят Волгу, ваши нынешние руслановские методы станут не нужны?

— Мы никогда не считали их вечными, — ответил капитан. — Всё движется вперёд. До 1955 года нужны и будут улучшаться нынешние приёмы, а там будем придумывать новые, соответствующие новой обстановке судоходства. Конечно, не придётся применять методы борьбы с теченьями, перекатами, сувоями, свалами, раз самих течений да перекатов не станет. Жалеть об этом не приходится. А суть нашего движения никогда не умрёт, потому что в его основе лежит забота о качестве дела. Без неё нельзя представить себе социалистического человека.

К Горькому подошли в полдень. Ветер взъерошил воду, а солнце залило её позолотой. Река ослепительно сверкала и казалась широкой солнечной дорогой к светлому будущему.

Старое и новое.

Город Горький стоит на высокой горе с крутым обрывом к реке. Край обрыва «Откос» — любимое место вечерних прогулок горьковчан. Здесь, у памятника Чкалова, все скамейки всегда заняты.

С высоты «Откоса» вся округа видна, как с самолёта. Волга течёт под ногами. Заволжье стелется зелёным бархатом, и по нему раскиданы сверкающие осколки озёр. На западе река уходит в сиреневую тучу сормовских дымов. Идёт налево, потом направо, исчезает за поворотом, а там дальше снова сверкает её серебряная полоса. Горизонт окутан дымкой, ничего там не разглядишь, но говорят, что в ясную погоду отсюда хорошо видны не только Балахна, но и Городец, а ехать до Города — 52 километра.

Внизу, под горой, Горьковский рейд. Светлая река усеяна тёмными пятнами стоящих на якорях барж. Стоят группами, борт о борт, целыми островами. Что там на них делается? — не разглядишь. Зачем стоят? Почему флот не находится в безостановочном движении, а занимается регулярными простоями на Горьковском рейде?

Но, оказывается, баржи вовсе не бездельничают. На Горьковском рейде происходит огромная по масштабам перевалка грузов из больших барж в маленькие, потому что от Горького грузопотоки отделяет большую ветвь на Оку, а там мелко, и баржи с осадкой в два с половиной метра не пройдут.

Конечно, перевалка груза полностью механизирована. Нет прежнего волжского крючника с тачкой в руках и «ярмом» на спине. Был прежде такой наспинник с приступочкой, куда ставились ящики и тюки. Он и служил прежде главным орудием производства. Теперь пловучие паровые краны вклиниваются внутрь островка судов и ловко перекидывают груз из одной баржи в другие.

На Горьковском рейде работают Иван Сычёв и Николай Буренков, прославленные мастера погрузочных работ, Сталинские лауреаты. Их методы вдвое ускорили перегрузку. При счалке трёх барж и четырёх пловучих кранов в один перегрузочный островок они ставят суда в такие положения, что кранам приходится поворачиваться на малые углы, и груз перелетает из трюма в трюм по кратчайшей дуге.

Всё это, конечно, очень ново. Но самый факт необходимости перегрузки судов среди пути из-за обмеления рек очень стар и происходит из-за неудобства существующих рек. Реки ждут плотин, чтобы налиться полноводьем.

А тут же рядом, в дымящем Сормове, творится новое для нового.

Листы и слитки металла проходят длинный путь по цехам завода «Красное Сормово», прежде чем превратятся в судовой корпус. Паровоз выкатит его из цеха и поставит на стапель рядом с другими, выкрашенными суриком, корпусами. А потом его столкнут на воду, в удобный Сормовский затон, и окончательная достройка будет происходить уже на воде. Там его начнут механизмами, увенчают надпалубными надстройками, трубами и мачтами. Стапели и затон заставлены строящимися судами в разной степени готовности.

В Сормове создаётся новый флот повои Волги — сильный, быстроходный, штормоустойчивый.

До Великой Отечественной войны судов для Волги строилось немного. Были выпущены буксирные колёсные пароходы типа «Ленинец», лучшие в мире по коэффициенту полезного действия паровой машины, позволяющей механику Яшину выручать караван из беды двумя полными ходами. Но ещё до войны стало ясно, что Волга должна превратиться в Большую Волгу, что судовые колёса отживают свой век и что надо строить новые суда для новых условий. А какую будет Большая Волга и какие понадобятся типы судов?

В послевоенную пятилетку сормовские конструкторы разработали два типа судов: винтовой дизельный буксир типа «Красное Сормово» (тот, что у волгарей получил прозвище «музыканта») и сухогрузный винтовой теплоход типа «Большая Волга», названный волгарями «баржей-самоходкой». В отличие от буксира он не таскает за собой барж, а везёт 2 000 тонн груза в своих прямах.

Дело в том, что буксировка барж обходится дешево, но она медленна. Конечно, для таких грузов, как уголь, соль, строительный камень важна дешевизна, а не скорость, и такие грузы долго ещё будут путешествовать в баржах на поводу у буксира. Но другие грузы требуют более быстрой доставки, и таким грузам место в трюме теплохода, который повезёт их с железнодорожной скоростью.

Сормовский завод построил уже сотни новых буксиров и сухогрузных теплоходов. Они оказались очень удобными и экономичными. Штормоустойчивость доказана переходом новых судов на Обь и Енисей. Суда шли из Сормова через Мариинскую систему, Беломороко-Балтийский канал, Белое, Баренцево и Карское моря, видали штормы, пробивались сквозь льды и все испытания выдержали. Им, испытанным на волне Баренцова моря, не страшна будет волна Куйбышевского и Сталинградского водохранилищ.

Авторы проекта новых буксиров и сухогрузных теплоходов во главе с главным конструктором Сормовского завода Вячеславом Михайловичем Керичевым удостоены Сталинской премии.

На очередь встала постройка штормоустойчивых пассажирских судов для новой Волги.

— Они даже нужнее грузовых, — рассказывает сормовский конструктор Александр Николаевич Каманин. — Грузовой караван может переждать шторм в порту, пассажирам ждать нельзя, они должны точно прибыть по расписанию. Люди — самый нетерпеливый груз. А для существующих колёсных пассажирских пароходов волна будет тяжела. Ведь на Куйбышевском водохранилище волна будет больше, чем на Азовском море, потому что наибольшая глубина Азовского моря — четырнадцать метров, а на Волге вода поднимется на двадцать шесть. Цимлянское водохранилище разольётся по степи — есть где ветру разгуляться.

А. Н. Каманин ведёт разработку проекта винтового высокобортного пассажирского дизельэлектротохода для линии Москва — Ростов. От существующих волжских пароходов новый трёхэтажный гигант будет отличаться не только величиной, мощностью машин, скоростью хода, штормоустойчивостью и прочими техническими качествами, но и новой социальной сущностью.

Мы получили тип волжского парохода по наследству от старого мира. Речные суда очень долго живут. Тип волжского парохода сложился ещё в ту пору, когда существовало дворянство и крестьянство, буржуазия и пролетариат. Кто ездил по Волге, тот знает, что на существующих пароходах пассажирские места делятся по степени удобства на несколько категорий. Очень удобно ехать в одноместных каютах первого и второго классов, менее удобно в третьем, совсем неудобно в общих помещениях четвёртого класса. И есть ещё категория палубных пассажиров. Там уж пристраивайся, как знаешь.

Новые дизельэлектротоходы, рождённые к жизни великими стройками коммунизма, станут бесклассными. На них не будет общих пассажирских помещений. Все места будут каютными, все койки — мягкими и все каюты — комфортабельными. Комфорт имеет немаловажное значение, потому что волжские суда — не только средство передвижения по деловым надобностям, но и место летнего отдыха для многих любителей путешествий.

В Сормове для разнообразных опытов изготовлена большая модель нового судна; построены также для образца отдельные каюты в натуральную величину. Они отличаются от старых кают красивой отделкой и большими удобствами. Нет постоянной койки, которая отнимает много пространства. Днём каюта представляет из себя уютный кабинетик с красивой мягкой мебелью. А когда понадобится, можно поворотом ручки откинуть подзеркальничек, и появится постель.

Новым пассажирским судам — удобным и просторным — суждено плавать и при коммунизме.

Журчит и плещется за окном вода; издалека доносится приглушённый стук дизелей. А по потолку каюты скользят вереницы вздрагивающих солнечных пятен. Бегут без конца, и все в одну сторону, словно несутся, взмахивая крыльями, несчётные стаи светлых птиц.

В окно видно, как мимо плывут зелёные берега с пригорками и кудрявыми лесами. Река блестит, как никель. В ней опралились поля, дубравы и синее небо с белыми кучевыми облаками.

Свободные от вахты матросы и мотористы отдыхают на палубе и славят великую реку песней:

Ой ты, Волга-река,
Голубое диво.
До чего ж широка,
До чего красива!

Всё окружающее подтверждает правдивость песни. Трудно даже сказать, где Волга более красива: в раздольных ли низовьях с широким водным простором и тоненькими ниточками далёких степных берегов или здесь, на севере, «меж крутых бережков» с белоствольными берёзками, созревшими полями и стадами на водопое? И когда красивее: в солнечной позолоте или в лунном серебре, под ясным небом или под напромождениями пробовых туч?

Всегда красива, всюду красива, везде по-разному. Красота её в многообразии, в смене ландшафтов на тысячах километров её величественного течения.

Из Горького я еду на «Архангельске», новеньком грузовозе сормовской постройки, идущем с Камы в Москву. Не так уж он, словно бы, и велик, но в его ёмких промах поместилось две тысячи тонн бумаги и химических продуктов. Столько груза не в состоянии везти ни один самый тяжеловесный поезд.

«Архангельск» бежит бойко. По Каме он спускался с попутным течением по 550 километров в сутки. По Волге против течения делаем в сутки 350 километров.

Обогнали пассажирский пароход «Роза Люксембург». Скорость хода у нас почти одинаковая, но мы идём без остановок, а «Розе» приходится приворачивать к пристаням.

Волга выше Горького стала значительно уже и мельче. На мысах то и дело видны водомерные мачты, увешанные чёрными ромбами, квадратами и кружками. Они показывают судам глубину и ширину перекатов.

Для «Архангельска» перекаты не представляют трудностей: он идёт сам-один, за ним не тянется тяжёлый хвост барж, и он так же подвижен, как любой пассажирский пароход.

В будущем здесь по всему плёсу разольётся глубокая вода Горьковского гидроузла. Он сооружается около Городца, где уже сейчас видны следы огромной продоланной работы. На левом берегу рядом со старым Городцом вырос большой новый городок строителей, и всюду заметны результаты титанического рытья земли. Но впереди предстоит грандиозная работа. Надо пересечь плотиной не только реку, но и всю широкую пойму. На левом берегу она имеет в ширину километра два-три, а на правом берегу низина уходит вдаль на тринадцать километров. Вот какая здесь будет длинная плотина!

А пока землечерпалки занимаются текущим ремонтом русла на всём протяжении от Горького до Щербакова.

Последняя землечерпалка работает на самом конце старой Волги, повыше города Шербакова, на стрелке, где Шексна сливается с Волгой. Очень тут узкий проход для судов. Здесь же некстати попался нам навстречу буксир, да ещё и землечерпалка мешает. Не хотелось «Архангельску» пятиться обратно, и пришлось изворачиваться, выдвывая «фигуры высшего пилотажа». Десятки раз меняли ход, прежде чем пролезли между буксиром и землечерпалкой.

Плотины на реках возводятся с таким расчётом, чтобы не трогать с места городов и вообще не уничтожать ничего ценного. Чтобы не обижать города Шербакова, плотина построена выше слияния Волги с Шексной. Пришлось перегородить плотинами каждую реку отдельно, а через междуречье провести земляную дамбу. Гидростанция стоит на Шексне, судоходный шлюз — на Волге. А там дальше, за плотиной, нет уже ни Шексны, ни Волги, ни междуречья, ни Мологи, ни множества существовавших прежде мелких речек. Всё слилось в один общий водоём. Шербаковское море огромно, но оно не затопило ничего ценного.

Вывернувшись из-за землечерпалки, наш «Архангельск» направился к шлюзу, который уже гостеприимно раскрыл перед нами чёрные железные ворота; на башне горит зелёный фонарь — вход свободен.

Шлюз наполнили водой, и «Архангельск» поднялся на край водного плоскогорья. Внизу осталось старое: низкая вода, узкие фарватеры, трудные повороты, быстрые течения, перекаты, землечерпалки и водомерные мачты. Впереди раскрылось новое: глубокая вода, разлившаяся ровень с берегами и смывшая с корабельных дорог все перечисленные неудобства.

Сразу же за плотиной, у пристани в Переборах приятно было впервые увидеть то, чего не бывает на вольной низовой Волге, — гальку на дне сквозь кристально прозрачную воду.

Пристань в Переборах твёрдо упёрлась сваями в своё постоянное место, не то что на вольной Волге, где дебаркадеры приходится в течение лета всё дальше и дальше отодвигать в мелеющую реку. В таких условиях нельзя поставить на пристанях краны, а какая же может быть без кранов механизация погрузки!

Шербаковский водоём предстаёт глазу настоящим морем: слева от нашего курса стелется вдалеке лесистый берег, а справа вода отчеркнулась от неба чёткой линией горизонта.

Помню, как в поездки прошлых лет суда долго шли по Шербаковскому морю. «Архангельск» идёт иным, самым кратчайшим и выгодным путём. От Перебор мы свернули в бывшее русло реки Юги. Только небольшие торчашие из воды рыжие привки засохших лесных верхушек показывают, что тут когда-то была суша. Трасса по Юге даёт большой выигрыш: ближе, скорее и нет волны во время штормов.

Прав капитан Кириллов: руслановским методам находится место и в новых условиях.

Югская бороздина быстро привела нас к месту, где Волга течёт в своих берегах. Вернее, не течёт, а стоит среди густых лесов, наполненная глубокою тихою водой. На наших глазах небольшой буксир «Мирон Дюканов» тянет шестёрку довольно тяжёлых барж и хорошо справляется, идёт бойко. На вольной Волге такой воз был бы по плечу может быть только «Ленинцу».

Прибавилась скорость и у «Архангельска». Ещё засветло добежали мы до Угличской плотины, и вспенившаяся вода шлюза вознесла нас, как на лифте, на новое водное плоскогорье.

Не нуждаясь в бакенщиках, сами зажглись на Угличском водохранилище автоматические газовые фонари, указав нам дорогу в сгустившихся сумерках.

Угличская гидроэлектростанция воспринимается как маленькая действующая модель будущей Куйбышевской ГЭС в одну двадцатую натуральной величины. Планировка такая же: у правого берега — станция, у левого — судоходный шлюз. Но, конечно, масштабы здесь не те, всё в уменьшённом виде.

Вообще перестроенные волжские верховья дают представление о будущей Волге, о том, какую она скоро станет вся. Но сооружения возведены здесь в узких руслах, на скупой воде. То, что будет на Сталинградском и Куйбышевском морях, здесь — лишь в миниатюре.

Перестройка верховьев явилась генеральной репетицией и школой строительства Большой Волги. Многие участники здешних строителей работают теперь на Куйбышевгидрострое и отдают накопленный опыт новому большому делу.

К Ивановской плотине «Архангельск» подошёл на рассвете. Снова открывались и закрывались ворота, и фонтанами кипела вода, поднявшая нас на новую ступеньку к Москве. Прошли между величественными монументами Ленина и Сталина и вступили в канал.

Через 10 часов хода засияла звезда на высоком шпиле речного вокзала, показались гранитные причалы Химкинского порта с веревницами кранов. А вдалеке синее в дымке гигантский конус нового университета на Ленинских горах. Он виден отсюда, хотя стоит совсем на другом краю Москвы, за десятки километров от Химкинского порта.

Встают новые грандиозные сооружения над Москвой, высятся великие стройки коммунизма над Волгой, и вся страна наполнена радостью созидания.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

СЕРГЕЙ НАПАЛКОВ

★

В ЕГИПТЕ

(Из записок морского инженера)

НА БЕРЕГУ СУЭЦКОГО КАНАЛА.

Наше судно приближается к Порт-Саиду. Всё чаще встречаются рыбацьи ... лодки с двумя высокими косыми парусами. Рыбаки, увидев пароход, торпливо отгоняют в сторону свои судёнышки, но, рассмотрев красный флаг на юрмовом флагштоке, снова приближаются и радостно приветствуют знамя нашей Родины.

Пароход становится на якорь у входа в Суэцкий канал. Английский лоцман покидает судно, вместо него на борту появляется темноусый, горбоносый полицейский-египтянин в красной феске с кистью и в чёрной заношенной шинели. С ним прибыл «вотчман» — надсмотрщик в не менее грязном балахоне, оплошь покрытом заплатами, и в белой шегольской панаме. На груди его медная бляха, которую он то и дело с достоинством поправляет. Вотчман направлен к нам главным образом для того, чтобы надзирать за египетскими рабочими, которые должны проводить работы на судне. Предстоит хлопотливая операция — чистка котлов, и нам придётся пробыть в Порт-Саиде довольно долго.

Мы в Египте. Но первое, что бросается в глаза, это крикливые рекламные плакаты на английском языке, настойчиво призывающие пить «Кожа-кола», курить «Честерфилд», пользоваться английскими и американскими авиалиниями, проходящими через Египет.

На рейде стоят английские военные корабли. По набережной маршируют английские военные моряки.

С места нашей стоянки хорошо видны суда, входящие в канал. Вот проходит большой белый пассажирский пароход под британским флагом. Вслед за ним тянутся самоходные баржи с английскими солдатами.

Так выглядит Египет с первого взгляда.

Берег от нас совсем близко. С палубы рассматриваем прилегающую к набережной часть города. Ровными шеренгами выстроились невысокие светлые здания европейского типа, красивые особняки, окружённые пальмами.

На самой набережной привлекает внимание монументальное сооружение в псевдовосточном стиле. Это — управление Суэцкого канала. Здание увенчано тремя башенками с зелёными куполами. На центральном куполе развевается египетский флаг.

По обе стороны набережной, вдоль берега, громоздятся лаггаузы, в стороне робко жмутся убогие домишки. Обитатели этих лачуг подплывают на своих ветхих лодчонках к причалам и собирают остатки каменного угля, рассыпанного при погрузке...

Бухта заполнена судами. Слева от нас стоит английский транспорт с заляпанными суриком бортами. Владельцы судна не находят нужным пратить деньги на окраску корпуса и лишь стараются предохранить металл от ржавчины. За последние годы вообще потускнел облик английского флота.

Рядом с транспортом стоит американский теплоход. Очертания его обтекаемого корпуса подчеркнуты «модны». Ободранный, устаревший «англичанин» на фоне крикливо модного, надменного «американца» представляет символическую картину.

Три полицейских катера едва успевают отгонять от нас лодочки с навязчивыми торговцами.

Но вот все необходимые процедуры окончены, жёлтый карантинный флаг опускается, к вершине мачты поднят, как того требует морской обычай, египетский флаг: зелёное поле, белый полумесяц и три пятиконечных белых звезды. Полицейский катер уходит, и тотчас же десятки лодочников беспрепятственно осаждают наш пароход. Над бухтой разносятся гортанные крики. Гребцы-мальчишки, переругиваясь и отталкивая друг друга, теснятся у трапа...

Несмотря на все усилия бодмана и вахтенных, удалить назойливых торговцев невозможно; они настойчиво атакуют пароход. Вот один из них развернул ковёр, рисунок которого воспроизводит пирамиду Хеопса со сфинксами на переднем плане, другой демонстрирует искусно выделанный ковёр, на котором яркими цветами изображён раскинувшийся в знойной пустыне оазис. Нам предлагают прощовые, низкосортные чемоданы, дамские сумки, туфли, портмоне и множество других товаров, в которых мы вовсе не нуждаемся. Старый, сморщенный лодочник, отчаявшись перекричать молодых конкурентов, пытается жестами обратить внимание на свой жалкий товар. Наши матросы безвозмездно спускают к нему в лодку хлеб и папиросы.

Отгесняя лодочников, к борту парохода вновь подходит катер с полицейскими. Чего им ещё надо? — ведь все формальности, кажется, выполнены, документы в порядке. Поднявшись на палубу, полицейские в красных фесках на ломаном русском языке просят продать им... несколько фунтов русской икры.

Власти старательно «оберегают» нашу команду от общения с местными жителями. Бедняков, пытающихся собрать отбросы нашей судовой кухни, охранники с ругательствами гонят прочь.

Днём полицейский задержал возле нашего корабля какого-то босого египтянина в протёртых брюках и старательно выстиранной белой рубашке. Поднялся неистовый шум. Полицейский схватил неизвестного за шиворот. Тут же суетился новый вотчман с большой красной звездой на фуфайке и русской надписью, которая гласила, что он — специалист по обслуживанию советских судов. Задержанный просил у них разрешения взять с парохода ненужный нам шлак. Поняв бесполезность унижений перед полицейским, бедняк, отплыв в сторону, возмущённо грозил ему кулаком.

Прошло уже несколько дней, как мы прибыли в Порт-Саид, а разрешения для выхода на берег всё ещё не получено. Один из вотчманов по секрету разъяснил нам причину этой проволочки:

— Англичане не хотят, чтобы русские видели, как мы живём!..

Вотчман только разводит руками.

Наконец, после нескольких напоминаний, разрешение пришло. Сев в катер, мы направляемся к берегу, минуя только что прибывшие в бухту английские сторожевые суда.

При выходе из порта в город полицейский в красной феске привычными жестами быстро ощупывает сверху донизу нашу одежду. Ему непонятно наше возмущение — он выполняет свою обычную обязанность!

На берегу, у самой воды, высится большой бронзовый памятник Фердинанду Лессепсу — строителю Суэцкого канала. Фигура Лессепса вся позеленела, и лишь светлый каменный постамент выглядит более или менее опрятно. Около памятника стоянка рыбацких лодок. Паруса на них убраны, огромные подвижные реи подняты вверх и изогнуты, как удочки.

Порт-Саид весьма своеобразный город. В нём как бы слились Запад и Восток, большой бизнес и большая нищета, колониальное угнетение и революционные традиции борьбы против империализма. Целая пропасть отделяет европейские кварталы от кварталов египетской бедноты.

К услугам европейцев (главным образом, англичан) и немногочисленных представителей местной крупной буржуазии — роскошные жилища и рестораны, фешенебельные кино и казино, клубы и теннисные корты, площадки для игры в гольф и великолепно оборудованный пляж.

Основная же масса населения влечит нищенское существование. Из 180 тысяч населения Порт-Саида только третья часть имеет сколько-нибудь постоянный заработок и кров. Толпы бедняков ежедневно собираются у порта, на рынках, бродят по улицам в поисках случайного заработка. Их удел — тяжёлый, изнурительный, низко оплачиваемый труд, дежурство на пристанях и вокзалах в надежде получить хоть какую-нибудь работу, собирание остатков угля у причалов порта, прошловая торговля, похожая на нищенство, и нищенство, похожее на воровство...

Выйдя на набережную, мы углубляемся в город. Вывески и рекламы преимущественно на английском языке, большие дома, нижние этажи которых отведены под магазины, витрины, демонстрирующие английские и американские товары, шикарные бары, английская речь хорошо одетых пешеходов — всё убеждает нас, что мы ещё в европейских кварталах. За столиками кафе, расположенного на тротуаре, сидят мелкие дельцы, торговые агенты. Они лениво беседуют или играют в кости в ожидании выгодной сделки. Вот кинотеатр «Эльдорадо». Кричащие плакаты возвещают, что здесь показывают только голливудские фильмы.

На перекрёстке вместо светофора стоит странное сооружение, представляющее собой две перекрещённых руки с вытянутыми указательными пальцами. Полицейский регулирует движение, поворачивая это сооружение в разные стороны. Впрочем, даже в центре Порт-Саида движение небольшое. Трамваев нет. Автобусов мало. Изредка промелькнёт автомобиль. Двигутся повозки и какие-то экипажи с фонарями и колоколом.

Всё дальше удаляемся от порта. Проходим по типично восточной торговой улице. Торгуют здесь преимущественно коврами. Несколько ковров лежат прямо на дороге, и прохожие ступают по ним. Здесь же на примитивных станках и изготавливают эти ковры.

На ковре у дверей одного из магазинов пожилой мусульманин совершает молитву. Окончив молиться, он приказывает мальчику-слуге сложить ковер...

По мере того, как мы удаляемся от европейских кварталов, дома становятся всё ниже и меньше, улицы уже и грязнее. По улицам бродят козы; звеня бубенчиками, лениво плетутся ослики, везущие тележки с кладью. В пыли играют полуголые дети. С балконов свешивается ветхое бельё. Верёвки с бельём протянуты даже поперёк улицы.

Население здесь резко отличается от обитателей европейских кварталов. Многие одеты в рваные бурнусы, замасленные халаты и какие-то длинные балахоны, похожие на ночные рубашки. Женщин мало. Большинство из них, несмотря на палящий зной, с головы до ног завернуты в плотные чёрные покрывала, и лишь для глаз оставлена небольшая прорезь, стянутая у носа бронзовой бляшкой. Женщина в Египте до сих пор лишена каких бы то ни было прав.

На базаре за грубо сколоченными столиками сидят плохо одетые, худые, измождённые люди в балахонах и спранных шапках. Они курят кальян или медленно тянут из чашек какой-то напиток. Некоторые играют в кости, азартно стуча по доскам столов.

Неподалёку чёрные фигуры женщин обступили торговца, продающего прелые овощи и несвежую рыбу. Его «товар» издаёт нестерпимый запах, который разносится по всему базару.

Неприкрытая нужда глядит со всех сторон. В этих кварталах совершенно не видно европейцев. Здесь своя голодная, нищенская жизнь.

Сопровождаемые голодными просителями — торговцами прошовых товаров, нищими в совершенно немыслимых лохмотьях и множеством оборванных детей, — мы шли по убогим египетским кварталам Порт-Саида, потрясённые всей этой страшной картиной человеческой нужды. Трудно представить, что через этот город, распо-

жённый у входа в Суэцкий канал, непрерывным потоком идут товары, общая стоимость которых составляет астрономическую цифру!

Эксплуатация Суэцкого канала обогащает лишь акционеров да административный аппарат компании. Фактическими хозяевами канала являются англичане, которым принадлежит 44 процента акций. В 1950 году общая сумма прибыли, полученной Англией от эксплуатации канала, превысила 63 миллиона фунтов стерлингов. 81 процент чистых прибылей получают иностранные монополисты-акционеры, и лишь 15 процентов идёт в казну Египта.

Любопытно, что из двух процентов отчислений на жалование служащим Суэцкого канала, половина попадает в карманы руководящего административного аппарата компании, а другая половина идёт на оплату труда всего многочисленного обслуживающего персонала — египетских техников, конторщиков, рабочих и т. д.

Рабочий класс Порт-Саида немногочислен, но сплочён и имеет большой опыт борьбы против иностранных поработителей. Ещё в десятых годах нынешнего века здесь был создан профсоюз рабочих канала. В 1934 году пролетарии Порт-Саида явились застрельщиками вооружённой борьбы против английских колонизаторов. В настоящее время, как известно, рабочие Порт-Саида показывают пример патриотизма, отказываясь от работы на англичан.

Первая прогулка по городу не обошлась без приключения. Когда мы уже подходили к европейским кварталам, к нам привязался оборванный велосипедист, назойливо предлагавший свои услуги в качестве гида. Вид его нам показался странным, так как, несмотря на лохмотья, у него был весьма приличный велосипед и добротные ботинки на ногах. Не обратив внимания на наш отказ, велосипедист продолжал приставать, становясь всё более наглым и, очевидно, стараясь вывести нас из терпения. Видя, что вызвать скандал не удастся, он внезапно сорвал шляпу с нашего судового врача и скрылся...

— Не беда, — сказал врач, который уже бывал в Порт-Саиде и неплохо знал местные порядки. — Возможно, мы с вами счастливо отделались и избежали более серьёзной провокации. Здесь надо быть очень осторожным.

Кто был этот подозрительный гид и чьё поручение он выполнял — мы могли только догадываться.

После прогулки мы зашли по делам в контору шипшандера — торговца, который снабжает всем необходимым прибывающие в гавань суда. Дела его идут, видимо, неплохо. Вероятно, с целью подчеркнуть свой достаток, он, беседуя с нами, вызвал слугу лишь для того, чтобы тот передал ему трубку телефона, стоявшего здесь же на столе. Шипшандер оказался словоохотливым. Он подробно рассказал нам о своей семье. У него три брата. Двое из них строго соблюдают мусульманские законы, не пьют вина, не едят свинины. Третий же, младший, пренебрегая небесными карами, не отказывается ни от вина, ни от свинины. По простодушному объяснению шипшандера, младший брат его родился от другой матери, не чистой крови египтянки, и поэтому поститься ему бесполезно: всё равно он не будет допущен в рай.

В воскресенье мы отправились на широко разрекламированный местными газетами футбольный матч между командами Порт-Саида и Александрии. Стоял жаркий, солнечный день. Игра была скучновата, а техника футболистов слаба. Во время матча, как раз в момент одной из самых горячих схваток, наступил час моления. На футбольное поле вышло несколько человек из числа зрителей. Они сняли ботинки и, разостлав свои коврики, начали возносить хвалу Аллаху. На эту сцену почти никто не обратил внимания — видимо, она была обычной.

Во время нашего пребывания в Порт-Саиде весь город был взбудоражен потрясающей новостью: в Красном море, неподалёку от Суэцкого канала, был замечен странный предмет, по своей форме напоминающий торпеду огромных размеров. Продажные бульварные газеты тут же подхватили этот слухок и начали его усиленно смаковать. По словам газет, торпеда достигала нескольких сот метров и, конечно, была подброшена коммунистами, чтобы взорвать Суэцкий канал.

На проверку таинственная «торпеда» оказалась необычным морским животным

из породы китообразных. Оно имело огромные клыки, а тело его достигало 12 метров длины. К сожалению, нам не удалось узнать никаких дальнейших подробностей об этом редком животном, хотя оно было обнаружено живым, — газеты перестали интересоваться им, как только вероя о «присках коммунистов» отпала.

В КАИРСКОМ ПОЕЗДЕ.

Мы решили воспользоваться длительной стоянкой судна и совершить поездку в столицу Египта.

Светлые вагоны каирского поезда заполняются пассажирами лишь наполовину. Как нам разъяснил услужливый гид, иностранные дельцы и местная знать предпочитают пользоваться собственным автотранспортом или авиасообщением, а простому люду нет нужды разъезжать по стране: жизнь в Египте везде одинаково тяжела. К тому же билеты стоят недешево и для основной массы египтян просто недоступны.

Железной дорогой чаще всего пользуются мелкие служащие, комиссионеры, местные и заезжие дельцы средней руки и случайная публика, иногда туристы.

Неподалёку от нас, у окна, расположился с журналом в руках уже немолодой европеец с седеющими волосами. Рядом с ним сидел мужчина лет тридцати, в светлом костюме спортивного покроя. Он неторопливо просматривал номер местных газет. При взгляде на строго очерченный, характерный профиль этого человека, на его сухошавую фигуру невольно в памяти возникли изображения, высеченные на древних египетских памятниках. Даже «гольф-костюм» мало скрадывал характерные особенности типичного египтянина, несомненно прямого потомка исконных хозяев страны.

Несколько поодаль разместились группа молодых туристов с фотоаппаратами, тросточками и саквояжами. Оживлённо болтая, они бросали иронические взгляды на своих соседей египтян и временами, отпустив какую-нибудь остроту, громко хохотали... На первый взгляд нам показалось, что это англичане. Но когда один из них, а затем и другой положили свои ноги на сидение, без стеснения бросили недокуренные, дымящиеся сигареты на пол, все сомнения отпали. Это были янки.

Пожилой европеец у окна, очевидно, скучал. Отложив в сторону журнал, он некоторое время смотрел в окно. Но там не было ничего интересного: поезд шёл вдоль трассы Суэцкого канала, и лишь одиночные пароходы да редкие сооружения оживляли однообразный пейзаж.

Мурлыча себе под нос какую-то песенку, пассажир принялся разглядывать соседей. Наконец, не выдержав дорожной скуки, он вступил с нами в беседу. Начались расспросы: кто мы, куда едем?.. Сам он, оказывается, — француз, в Египте живёт уже очень давно. Он — врач, занимается частной практикой. Сейчас направляется в Каир по своим делам...

Наш собеседник был любителем поболтать. Он знал десятки местных историй, был в курсе всех последних новостей и немедля принялся рассказывать о трудностях своей профессии.

— Знаете, — говорил он, — Египет для медиков — благословенная страна: здесь можно получить великолепные навыки по любой специальности. Каких только болезней нет в этой стране! А сколько больных! Я не преувеличу, если скажу вам, что 90 процентов феллахов — крестьян, составляющих большинство населения Египта, — страдают не менее чем двумя болезнями каждый!.. В Египте больше полумиллиона слепых и больных туберкулёзом. Девять десятых населения больны прахотой! Разве плохое поле деятельности для врача?

Наш собеседник обвёл нас вопрошающим взглядом и с огорчением в голосе продолжал:

— И в то же время врачу здесь делать нечего. Вам непонятно? Поясню. Врач — образованный человек, жить в деревне он просто не сможет: слишком тяжёлы, даже кошмарны здешние условия. Но если врач и отважится поселиться в деревне, ему вскоре придётся оттуда бежать, чтобы не умереть с голоду. Лечиться к

нему никто не пойдёт: феллахи не имеют самого необходимого, они всегда в долгах, и лечиться им просто не на что.

Другой наш сосед, египтянин, уже давно с интересом прислушивался к рассказам врача. Было похоже, что слова француза задели его за живое. Он придвинулся ближе и тоже вступил в разговор.

— Я — коренной житель этой страны, египтянин, — сказал он. — Может быть поэтому мне приходится больше молчать. Но... мне думается, с вами я могу говорить более откровенно. — Он дружески улыбнулся нам. — Я — хроникёр местной каирской газеты... — Египтянин привёл какое-то длинное и многосложное арабское название. — Хотя я и не знаю точно, но цифры, приведённые вами, — он наклонился в сторону француза, — вероятно, правильны. Но цифры — сухая материя. Я знаю факты, много ярких и злых фактов. Мне с ними часто приходится сталкиваться, но писать и говорить о них я могу лишь очень редко. Я знаю, что в нашей стране смертность выше, чем даже в Индии, где, как известно, от голода умирают миллионы людей... В плодородной долине великого Нила египетские крестьяне живут на крохотных клочках земли, которые они поливают своим потом. Больше трёх четвертей своего урожая они отдают помещику и сборщикам налогов. А в это время их собственные дети умирают от голода и болезней. Я видел рабочих, в том числе и детей, которые работают по пятнадцати часов в сутки и получают за это не более трёх — шести пиастров...!

Но я хочу вам сказать о другом: у нас ещё очень мало культурных сил. Количество начальных школ сейчас, в середине XX века, меньше, чем 25 лет тому назад. Я слышал, что в Советском Союзе давно ликвидирована неграмотность и введено обязательное школьное обучение... А у нас лишь 10—15 человек из сотни смогут прочесть или написать несколько строк. Остальные совершенно неграмотны. Хотя с 1933 года в Египте введено «всеобщее обязательное» обучение, но как учиться, когда нет школ, нет учителей?!

Египтянин замолчал. Врач-француз помял между пальцами сигарету и пробармотал:

— Это парадоксально, но Египет и очень богатая и очень бедная страна! Здесь благодатное солнце, много воды, плодородная почва, богатые недра, но на 14 000 местных жителей приходится только один врач...

Поезд остановился. Среди гортанных криков носильщиков вдруг раздались резкие, отрывистые слова военной команды на английском языке.

— Исмаилия, — произнёс египтянин. — Это крупнейшая английская военная база в Египте.

Мы посмотрели в окно. На платформе около поезда в полной выкладке, с оружием в руках, в две шеренги стояли английские солдаты. Они готовились к посадке в поезд. Откуда-то доносилось гудение самолётов и сухой треск пулёмётных очередей — английские лётчики проводили боевое учение.

— Наши будни! — услышали мы вновь голос египетского журналиста. — Вот кто является причиной всех страданий и бедствий моего народа.

Не скрывая ненависти, вспыхнувшей в его глазах, журналист метнул взгляд за окно — на английских солдат и заговорил горячо и взволнованно:

— Нынешним своим положением египтяне обязаны прежде всего «культурным» европейцам, выполняющим в Египте свою «священную миссию», как они уверяют. Я имею в виду прежде всего англичан. Они принесли нам порабощение под видом «помощи и защиты». Они захватили наши богатства, напали сюда свои войска, изуродовали экономику страны, превратив Египет в одну опломбированную плантацию хлопка... Но их господство держится на штыках, а на штыках, как известно, долго не продержишься...

Тёмные пятна выступили на смуглых и худых щеках нашего собеседника. Врач-француз молча и с некоторым удивлением смотрел на египтянина. Вероятно, в обыч-

¹ Пиастр — египетская денежная единица, равная примерно 11,5 копейки.

ной обстановке «египетских будней», да ещё в вагоне поезда, не часто можно было услышать такие высказывания!

Беседа оборвалась. Египтянин ушёл в другую, открытую часть вагона. Дальше разговор не клеился.

У ПОДНОЖИЯ ПИРАМИД.

Маср-эль-Кахира — Победоносный — так звучит по-арабски название столицы Египта. Каир был основан в X веке арабским полководцем Гохаром на месте небольшого египетского поселения. С юга к современному Каиру почти вплотную прилькает ещё более древнее арабское поселение, известное с VII века. Ранее оно называлось Фостат — «палатка», а ныне носит наименование — Старый Каир.

Каир лежит у западных склонов невысоких Мокаттамских гор. К востоку от города начинается Аравийская пустыня, простирающаяся далеко на юг. Через пустыню проходит важная в стратегическом отношении железнодорожная ветка к городу Суэцу.

Когда-то в районе Каира находились древний Мемфис — одна из столиц древнего Египетского царства — и город Гелиополис. Теперь от них остались лишь руины. К югу от Каира, на западном берегу Нила, высятся знаменитые египетские пирамиды — предмет паломничества всех приезжих. Достопримечательностями являются также старинные мечети, гробницы халифов и древняя крепость, воздвигнутая в 1166 году.

Ознакомление с самим городом не дало нам никаких новых впечатлений по сравнению с теми, какие мы получили в Порт-Саиде. Разве только европейские кварталы Каира были ещё пышнее и богаче, а кварталы коренных жителей страны ещё грязнее и беднее.

На центральных «европеизированных» улицах города красивые, разностильные, белые здания, роскошные магазины, рестораны, кинотеатры, кафе. Учашённо бьётся пульс «делового» Каира: днём сутолока в конторах и банках, мельканье шикарных автомобилей, бесшумно проносящихся по улицам. Вечером — голцея в увеселительных заведениях, барах, кафе, кинотеатрах, разноцветные огни реклам. У дверей ресторанов, откуда доносятся тягучие звуки танго, трескотня новейших фокстротов и ультрасовременных «буги-вуги», маячат тёмные фигуры, назойливо предлагающие приобрести египетские древности (накануне изготовленные в соседних мастерских) и обещающие за умеренную плату любые запрещённые развлечения.

В отдалённых от центра обширных районах Каира нет ни высоких зданий, ни богатых витрин, ни зелени, ни нарядной толпы. В узких, кривых улицах и закоулках подчас трудно разехаться двум осликам. Старые, полуразвалившиеся дома переполнены беднотой. Канализация отсутствует. Порывы ветра вздымают густые облака пыли, которая оседает на убогие лотки уличных торговцев, на съестные припасы, выставленные в открытых окнах лавчонок... Невольно припоминаются слова врача-француза о том, как распространены здесь эпидемические заболевания...

Жуткая нищета и средневековый быт, которые мы наблюдали в Порт-Саиде, царствуют и в столице Египта.

Отмахиваясь от назойливых продавцов, непрошенных гидов, осаждающих нас просьбами о «бакшише» неведомо за какие услуги, агент, сопровождающий нас по городу, скороговоркой произносит:

— Здесь нужно быть осторожней!.. Наверняка каждые девять человек из десяти встречаемых болеют трахомой или туберкулёзом. Нет, нет, идёте отсюда подальше...

Этот агент — египтянин, десятки лет работающий с европейцами и считающий, что он постиг «культуру» западного мира. Сейчас он брезгливо морщится и тянет нас в сторону благоустроенных «европейских» кварталов.

В Каире много музеев. Особой известностью пользуется Музей египетских древностей. Он был основан ещё в середине прошлого века усилиями французских учёных-египтологов и представляет собой подлинную сокровищницу памятников древней

культуры Египта. Однако нескончаемая афилада комнат с уникальными памятниками прошлого сейчас почти безлюдна. Изредка мелькнёт одинокая фигура европейца между колоссальными древними изваяниями или около витрин с папирусами, насчитывающими 3—4 тысячи лет. Только в одном из залов мы заметили смуглого человека, склонившегося с лупой в руке над мумией.

Покидая музей, мы не удержались и спросили служителя:

— Неужели в Каире так мало людей, интересующихся прошлым своей родины?.. Почему нет посетителей в вашем прекрасном музее?

Служитель несколько помедлил с ответом.

— Вы плохо говорите по-английски... Нет, нет! Я вас прекрасно понял, — живо сказал он, заметив, что мой спутник хочет повторить свой вопрос. — Я это сказал к тому, что вы, видимо, не англичане и не американцы. Вы из другой страны. Из Советского Союза? Ну, тогда я охотно отвечу. Наш народ ещё слишком беден, чтобы тратить время и деньги на посещения музеев. Студенты? Но и большинство студентов живёт очень бедно и всё свободное время тратит на поиски заработка. Европейцы тоже редко посещают музей. Французам теперь не до древностей, а англичане и янки больше интересуются хлопком и нефтью, их привлекает золото. К тому же зачем англичанам изучать коллекции Каирского музея? Ведь они десятки лет вывозили к себе в свой Британский музей лучшие реликвии нашей родины. Они опрабили Египет и продолжают прабить его...

Осенью 1951 года мне довелось провести некоторое время в Лондоне. Осматривая Британский музей, я вспомнил эту беседу со служителем Каирского музея. Египетский отдел занимает значительную часть Британского музея. В верхних этажах выставлены изумительные изделия из золота, бронзы, нефрита, яхонта, бирюзы, изумрудов. Здесь и предметы культа — изображения богов и священных животных, светильники храмов, домашняя утварь — сосуды для хранения зёрна, различные украшения, посуда. Вдоль стен растянута редчайшая папирусная роспись. Под стеклом лежат мумии. Мумий так много, что их пришлось расположить в несколько ярусов.

Нижний этаж музея, представляющий собой сплошной зал, до отказа заполнен громадными каменными изваяниями, мраморными головами сфинксов, гранитными обелисками, вазами и чашами огромных размеров. Здесь же находится знаменитый чёрный камень — «Розетта стоун». Этот памятник письменности относится к 196 году н. э., когда жрецы ещё знали древнеегипетский язык, хотя на нём уже никто не разговаривал. «Розетта стоун» — чёрная базальтовая плита, покрытая тремя различными системами письма. Верхняя часть написана иероглифами, средняя — египетской скорописью на живом разговорном языке античного периода, а нижняя — на греческом языке. Содержание всех трёх текстов одинаково. Этот уникальный памятник прошлого помог учёным разгадать древнеегипетские письмены.

Я был поражён обилием неоценимых сокровищ египетской культуры и искусства, собранных в Британском музее. Но меня также поразила и мысль о том, как беззащитно был опраблен Египет.

Мы посетили и другие музеи Каира. Экспозиции их содержали, в основном, образцы древней культуры страны, арабские памятники средневековья и в очень малой степени отражали современное положение Египта. Музеи рассчитаны прежде всего на вкусы и любопытство досужих иностранцев, приезжих туристов.

Среди величайших памятников искусства древнего Египта самым грандиозным являются, конечно, пирамиды. Пирамиды расположены недалеко от Каира. Мы проехали по мосту, проложенному через Нил и опирающемуся на островок Гезира, сделали один или два поворота и выехали на просторную, прямую дорогу, ведущую к пирамидам.

Огромное впечатление произвёл на нас Нил. Какое колоссальное количество энергии может дать эта могучая, величественная река, если правильно использовать её водные ресурсы! В настоящее время лишь узкая полоска земли, составляющая всего полпроцента территории Египта, орошается Нилом и пригодна для земледелия. Всё остальное пространство страны занимают опрочные пустыни. Нил даёт жизнь

египтянам. Но стоит лишь где-нибудь в Судане отвести воды Нила, что не представляет технических трудностей, и многочисленное население Египта будет обречено на голодную смерть.

Издали пирамиды поражают воображение путешественника. Никакие картины или фотографии не в силах передать полного впечатления от этих сооружений. Около пирамид прилепились современные постройки — гостиницы, рестораны, рассчитанные на иностранных туристов. Они кажутся пигмеями рядом с этими грандиозными памятниками.

Говорят, что пирамиды были сооружены для того, чтобы умалить значение человека, подчеркнуть его ничтожество. И всё-таки древние деспоты, правившие Египтом, этой цели не добились. Конечно, вблизи пирамид подавляют своей грандиозностью, но вместе с тем они являются свидетельством того, что может сделать совместный труд многих людей даже при отсутствии техники. Они демонстрируют силу и величие человека, торжество направленного коллективного труда.

Величайшая из них — пирамида Хеопса — достигает высоты 147 метров. По преданиям, она сооружалась около 20 лет. Её строили 100 тысяч рабов. Пирамида была облицована громадными известковыми плитами, так искусно отполированными и пригнанными одна к другой, что почти не было заметно стыков между ними. Но теперь облицовка почти вся расхищена. В древности к этой пирамиде примыкал храм. Крытый ход соединял его с берегом Нила, где была пристань.

Рядом с пирамидой Хеопса лежит величественный сфинкс. Он олицетворял собой могущество власти фараонов. Несмотря на разрушительное время и ядра наполеоновских пушек, этот памятник до сих пор хорошо сохранился.

Вокруг пирамид довольно оживлённо. Десятки туристов копошатся у подножья каменных громад. Они что-то записывают, зарисовывают, фотографируют. Около них толпятся бедняки, главным образом дети, готовые оказать любые услуги, чтобы получить мелкую монету.

Нам пришлось наблюдать любопытную сцену, характерную для здешних нравов. Какой-то турист, одетый в костюм, состоявший почти сплошь из одних карманов, купил у торговца сувенирами весьма древнюю, по его уверению, египетскую статуэтку. Немедленно туриста окружила толпа босоногих, оборванных ребятишек, наперебой предлагавших нести ценную покупку. Завязалась драка. Малыш лет восьми сцепился с другим парёнком лет одиннадцати. Конечно, победил старший, и малыш заплакал, размазывая кулаками грязь на своём худеньком лице.

Тогда вмешался взрослый египтянин. Желая восстановить справедливость, он подошёл к старшему мальчику и с силой рванул у него статуэтку. В руках у египтянина оказалась только голова статуэтки, а туловище осталось у мальчишки. Все вмиг разбежались, бросив сломанную вещь. Турист нагнулся и поднял статуэтку. На месте головы он увидел торчащий железный прут, облепленный ещё сыроватой массой — «древность» была изготовлена неделю тому назад.

Были здесь и американцы. Мы их сразу узнали по той «забаве», которую они себе придумали. Забравшись на остатки облицовки пирамиды Хеопса, некоторые из них разбрасывали по сторонам мелкие монеты, за которыми с визгом бросались худые, голодные дети. Американцы громко смеялись и науськивали мальчишек друг на друга. Два американца с азартом фотографировали наиболее «острые» моменты драки. Вся эта сцена выглядела отвратительно, и мы поспешили уйти.

Прежде чем вернуться в Каир, мы решили заехать в одно из небольших селений в долине Нила. Деревня была почти пуста. Все — от мала до велика — находилось на полях. Наконец откуда-то появилось двое молодых феллахов. Рваное тряпье едва прикрывало их наготу. Они в удивлении остановились поодаль и молча рассматривали нас, словно мы были существами из другого мира. Видимо, не часто их навещают европейцы.

Наш проводник что-то сказал им по-арабски. Мы уловили слово «совет», звучащее на всех языках почти одинаково. Лица молодых феллахов просветлели. Один из них широким жестом указал на покосившиеся глинобитные хижины, стоявшие под

финиковыми пальмами, и что-то быстро заговорил. Наш провожатый начал переводить:

— Они приглашают вас осмотреть их жильё. Говорят, что если вы в самом деле из советской страны, то они очень рады видеть вас. Они просят сказать, что вся их деревня будет вам рада. Ведь ваша страна бескорыстно оказала Египту помощь во время эпидемии холеры в 1947 году и спасла многих египтян от страшной болезни. Они всегда это будут помнить...

Мы заглянули в одну из хижин, слепленную не то из глины, не то из ила. Земляной пол, убогое тряпье, несколько старых кувшинов да пришедшие почти в полную негодность дотопотные мотыги и соха — вот всё, что мы увидели. В отверстиях, заменяющих окна, стёкол не было. В помещении стоял запах хлеба. Оказывается, хозяева, владеющие мелким скотом, часто вынуждены держать его рядом с собой, настолько стеснены феллахи на своих клочках земли.

— Что у них было сегодня на обед? — задал вопрос один из нас.

Провожатый перевёл ответ:

— Они ещё ничего не ели. Они ждут прихода отца, который пошёл к ростовщику просить в долг немного проса...

Молодые феллахи повели нас в поле, где мы увидели древнее, как пирамиды, сооружение, называемое «сакией». Оно состоит из системы деревянных зубчатых колёс, приводимых в движение парой буйволов, ходящих по кругу. Примитивные черпаки с помощью этого «двигателя» подают воду из небольшого ручья в узкие каналы, откуда вода попадает на поля. Если буйволов нет, феллахи впрягаются и сами вращают эти колёса.

Около доисторических машин копался в земле старик. Чтобы завести разговор, мы спросили его, водятся ли в долине Нила львы и крокодилы. Старик улыбнулся, видимо удивляясь нашей наивности.

— Нет, хвала Аллаху! Эти животные в наших местах уже давно не водятся. Но теперь гораздо опаснее другие хищники, которые живут не в пустынях, а в больших городах.

Старик хитро прищурился. Мы поняли, о каких хищниках он толковал.

Мы посмотрели на крохотный клочок земли, который возделывал старик, и задали ему вопрос: разве у Нила нехватает воды, чтобы насытить влагой обширные земли Египта? Почему не орошают больше земли — ведь тогда можно было бы собирать большие урожаи?

Старик внимательно выслушал переводчика, помолчал, а затем ответил:

— Воды в Ниле много и её хватит на всех людей, живущих на его берегах. Но для этого все люди в долине Нила должны жить как братья. И египтяне и суданцы хотят этого. А они мешают...

Он так и сказал: «они», и нам стало ясно, что не из-за боязни, а из ненависти старый египтянин не называет порабощителей своей родины.

— Они отняли у нас Нубию (Судан. — С. Н.) и грозят отнять воду, если мы не покоримся им, — продолжал старик. — Только этому не быть! У всех людей долины Нила один враг. Они объединятся и сумеют протнать его. А если они будут жить как братья — никто больше не сможет превратить их в рабов!

Старик умолк и несколько мгновений стоял неподвижно. Затем, словно спохватившись, снова взялся за мотыгу. Казалось, что он уже не замечает нашего присутствия.

Мы вернулись в деревушку и вскоре, напутствуемые добрыми пожеланиями молодых феллахов, направились в Каир. В пути переводчик рассказал нам, что половина населения этой деревни страдает мучительной болезнью, называемой здесь бильхарзией. Она вызывается тем, что феллахи проводят много времени в гниющей воде оросительных каналов, обрабатывая почти голыми руками сырую почву. Микроб этой малонзученной болезни проникает в кровь человека и отравляет его организм. Переводчик упомянул и о том, что в последнее время заработок взрослых феллахов, рабо-

гающих на хлопковых плантациях, составляет менее трёх пиастров в день. Как люди могут существовать на эти проши — было совершенно непостижимо. Мы вспомнили, что в Порт-Саиде билет на футбольный матч стоил 20 пиастров, почти в семь раз больше дневного заработка феллаха.

Положение египетских крестьян ухудшается с каждым днём. По сравнению с 1939 годом цены на продовольствие возросли более чем в три раза, а на промышленные товары в четыре с половиной раза. В то же время доходы феллахов сократились в связи со снижением цен на хлопок. Подавляющее большинство феллахов вовсе не имеет земли. Они арендуют и обрабатывают земли помещиков или английских плантаторов, отдавая им львиную долю урожая.

Почвы долины Нила постепенно теряют своё плодородие из-за неправильного орошения полей — оно производится с помощью примитивной «постоянной» ирригационной системы. На полях поэтому не осаждаются замечательное естественное удобрение — нильский ил. Плантаторам «некогда» ждать разливов реки, они предпочитают истощить почву, но получить доллары — таков хищнический закон капитализма.

Мы ожидали, что на берегах Нила увидим заросли папируса, но переводчик разочаровал нас. Оказалось, что это столь распространённое в древности растение в настоящее время почти не встречается. Дешёвая бумага совершенно вытеснила папирус из обихода, а насаждаемые англичанами хлопковые плантации привели к уничтожению последних зарослей этого редкостного растения.

На обратном пути мы встречали закутанных в чёрное тряпье женщин, несших на своих плечах тяжёлые глиняные кувшины с водой или зерном, полуголых феллахов, перевозивших грузы на маленьких осликах, и совсем голых детей. На полях нигде не было заметно никаких следов применения техники.

В этот день мы увидели памятники величественного прошлого Египта и мрачнее настоящее этой страны, доведённой иностранными угнетателями до положения колонии. Невольно вспомнилось всё известное нам о заслугах египтян перед историей человечества. Этот талантливый народ много веков назад создал свою государственность. Он достиг высших по тому времени познаний в математике, астрономии, медицине, земледелии. Он умел проводить каналы, сооружать плотины, создавать искусственные озёра, сооружать колоссальные храмы своим богам и усыпальницы своим вождям. Впоследствии египтяне восприняли и творчески переработали эллинистическую культуру. Они явились могучей силой в развитии культуры арабского востока.

В Каире находится религиозный университет Эль-Азхар и несколько магометанских высших школ. Кроме того, в Каире имеется университет, созданный по «европейскому» образцу, а также американский «университет», имеющий не столько образовательные, сколько пропагандистские цели, и ряд других учебных заведений.

Но Каир не является больше центром национальной культуры. Британские и американские колонизаторы, «высшее общество» богатых бездельников, собирающихся со всего мира на зимний курортный сезон в Каир, лишь растрепывают национальное сознание народа, убивают национальный культурный прогресс в самом его зародыше. Ныне египетский народ в результате политики иностранных колонизаторов не имеет ни своей массовой литературы, ни народного театра.

В Египте до сих пор царят средневековые обычаи и нравы. Здесь стараются как можно раньше продать девочку в рабство мужу. В 12—13 лет она уже мать! Степень уважения к человеку и его богатство измеряется количеством его жён. По закону египтянину разрешается иметь до семи жён.

Перед отъездом из Каира мы ещё раз прошли по улицам города, вновь взглянули на замечательные памятники зодчества: мечети Эль-Азхар Гасана, Тулуна и Магомета Али с их тончайшей, искусной орнаментировкой, с окнами из цветного стекла, с высокими, тонкими минаретами.

Особенно живописным кажется город, если глядеть на него с холмов, на которых расположена древняя крепость. Мы осмотрели её массивные стены и полу-жруглые, зубчатые башни.

С этой крепостью связан один эпизод, показывающий, к каким дешёвым средствам прибегают английские империалисты, чтобы обмануть египетский народ. Как известно, во время второй мировой войны англичане, руководствуясь «соображениями о защите общих интересов», ввели во все сколько-нибудь важные пункты Египта большие дополнительные отряды своих войск. В Каире они занимали казармы Каср-ан-Нил и район крепости, представляющей и в наши дни серьёзное укрепление.

После окончания войны англичане, несмотря на все свои обещания, всячески стягивали вывод войск с территории Египта. Поднялась мощная волна протестов и демонстраций. Тогда с большой помпой английские войска покинули каирскую штаб-квартиру, афишируя это как «эвакуацию» с территории Египта. На самом же деле войска остались в стране и лишь были переведены в более укромные места, где они не так мозолили глаза народу.

Не в первый раз англичане прибегают к такому обману. Ещё в 1922 году под давлением народно-освободительного движения они вынуждены были предоставить формальную независимость Египту. Но всё осталось по-прежнему. В 1936 году они заключили договор с Египтом, но и это не изменило положения. По-прежнему под предлогом защиты своих «особых интересов» англичане вмешивались во внутреннюю и внешнюю политику Египта, по-прежнему английские войска фактически оккупировали всю территорию страны, по-прежнему английский капитал контролировал основные отрасли египетской промышленности и сельского хозяйства, по-прежнему железные дороги, ирригация, судоходство, воздушные сообщения страны находились в руках англичан. Англичане 60 раз обещали вывести свои войска из Египта и каждый раз это обещание оказывалось обманом!

После второй мировой войны в Египет начал усиленно проникать американский империализм. Американские дельцы стремятся утвердиться в Египте с тем, чтобы перерезать самую важную артерию Британской империи — Суэцкий канал и поставить Англию в ещё большую зависимость от Соединённых Штатов. Отсюда США намерены распространять своё влияние на Ближний Восток и Африку. Американцы предоставили Египту пресловутую «помощь» на основе четвёртого пункта программы Трумэна о развитии отсталых районов. Они подготавливают так называемый «договор о дружбе», который должен способствовать предпринимательской деятельности американцев в Египте. Нет нужды говорить, что этот договор ничем не лучше кабального англо-египетского договора 1936 года.

Американский капитал всё глубже проникает в египетскую экономику. Крупнейшие монополии США — «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», «Сокони вакуум», «Кока-кола», «Форд», «Шевроле» являются теперь конкурентами английских компаний в Египте.

Англо-американские противоречия в Египте крайне обострились, причём английский империализм явно сдаёт свои позиции. Но египетскому народу от этого не легче — к английскому колониальному игу прибавляется гнёт американских империалистов.

Долгому терпению египетского народа приходит конец. Теперь он не верит больше ни английским, ни американским империалистам. Египет порвал кабальные договоры, являвшиеся основой империалистического господства в стране. Народ Египта хочет свободы и мира.

В АЛЕКСАНДРИИ.

Во время нашего пребывания в Египте мы побывали и в Александрии — крупнейшей гавани, к причалам которой ежегодно подходят тысячи кораблей. Сюда доставляются промышленные изделия, лес, уголь, текстиль, продовольствие, взамен которых из Египта вывозятся его прекрасный длиноволокнистый хлопок и нефть. В Лондоне и Манчестере можно купить готовые изделия, доказательством высокого качества которых служит этикетка: «Сделано из египетского хлопка».

Александрия — крупнейшая военно-морская база Англии. Здесь над бухтой постоянно стелется дым многочисленных английских военных кораблей. Эта база,

непрерывно расширяемая, главным образом на средства египетского народа, способна вместить весь средиземноморский флот Британии. Она является важнейшим оплотом британского империализма на Ближнем Востоке, его бронированным кулаком, готовым обрушиться прежде всего на голову самого Египта.

В далёком прошлом Александрия, основанная знаменитым греческим полководцем Александром Македонским (в 331 году до н. э.), являлась не только важнейшим африканским портом, но и важнейшим экономическим центром и очагом культуры древнего мира. У входа в Александрийскую гавань находилось одно из «семи чудес мира» — древний маяк Фарос, а в самом городе была крупнейшая библиотека, насчитывавшая до девятист тысяч свитков — неслыханное для тех времён собрание рукописей литературных и научных трудов. В её создании участвовали великие мужи древности: Аристарх, Зенодот и Каллимах. Впоследствии в неё вошла известная Пергамская библиотека. Но до наших времён от этой коллекции ничего не дошло. Уничтожение библиотеки было начато христианами и завершено арабами.

Период процветания древней Александрии длился девять веков и вошёл в историю под названием Александрийской эпохи. Лучшие учёные древних времён — математики Эвклид, Гиппарт и Герон, астрономы Клавдий, Птоломей и Эратосфен, географ Страбон жили и творили в тогдашней столице Египта...

И вот мы в Александрии середины XX века.

Наш первый выход в город был связан с посещением одной из частных контор, обслуживающих заходящие в порт корабли. Нас встретил старик с чёрными, но уже заметно седеющими усами, в феске и обычном европейском костюме не первой свежести. Старик был в конторе один, он сидел за столом и что-то писал. Увидев нас, он живо поднялся и вместо обычного в Египте приветствия «Селям алейкум» сказал на чистом русском языке: «Здравствуйте!».

— Вы удивляетесь? — спросил он. — Ничего нет странного. Ещё когда я был мальчишкой, отец послал меня в Россию, в Одессу, для обучения в местной школе. Наша фирма с 1870 года работала исключительно по обслуживанию русских судов, и отец считал, что в хорошем деле всегда необходимо знать все нужды и потребности клиентов. За несколько лет обучения в одесской школе я, как видите, неплохо овладел русским языком.

Один из моих спутников сказал:

— Но ведь после революции в России Египет долгое время не имел с нами нормальных торговых отношений. Наши корабли заходили сюда редко! Как же вы не разучились говорить по-русски?

— Да, — подтвердил старик. — Больше двадцати лет, с начала первой мировой войны и до недавнего времени ваши суда почти не бывали у нас. Но я надеялся, ждал и говорил себе: не может быть, чтобы такая великая страна, как Советская Россия, не развернула торговли с Египтом. Я долго ждал, ругал наших близоруких политиков, но времени даром не терял: между делами выискивал русские книги, выписывал русские журналы. Даже своих сыновей я обучил русскому языку. Я им постоянно повторял: дети, учитесь языку этого великого народа — рано или поздно СССР будет торговать с нами и тогда ваши знания пригодятся... И что же? В 1943 году Египет установил, наконец, дипломатические отношения с Россией. А в 1948 году, несмотря на противодействие англичан, мы заключили с Советским Союзом торговое соглашение.

Дверь комнаты открылась. Вошёл молодой человек с плачковой счетов в руках. Он сказал что-то старику по-арабски.

— Познакомьтесь, это мой сын, он также немного владеет русским языком! — сказал старик.

Молодой человек поклонился.

— О да, я немного говорю по-русски, — произнёс он. — Отец научил меня, но так мало было настоящей практики...

Молодой египтянин говорил на почти правильном русском языке.

Нам хотелось познакомиться с достопримечательностями Александрии, но сын агента нас разочаровал.

— Памятников прошлого здесь почти не осталось, — сказал он. — Александрия имеет в настоящее время лишь одно значение — это торговый порт и военная база англичан...

— Есть здесь промышленность? — спросили мы.

— Совсем незначительная — небольшие текстильные предприятия, мелкие кустарные мастерские, вот, пожалуй, и всё... В настоящее время Египет живёт на привозных товарах. Развитие национальной промышленности в нашей стране — не в интересах иностранцев, наших «покровителей».

— Но чем же всё-таки славится город, что в нём примечательного?

Молодой египтянин с горечью сказал:

— Главной достопримечательностью Александрии являются пушки английских военных кораблей. Они постоянно угрожают нам. Да ещё английские солдаты, бесчинствующие на улицах города, ведь по договору 1936 года они не подсудны нашим судам. Смотрите! — вдруг произнёс он, указывая рукой на улицу.

Почти напротив нас находилось здание, в котором размещалось какое-то английское военное учреждение. Возле здания стоял часовой. В тот момент, когда мы посмотрели в окно, часовой резким движением столкнул на мостовую египтянина-прохожего, нечаянно ступившего на тротуар.

— Нам не разрешается даже ходить по своей земле, — возмущённо сказал молодой человек. — Вот вам «достопримечательности» Александрии...

Мы попросили его всё же показать нам город, и он охотно согласился.

Действительно, на улицах нам буквально на каждом шагу встречались английские матросы и офицеры. Они чувствовали себя здесь как дома. К ним никто близко не подходил, даже докучливые торговцы мелочью и любители «бакшиша» не тревожили их. Но на лицах египтян была написана ненависть к этим «защитникам особых интересов».

Александрия, пожалуй, наиболее европеизированный город Египта, хотя, конечно, и здесь есть обширные районы с извилистыми, кривыми улицами и маленькими домишками с плоскими кровлями. Европейская часть Александрии походит на европейские кварталы других египетских городов. Здесь такие же светлые и прямые улицы, такие же кинотеатры, магазины с зеркальными витринами, фешенебельные рестораны, рестораны, банки и конторы.

Но, может быть потому, что Александрия самый европеизированный город, здесь наиболее остро ощущаются контрасты. Вот на улице, неподалёку от самого роскошного отеля, за примитивным гончарным кругом сидит египтянин-ремесленник. Он непрерывно вращает ногами свой нехитрый станок, ловко придавая куокам глины нужную форму. Рядом возвышается горка готовой продукции. Чуть подалее другой египтянин с закопчённым лицом, в драной жилетке и с тюрбаном на голове старательно раздувает чадный горн. Кондуктор трамвая трубит в рог, давая сигнал к отправлению. И тут же рядом бесшумно проносятся американские автомобили последних марок, а в конторах какие-то дельцы из Сан-Франциско совершают торговые сделки на десятки тысяч долларов.

Мы увидели в городе несколько церквей и спросили у нашего провожатого:

— Разве в Египте есть христиане?

— Очень мало, — ответил молодой человек, — около десяти процентов населения. Но в Александрии живёт христианский патриарх. Ему подчинена церковь Египта и Судана.

— Египтян-христиан, — продолжал он, — мы называем коптами. Они живут больше на юге и занимаются ремеслом и торговлей. Некоторые наши города, например Файюм или Ассиут, почти сплошь заселены коптами. Самое любопытное то, что копты говорят на языке, близком к языку древнего Египта. Это очень помогло учёным расшифровать староегипетскую письменность.

— Значит только копты являются прямыми потомками древних египтян? — спросил кто-то из нас.

— О нет, — ответил молодой человек, — почти всё земледельческое население Египта также потомки древних египтян. И только жители пустыни — бедуины — являются по преимуществу арабами. Однако основное население нашей страны после арабского завоевания переняло от арабов и язык и религию, а копты остались христианами, превратившись в презираемое и угнетаемое меньшинство.

На следующее утро мы наблюдали в александрийском порту характерную картину. С вечера на причалах, неподалёку от только что прибывшего английского парохода расположились оборванные, полураздетые люди. Все они упорно старались пробраться ближе к сходням, наперебой предлагая свои услуги в качестве грузчиков, чернорабочих. Полицейский отгонял их, но люди вновь и вновь собирались у корабля. Многие остались тут на ночь, прикормив на плитах набережной.

Рано утром в порт прибыл толстый, с лоснящимся лицом агент английской фирмы. Ему необходимо было нанять для фирмы рабочих-подёнщиков. Не успел агент появиться на пристани и сказать несколько слов, как по всей набережной пронеслись взволнованные крики. Люди, коротавшие ночь на камнях, сбегались со всех сторон и окружили агента плотной толпой, держась, впрочем, на почтительном расстоянии от него. Те, что стояли впереди, низко кланялись и в знак приветствия подносили руку к своему плечу ладонью вперёд. Агент не обращал на них никакого внимания. Но вот он сердито крикнул, и толпа мгновенно распалась. Люди с шумом и спорами выстроились в длинную живую очередь. Агент подал знак, и шествие началось.

Бедняки медленно, с поклонами, проходили мимо агента, выбиравшего наиболее сильных и здоровых из них. Некоторые надували грудь, искусственно задерживая дыхание, другие старались шире расправить плечи, вытянуться или пройти на носках.

Но все ухищрения были напрасны. Опытный глаз агента сразу улавливал обман. Ему нужны были только крепкие и выносливые грузчики. Таким он приказывал становиться в сторону, остальных отгонял нетерпеливыми жестами и окриками.

Я заметил одного рабочего лет сорока пяти. Продвигаясь в очереди, он слегка прихрамывал и с беспокойством поправлял на ноге грязную повязку, заменявшую бинт. Подойдя к агенту, рабочий перестал хромать — видно было, как напряглись желваки на его скулах. Но агент заметил позыяку и отрицательно качнул головой. Рабочий попытался было просить, но получил в ответ раздражённый окрик и отошёл. Я проследил, куда он направится.

Он улучил момент и вновь втиснулся в очередь. Его забраковали вторично. Тогда бедняк встал в очередь в третий раз. Но тут ему опять не повезло. Англичанин узнал его и раскричался. А когда рабочий стал униженно кланяться, показывая на свои мускулы, агент рассвирепел, схватил прость, которую держал подмышкой, и с силой ударил несчастного по спине. Полицейский, стоявший неподалёку, и не подумал вступить.

Наконец вся очередь прошла перед агентом. Из сотен желающих было отобрано для работы всего полтора десятка человек. Остальные с унылым видом пошли опять бродить по городу в поисках какого-нибудь случайного заработка.

Нет ничего удивительного, что, окончательно отчаявшись найти работу, некоторые из этих бедняков готовы предоставить свои услуги кому угодно и для чего угодно. Этим и пользуются любители грязных провокаций. В Александрии с нашими матросами произошёл случай, который показал нам, насколько бдительным и выдержанным всегда должен быть советский человек за рубежом.

Группа наших моряков, свободных от вахты, получила увольнение в город, чтобы познакомиться с его достопримечательностями. Как всегда, за ними увязались ребяташки, добровольные провожатые, продавцы открыток, автоматических ручек, каких-то сомнительных «парижских» микстур. Отделавшись от этих навязчивых просителей и пройдя несколько кварталов, моряки заметили, что за ними неотступно

следует невысокого роста человек в длинном сером халате. Они вспомнили, что этот человек особенно назойливо занимался к ним в провожатые.

Чтобы избежать его докучливых приставаний, моряки свернули в центральную часть города и вокоре остановились покурить в небольшом сквере. Двое матросов подошли к статуе, возвышавшейся в центре сквера. Вдруг около них вновь появился тот же человек в сером халате. Он вплотную подошёл к матросу Симоненко, быстро вытащив из-за пазухи резиновую грушу, брызнул на начищенный ботинок моряка темнокоричневой жидкостью, затем наклонился, небрежно стёр грязь куском тряпки и, протянув ладонь, невозмутимо произнёс:

— Бакшиш!

Спутник Симоненко полез в карман и, чтобы покончить с инцидентом, сунул монету в руку попрошайки. Тот взглянул на деньги и вновь подступил к Симоненко, направив грушу с жидкостью теперь уже на светлый выутюженный костюм матроса.

— Бакшиш! — снова произнёс вымогатель. — Монки из но гуд! (Деньги не хороши).

Высокий плечистый Симоненко сверху вниз смотрел на шуленького плюгавенького человечка. Кровь бросилась ему в лицо, а кулаки невольно сжались. Приятель во-время остановил его:

— Не дури!

Он снова полез в карман за деньгами. В это время подошли остальные моряки. Проходимец, увидев их, немедленно исчез.

— А мы уже опасались, что у вас здесь пахнет конфликтом! — облегчённо сказал один из моряков. — Вы, наверное, и не заметили, что за вами уже давно наблюдают вон те джентльмены! — Он кивнул в сторону двух субъектов, которые поднялись с ближайшей скамейки и быстро направились к выходу. Один из них что-то прятал в карман.

— Ведь они уже приготовились вас фотографировать! — сказал другой моряк. — Но, видимо, так и не дождались требуемого кадра — как два советских моряка избивают бедного египтянина в саду, на фоне памятника египетскому национальному герою! Парень тот, конечно, специально нанят. Снимок сегодня же вечером попал бы в местные английские газеты. Кстати, этих джентльменов я ещё утром заметил — болтались у нашего парохода...

В порту мы однажды разговорились с безработным, из числа тех, что дежурят здесь в надежде заработать пару пиастров при погрузке. Воспользовавшись отсутствием полицейского, бедняк попросил у нас какой-нибудь еды.

— Я работал у Себахи — текстильного фабриканта, — рассказывал безработный. — Целый день мы дышали пылью. Многие из нас больны туберкулёзом. Рядом с нами маялись над кипами пряжи дети девяти — десяти лет. Их труд особенно выгоден хозяину — ведь он платит им гроши... Впрочем, и мы, взрослые, получали немногим больше ребят — денег нам нехватало не только на семью, но даже и на то, чтобы самому как следует перекусить в уличной харчевне. Весною (дело было в 1950 году. — С. Н.) хозяин ещё больше ускорил темп работы и тут же снизил заработок. Жить стало невозможно. Мы не выдержали и забастовали. Пример нам подали рабочие фабрики Нузха и шёлковых мастерских. Они первыми начали борьбу за лучшие условия труда и за повышение оплаты. А мы последовали за ними. Прекратив работу, мы отказались уйти из фабричных помещений, пока владелец не согласится на наши требования...

Египтянин вздохнул, бережно отставил в тень сумку, в которую ему наш судовый кок щедро наложил еды, и продолжал:

— Себахи оказался хитрее и злее, чем это могли предполагать даже мы, знавшие его повадки. Он решил заморить голодом наши семьи. Он не только отказал в прибавке, но даже не стал выплачивать и тех денег, которые нам причитались... Мы продолжали стоять на своём. Но Себахи заявил, что мы бунтовщики и воры,

и натравил на нас полицию. Как звери, набросились на нас полицейские. Нас стали избивать палками и плётками. Когда мы побежали, они стали стрелять из винтовок. Многие, чтобы укрыться от преследования, бросились в канал. Тех, кто пытался выбраться на берег, били прикладами винтовок, палками...

Рассказчик не успел закончить. Появилась красная феска полицейского. Где-то в укромном уголке он вздремнул часок после сытного судового обеда и теперь со свежими силами приступал к своим обязанностям.

Увидев безработного, полицейский набросился на него с злобной бранью. Бедняга не стал дожидаться, пока полицейский от слов перейдёт к делу. Он кивнул головой в знак прощания и благодарности, подхватил свою сумку и быстро удалился.

На другой день, заходя по делам в контору старика-агента, я невзначай спросил его, правда ли то, что рассказывал безработный египтянин. Агент подтвердил нам, что всё так и было.

В СУЭЦКОМ КАНАЛЕ.

Чистка котлов на нашем пароходе закончилась. К борту судна подошла баржа с углем и грузчиками. Грузчиков было человек сорок. Жалко было смотреть на этих несчастных босых людей, одетых в ужасное тряпье. Перекинув с причала на борт доски, они непрерывной вереницей носили по ним уголь в плетёных корзинках. Работа шла без отдыха целый день. Время от времени грузчики поодиночке отходили в сторонку, наспех перекусывали и вновь включались в этот допотопный «конвейер». Для нас было просто непостижимо, как может человеческое сердце выдержать столь длительную и тяжёлую физическую нагрузку. Несколько полицейских, которые прибыли вместе с грузчиками, внимательно следили за ходом работ, и их длинные бамбуковые палки не раз взвизгивали в воздухе, как только кто-нибудь из рабочих задерживался со своей ношей. Но внимательнее всего полицейские следили, чтобы никто из грузчиков не посмел заговорить с нашими матросами.

Наконец уголь был погружен, пароход выбрал якорь и двинулся в Суэцкий канал.

Суэцкий канал значительно сокращает путь из Европы в Азию и на Дальний Восток. Он стоит на первом месте по грузообороту среди других каналов мира. День и ночь по каналу движутся суда, направляющиеся в Индию, Австралию, Новую Зеландию, к берегам Японии и Индонезии. Многие из них везут пушки и солдат для войны во Вьетнаме, Малайе, Бирме, а обратно идут тяжело нагруженные ценнейшим сырьём колоний. Семьдесят процентов судов, проходящих через Суэцкий канал, принадлежат США и Англии.

Суэцкий канал является жизненным нервом Британской империи. Он связывает Англию с британскими владениями в Азии и Африке. Вот почему английский империализм так цепко хватается за Египет, стремясь любой ценой удержать эту страну на положении бесправной колонии.

Но стратегическое значение Египта не ограничивается только Суэцким каналом. Египет расположен на северо-востоке Африки, там, где Африка смыкается с азиатским материком. Он находится в центре основных британских владений и как бы цементирует английские колонии в этом районе земного шара.

С экономической точки зрения Египет является для английских колонизаторов хорошим рынком сбыта и поставщиком ценного стратегического сырья — хлопка и нефти. Он производит самый лучший длинноволокнистый хлопок и составляет около одной трети всего хлопка, необходимого английской промышленности.

...Памятник Лессепсу, виллы английской и египетской знати, жалкие лагуны прудового населения Порт-Саида — всё осталось позади. Глаз отдыхает от пёстрых, набитых оскомину плакатов, рекламирующих «Кока-кола» и удобства воздушных сообщений на английских и американских самолётах.

По низким песчаным берегам канала вначале тянутся небольшие селения. Вот

появились в стороне плоские крыши мечети, высокий минарет и рельсы железной дороги с вереницами грязновато-серых вагонов... Этот пейзаж быстро сменяется пустынной, мало обжитой местностью. Особенно уныла левая — аравийская сторона.

Неожиданно движение нашего судна замедлилось: мы проходим участок, где производится ремонт канала. Сотни, а может быть и тысячи полуголых людей под наблюдением надсмотрщиков вручную вычерпывают грязную жижу у берега и под размеренный, однообразный крик, похожий на стон, наполняют илом небольшие баржи.

Местами виднеются одинокие фигуры англичан — их белые и светлоричневые рубашки выделяются на общем фоне голых, согнутых, опалённых горячим солнцем спин...

В стороне мы увидели группу феллахов, вытаскивающих на берег пруду бесформенного, покоробленного, изъеденного ржавчиной железа. Рабочих было мало — всего пять человек, — и для измученных людей пруд, видимо, был не под силу. Дважды рабочие отпускали свои верёвки, и железо падало в воду, и вновь феллахи, поднатужась, тянули пруд на берег...

В это время неподалёку от работающих египтян остановилась светлоричневая машина с английскими солдатами. Очевидно, шофёр намеренно задержал здесь свой автомобиль, чтобы доставить удовольствие пассажирам. Солдаты, громко гогоча, издевались над тщетными усилиями рабочих.

Неожиданно феллахи как по команде выпустили из рук канаты и, зачерпнув полные пригоршни грязи, забросали ею издевавшихся над ними англичан. Всё произошло в одно мгновение.

Утирая грязь, залепившую им глаза, солдаты схватились за оружие... Но феллахи были вне себя от ярости и готовились дать отпор солдатам. К тому же неподалёку находились сотни других рабочих, с возмущением наблюдавших эту сцену. Англичане не решились стрелять. Проржичав какие-то ругательства, солдаты полезли в машину и уехали.

...Ночью наш пароход продолжал двигаться по каналу. Давно исчезли силуэты пальм — с обеих сторон тянется волнистая песчаная пустыня. Белеющий в темноте песок кажется снегом. Изредка на берегу появляются тёмные пятна палаток, маленьких домиков. Вот впереди вспыхивает и постепенно увеличивается светлое пятно — прожектор встречного парохода... Показывается ярко освещённый, сияющий массой огней пассажирский теплоход, с которого доносятся звуки джаза...

На горизонте шарит по небу луч прожектора. Как нам пояснил лоцман, там находится английский аэродром. Об этом свидетельствует и доносящееся издали прерывистое гудение моторов...

Рано утром показался Суэц — небольшой город и порт, расположенный при выходе из канала. Видны белые дома, пальмы, тусклые, красновато-жёлтые скалы.

В порту Суэца стояло несколько пароходов и странные, как будто выпрыгнувшие с гравюры XV столетия, египетские фелуки с острыми, наискось поставленными треугольными парусами.

Мимо нас проходят в канал из Красного моря два тяжело гружённых танкера. На флагштоках виднеются пёстрые многозвёздные флаги США. А навстречу им в Красное море направляется тяжело пруженный «француз» с солдатами, едущими во Вьетнам.

Английский лоцман и шестеро рабочих-египтян, сопровождавшие наш пароход по каналу, покидают судно. Мы выходим в Красное море.

Скрылись позади последние отроги желтовато-красных гор и пески египетской земли. Жизнь на пароходе, несколько нарушенная долгой стоянкой в порту, вновь входит в свою колею.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

ГЕОРГИЙ ПИРИНСКИЙ

★

БОРЬБА ЗА МИР В США

Георгий Пиринский, статью которого мы печатаем ниже,—ответственный секретарь Американского всеславянского конгресса, был выслан летом 1951 года как «нежелательный иностранец» из пределов США.

Болгарская народная республика приняла его в число своих граждан. Ныне Г. Пиринский — заместитель председателя Национального Комитета защиты мира Болгарии.

Как и почему меня выслали из США.

Жаркий августовский день 1951 года. У одного из причалов нью-йоркского порта стоит грязный датский угольщик; в его трюмах «атлантический груз» — оружие, посылаемое из США для оснащения западноевропейских ландскнехтов Уолл-стрита. Это и есть тот корабль, на котором мне предстоит покинуть, по настоянию властей, полицейскую «республику доллара».

Подымаясь по трапу на эту весьма малокомфортабельную морскую посудину, я оборачиваюсь — хочу в последний раз окинуть прощальным взором страну, где провёл двадцать восемь лет своей жизни. И первое, что бросается в глаза, — унылые фигуры двух представителей иммиграционных властей; они прибыли сюда, чтобы лично проследить за тем, как такой «нежелательный иностранец» и «красный смутьян», каким, по их утверждению, являюсь я, оставит, наконец, пределы США. Так в последний раз предстаёт передо мной во всём блеске её наготы пресловутая «американская демократия»!

Двадцать восемь лет назад я покинул свою родину — Болгарию, где тогда свирепствовал фашистский режим палача Цанкова и где ещё на заре века, в 1901 году, турецкие сатрапы приговорили моего отца к пожизненному тюремному заключению за упорное нежелание покорно носить ярмо чужеземного гнёта.

«Америка — страна, где можно свободно работать и учиться», — соблазняли болгарскую молодёжь американские миссионеры, которых было в ту пору немало в Софии.

И вот я в Соединённых Штатах, на железных рудниках Миннесоты.

Спустя много лет на одном из допросов я назвал следователю очень точно день своего прибытия в США. Он удивился моей памятью.

— Ничего удивительного, — разъяснил я. — Как раз в день моего прибытия «тайно» умер президент Гардинг, и газеты в аршинных заголовках и сенсационных статьях намекали на самоубийство и на все лады расписывали нефтяную аферу, в который был замешан Белый дом. Как же не запомнить такой «исторический» день!

Так меня встретила Америка.

Едва только пригубив «чашу демократии», я убедился в том, что она до краёв полна народных слёз и рабочей крови и что боссы из моргановской «Юнайтед стейтс стил компани» хозяйничают здесь, в Миннесоте, совсем так же, как в Болгарии хозяйничали турецкие порабитители.

Спустя два года я получил своё первое боевое крещение: за попытку организовать рабочих и поднять их на борьбу в защиту своих прав меня выгнали с работы и включили в «чёрный список». Это навсегда лишило меня возможности стать гражданином США.

С тех пор я не раз испытал на себе «американскую демократию» в действии. Шесть раз я подвергался аресту и трижды мне угрожали насильственной высылкой за пределы страны. В 1935 году меня пытались выпроводить в фашистскую Болгарию под вымышленным предлогом, будто я нелегально посетил СССР и столь же тайно возвратился обратно.

— Увы,— отвечал я жандармам из ФБР.— Несмотря на всё моё горячее стремление побывать в Советском Союзе, сделать этого я не могу: мистер Дюпон, на мичиганских заводах которого я работаю, платит мне слишком мало, и денег для поездки у меня нет!

Спасли меня тогда от высылки не только полное отсутствие доказательств в пользу предъявленного мне обвинения, но и бурные протесты рабочих автомобильных заводов «Дженерал моторс», решивших заступиться за своего товарища.

В июле 1949 года, в трёх кварталах от здания ООН в Нью-Йорке, я в очередной раз был задержан и препровождён на Эллис-Айленд.

Эллис-Айленд — его ещё называют «Остров слёз» — расположен позади пресловутой статуи Свободы, неосмотрительно подаренной французским народом Соединённым Штатам в 1886 году. Ныне этот остров по существу превращён в концлагерь, сюда в небольшие каменные казематы заключают «нежелательных иностранцев», даже таких, как например, Ирэн Жолио-Кюри или престарелый всемирно известный дирижёр Тосканини.

— На каком основании вы доставили меня сюда, в эту тюрьму? — спросил я встретившего меня чиновника.

Лицо его сразу приняло оскорблённое выражение.

— Это не тюрьма,— возразил он,— а дом предварительного заключения.

Тогда я показал на решётки в окнах и на два ряда колючей проволоки, окружающей казематы Эллис-Айленда.

— Что же, по-вашему, это всё только декоративные украшения общего архитектурного ансамбля?

Даже столь деликатно выраженное замечание не способствовало улучшению отношений между мною и администрацией Острова слёз.

Вскоре меня вызвали в федеральный суд на Фоли-сквер, где между мной и судьёй завязалась в достаточной мере однообразная беседа.

— Что вы будете делать, если Красная Армия внезапно вторгнется в пределы США? — спросил он.

— Но это вздор, Красная Армия и не помышляет о таком вторжении.

Судья повторил свой вопрос, а я — свой ответ.

Судья упорствовал в своём «любопытстве», а я настаивал на своём возражении.

В итоге дело кончилось трёхмесячным пребыванием в тюрьме (из них два месяца — в одиночке) и освобождением под залог в пять тысяч долларов.

Не прошло и года, как меня, ещё находившегося формально под судом, вновь подвергли аресту. Я привёл этот довод агенту ФБР, но он в ответ только пожал плечами и объявил: приказ из Вашингтона.

Это был знаменательный день для клики Трумэна и позорный день для истории США: в этот день — 23 сентября 1950 года — вступил в силу фашистский закон Маккарэна, и я, уже давно считавшийся «нежелательным иностранцем», подготовляющим, по уверению ФБР, «насильственное свержение» американского правительства, стал одной из его первых жертв.

Таким образом, я снова очутился за решёткой тюремной камеры острова Эллис. Она оказалась весьма вместительной, и мы, заключённые, прозвали её «отделением Маккарэна». Чудовищная деталь: даже здесь, в тюрьме, американские расисты продолжают свою политику дискриминации. Помнится, как-то я увидел в одной из камер

той же тюрьмы на Острове слёз стойкого и мужественного борца за мир — негра Фердинанда Смита, секретаря профсоюза моряков, входившего в КПП. Тридцать три года прожил он в США, а теперь подлежал насильственной высылке по тому же закону Маккарэна. И этому ветерану демократического движения в США какой-то из тюремных надзирателей с наглой и бесцеремонной откровенностью заявил:

— Вы что, с луны свалились? Разве вам до сих пор ещё не известно, что даже здесь, в тюрьме, негр не вправе находиться в одной камере с белыми!

На этот раз я присел под арестом три недели и был освобождён под залог. Затем мне объявили о высылке из пределов США. Это решение было довольно поспешно утверждено во всех инстанциях и явилось, таким образом, окончательным: как-никак, ведь и «американской демократии» присущ быстрый «прогресс» (в сторону полного торжества фашизма)!

Однако перед отъездом мне и моей жене предстояло ещё раз испытать особую предупредительность гуверновских молодчиков, олицетворяющих полицейскую «демократию» Уолл-стрита. В конце июля 1951 года мне позвонил по телефону один из этих «джентльменов» и спросил, скоро ли я намерен выехать и рассчитываю ли вообще вернуться когда-либо назад в США.

— Отчего же, — ответил я, — охотно вернусь после того, как в США восторжествует подлинная демократия.

В трубке что-то глухо и хищно зарычало.

Затем тот же голос осведомился, нет ли у меня желания сделать перед отъездом какое-либо заявление. Я сообщил «джентльмену» из ФБР, что имел возможность уже не раз высказываться, хотя бы во время многих допросов, которм подвергался со стороны представителей власти. Но говоривший не реагировал на это замечание, а продолжал допытываться: нет ли у меня всё-таки желания хоть о чём-нибудь заявить уже, так сказать, на прощание, в последний раз.

Я очень ясно представил себе, как эти провокаторы использовали бы против меня любое вновь сказанное слово, как они взяли бы меня под стражу, надели бы на меня наручники, а может быть вообще лишили бы возможности выехать за пределы США и снова бросили бы в тюрьму.

Я не поддался на очередную провокацию, решительно и твёрдо прервал и без того затянувшийся разговор.

Тогда американская «демократия» перенесла свои заботы на мою жену — уроженку Соединённых Штатов. Государственный департамент категорически отказал ей в выдаче заграничного паспорта: положение в современной Болгарии, гласил ответ паспортного отдела, не благоприятствует выдаче паспортов американским гражданам. С этим можно было бы ещё согласиться, если бы речь шла о выдаче паспортов тем американским гражданам, которых Пентагон посылает в Болгарию для шпионажа и диверсий. Всё то, что я наблюдал в Болгарии уже на протяжении первого месяца своего пребывания там, действительно доказывает, что болгары не проявляют радушия в отношении такого рода «гостей». Занятые днём и ночью мирным социалистическим строительством, болгарский народ и его государство зорко охраняют свою национальную независимость и свободу, свой покой и безопасность.

Так и должно быть.

Но вашингтонские дипломаты, разумеется, не имели в виду подобных соображений. Они попросту издевались. В конце концов они потребовали от моей жены письменного заявления о том, что она берёт на себя «риск» путешествия в Болгарию. И пусть она не рассчитывает на защиту американских законов и правительства.

Поистине наглость вашингтонских провокаторов не имеет пределов! Как будто мы нуждались в защите законов, на основании которых лучших сыновей и дочерей американского народа бросают в тюрьмы за то, что они самоотверженно отстаивают дело мира и свободы! Как будто мы искали поддержки у правительства, разжигающего пожар новой войны, то есть совершающего величайшее преступление против человечества!

После долгих мытарств жена всё же получила паспорт, и мы оказались на борту датского угольщика.

Мне хотелось, как это явствует из заголовка статьи, рассказать о борьбе за мир в США. Между тем я начал её рассказом о своей личной судьбе, о своём собственном житье-бытье в США. Нет ли здесь какого-то несоответствия или даже противоречья?

Мне кажется, что нет. Ибо всё то, что я пережил, перечувствовал, испытал, находясь в США — стране «американского образа жизни», — всё это в той или иной степени выпадает на долю многих простых американцев. Не забудем, что из США за один лишь год были высланы по закону Маккарэна и другим подлинно фашистским законам тысячи таких же как я «нежелательных иностранцев», высланы только потому, что они осмелились бороться за мир и возвысили свой голос против фашистской политики вашингтонских ставленников Уолл-стрита.

И в этом нет ничего удивительного! Из Америки исходит ныне главная угроза миру и безопасности всех свободлюбивых народов. США стали сейчас центром мировой реакции, средоточием самых алчных и бесчеловечных империалистов. Американские миллиардеры лихорадочно готовят новую мировую войну, рассчитывая таким путём установить своё господство над всем миром. Правящие круги США командуют странами агрессивного Северо-атлантического блока и вооружают их. Они вооружают титовскую банду и преческих монархо-фашистов, турецких деспотов и своих марионеток Чан Кай-ши, Бао-дая и других предателей народов. С лихорадочной поспешностью возрождают они милитаризм в Германии и Японии, готовясь к развязыванию новой агрессивной войны на Западе и Востоке. Американские монополисты осуществляют теперь самую чёрную и преступную агрессию против миролюбивого и героического корейского народа.

Такое положение заставляет народы всего мира с самым пристальным вниманием следить за развёртыванием борьбы в защиту мира, которую ведут подлинные американские патриоты в своей стране. Все мы понимаем, что на американский народ далеко не в последнюю очередь возложена нелёгкая историческая задача: обуздать доморощенных поджигателей новой войны, расстроить их агрессивные планы и приготовления, не дать им свергнуть мир в новую войну.

Народы всех стран, естественно, хотят знать, как же американский народ выполняет эту задачу, на какие трудности он наталкивается и какие шансы на успех имеет его борьба.

Попытаюсь ответить на этот вопрос, используя свои личные впечатления и основываясь на почти тридцатилетнем пребывании в Соединённых Штатах.

Начало борьбы за мир в США.

Американский народ отстаивал дело мира ещё во времена конференции в Сан-Франциско, на которой были заложены основы Организации Объединённых Наций. То были дни великого наступления Советской Армии на Берлин, дни падения Берлина и полного разгрома гитлеровской Германии. Путь к достижению справедливого и прочного мира и тогда уже был определён Тегеранским и Ялтинским соглашениями между Советским Союзом, США и Англией.

Уже тогда всё поведение дипломатии и правительства США производило тягостное впечатление не только на европейские народы и народы колониальных и полуколониальных стран, но и на американский народ. Видные общественные деятели, представители профсоюзов и других организаций осуждали поведение американских дипломатов и высказывали опасения, что такая политика ведёт не к установлению прочного мира, а к разобщению народов, к новым конфликтам и войнам.

С таким же неодобрением отнеслась большая часть американского народа и к посылке Герберта Гувера в Германию для изучения обстановки и выработки предложений, определяющих дальнейшую политику США в отношении этой страны.

Ни один американский реакционер, — за исключением, быть может, Джона Фостера Даллеса, — не является таким наглядным и полным олицетворением политики восстановления германского милитаризма, как Герберт Гувер. Ведь именно он, будучи в тридцатых годах президентом США, предоставил германским монополиям «заём»

в три миллиарда долларов для восстановления и доведения до высшего уровня военного потенциала Германии. Герберт Гувер всегда выступал и как заклятый враг сотрудничества с Советским Союзом.

Посылка Гувера в Германию явилась, таким образом, сигналом не к демилитаризации Западной Германии, как это предусматривалось Потсдамским соглашением, а к перевооружению германских милитаристов и реваншистов — на этот раз в качестве послушного орудия американских финансовых королей, этих новых претендентов на мировое господство.

Внешняя политика США всё более открыто брала курс на резкое ухудшение отношений с Советским Союзом и на подготовку новой мировой войны.

Эта профашистская ориентация правящих кругов США вызвала в народных массах явную тревогу. Американский народ почувствовал, что готовится какое-то чёрное дело, какое-то подлое предательство. Недовольство простых людей внешней политикой правительства Трумэна и его хозяев с Уолл-стрита, как известно, особенно усилилось ещё с того дня, когда Черчилль в своей речи, произнесённой в Фултоне, во всеуслышание предложил заключить американо-английский военный союз против Советского Союза и всех других свободолобивых стран. Одобрительные аплодисменты Трумэна, присутствовавшего при этом выступлении, вызвали сильное возмущение в США.

Простые люди Америки, недовольные реакционной, антидемократической политикой правящей клики во главе с Трумэном, всё более настойчиво проявляли свою волю к миру.

Постепенно в США стал оформляться лагерь сторонников мира, который начал нелёгкую, требующую самоотверженности, борьбу против поджигателей новой войны.

Конгресс деятелей культуры США в защиту мира.

Наиболее значительным проявлением этой борьбы в тот период был созыв в марте 1949 года в Нью-Йорке конгресса деятелей культуры США в защиту мира.

Присутствие на конгрессе советской делегации, в составе которой были писатель А. Фадеев, композитор Д. Шостакович и другие представители советской культуры, так же, как и делегаций стран народной демократии, вызвало смятение среди вашигтонских дипломатов и реакционных кругов вообще.

Ачесон и другие глашатаи американского империализма объявили конгресс «советским заговором», направленным, разумеется, против «безопасности США». С места в карьер они признали его «подрывным» и пригрозили американцам, осмелившимся принять в нём участие, что будут считать их «изменниками», а это вызовет и соответствующее к ним отношение.

Этот тон был мгновенно увоен всей реакционной прессой, которая из всех сил старалась создать вокруг участников конгресса и всех ему сочувствующих атмосферу линчевания. У входов в отель Уолдорф-Астория, где происходила большая часть заседаний конгресса, устраивались позорные враждебные демонстрации наёмных хулиганов и всякого рода подонков из эмигрантского отребья, бежавших из славянских и других стран в страхе перед народным возмездием.

Несмотря на инспирированную властями разнузданную кампанию клеветы и террора, конгресс прошёл с большим успехом. Голос его участников, требующих установления взаимопонимания между великими державами, в первую очередь между Советским Союзом и США, прозвучал как мощный призыв к развёртыванию борьбы за мир. Попытки реакции сначала скомпрометировать конгресс, а потом замолчать его потерпели полный крах.

Конгресс в Нью-Йорке в большой мере способствовал также активному участию представителей прогрессивных сил США в Первом международном конгрессе защиты мира, состоявшемся в Париже. И виднейшие представители американского народа — писатель Говард Фаст, певец Поль Робсон, учёный-историк д-р Дюбуа, профсоюзный деятель Дональд Андерсон, американские славянские деятели Лео Кржицкий и проф. Маршалка — все единодушно заявили в Париже, что американский народ

не желает новой войны и будет бороться против военной истерии и военных приговоров. Американские трудящиеся, — подчёркивали они в своих выступлениях, — смотрят на Советский Союз как на страну, сотрудничество с которой является основной и главной гарантией установления справедливого и прочного мира во всём мире.

Монополизированная печать США ответила на эти выступления диким воем. Она объявила всех американских участников конгресса мира в Париже «изменниками» и «врагами». Особенно неистовствовала реакция по адресу Поля Робсона. Сейчас ясно, что начавшаяся уже тогда кампания должна была подготовить почву и создать психологическую атмосферу для того, чтобы облегчить фашистам возможность линчевать Робсона. Именно это они и пытались сделать в Пикскилле.

После Первого международного конгресса в Париже в 1949 году в Чикаго состоялись две важные конференции в защиту мира. В июле — конференция представителей университетов и пацифистских церковных организаций, положившая начало существованию одной из активных прогрессивных организаций Америки — «Комитета сторонников мирного пути». Весьма показательно, что в числе её участников находится такой влиятельный в США человек, как настоятель часовни при Чикагском университете — Томпсон. В октябре состоялась Всеамериканская профсоюзная конференция в защиту мира, на которой присутствовало 1500 делегатов и была создана постоянная организация по руководству борьбой за мир — «Национальная профсоюзная конференция в защиту мира». Эта организация имеет сейчас во всех крупных городах страны свои комитеты и является постоянным национальным органом борьбы за мир американского рабочего класса.

Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием и поход американцев за мир.

Как бы ни были значительны сами по себе перечисленные выше события, однако центральное место в истории американского движения за мир, несомненно, занимают: кампания сбора подписей под Стокгольмским Воззванием, поход в Вашингтон в середине марта 1951 года и народный конгресс защиты мира, состоявшийся в июле 1951 года в Чикаго.

Под Стокгольмским Воззванием о запрещении атомного оружия за короткое время удалось собрать около двух с половиной миллионов подписей. Для США, на первый взгляд, этот результат, конечно, нельзя признать выдающимся или даже хотя бы удовлетворительным. Не следует всё же в данном случае забывать о том, что все эти подписи были собраны в обстановке непрекращающегося террора со стороны правящих кругов и всей американской реакции. Сторонников мира в США государственный департамент и вся пресса объявили «иностранными агентами», «врагами родины», а самый сбор подписей для утешения именовался не иначе, как «московской кампанией». В ряде мест сборщики подписей попросту подвергались избиению, а немалое число их было арестовано и посажено в тюрьму. Многие были уволены с работы с занесением в списки «подрывных элементов». Так американская реакция встретила попытки развернуть борьбу за мир в США.

На фоне всех этих фактов цифра в два с половиной миллиона подписей выглядит уже более весомой и значительной.

По инициативе шестидесяти пяти виднейших прогрессивных общественных деятелей США в прошлом году была создана организация «Поход американцев за мир», которая провела 15 марта 1951 года поход сторонников мира в Вашингтон. В походе участвовало 2500 представителей от разных организаций и слоёв населения, стремящихся к миру и осуждающих политику подготовки новой войны.

Коридоры, канцелярии и залы заседаний конгресса в Вашингтоне заполнили мужчины и женщины, рабочие и работницы, белые и чёрные, явившиеся из разных районов страны. Великолепное впечатление производили рядовые рабочие, страстно, горячо, с полной убеждённости и непоколебимостью обвинявшие американских поджигателей войны.

Лично мне довелось участвовать в делегации, посетившей государственный депар-

тамент с тем, чтобы заявить протест против политики перевооружения Западной Германии. Излагая свою точку зрения, делегация напомнила, что эта политика является грубым нарушением Потсдамского соглашения и представляет большую угрозу миру и безопасности народов.

Входившие в состав делегации представители Американского всеславянского конгресса подчёркивали, что народы Советского Союза и всех других славянских стран — трудолюбивые и мирные народы, о чём убедительно говорит не только современность, но и история. Когда же кто-либо осмеливается напасть на них, эти народы сражаются как львы против любого, самого сильного и вооружённого до зубов захватчика, откуда бы он ни пришёл.

Мне очень живо запомнилась вся обстановка, в которой проходила эта акция сторонников мира. В новом здании государственного департамента, разумеется, нет недостатка в обширных, вместительных помещениях. Но нас намеренно приняли в небольшой комнатке, чтобы таким образом искусственно ограничить число присутствующих и создать для них всяческие неудобства. Теснота, однако, не повлияла на боевой дух протеста, которым были проникнуты все выступления. Это очень скоро почувствовал Рэссел, начальник отделения госдепартамента по связи с общественными организациями, который нас принимал.

Вначале по комнате усердно засновали фотографы с достаточно выразительными физиономиями.

— Это из ФБР,— сказал мне довольно громко профессор Маршалка.

— Неужели им ещё мало тех фотоснимков, какими они уже давно располагают?— ответил я.

Но потом я понял, что вся эта фотоцеремония была тоже частью той «психологической атаки», с помощью которой мистер Рэссел пытался «усмирить» пришедшую делегацию.

«Атака» эта окончилась полным посрамлением её инициаторов. Мистер Рэссел не сумел даже использовать своё заключительное слово. Ибо после того как он его произнёс, начали снова выступать участники делегации и не оставили камня на камне от более чем сомнительных «возражений» этого важного дипломатического чиновника.

Положение становилось критическим. И тогда помощники Рэссела поспешили ему на выручку. Они объявили, что у входа в здание государственного департамента уже более двух часов ждёт приёма новая делегация сторонников мира во главе с Полем Робсоном.

— Принять её немедленно! — раздались возмущённые голоса.

— Но нам негде её принять, поскольку единственное свободное помещение всё время занимаете вы,— заявили помощники Рэссела, во что бы то ни стало старавшиеся избавиться от нас.

Хотя эта уловка была явно шита белыми нитками, мы всё же решили уступить наше место делегации, возглавляемой Полем Робсоном, так как были убеждены в том, что она не хуже нас продолжит дело, начатое здесь нами.

Так оно, конечно, и получилось.

На следующий день вся реакционная пресса, все радиостанции, словно по сигналу, хранили полное молчание о походе сторонников мира в Вашингтон, в котором, как мы уже говорили, приняли участие 2 500 делегатов и делегатов, представляющих миллионы американских сторонников мира и свободы. Этот факт лишней раз доказывал, что все американские буржуазные газеты и радиостанции служат фулором поджигателей войны.

Народный конгресс защиты мира в Чикаго.

Поход сторонников мира в Вашингтон был одним из главных этапов подготовки к Всеамериканскому конгрессу защитников мира, состоявшемуся в Чикаго 29 июня — 1 июля 1951 года. На конгрессе присутствовало свыше 5 000 делегатов и делегатов от низовых профсоюзных организаций, от участников женского и молодёжного дви-

жения в защиту мира, от терзаемого и гонимого негритянского народа, от славянских и других национальных групп.

Американская реакция делала всё возможное, чтобы устроить сторонников мира и помешать созыву конгресса. Верховный суд в Вашингтоне, основываясь на пресловутом законе Смита, утвердил приговор, согласно которому руководители коммунистической партии во главе с её генеральным секретарём Юджином Деннисом были брошены в тюрьму.

Сам председатель «Похода американцев за мир» 83-летний негритянский учёный д-р Дюбуа и его помощники из бывшего Информационного центра сторонников мира, проводившего кампанию по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием, были арестованы и привлечены к ответственности как «иностранные агенты». Аресты были произведены по всей стране, чтобы посеять страх среди сторонников мира и заставить их, в частности, отказаться от поездки на конгресс в Чикаго.

Но американским поджигателям войны не удалось сорвать конгресс! В назначенный день и час чикагский «Колизей» начал заполняться делегатами и вскоре был полон.

Конгресс вёл свою работу в обстановке боевого подъёма и крепнувшей воли к борьбе. Центральное место в работах конгресса занял вопрос о призыве к немедленному прекращению интервенции в Корею и заключению Пакта Мира между пятью великими державами. Делегаты подчёркивали также в своих выступлениях необходимость усиления борьбы против ремилитаризации Западной Германии, за мирное и справедливое разрешение германского вопроса в духе Потсдамской декларации, предусматривающей создание единой независимой демократической и миролюбивой Германии.

Конгресс в Чикаго имел огромное значение, хотя на нём и не были представлены все организации, принимающие участие в американском движении сторонников мира. До конгресса движение за мир не имело постоянного центра. Конгресс положил начало существованию в США организованного движения в защиту мира. На нём был избран Национальный комитет по руководству движением за мир в США. Национальный комитет возглавляют д-р Дюбуа, проф. Карлсон и проф. Ловетт.

На конгрессе в Чикаго было решено провести по всей стране сто тысяч собраний и послать Трумэну миллион писем и телеграмм с требованием прекратить интервенцию в Корею и заключить Пакт Мира.

В работах конгресса участвовало полторы тысячи делегатов и делегатов от низовых профсоюзных организаций. Это было наглядным доказательством того, что американский рабочий класс не одобряет предательской политики продажных руководителей двух главных профсоюзных организаций США — Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов, раболопно исполняющих все распоряжения властей и лишь демагогически разглагольствующих об улучшении жизни трудящихся.

Показательным в этом отношении явилось присутствие на конгрессе многочисленной делегации профсоюза рабочих автомобильного завода Форд-Ривер-Руж в Дирборне, близ Детройта. От этого завода присутствовало двести делегатов. Крупной делегацией был представлен также и профсоюз рабочих железнодорожной промышленности. Важно отметить и то, что эти делегации прибыли в Чикаго несмотря на противодействие и угрозы реакционных профсоюзных лидеров.

Чрезвычайно ободряющим было участие в работах конгресса большого числа женщин и молодёжи. Заседания конгресса, на которых выступали представители молодёжи и женщин, были наиболее боевыми, содержательными и оживлёнными.

Не может быть сомнений, что американское движение в защиту мира добьётся новых успехов. Уже сейчас известен ряд фактов, подкрепляющих такое утверждение. Приведём здесь лишь некоторые из них.

В последнее время в США стало традицией отмечать 22 июня — день вероломного нападения Гитлера на СССР — демонстрациями и митингами в защиту мира и демократии.

В борьбу за мир постепенно включаются местные отделения профсоюзов, входящих в такую цитадель реакции, как АФТ. Так, например, сравнительно недавно печатный орган АФТ в Колорадо официально предложил создать конференцию в защиту мира и привлечь к участию в ней профсоюзы всего штата.

Более чем показательным для успеха движения в защиту мира является отношение широких масс населения к войне в Корее. Как сообщил недавно небезызвестный Институт Галлупа, который обычно фальсифицирует в пользу реакции собранные им данные, установлено, что 66 процентов участвовавших в очередном опросе стоят за вывод американских войск из Кореи.

По сообщению газеты «Мидлэнд кооперейтор», 64 процента опрошенных ею праждан в штате Миннесота высказались в том же духе.

Наконец, 95 процентов читателей хэрстовской газеты «Джорнэл Америкен» заявили о том, что лучше «потерять лицо, но спасти жизни» солдат в Корее.

Все эти факты в той или иной степени следует отнести в актив крепнущего движения сторонников мира в США.

Участие американских славян в движении за мир.

В Соединённых Штатах проживает в настоящее время примерно десять миллионов американцев славянского происхождения. Из них около семи миллионов являются американскими гражданами, а немалая часть — и уроженцами США. Среди них поляки, чехи, русские, украинцы, словаки, болгары, югославы и представители других славянских народов.

Подавляющее большинство этих славян считает себя американскими патриотами и действительно является таковыми. Они прилагают немало усилий для того, чтобы их новая родина была подлинно демократической, свободной и процветающей державой.

Но это не означает, что они забыли о своём происхождении. Наоборот, многими духовными нитями связаны американские славяне с великой культурой всего славянства, с драгоценным духовным наследием своих предков. Наконец, сердца многих из них исполнены гордости за то, что великая славянская страна — Россия — впервые в мировой истории указала всему человечеству верный путь к прогрессу и социальной справедливости.

Не удивительно, что всякий раз, когда над славянскими народами где-либо в мире нависает серьёзная угроза, американцы славянского происхождения, верные своим родственным чувствам, реагируют на это более непосредственно и активно, чем остальные граждане США.

Вот почему уже самый захват власти Гитлером, провозгласившим каннибальский лозунг необходимости уничтожения и порабощения славянства как якобы «неполноценной расы» заставил всех прогрессивных американцев славянского происхождения не только насторожиться, но и занять вполне определённую антигитлеровскую позицию.

Позорная мюнхенская сделка 1938 года, отдавшая Чехословакию в руки людоеда Гитлера, весьма ускорила и организационное объединение американских славян. В Нью-Йорке, Чикаго, Питтсбурге, Кливленде, Детройте и других городах с большим процентом славянского населения состоялись антифашистские демонстрации протеста. Нападение гитлеровских полчищ на Польшу ещё более сплотило лагерь славянства в США. Когда же свершилось самое крупное преступление нацистской Германии — вероломное вторжение в пределы Советского Союза, — американские славяне окончательно решили объединить свои усилия для оказания всемерной помощи США в борьбе с фашизмом и создали свою организацию — Американский всеславянский конгресс.

Начало созданию этой организации было положено 7 декабря 1941 года на созванном в Детройте митинге. По случайному, но весьма знаменательному совпадению

нию, в этот день японцы напали на Пирл-Харбор. На митинге славян по поручению Рузвельта с большой приветственной речью выступил специально прибывший министр юстиции Биддл.

Митинг в Детройте привлёк самое пристальное внимание всех американцев славянского происхождения. Детройт стал центром славянского объединения в США.

В апреле 1942 года — на первом американском славянском конгрессе — была создана всеамериканская организация славян, названная Американским всеславянским конгрессом. Эта организация, пользовавшаяся полной поддержкой властей и правительства Рузвельта, сделала немало для облегчения и поддержания военных усилий США в период второй мировой войны. Достаточно сказать, что, по сообщённым мне в Бюро военной информации данным, 51 процент рабочих тяжёлой индустрии США в годы войны были американскими славянами. Немало американцев славянского происхождения сражались на фронте с оружием в руках против нацистов, этих заклятых врагов американского и всех других свободолюбивых народов мира.

Всё это не помешало, однако, правительству Трумэна объявить Американский всеславянский конгресс «подрывной» «коммунистической» организацией и обрушить на его представителей град репрессий.

Особое недовольство реакционных правящих кругов США вызывает то, что прогрессивные американские славяне принимают самое активное участие в борьбе всего американского народа за мир и свободу и составляют один из передовых отрядов этого движения. Именно поэтому такой бешеной травле подвергается за последние пять лет Американский всеславянский конгресс. Именно поэтому так преследуются руководители и сторонники организации американских славян.

Не только в послевоенные годы, но и во время войны Американский всеславянский конгресс, руководствуясь интересами народа США, активно боролся против всех попыток использовать его в антинародных целях. Конгресс решительно выступал против превращения антифашистской войны в войну антисоветскую, антинародную. А ведь именно в этом заключалась сущность политики наиболее реакционных сил в США, находившей отражение в газетах Хэрста, Маккармика, Паттерсона.

Антисоветская внешняя и антинародная внутренняя политика были основным курсом республиканской партии, возглавляемой Гувером, Ванденбергом и Томасом Дьюи. Она имела сторонников и в рядах демократической партии, даже в ближайшем окружении президента Рузвельта, особенно когда речь шла об открытии второго фронта.

Характерен в данном отношении инцидент, происшедший на первом Американском славянском конгрессе в Детройте весной 1942 года. Одним из главных лозунгов конгресса был лозунг немедленного открытия второго фронта. Прибывшие из Вашингтона представители так называемого Бюро военной информации стали нас уговаривать не выступать с этим лозунгом, доказывая, что с ним не только не следует опешить, поскольку он несвоевременен, но что его надо вообще снять. Наш ответ сводился к тому, что лозунг этот весьма своевременен, что он выражает точку зрения трёх тысяч славянских делегатов, прибывших на конгресс со всех концов страны, и что оттяжка открытия второго фронта только помогает гитлеровцам истреблять народы. Мы заявили представителям Бюро военной информации, что Американский всеславянский конгресс — не отделение государственного департамента, которому они могут отдавать распоряжения, а народная организация, дорожающая антифашистскими принципами освободительной войны; поэтому он и будет противиться всяким попыткам разрушить сотрудничество и союз с советским народом и его государством.

Таким образом американские реакционеры ещё в начале войны стремились всячески ухудшить отношения с Советским Союзом, а заодно и предать американский народ фашизму.

Но народ не допустил этого. Подписание Рузвельтом соглашений от имени США в Тегеране и Ялте явилось результатом напора, господствовавшего в широких народных массах. Точно так же Потсдамское соглашение, предусматривающее пол-

ную демилитаризацию Германии и создание единой, миролюбивой, демократической и независимой Германии, было подписано Трумэном под давлением общественного мнения, под давлением настроений широких народных масс, которые стремились к установлению прочного и длительного мира.

Ещё во время конференции в Сан-Франциско в 1945 году Американский всеславянский конгресс был одной из первых прогрессивных организаций США, протестовавших против реакционных манёвров дипломатии, действовавшей по указаниям дирижёров с Уолл-стрит.

Те же настроения с большой силой проявились и на созванном во второй половине сентября 1946 года Американском славянском конгрессе в Нью-Йорке. На этом конгрессе присутствовали и представители славянских стран: делегация Славянского комитета СССР, представители Польши, Чехословакии и Болгарии.

Гости из славянских стран были свидетелями того возмущения, которое вызывала среди американских славян антинародная политика правительства Трумэна. Они убедились также в том, как сильна любовь американских славян к Советскому Союзу, к славной Советской Армии, к гениальному Сталину за то, что они спасли не только славянские народы, но и народы всего мира от фашистского варварства и рабства. И заседания конгресса, и большой митинг в Мэдисон-сквер-гарден превратились в величественную демонстрацию славянского антифашистского единства, братской дружбы народов всех стран во имя мира и процветания!

Приветствие, присланное делегатам конгресса вождем всего прогрессивного человечества И. В. Сталиным, продолжает воодушевлять американских славян в их трудной, но славной борьбе за мир и демократию в США.

Огромный успех конгресса буквально взбесил американскую реакцию. Реакционная пресса подняла истерический вой не только против руководителей Американского всеславянского конгресса, но и против наших гостей из славянских стран.

Американские претенденты на мировое господство потеряли от страха голову, услышав восторженные овации, которыми 15 000 присутствующих на митинге встретили приветствие И. В. Сталина. У оголтелых реакционеров дыхание спёрло при виде того, как Поль Робсон и советский генерал Василий Козлов, стоя на авансцене, заключили друг друга в объятия.

С того же дня ещё больше усилилась бешеная травля Американского всеславянского конгресса и организаций, помогавших и помогающих его деятельности в защиту мира, в защиту советско-американского сотрудничества, в защиту торговых и культурных связей между американским народом и народами Советского Союза и стран народной демократии.

В сентябре 1948 года состоялся очередной славянский конгресс защиты мира в Чикаго. На этот раз министерство юстиции США буквально за день до открытия конгресса отдало приказ о моём аресте. Этот по сути дела незначительный факт реакция попыталась превратить в громкую сенсацию. О нём оповестили всю страну по радио, о нём кричали газеты. Всё это делалось с одной и той же целью: раздуть военную истерию, усилить массовый психоз и, в частности, запугать делегатов, которые съехались со всех концов страны в Чикаго, а в конечном счёте и для того, чтобы сорвать конгресс. Но этого достигнуть не удалось. Американские славяне, поборники мира, не дали себя запугать. Наоборот, в Чикаго приехали даже те, кто до начала провокации вовсе не собирались туда ехать. Единство и сплочённость делегатов под знаменем борьбы за мир и свободу, за возвращение к политике Рузвельта, за американо-советское сотрудничество явились достойным ответом славяно-американских борцов на все попытки Трумэновского правительства терроризировать их.

После окончания конгресса правящие круги США, придя в неистовство от своей неудачи, ещё более усилили преследование американских славян, борющихся за мир. Угрозы, аресты, допросы сыпались на нас, как из рога изобилия. Но этот приступ террористического бешенства лишь закалил нашу волю к борьбе.

Под тем же лозунгом непримиримой борьбы против поджигателей войны была проведена и американская славянская конференция в защиту мира, состоявшаяся в Нью-Йорке в начале октября 1950 года. Помимо делегатов от славянских организаций и центров, в работе конференции приняли участие Поль Робсон, Говард Фаст, секретарь прогрессивной партии Билли Болдуин и священник Джон Дарр.

Эта конференция явилась красноречивой демонстрацией единства американских славян со всем свободолюбивым и миролюбивым американским народом. Как на один из многочисленных примеров этой совместной борьбы трудящихся США, укажу на крупную стачку рабочих, вспыхнувшую несколько лет назад на заводе Форда в Дирборне. В ней приняли участие 65 тысяч человек. Пикеты бастующих оцепили всю огромную заводскую территорию, преграждая путь штрейкбрехерам. Американские славяне заняли отведённые им места в общей цепи и мужественно несли охрану наиболее важных её звеньев.

Общезвестно, что в своём лютот стремлении обескровить лагерь сторонников мира в США американская реакция пытается использовать отщепенцев-эмигрантов. На Девятой улице в Вашингтоне находится центр так называемого «Зелёного интернационала». Это поистине зменное гнездо наёмных убийц и диверсантов возглавляют Миколайчик и Гемето. Уже одно то, что подобная шайка негодяев и предателей нашла гостеприимный приют в столице США, неподалёку от государственного департамента, свидетельствует о многом.

Впрочем, ни Ачесон, ни Даллес не делают секрета из этих своих связей с уголовными политиками, руки которых обгажены кровью и покрыты грязью. В пресловутом «Комитете спасения Европы», созданном советником государственного департамента Даллесом, давно уже принимают активное участие те же миколайчики и гемето, старающиеся изо всех сил помочь своим хозяевам в организации шпионажа и диверсий против СССР и стран народной демократии.

Мне как-то пришлось присутствовать на одном из «программных» выступлений Джона Фостера Даллеса. Это была злобно демагогическая речь, полная стандартных клеветнических выпадов против СССР, против всех миролюбивых народов, против всех, кто не согласен безропотно итти в подчинение тем, кому столь усердно служит сам мистер Даллес. Этот поджигатель войны без всяких стеснений призывал к организации диверсий против лагеря мира и демократии.

После «доклада» Даллеса начались «прения». Униженно-подхалимские речи Миколайчика и Гемето напомнили мне реплику одного из героев бессмертного Салтыкова-Щедрина: сказал и почувствовал, как от языка завоняло. Гемето размечтался даже о том, что неплохо было бы выступления Даллеса отпечатать в виде листовок и разбросать с самолёта над странами Восточной Европы.

В целом, однако, и выступление Даллеса, и подхалимские реплики его содержания были проникнуты духом уныния, несмотря на весь их демагогически крикливый тон. Было ясно, что, несмотря на драконовский террор, ложь и клевету против борцов за мир, американской реакции не удаётся подавить движение борьбы за мир даже в собственной стране.

Террор против сторонников мира.

Расходы на гонку вооружений, достигшие в этом году невиданной цифры в более чем сто миллиардов долларов, а также непрерывно растущая инфляция, дороговизна и увеличивающаяся безработица — всё это ухудшает положение народных масс, толкает их на размышления, зовёт к действию, к борьбе.

В такой напряжённой обстановке террористические меры, применяемые правящими кругами против сторонников мира в США, во многих случаях приносят обратные результаты. Они разжигают возмущение народных масс и усиливают протесты, ещё более обостряя борьбу.

Можно было бы сослаться в данном случае на всему миру известную попытку

линчевать летом 1949 года Поля Робсона — попытку, которую так взволнованно, правдиво описал Говард Фаст в книге «Пикскилл, США».

Не менее знаменательным случаем такого же рода следует считать зверское нападение полиции на демонстрацию 2 августа 1950 года в Нью-Йорке. Демонстрация эта состоялась спустя несколько недель после начала американской интервенции в Корею.

В установленный час более 15 тысяч трудящихся, несмотря на запрет властей, собрались на площади Юнион-сквер в Нью-Йорке, хотя она заранее была оцеплена полицией. После того, как демонстранты соорудили первую импровизированную трибуну и должен был начаться митинг, более двух тысяч полицейских и гангстеров со зверским остервенением накинулись на участников демонстрации — женщин, мужчин и детей. Конная полиция самым безжалостным образом сбивала с ног даже случайных прохожих. Площадь обрызгана кровью рабочих. Полиция неистовствовала. По словам репортёров либеральной газеты «Дейли компас», подобных сцен им не приходилось наблюдать даже в гитлеровской Германии.

И всё же, несмотря на неравенство сил, демонстранты на протяжении двух часов отражали атаки конной и пехотной полиции, организуя в то же самое время отдельные выступления в разных концах площади.

Такую же зверскую расправу нью-йоркская полиция учинила в мае 1951 года над демонстрацией, организованной против возвратившегося из Германии в США одного из ярых поджигателей войны генерала Клей. Клей был, как известно, командующим американскими оккупационными войсками и показал себя в качестве яркого сторонника перевооружения Западной Германии и превращения её в очаг новой войны. Демонстрация перед залом Таун-холл, в которой приняло участие более пяти тысяч человек, а также неожиданные выступления демонстрантов в самом зале привели даже такого человека, как Клей, в смущение и помешали ему произнести заранее подготовленную речь. Отказавшись от своего слова, Клей «предоставил слово» полиции: с необычайной яростью она накинулась на демонстрантов, избивая и топчая женщин, детей, мужчин.

В этот вечер центральная площадь Нью-Йорка — Таймс-сквер — до поздней ночи оглашалась возгласами: «Долой интервенцию в Корею!», «Мир с народами всего мира!». Эти прозные возгласы гулким эхом отдавались по всей стране и, подобно звуку колокола в известном стихотворении Шиллера, будили живых, оплакивали мёртвых и призывали к борьбе!

Ложь американской реакции.

Стремясь подавить движение в защиту мира, американские агрессоры и угнетатели прибегают не только к террору, но и к попыткам обмануть свой народ и другие народы мира, опутать их чудовищной ложью и демагогией. Центральное место здесь занимает ложь о том, будто западной цивилизации, а также жизни и безопасности американского народа угрожает «советская агрессия с востока». Буквально то же самое, как все помнят, утверждали нацисты, когда они подготавливали вторую мировую войну.

В качестве «доказательства» мнимой «советской агрессии» американские правящие круги и печать приводят установление народно-демократических режимов в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии и Албании. Ссылаются они также и на опломбированную историческую победу китайской народной революции, и на возникновение Германской Демократической Республики.

Американские миллиардеры и миллионеры очень хотели, чтобы вторая мировая война, в которой свободолюбивые народы мира во главе с СССР дорогой ценой добились разгрома фашистской Германии и империалистической Японии, закончилась восстановлением старых реакционных режимов в перечисленных выше странах, но чтобы на сей раз они были бы подчинены господству американского финансового

капитала. А так как благодаря бдительности народов в этих странах, благодаря авторитету и мощи СССР, его дальновидной миролюбивой политике добиться этого матнам Уолл-стрита не удалось, то они и завопили на гитлеровский лад об угрозе «советской агрессии», стремясь этими воплями приккрыть подготовку ими новой мировой войны и осуществляемые уже акты агрессии и экспансии.

Несмотря на то, что эта гнусная гитлеровская ложь была уже не однажды разоблачена и разбита в пух и прах, американские претенденты на мировое господство без всяких колебаний возродили её, «американизировали» и принялись самым наглым образом распространять. Утверждение Гитлера о том, что чем «колоссальнее ложь» и чем чаще она повторяется, тем якобы больше шансов на то, что в неё поверят, стала руководящим лозунгом американской реакции; прикрываясь этой «колоссальной ложью» нацистского происхождения, американские империалисты объявляют себя «спасителями» греческого и других народов, провозглашают «доктрину Трумэна», навязывают Европе «план Маршалла» и загоняют маршаллизованные страны в агрессивный Северо-атлантический блок.

Американские сторонники международного сотрудничества в интересах мира, разумеется, постоянно разоблачают эту ложь об «опасности советской агрессии». Видные общественные деятели и учёные, руководители прогрессивных профсоюзов и национальных организаций США осудили эту преступную демагогическую тактику как американский вариант демагогической тактики нацистов. В некоторых газетах появились резкие критические комментарии, причём даже такой орган, как «Чикаго дейли ньюс» назвал «доктрину Трумэна» «открытым приглашением воевать». С разоблачениями бесстыдного обмана американского народа выступали Вито Маркантонио и представители славянских организаций — Георгий Садовский из Детройта и Адольф Сабат из Чикаго.

Демократия на словах — фашизм на деле.

В качестве ответственного секретаря Американского всеславянского конгресса мне довелось выступить перед сенатской комиссией по иностранным делам, где тогда председательствовал сенатор-республиканец Ванденберг. Эта комиссия проводила в то время обсуждение «доктрины Трумэна». Обсуждение это, разумеется, было организовано вовсе не для того, чтобы дать возможность высказаться тем, кто действительно выражает точку зрения народа! С помощью демагогических манёвров и соблюдения видимости демократии правители США пытались ещё раз обмануть народ, усилить его и облегчить конгрессу одобрение этой доктрины агрессии и войны.

Само собой понятно, что подавляющее большинство тех, кого комиссия пожелала «заслушать», составляли отъявленные реакционеры. Выступления нескольких прогрессивных деятелей, сумевших, благодаря огромной настойчивости организаций, которые они представляли, получить слово, были ограничены пятью-десятью минутами. Я употребил свои десять минут на то, чтобы заявить, что поддержка антинародных правительств греческих монархо-фашистов и турецких реакционеров есть преступление как против прудящихся этих стран, так и против самого американского народа, против его славных революционных традиций. В заключение я от имени американских славян резко осудил «доктрину Трумэна», представляющую американское издание пресловутой доктрины гитлеровских агрессоров и убийц.

Чтобы не возбуждать общественного негодования, меня не арестовали тут же, в зале конгресса. Но моё выступление в комиссии дало повод к новому подробному «расследованию» всей моей деятельности как ответственного секретаря Американского всеславянского конгресса и секретаря Македонского народного союза и повлекло за собой неоднократные аресты по обвинению в пропаганде «насильственного свержения» правительства США.

Уже после подписания Севэро-атлантического пакта Всеславянский конгресс снова поручил мне явиться в ту же самую сенатскую комиссию, на этот раз заседавшую под председательством сенатора-демократа Тома Коннэли.

Помню более чем симптоматичную сценку, разыгранную в кулуарах сената. Неподдалёку от себя я заметил оживлённо беседующих сенаторов Ванденберга и Коннэли. В этот момент ко мне подошёл какой-то чиновник и с весьма озабоченным видом спросил, являюсь ли я американским гражданином. Я ответил, что по милости властей таковым не являюсь, и в свою очередь осведомился, почему это его интересует.

— В таком случае вам не может быть предоставлено слово для выступления в сенатской комиссии.

Через минуту он у меня на глазах доставил полученные им «сведения» мистеру Коннэли. Моя фамилия, произнесённая чиновником, произвела несомненное впечатление и на Ванденберга. То ли он вспомнил моё выступление в комиссии по вопросу о «доктрине Трумэна», то ли ему пришла на память моя давняя «бунтарская» деятельность в штате Мичиган на заводах «Дженерал моторс», владельцем которых он представляет в сенате, — сказать не могу. Во всяком случае, Ванденберг горячо подтвердил, что слово мне давать не следует. И Коннэли, которого, собственно, ни в чём уговаривать и не приходилось, очень охотно в предоставлении мне слова отказал.

Вот она — «двухпартийная политика» в действии: сенатор-республиканец и сенатор-демократ в четыре руки дружно зажимают рот человеку, представляющему многомиллионную организацию прогрессивных американцев!

Во время заседания, в ответ на мой протест, сенатор Коннэли закричал, что я лишён слова, и дал знак двум полицейским вывести меня из зала.

Вскоре после этого я был вызван повесткой в Вашингтон на гестаповское расследование деятельности Американского всеславянского конгресса, производившееся другой сенатской комиссией под председательством фашиста Маккарэна. Одно из выдвинутых против меня «обвинений» гласило, что во время лейпцигского процесса я поместил в газете «Дейли уоркер» хвалебную статью о Георгии Димитрове и осенью 1946 года огласил приветственное письмо И. В. Сталина славянскому конгрессу. Я с чувством особого удовлетворения и гордости признал оба эти «обвинения» правильными.

Две Америки.

Моя высылка из США лишила меня возможности принимать дальнейшее участие в борьбе за мир в вотчине американских поджигателей новой мировой войны. Но зато я и моя семья радуемся теперь свободе. Мы переживаем дни истинного счастья и восторга при виде победного продвижения болгарского народа к светлому социалистическому будущему.

Огромное впечатление произвёл на меня тот факт, что болгарская демократическая общественность, болгарский народ и его правительство делают чёткое различие между американскими поджигателями новой войны и американскими борцами за мир и свободу. Это правильно.

Америка Уолл-стрита, Америка бесчеловечных монополистов и их послушного правительства — заклятый враг всех свободолюбивых народов. Против их пропаганды, против их адских планов и попыток реставрировать фашизм и установить своё кровавое господство во всём мире мы должны бороться не покладая рук.

Но есть и другая Америка — Америка трудового народа, Америка Уильяма Фостера и Юджина Денниса, Поля Робсона и Говарда Фаста, Эльмера Бенсона и Бини Болдуина, Вито Маркантонио и Лео Кржицкого, д-ра Барского и д-ра Дюбуа, Америка крепнущего движения за мир и свободу. Эта Америка, эти американские борцы за свободу, мужчины и женщины — наши братья и сёстры! Они наши союзники в борьбе за мир, свободу и прогресс.

В рядах американского движения за мир и свободу есть испытанные и закалённые борцы.

Доблестное, мужественное поведение руководителей американской коммунистической партии США как во время процесса на Фоли-сквер, так и теперь, в тюрьме, не может не вызвать восхищения и уважения у всякого подлинного сторонника мира.

Находясь в США, я имел случай беседовать с Томом Муни в одной из больниц Сан-Франциско незадолго до его смерти. Как известно, в 1918 году движение протеста, охватившее рабочих всего мира, спасло жизнь этому прогрессивному профсоюзному деятелю, по ложному обвинению осуждённому американской реакцией на смертную казнь. Когда речь зашла о героизме и самоотверженности, проявленных Георгием Димитровым перед фашистским судом в Лейпциге, по измученному лицу Муни потекли слёзы, слёзы восторга перед великим болгаринном, великим мировым борцом против фашизма. С огромным восхищением и теплотой говорил Муни о Советском Союзе. Свидание с Муни напомнило мне ещё раз о том, как велика и действительна сила народного протеста и массовой солидарности.

Теперь я продолжаю свою борьбу за мир в Болгарнии. Мы все здесь должны действовать с такой силой, чтобы она повседневно ощущалась в самой Америке, в этой цитадели преступных интервентов и угнетателей.

С американскими борцами за мир нас связывает общее стремление к миру. Их «домашние» враги являются и нашими врагами. Болгарский народ не забыл и никогда не забудет бессмысленной варварской бомбардировки Софии, учинённой во время прошлой войны американской авиацией. Жертвами этой бомбардировки были беззащитные женщины, дети и старики. Может быть, кто-нибудь подумает, что те, кто учинил это, теперь раскаиваются в своём варварстве?! Ничего подобного. Наоборот. Один из полицейских, которые стерегли нас в тюрьме на Эллис-Айленд, хвастал тем, что и он принимал участие в воздушной бомбардировке Софии.

Американские империалисты в конце войны собирались разделить Болгарию между своими балканскими сателлитами из Афин, Белграда и Анкары. Они собирались отдать мой родной Пиринский край — единственную свободную часть Македонии — греческим монархо-фашистам. Теперь они продолжают устраивать заговоры с целью захвата Пиринского края титовской бандой. И если сейчас Болгария существует как самостоятельное народное государство, то лишь благодаря братской помощи и моральной поддержке могучего Советского Союза!

Ещё недавно американские атомные маньяки и авантюристы считали себя всемогущими. Они рассчитывали, что имеют монополию на атомную бомбу и что пройдут долгие годы, прежде чем Советский Союз окажется в состоянии производить атомную энергию и атомное оружие. Но заявление И. В. Сталина корреспонденту «Правды» о том, что Советский Союз проводит и будет проводить впредь испытания атомных бомб различных калибров для обороны, чтобы встретить нападение американских агрессоров во всеоружии, кладёт конец лживой легенде об атомной монополии США и басням о всемогуществе американской военной машины.

Это заявление И. В. Сталина является огромным вкладом в дело борьбы за мир во всём мире.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. ТИМОФЕЕВ

★

О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ГЕРОЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Проблема положительного героя получает в советской литературе многогранное и многообразное разрешение. Богатство социалистической действительности, вырабатывающее всё новые и новые типы людей, отвечающих своими качествами всё новым и новым задачам, которые ставит перед ними развитие общества, определяет и бесконечное разнообразие в трактовке положительного героя, создаваемого советской литературой в процессе своего исторического развития.

Проблема личности, по сути дела, — одна из важнейших проблем общественного процесса, смыслом которого, в конечном счёте, является освобождение человека, создание того «человеческого человека», который может достичь своего полного развития только в эпоху коммунизма. Тем самым проблема личности приобретает важное значение для советской литературы на всех этапах её развития. Образ положительного героя выражает в себе основные, ведущие тенденции эпохи

Однако конкретное решение этой важнейшей задачи всегда различно и зависит от исторического содержания разных этапов существования общества. Характер изображения человека в искусстве всегда и обязательно историчен, всегда определяется реальными общественными отношениями.

Проблема создания образа положительного героя является, если так можно выразиться, сквозной проблемой для каждого периода развития искусства (не говоря, конечно, о распаде искусства в современном буржуазном обществе, где отсутствие положительного героя и является одним из основных признаков этого распада.)

Социалистическое искусство, не отрицая,

а вбирая в себя лучшие традиции искусства классического реализма, подчиняет их задаче раскрытия социалистической действительности через образ положительного героя, наиболее полно воплощающего в себе тенденции этой действительности.

Совершенно неприемлемо то отрицание образа положительного героя в русской классической литературе, к которому пришёл А. Гурвич в статье «Сила положительного примера», опубликованной в журнале «Новый мир» № 9 за 1951 год. Героя русской литературы первой половины XIX века (до Чернышевского) А. Гурвич глубоко ошибочно характеризует только как лишнего, «разочарованного». В дальнейшем критик усматривает лишь разложение и вырождение этого типа в «обломовых». При этом А. Гурвич умалчивает о положительных образах русской литературы, начиная с лирического героя поэзии Ломоносова, Анюты из «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, героев Пушкина (например, Пётр Первый в «Полтаве», Дубровский), о положительных образах Гоголя (например, Тарас Бульба, его сын Остап, многочисленные персонажи из народа в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»), Тургенева (взять хотя бы образы крестьян из «Записок охотника», Базарова из «Отцов и детей»), не говоря уже о древней русской литературе и народном творчестве. Все эти образы дала писателям сама русская действительность. Отрицая возможность изображения русскими писателями XIX века положительного героя, А. Гурвич по сути дела игнорирует учение о двух культурах, столь блистательно развитое Лениным в статье «О национальной гордости великороссов».

Ещё более неправ А. Гурвич, когда он считает, что в поисках положительного героя революционно-демократические писатели сталкивались с непреодолимыми препятствиями, то есть фактически утверждает, что и у Чернышевского, и у Некрасова, и у Щедрина нет образа положительного героя. Но ведь и образ Рахметова из романа «Что делать?», и образ Волгина из «Пролога» Чернышевского являются прямыми предшественниками положительных героев советской литературы. А разве многочисленные образы тружеников-крестьян — от Марьи (из поэмы «Мороз красный нос») до мужиков — героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — не являются превосходным образным воплощением идеалов поэта? Разве не встаёт во весь рост положительный герой Некрасова в «Русских женщинах», в стихотворении «Памяти Добролюбова»:

...Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей: ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час,
И веще перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознёсся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровенна душевной красоты
Совмещены в нём были благодатно...

В этом редкостном по силе стихотворении во всей своей цельности возникает положительный герой, как он рисовался и Чернышевскому и всем другим революционным демократам, к числу которых принадлежал и Некрасов.

От образа этого положительного героя прямые нити тянутся к положительному герою советской эпохи. Отрицать эту связь, как делает А. Гурвич, значит пытаться представить советских писателей иванями, не помнящими родства, нерадивыми людьми, забывающими и пренебрегающими своим великим литературным наследством.

Новаторство советской литературы в создании образа положительного героя, конечно, не в том, что этого героя раньше не было, а теперь он появился. Новаторство проявляется здесь прежде всего в особом содержании образа положительного героя, в новом качестве воодушевляющих его исторических целей, которые являются высшей ступенью идейного и морального развития человечества.

Ленин определил эти цели при помощи понятия социалистического идеала.

«Преследуя социалистический идеал, — писал Ленин, — мы хотим бороться за полное осуществление социализма...»¹.

В утверждении социалистического идеала Ленин видел важнейшую задачу:

«...надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи... показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе».²

Борьба за коммунизм становится делом всего народа — в основе борьбы за коммунизм лежит движение самих масс. Вместе с тем эпоха борьбы за коммунизм представляет собой новый этап в становлении сознания этих масс. Отсюда и вытекают те условия, которые определяют новые качества искусства этой эпохи.

Высота социалистического идеала, осознанность цели, единство народов в устремлении к ней, невиданный массовый героизм в борьбе за эту цель определяют совершенно новый характер социалистической нравственности, социалистической морали. Важнейшей чертой эпохи борьбы за коммунизм является именно то, что она вырабатывает новый тип человеческой морали, определяющий собой все формы и пути человеческого поведения. «В основе коммунистической нравственности, — говорил Ленин, — лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма».³

Образ положительного героя в советском искусстве, в советской литературе по своему содержанию является образом, воплощающим и утверждающим новые принципы

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 25.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 93—94.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 270.

нравственности, новые принципы коммунистической морали.

Эту новую коммунистическую нравственность создаёт, прежде всего, то величайшее единство людей, которое возникает в процессе движения самих масс, в процессе коллективного труда и единой массовой борьбы за достижение величайших целей в истории человечества. Это определяет совершенно новые качества человеческого характера, всю систему его жизненного поведения. Благодаря тому, что миллионы трудящихся объединяются в социалистической деятельности, создаются новые взаимоотношения героя и массы. Это определяет создание нового типа личности в социалистическом обществе. Наш герой — это представитель народа, не отделяющий себя от массы, выступающий как лучший выразитель её стремлений. Вытекающая отсюда сила характера человека нового социалистического общества, способного на небывалый в истории героизм, на невиданное в истории самопожертвование, — опять-таки явление новой действительности.

Сущность новой нравственности, утверждаемой в образе положительного героя советской литературы, состоит именно в утверждении величия личности, вбирающей в себя величие массы и тем самым обретающей необычайную силу характера, поскольку в её основе лежит «...сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа»¹.

Ещё говоря о борцах французской коммуны, К. Маркс писал: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!.. История не знает ещё примера подобного героизма!»²

В эпоху Октябрьской революции, на несравненно более высоком этапе борьбы за коммунизм, этот пафос величайшего и небывалого в истории героизма, величайшее самопожертвование личности во имя победы общего дела принимали ещё более глубокий и значительный характер.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 364.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат. 1948, стр. 263.

Ленин говорил:

«...пролетарская революция сильна именно глубиной своих источников. Мы знаем, что на место людей, беззаветно отдавших свою жизнь, положивших ее в этой борьбе, она выдвигает шеренги других людей... продолжающих их дело, идущих по их пути, довершающих то, что они начали»¹.

Классическим примером такого отношения к жизни могут служить слова героя «Мятежа» Фурманова: «...помирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза... это ведь твоя последняя мобилизация!!».

Таким образом, самый характер новой социалистической действительности, создающей новую социалистическую нравственность, определяет высший этап развития личности, ту исключительную моральную атмосферу, в которой развивается человек — борец за новое, коммунистическое общество, тот небывалый в истории жизненный подъём, с которым он осуществляет борьбу за свои великие цели. Величие цели определяет и величие характера тех людей, которые борются за эти цели.

Требую от личности приложения всех сил для развития социалистического общества, оно само, в свою очередь, предоставляет личности всё необходимое для её собственного развития. Отсюда и вытекает та высшая форма развития личности, которую утверждает социализм.

«Социализм, — писал Сталин, — не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности»².

Ценность личности в социалистическом обществе, вытекающая из её роли в движении масс, определяет тем самым и её ответственность за осуществляемые ею задачи, за выбор того пути, по которому она пойдёт, и той судьбы, которая её ожидает. Этот выбор определяется именно личными качествами и свойствами человека, за которые он в первую очередь несёт ответственность. Ленин писал: «Личные исключения из групповых и классовых типов,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 75.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма. изд. 10-е, стр. 602.

конечно, есть и всегда будут»¹. Это значит, что при всех тех возможностях, которые предоставляют для развития личности окружающие её социалистические условия, — эти возможности превращает в действительность, в конечном счёте, лишь сама эта личность.

Чрезвычайно поучительны для понимания нового типа социалистической личности те характеристики, которые дают вожди рабочего класса Ленин и Сталин отдельным выдающимся революционерам, те качества, которые они прежде всего подчёркивают и выделяют, характеризуя основные черты этих людей.

Товарищ Сталин писал о Телия:

«Всё то, что больше всего характеризует социал-демократическую партию: жажда знаний, независимость, неуклонное движение вперёд, стойкость, трудолюбие, нравственная сила, — всё это сочеталось в лице тов. Телия. Телия воплощал в себе лучшие черты пролетария»². Товарищ Сталин подчёркивает: «Только в рядах пролетариата встречаются такие люди, как Телия, только пролетариат рождает таких героев, как Телия...»³.

В борьбе за коммунизм, определяющей новый характер исторической действительности, вырабатываются и принципиально новые черты человеческого характера. Именно поэтому тот тип личности, который представлен, в частности, в лице Телия, мог выработаться только в рядах пролетариата.

Это не значит, конечно, что тип социалистической личности отрицает значение и величие того типа личности, который был выработан в прошлом. Новый тип человека не отрицает старого типа человека, а вбирает в себя его лучшие черты, переводя их в новое историческое качество. Достаточно напомнить известные слова товарища Сталина о мужественном образе наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Этот перечень великих людей, образ которых должен был вдохновлять в Великую Отечественную войну бойцов Красной Армии, товарищ Сталин

заканчивал словами: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»¹.

Как видим, черты борца за родину, складывавшиеся ещё в далёком прошлом, не отрицаются на новом, высшем этапе этой борьбы — борьбы за социалистическую родину, а как бы вбираются, включаются в представление о характере нового человека.

Разве не предан своему народу был славный герой Гоголя — Тарас Бульба, погибший от руки врагов, но не павший духом в борьбе? Разве Пётр Первый, такой, каким он показан Пушкиным в «Полтаве», не являет собой высокий идеал? Безусловно герой нового времени сродни этим выдающимся личностям, выведенным в величавых творениях наших классиков. Но всё дело в том, что новые герои стремятся к неизмеримо более высокой цели, ибо это сознательные борцы за социализм. В этом их коренное отличие от положительных героев старой литературы.

Только в социалистическом обществе человеческий характер может достичь своего высшего развития. Как бы продолжая ту мысль, которую он высказал о Телия, товарищ Сталин говорил о Дзержинском: «...хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: ГОРЕНИЕ... Не зная отдыха, не чураясь никакой чёрной работы, отважно борясь с трудностями и преодолевая их, отдавая все свои силы, всю свою энергию делу, которое ему доверила партия, — он сторел на работе во имя интересов пролетариата, во имя победы коммунизма»². Говоря о Свердлове, Ленин подчёркивал в нём беззаветную преданность революционному делу. Значение рабочего-революционера Бабушкина Ленин видел именно в том, что он всю свою жизнь беззаветно отдал рабочему делу: «...он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи-рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...»³.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1951, стр. 40.

² И. В. Сталин. Сочинения, т. 8, стр. 192—193.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 333.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 246.

² И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 27.

³ Там же, стр. 31.

Приведённые характеристики имеют прямое отношение к трактовке образа положительного героя советской литературой. Как видим, и Ленин, и Сталин указывают, на важнейшую черту социалистического человека, состоящую в том, что он целиком отдаёт себя делу борьбы за социализм; с другой стороны, они подчёркивают в нём, как его личную величайшую заслугу, то, что он сам сумел найти этот путь и сумел проявить на этом пути все свои силы и все свои возможности.

Если борьба за социализм предоставляет человеку возможности для высшего развития его личности, то превращение этих возможностей в действительность есть его личное, индивидуальное дело, за которое отвечает он сам, — и величие человека на том и основано, что он до конца осознал эту свою задачу.

Таким образом, существенной чертой коммунистической нравственности, определяющей характер новой личности, является активность этой личности, активность, на основе которой она превращает в действительность данные ей историческими условиями возможности. Эту активность человек черпает в той великой борьбе, которую ведут массы за своё освобождение, в борьбе за великие цели коммунизма. Именно эта активность личности, черпаемая ею в борьбе пролетариата, в движении самих масс, определяет важнейшую черту социалистического человека, человека-революционера — развитие в нём черт исторического новаторства, умения понимать передовые тенденции исторического процесса и доводить их до сознания масс.

Таким образом, социалистическое искусство располагает для создания образа положительного героя прежде всего тем величайшим по своей значительности жизненным материалом, который даёт ему новая социалистическая действительность.

Высота социалистического идеала, героизм и величайшее самопожертвование в борьбе за его утверждение, величайшая активность человека, растущего и воспитывающегося именно в процессе борьбы за социализм, высочайшая ответственность этой личности в выборе своей судьбы, в которой она и находит своё высшее развитие, готовность отдать делу рабочего класса всего себя, — всё это определяет новый исторический тип социалистического

человека и тем самым определяет и новое содержание образа положительного героя в советской литературе, воплощающего в себе эти наиболее высокие в истории человечества принципы коммунистической нравственности.

Говоря об образе положительного героя, мы ни в каком случае не имеем в виду понятия, которое раз и навсегда сводится к устойчивому комплексу определённых и повторяющихся качеств. Образ положительного героя представляет собою прежде всего образ изменяющийся, непрерывно вбирающий в себя всё новые и новые черты, которые подсказывает ему меняющаяся историческая действительность, — от Нила из «Мещан» Горького до героев послевоенной советской литературы. И в то же время он остаётся внутренне единым именно потому, что в нём появляется основное и общее, решающее начало — беззаветное служение делу социализма, которое и воспитывает человека как носителя новой, коммунистической нравственности.

Сущность образа положительного героя в советской литературе — в том, что он воплощает в себе те передовые тенденции, которые сложились и определились в движении самих масс.

Положительный герой советской литературы — это выразитель социалистического отношения к жизни. Восходя в своём идейном и моральном генезисе к образам Нила из «Мещан» и Павла Власова из «Матери» М. Горького, все последующие герои, выведенные в произведениях советских писателей — от Чапаева («Чапаев» Д. Фурманова) и Павла Корчагина («Как закалялась сталь» Н. Островского), до Олега Кошевого и Любки Шевцовой («Молодая гвардия» А. Фадеева) — это герои, воодушевлённые социалистическим идеалом.

Героизм в советской литературе, как и в самой нашей действительности, имеет массовый характер. Советские писатели стремятся к изображению героя, который является рядовым, но незаурядным человеком, проявляющим свои героические черты как представитель освобождённой революцией народной массы.

Основные черты характера положительного героя — высота духовного облика, общественная ценность совершаемых ими поступков — определяются его участием в народной борьбе за социализм, в которой

и выковываются его лучшие качества. Положительный герой советской литературы — это прежде всего человек-патриот, руководствующийся в своём поведении и в своих требованиях к жизни социалистическим идеалом, до конца преданный партии, Родине, народу, готовый и к трудовому и боевому подвигу ради них. Именно эти его качества и воспитывают в нём творческое отношение к труду, последовательный демократизм, способность преодолевать любые препятствия на пути к поставленной цели, оптимизм и стойкость, чувство товарищества, трезвость мысли и пафос устремления вперёд, — всё то, что могло развиться в человеке, живущем и борющемся под руководством коммунистической партии.

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства», — сказано в историческом постановлении ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

В непрерывном движении вперёд, в неустанной борьбе за новое, передовое — против всего старого, реакционного, — заключена основа развития героя советской литературы. Образ положительного героя выступает в самых различных жизненных ситуациях, в самых различных аспектах общественного опыта, применительно к людям различного типа, социального положения, различных форм общественной деятельности и т. д.

Положительный герой в нашей литературе многообразен, он проходит через произведения советских писателей в самых различных планах. В каждом из героев по своему появляются решающие черты характера советского человека, каждый из них в той или иной форме и мере выступает перед читателем как известный образец и жизненная норма поведения в данных или аналогичных обстоятельствах. Известно, например, как часто в дни войны многим из советских людей, попавшим в тяжёлую обстановку, помогала мысль: «А как бы вёл себя в этих обстоятельствах Павел Корчагин?». Именно в этом воплощении идеала жизненного поведения и состоит прежде всего значение положительного образа в советской литературе.

впервые в истории мировой литературы ставшего достоянием массового литературного движения. Положительный герой в советской литературе — это человек, показывающий пример своему читателю и высокой поставленной цели, и силой и благородством характера, воспитанного борьбой за эту цель — за социалистический идеал.

С каждым новым годом писатели создают всё более разнообразный круг характеров, воплощающих положительные черты советского человека.

Богатство и разнообразие положительных героев в нашей литературе вытекает из единства социалистического идеала и социалистической действительности. В самой жизни советские писатели черпают материал для создания всё новых образов положительного героя.

В образе положительного героя находят своё конкретное выражение основные принципиальные черты советской литературы, её художественный метод — метод социалистического реализма.

Понятно, что основное жизнеутверждающее начало социалистического реализма ни в какой мере не исключает в нём и критического элемента, разоблачения всего того, что стоит на пути развития социалистического общества. В этом смысле социалистический реализм развивает — в новом, конечно, качестве — и традицию критического реализма. Неверным было бы, однако, видеть лишь в этом качестве сродство советской литературы с классической литературой. Как мы уже говорили выше, советская литература, являясь новаторской по своему идейному содержанию, опирается на животворящие традиции русской классики и в разработке образа положительного героя.

Проблема положительного героя стоит, по существу, и в тех произведениях советских писателей, в которых этот герой непосредственно не выступает или показан лишь частично. В этом случае перед нами судьба человека, отрицательные качества или трагическая судьба которого говорят о том, к чему ведёт нарушение принципов жизненного поведения, присущих положительному герою.

Борьба с различными видами буржуазного индивидуализма, уводящего человека от возможности стать полноценной личностью, является одной из существенных

форм борьбы советской литературы за положительного героя; в ней проявляется критическая направленность социалистического реализма по отношению ко всему тому, что мешает развитию новой жизни.

С наибольшей отчётливостью черты социалистического реализма выступают тогда, когда художник рисует социалистическую действительность. И, однако, он ею не ограничивается. Так, например, исторический роман в советской литературе, конечно, не изображает людей прошлого, как носителей социалистического сознания, непосредственно являющихся примером поведения для современного читателя, но, правдиво отражая исторические факты, он отбирает их под углом зрения интересов современности. Это позволяет решать проблемы нашего времени с помощью опыта прошлого, не нарушая исторической правды. Не случайно, например, в ходе формирования советской литературы ряд произведений исторического характера был связан с историей освободительного движения («Разин Степан» А. Чапыгина, «Емельян Пугачёв» В. Шишкова и др.). Большое развитие перед войной и в дни войны получил исторический военно-оборонный роман («Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Дмитрий Донской» С. Бородина). На историческом материале в этих романах осмысливались вопросы, близкие современности.

В «Петре Первом» А. Толстого проблема государства и человека, борьбы России за свою национальную независимость, картины её боевой славы точно так же тесно связаны с интересами современности. Советский писатель подходит к изображаемой им действительности, осмысливая прошлое в свете тех результатов, к которым привело развитие исторического процесса.

Трагедия человека в социалистическом искусстве, вытекающая из всё новых и новых сторон социалистической действительности, с которой он взаимодействует, практически безгранична и в основе своей определяется общими закономерностями, характеризующими развитие социалистического общества на каждом новом его этапе.

В нашу задачу не входит детальная характеристика формирования образа поло-

жительного героя на всём историческом пути развития советской литературы. Однако не бесполезно, хотя бы в самой сжатой форме, проследить на нескольких примерах, как растёт и изменяется образ положительного героя, всё более широко и многогранно проявляя себя в процессе развития советской литературы в целом.

Рост и развитие образа определяется двумя, так сказать, перекрещивающимися условиями: с одной стороны, развитием самой действительности, утверждающей всё более новые и всё более разнообразные пути формирования коммунистического общества; с другой стороны, осмысление этого опыта осуществляется художником ни в коей мере не автоматически, а определяется его личным общественным опытом, кругозором, мировоззрением, то есть всем тем, что позволяет ему с наибольшей глубиной уловить и понять всё то новое, что развивается в самой действительности.

Когда мы обращаемся к характеристике этапов развития образа социалистического положительного героя, то начать эту характеристику мы вправе с образа героя горьковской пьесы «Мещане» — машиниста Нила (1902). Несомненно, образу Нила многое уже предшествовало в творчестве раннего Горького конца 90-х — начала 900-х годов не только в обрисовке так сказать эпических образов (Эзорник, Коновалов и др.), но и, главное, в образе повествователя, который у раннего Горького играет значительную роль.

Образ повествователя выступает в ранних произведениях Горького в самых разнообразных аспектах: он и собеседник (как Максим Савватеевич в «Супругах Орловых»), и спутник («Емельян Пиляй»), и друг («Коновалов»), и наблюдатель (Метер в «Бывших людях»), и рассказчик («Челкаш», «Скуки рад») и т. д. Образ повествователя в творчестве раннего Горького — это образ, который чаще всего является носителем оценок, формовщиком определённой точки зрения на всё происходящее. Художественная функция образа повествователя у раннего Горького состоит именно в том, что в отличие от различных видов стихийного протеста против действительности, показанной в персонажах рассказов раннего Горького, образ повествователя даёт нам уже новый тип человека — человека, осознающего путь

устранения жизненных противоречий буржуазного строя, человека, социалистически мыслящего. Если Коновалов в своём стихийном гневе может только просить своего друга «объяснить ему его жизнь», то друг его, повествователь, рассказывающий о Коновалове, уже в состоянии выполнить эту просьбу:

«Я начал говорить об условиях и среде, о неравенстве, о людях — жертвах жизни и о людях — владыках её... Я с жаром расписывал ему его жизнь и доказывал, что он не виноват в том, что он таков. Он — печальная жертва условий, существо, по природе своей со всеми равноправное и длинным рядом исторических несправедливостей сведённое на степень социального нуля». Именно от лица повествователя дано известное вступление к рассказу «Челкаш», бросающее совершенно новый свет на трагическое столкновение двух несчастных людей — Челкаша и Гаврилы, которые сами не в состоянии осмыслить всей трагедии своего существования:

«До слёз смешны длинные вереницы грузчиков, несущих на плечах своих тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того, чтобы заработать несколько фунтов того же хлеба для своего желудка. Рваные, потные, отупевшие от усталости, шума и зноя люди и могучие, блестящие на солнце дородством машины, созданные этими людьми, — машины, которые в конце концов приводились в движение всё-таки не паром, а мускулами и кровью своих творцов, — в этом сопоставлении была целая поэма жестокой иронии... всё кругом казалось напряжённым, теряющим терпение, готовым разразиться какой-то грандиозной катастрофой, взрывом, за которым в освежённом им воздухе будет дышаться свободно и легко...»

Все эти примеры свидетельствуют о том, что ещё до пьесы «Мещане» образ положительного героя в своих существенных чертах уже складывался в творчестве раннего Горького. Однако бесспорно, что в образе Нила все эти черты получили новое качество, со всей отчётливостью персонафицировавшись в типически обрисованном характере, впервые появившемся в истории мировой литературы, — в характере человека, являвшегося носителем социалистического, в широком смысле слова, отношения к действительности. В образе Нила

Горьким уловлено прежде всего то качество исторической активности нового человека, о котором мы говорили выше. Нил является носителем огромного жизненного оптимизма: «...жить — мне нравится!.. Большое это удовольствие — жить на земле! — говорит он. — ...ненавижу людей, которые портят жизнь...»

Эта радость жизни в образе Нила не пассивна; она связана с отчётливым представлением о том, что «Человек должен сам себе завоевать права... Прав — не дают, права — берут...»

Этот пафос нового отношения к жизни Нилу дают стоящие за ним трудовые массы, трудовой народ.

— «Да, — говорит он, — хозяин тот, кто трудится... Запомните-ка это!»

В этих словах Нила, так же, как и во всём его жизненном поведении, раскрытом перед нами, отчётливо обрисовывается человек нового типа и склада, выросший в той обстановке коллективного труда и борьбы, которая была присуща только пролетариату. Только в этой среде и создавались общественные условия, которые вырабатывали человека нового типа. Готовность к борьбе, к подвигу, чувство единства с трудовым народом и вытекающая отсюда новая по своему историческому качеству активность человеческой личности — все эти решающие качества образа социалистического положительного героя художественно открыты и воплощены в образе Нила.

Вместе с тем мы видим, что новизна художественной задачи, стоящей перед Горьким, и самый характер исторической действительности конца 90-х — начала 900-х годов, наблюдение над которой было положено в основу образа Нила, определяют известную его ограниченность. Основное и главное в жизни Нила — его труд, его борьба, его социальные связи, — всё это находится вне поля зрения пьесы. Нил проявляет себя только в семейной обстановке Бессеменовых. Разрыв с ней и завершает пьесу. Таким образом, практическая, действительная сторона нового человеческого характера остаётся ещё в значительной мере в тени.

В пьесе «Враги» (1906) Горький устранил эту ограниченность в трактовке нового героя. Здесь в центре внимания — уже рабочий коллектив, рабочая масса, выковыливающая важнейшие черты характера нового

человека — выдержку, настойчивость, решимость и умение во что бы то ни стало добиться цели. Но вместе с тем во «Врагах» задача изображения рабочего коллектива в известной мере отодвинула на второй план изображение индивидуального героя, концентрирующего в себе качества этого коллектива. Роман «Мать» явился ещё более важным этапом в работе Горького над созданием образа социалистического положительного героя. В романе в равной мере разрешена и задача изображения массового движения революционного рабочего класса и революционного крестьянства и, вместе с тем, задача раскрытия передовых качеств человека, рождающихся в процессе революционной борьбы.

Павел Власов выступает перед нами как первый, данный во всём богатстве его художественного воплощения, образ героя нового типа. Но это не одиночка; он выступает перед нами как первый среди равных, он окружён людьми, в каждом из которых уже в той или иной степени раскрываются передовые черты, выковываемые в человеке революционной борьбой рабочего класса (Пелагея Ниловна, Николай Иванович, Софья, Рыбин, Весовшиков, Находка и др.). В образе Павла этот процесс выражается с наибольшей отчётливостью, но отнюдь не как исключительное явление. Мы находим в Павле те же черты личности, исторически активной и черпающей эту активность в связи с массами, — черты, о которых мы уже говорили, разбирая образ Нила. Теперь эти черты выступают перед нами во всей их реальной обусловленности, они раскрываются в революционной практике и тем самым получают глубочайшее жизненное обоснование. Существовало вместе с тем — и это вполне закономерно, — что Горький рисует черты героя нового типа применительно к той реальной жизненной обстановке, в которой этот герой только ещё начинал формироваться. Ему приходится предостерегать в себе самые старые навыки и взгляды, которые привила ему окружавшая его среда. В процессе своего развития он шаг за шагом накапливает опыт самых первоначальных форм революционной борьбы и организации рабочего класса (листовки, подготовка демонстрации и т. д.). Горький подчёркивает в образе Павла и его друзей черты, так сказать, массовости, говорит об этих

людях, как о рядовых представителях рабочего класса и тем самым подчёркивает опромную силу нарастающего рабочего движения, движения миллионов.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела на авансцену истории в качестве решающей исторической силы освобождённый народ. Она поставила перед художниками слова новые творческие задачи, решить которые можно было только на основе глубокого понимания исторического смысла событий, в духе принципов, выработанных Горьким.

В литературу теперь вошёл образ человека нового типа — революционера, большевика, освободителя народа, — взятый из самой гущи жизни. Этот образ был дан Горьким в эпоху первой революции, теперь он стал действовать в новых, небывалых исторических условиях. События Октябрьской революции и гражданской войны определили новый характер сюжета: изображение человека в конфликтах, возникающих в процессе героической борьбы масс.

Но понимание новой действительности было у части писателей ещё неполным, односторонним; оно не было ещё достаточно насыщено практическим опытом борьбы за социализм. Поэтому черты нового человека некоторые наши писатели показывают вначале условно-схематически.

Лишь постепенно и в первую очередь в произведениях наиболее идейно вооружённых писателей появляется центральный герой нового времени — борец-коммунист, строитель новой жизни. Впервые его черты лирически воплотил Маяковский. Реальный облик этого героя одним из первых изобразил Д. Фурманов. Огромное значение имел также «Железный поток» А. Серафимовича. Вслед за тем в литературу пришла целая плеяда новых писателей, принёсших в литературу опыт жизни и борьбы широких народных масс: М. Шолохов, А. Фадеев, Л. Леонов, В. Иванов, Ф. Панфёров и многие другие.

Нет возможности остановиться на разборе всего того существованию нового, что внесли эти писатели в разработку образа положительного героя. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть лишь отдельные особенности творческого пути и творческих принципов Д. Фурманова и А. Фадеева, поскольку они представляют нам существенными для понимания некоторых важных особенностей развития образа по-

ложительного героя в советской литературе.

Теснейшая связь с революционной массой, живое практическое участие в событиях огромного исторического масштаба, соприкосновение с людьми, которые в себе несли ту слитность возможного и действительного, вне которой немислим социалистический идеал (Фрунзе, Чапаев), — всё это в соединении с личными качествами писателя создавало благоприятнейшую почву для решения Д. Фурмановым той творческой задачи, которая должна была двинуть вперёд развитие советской литературы.

«Я, как знаете, неисправимый реалист, — записывает Д. Фурманов, — мне подавай голую жизнь без всяческих мантий, без вычур, без гримас».

И в то же время он заявляет в своих дневниках:

«К чёрту быт — символами. Символы долговечней, восторженней, глубже, чем фотографированный быт. В символах выход».

И далее:

«Если возьму Чапая, личность исторически существовавшую, начдива 25, если возьму даты, возьму города, селенья, всё это по-действительному, в хронологической последовательности, имеет ли смысл тогда кого-нибудь окрещивать, к примеру — Фрунзе окрещивать псевдонимом? Кто не узнает? Да и всех других, может быть... Так ли? Но это уже будет не столько художественная вещь, повесть, сколько историческое (может быть и живое) повествование».

И тут же:

«Кой-какие даты и примеры взять, но не вязать себя этим в деталях. Даже и Чапая окрестить как-то по-иному, не надо действительно существовавших имён — это развяжет руки, даст возможность развираться фантазии».

И, наконец, известные слова:

«...дать ли Чапая действительно с мелочами, с грехами, со всею человеческой требухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую, т. е. хотя и яркую, но во многом кастрированную?»

Склоняюсь больше к первому».

Эти напряжённые творческие поиски и колебания Д. Фурманова чрезвычайно существенны и интересны.

Они показывают, с каким трудом писатель нащупывал то единство возможного и действительного, которое впервые родилось в горниле Великой Октябрьской социалистической революции и знаменовало принципиально новый этап в развитии человечества. Но одновременно они, эти поиски, увенчавшиеся у Д. Фурманова столь успешно созданием образа Чапаева, показывают высокую степень его идейной и художественной сознательности. Одним из первых Д. Фурманов создал образ положительного героя нового времени, положительный образ героя революции — Чапаева, человека, вышедшего из самой гущи народных масс и ставшего одним из водителей этих масс.

Исключительно интересен набросок посвящения «Чапаева»:

«Мужикам Самарской губернии, Уральским рабочим, Красным ткачам Иваново-Вознесенска, киргизам и латышам, мадырам и австрийцам — всем, кто составлял непобедимые полки Чапаевской дивизии, кто в суровые годы гражданской войны — часто без хлеба, сапог, без рубах, без патрон, без снарядов — с одним штыком сумели пройти по Уральским степям до Каспийского моря, по самарским лугам на Колчака, на Западе — против... белоказачьей орды, против полков офицерских, кто кровь свою пролил за великое дело, кто отдал жизнь свою на алтарь борьбы, — всем вам, герои гражданской войны, чапаевцы, я посвящаю эту книгу».

Этот набросок свидетельствует, в какой мере сама обстановка гражданской войны наталкивала Фурманова на ощущение того идеала, который уже реально воплощался в действительности.

Фурманов — вслед за Горьким — нащупывал это важнейшее свойство социалистической эстетики: единство идеала и действительности в самой жизни, открывающее совершенно новые качественные возможности, в частности, для развития того жанра, который сам Фурманов удачно определил как «художественно-исторический».

В этом смысле Д. Фурманов явился основоположником целого ряда произведений подобного рода («Как закалялась сталь», «Педагогическая поэма», «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия» и ряд других).

Д. Фурманов говорил: «А может быть уж такое героическое время наше, что и подлинное геройство мы приучились считать за обыкновенное рядовое дело».

Новая социалистическая действительность, в которой героическое становилось рядовым, а рядовое оказывалось героическим, требовала новых художественных средств для своего воплощения.

Точность в передаче документального материала жизни не помешала Д. Фурманову в то же время оставаться на высоте его художественного осмысления: всё дело в том, что Д. Фурманов оказался в состоянии — и в этом была сущность его таланта — раскрыть действительное как возможное, то есть в его революционном развитии, именно потому, что он воспроизводил действительность принципиально новую по своему характеру.

Д. Фурманов записал в своём дневнике: «Обрисованы исторические фигуры — Фрунзе, Чапаев. Совершенно неважно, что опущены здесь мысли и слова, действительно ими высказанные, и, с другой стороны, приведены слова и мысли, никогда ими не высказывавшиеся в той форме, как это сделано здесь. Главное — чтобы характерная личность, основная верность исторической личности была соблюдена, а детали значения совершенно не имеют. Одни слова были сказаны, другие — могли быть сказаны. Не всё ли равно? Только не должно быть ничего искажающего верность и подлинность событий и лиц».

Решение вопроса о единстве действительного и возможного есть вместе с тем и решение вопроса о положительном герое, о создании такого героя, духовный мир и поведение которого вбирает в себя передовой опыт масс.

Уже в 1919 году, в статье «Сознательные герои» Д. Фурманов писал: «Есть герои настоящие, светлые, сознательные... Эти идут и умирают не из удали, не по горячке, не из жажды славы: они гибнут за идею. Их героизм вытекает с неизбежностью из глубокого убеждения в правоте своего дела: они тверды и мужественны, пламенны и решительны, они стойки и спокойны, ибо сознательно вступили в борьбу».

На этом-то понимании Фурмановым характеров тех людей, которые осуществляли

революцию, и жидклились его поиски новой художественной формы.

Своеобразие творчества Д. Фурманова именно в том и состояло, что он ощутил и художественно показал новое качество массы борцов за социализм, среду, в которой только и могут сформироваться новые люди. В изображении этих людей и процесса их формирования состоит его важнейшая заслуга.

Главное, что стоит в центре художественного внимания Фурманова, это — масса борцов за социализм периода гражданской войны, люди «...неудержимые, непобедимые, терпеливые ко всему, гордые и твёрдые в сопротивлении, отважно смелые и страшные в натиске, настойчивые в преследовании. Сражались героями, умирали, как красные рыцари, попадали в плен и мучениками гибли под пыткой и истязаниями! С такой надёжной силой нельзя было не побеждать — надо было только уметь ею управлять. Чапаев этим даром управления обладал в высокой степени, — именно управления такою массой, в такой момент, в таком её состоянии, как тогда. Масса была героическая... как наэлектризованная, её состояние не передать в словах: то состояние, думается, неповторяемо... Будут новые моменты — и прекрасные и глубокие содержанием, но это будут уже другие».

Чапаев — лишь первый среди равных, человек массы, несущий в себе её черты.

Но, будучи представителем героической массы, Чапаев в то же время вырастает над ней как личность именно потому, что он наиболее глубоко вобрал в себя цели и волю этой массы.

Обаяние и типичность образа Чапаева, раскрытые Фурмановым, состоят в том, что в нём выразилась мощь личности, начинающей осознавать себя в исторических условиях, когда освобождающаяся масса открывает перед ней небывалые перспективы. В этом именно, а не во внешней деятельности, — активность Чапаева. Он уже начинает понимать и выражать — пусть в самой наивной форме — цели и задачи борьбы, которую он ведёт.

Фурманов пишет о Чапаеве: «Многого он ещё не понимал, многого не переваривал, но уже ко многому разумному и светлому тянулся сознательно, не только инстинктивно. Через два-три года в нём кой-

что отпало бы окончательно из того, что уже начинало отпадать, и привилось бы многое из того, что его начинало интересовать и заботить, притягивать к себе неотразимо».

И вместе с тем преданность социализму в Чапаеве оказывалась настолько высокой, что чем выше сознавал он рост и значительность своей личности, тем полнее готов был отдать её делу борьбы за социализм.

Чрезвычайно характерно в этом отношении рассуждение Чапаева о ценности жизни:

«...чем я выше поднимаюсь, тем жизнь мне дороже... Не то, что трусливее стал, а разуму больше. Я уже плясать на окопе теперь не буду: шалишь, брат, зря умирать не хочу... «А в дело?» — спросил Фёдор.

— В дело? Вот вам клянусь,— горячо сказал Чапаев,— клянусь, чем хотите, што в деле трусом не буду никогда... Ежели в дело — тут всякие другие мысли пропадают...»

Здесь ключ к пониманию перехода характера типа Чапаева в характер типа Клычкова и Фурманова («Мятеж»), то есть в характер сознательного передовика-коммуниста.

Само собой понятно, что и Клычков и Фурманов («Мятеж») даны в развитии. Растёт не только их боевой опыт и выдержка. Растёт их политический опыт. Но главное в том, что они являются носителями той сознательной исторической активности, пробуждение которой захватывает нас в Чапаеве.

Заслуга Фурманова состоит в том, что на заре советской литературы сумел и увидеть тип положительного героя эпохи, и дать его художественное воплощение, оказав глубокое влияние на последующее развитие образа положительного героя в советской литературе.

Творчество Д. Фурманова поучительно для нас именно тем, что он рисует самый процесс формирования личности нового типа в процессе борьбы революционных масс за социализм. В этом состояло и своеобразие и историческая закономерность того нового, что вносил Д. Фурманов в трактовку образа социалистического положительного героя литературы того времени.

Другая и не менее важная сторона этой проблемы состояла в раскрытии определя-

ющей роли личности, как носительницы революционного, большевистского сознания, ведущей за собой массу, воспитывающей, переводящей её на рельсы коммунистического сознания.

Именно в этом заключался тот новый шаг в трактовке образа положительного героя, который был сделан А. Фадеевым в романе «Разгром».

«Какие основные мысли романа «Разгром»? — писал Фадеев.— Я могу их определить так. Первая и основная мысль: в гражданской войне происходит отбор человеческого материала, всё враждебное сметается революцией, всё неспособное к настоящей революционной борьбе, случайно попавшее в лагерь революции, отсеивается, а всё растущее из подлинных корней революции, из миллионных масс народа закаляется, растёт, развивается в этой борьбе. Происходит огромнейшая переделка человеческого материала.

Эта переделка человеческого материала происходит успешно потому, что революцией руководят передовые представители рабочего класса — коммунисты, которые ясно видят цель движения и которые ведут за собой более отсталых и помогают им перевоспитываться и перерабатываться.

Так я могу определить основную тему романа». С этой точки зрения и определяется значение и новизна в романе «Разгром» образа Левинсона, «человека, всегда идущего во главе». В нём — та историческая активность, которая является определяющей для героя нового типа, выступает с особенной яркостью и полнотой.

«Видеть всё так, как оно есть, для того чтобы изменять то, что есть, приближать то, что рождается и должно быть,— вот к какой—самой простой и самой нелёгкой мудрости пришёл Левинсон».

Важнейшей чертой его является то величайшее чувство единства с народом, преданность интересам которого позволяет преодолеть все препятствия. Не случайно, глядя на остатки своего так сильно пострадавшего в бою отряда, Левинсон чувствует, что эти измученные, верные люди ему «ближе всего остального, ближе даже самого себя...»

Это то же самое чувство, которое ощутил в себе и Морозка в минуту высшего подъёма своего духа:

«...он ясно понял, что никогда не увидать ему залитой солнцем деревни и этих близких, дорогих людей, что ехали позади него. Но он так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего не подозревающих, доверившихся ему людей, что в нём не зародилось мысли о какой-либо иной возможности для себя, кроме возможности ещё предупредить их об опасности...»

Внутреннее единство Морозки, человека, ещё только начавшего свой рост в революции, и Левинсона, идущего во главе масс, с особой силой подчёркивает их идейную близость, единство личности и массы, единство, которое на своём историческом материале показал Фурманов. Чрезвычайно характерное для литературы 20-х годов соотношение ведущего и ведомого — Клычкова и Чапаева, — основанное на глубочайшей их внутренней близости, по-новому раскрыто А. Фадеевым в соотношении образов Левинсона и Морозки. А. Фадеев не боится, говоря о личности, ведущей за собой массы, подчёркивать и слабости, и ошибки, ею совершаемые. Но всё это преодолимые слабости и трудности именно потому, что Левинсону присуща и та черта партийного отношения к жизни, которая основана на неразрывной связи его с народом. Поэтому-то так оптимистична концовка романа: «Левинсон обвёл молчаливым, влажным ещё взглядом это просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых, этих далёких людей на току, которых он должен будет сделать вскоре такими же своими, близкими людьми, какими были те восемнадцать, что молча ехали следом, — и перестал плакать: нужно было жить и исполнять свои обязанности».

На протяжении восстановительного и реконструктивного периодов советские писатели продолжали углублённо работать над воплощением образа положительного героя в различных — всегда новых и своеобразных — исторических обстоятельствах. Здесь нельзя не упомянуть и Глеба Чумалова, показанного в «Цементе» Ф. Гладкова, и колхозного организатора Давыдова из «Поднятой целины» М. Шолохова, и новых людей — стахановцев, выведенных в «Танкере «Дербенте» Ю. Крымова, и героических борцов гражданской войны, изоб-

ражённых в книге Н. Островского «Как закалялась сталь», в «Хлебе» А. Толстого, в «Пархоменко» Вс. Иванова, в «Кочубее» А. Первенева.

Традиции М. Горького, опыт Д. Фурманова, А. Серафимовича, А. Фадеева во многом помогли этим писателям правильно, в соответствии с духом времени, показать эпопею рождения новых героев из массы народа, борющегося за социализм. В эти годы наша литература решает тему героизма миллионов, героизма масс. В литературу входит образ простого советского человека, показанного в обыденных жизненных обстоятельствах и в то же время являющегося носителем подлинно героического начала.

Великая Отечественная война советского народа проверила и укрепила тот морально-эстетический идеал, который литература создавала на протяжении предшествующего периода своего развития. Послевоенный период развития нашей литературы углубил и развил эти её основные черты.

Исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам подвели итог предшествующему периоду развития литературы и поставили перед ней новые творческие задачи, открыли перспективы нового творческого расцвета на основе отражения всё убыстряющегося процесса перехода нашей страны к коммунизму.

Решения партии настоятельно подчёркивают основную задачу советского искусства — оно должно отображать «жизнь советского общества в её непрестанном движении вперёд, всячески способствовать дальнейшему развитию лучших сторон характера советского человека... показывать, что эти качества свойственны не отдельным, избранным людям, героям, но многим миллионам советских людей». («О репертуаре драматических театров»).

В образах Сабурова из «Дней и ночей» К. Симонова, Мересьева и Воробьёва из «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, партизан — «людей с чистой совестью» П. Вершигоры, героических работников тыла, показанных В. Ажаевым в романе «Далеко от Москвы», героев-краснодонцев из «Молодой гвардии» А. Фадеева, — наша литература показала бесчисленные примеры небывалого героизма,

проявленного советскими людьми, защищавшими и строившими своё социалистическое отечество.

В годы послевоенной стройки советский человек — герой советской литературы — вошёл таким же окрепшим и проверенным, как и вся страна, весь советский строй.

«...величие судьбы, испытаний, побед, свершённых и свершаемых дел — это величие, — по удачному определению К. Симонова, — и есть главная типичная черта образа рядового Советского человека, человека великой сталинской эпохи».

В романе О. Гончара «Злата Прага» советский воин — Хома Хаецкий подбегает к сараю, запертому тяжёлым замком и охваченному пламенем. Подняв обожжёнными руками рельс, который при других обстоятельствах он ни за что не смог бы поднять, Хома Хаецкий разбил замок и вывел на свободу пленников: «Невольники наперебой обращались к нему на разных языках. Хаецкий понимал далеко не всё, но одно он постиг: он вернул этим людям самое дорогое, самое прекрасное — жизнь и свободу. Сознание значительности этой минуты наполняло его счастливой гордостью».

В этом эпизоде образ советского человека дан как своего рода символ освободителя народов, выводящего их к новой, мирной жизни. Герой советской литературы наших дней — это прежде всего человек, который характеризуется всё более усиливающимся ощущением связи со своим народом, с чувством ответственности за судьбу всего мира. Миллионы советских людей, пройдя по дорогам освобождённых ими стран, ещё более ощутили величие советского строя.

Всё отчётливее выступающий в послевоенные годы процесс стирания граней между личным и общественным делом, между умственным и физическим трудом, между городом и деревней лежит в основе того нового образа положительного героя, которого рисуют сейчас советские писатели. Сохраняя глубочайшее единство целей и идеалов с героями предшествующих этапов развития советского общества и тем самым — литературы, он вместе с тем на новом этапе приближения к осуществлению этих целей обретает и новые качества. Основным и главным принципом раскрытия человеческого характера

в произведениях последних лет является определение прежде всего отношения героя к интересам всего народа, то есть — к строительству коммунизма.

В романе Е. Мальцева «От всего сердца» Груня говорит Родиону, думающему только о личной славе: «Пойми, ведь главный-то хлеб не рекорды дают, а всё колхозное поле!» и в этих словах — ключ ко всему её отношению к жизни. Поэтому-то она выступает на собрании против своего мужа: «он больше о собственной славе заботится, чем о хлебе». Поэтому в «Жатве» Валентина находит в себе силы для того, чтобы выступить против своего уважаемого и любимого учителя Высоцкого, почувствовав, что он потерял связь с жизнью, мешает её развитию и должен «перешагнуть через самого себя».

Меняется и характер личных чувств, потому что человек меряется самой высокой мерой — отношением его к народному делу. У Г. Николаевой в «Жатве» этот принцип хорошо выражен в противопоставлении любви-жалости и любви-гордости, которую испытывает Авдотья к своему мужу Василию Бортникову: «Ещё никто и не знает всей его силы, ещё, может, только я одна и знаю, какой он есть, какой он будет!»

Ей и радостно, и боязно было видеть, как меняется её муж, радостно потому, что весело было любить его такого, боязно потому, что страшно было отстать от него».

Основной конфликт, характеризующий сюжеты произведений последних лет, строится на борьбе против того, что ослабляет творческую активность, которую даёт человеку советского общества его единство с народом, с массой, неизмеримо увеличивающую его силы для непрерывного движения вперёд.

Конфликт Дробота и Рогова в «Земле Кузнецкой» В. Волошина, Грубского и Батманова в «Далеко от Москвы» В. Ажаева, Хохлакова и Тутаринова в «Свете над землёй» С. Бабаевского, Высоцкого и Валентины в «Жатве» Г. Николаевой, Родиона и Груни в «От всего сердца» Е. Мальцева, Максимова и Тимошина в «Водителях» А. Рыбакова, Бубенцова и Торопчина в «Заре» Ю. Лаптева, внутренний конфликт, который переживает Воропаев в

«Счастье» П. Павленко и т. д., и т. д.— всё это конфликты самые различные по своему конкретному выражению, но восходящие к одному общему принципу определения ценности человека по его «месту в рабочем строю» строителей коммунизма.

Необычайная полнота и многообразие жизненного процесса, характерного для эпохи перехода к коммунизму в нашей стране, определяет и богатство и разнообразие тех типов положительного героя,

в котором отражены основные черты советских людей послевоенного периода.

Сохраняя глубокую преемственную связь с образами положительного героя классической литературы и всех предшествующих периодов развития советской литературы, новые черты героя, раскрытые в произведениях послевоенных лет, вместе с тем передают то новое содержание, которым наполнена современная нам действительность.

П. ТОПЕР

★

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Мне кажется, что литература всего легче и лучше знакомит народ с народом. Это не есть суждение профессионала, влюблённого в своё дело, это — вывод из моих наблюдений за сорок лет сознательной жизни моей. Вывод этот подтверждается тем, что нигде в западно-европейских странах не переводится так много книг с чужих языков, как у нас, в Союзе Советских Республик.

Поэтому русский грамотный человек знает о жизни европейских народов несравненно больше, чем эти народы знают и знали о России и о племенах, издревле живущих среди русских людей». Так писал М. Горький в 1929 году в письме к чувашским писателям.

Переводческая деятельность, вместе со всей литературой ставшая в нашей стране частью общегосударственного дела, достигла в Советском Союзе небывалого размаха — размаха, какого не знала и не могла знать ни одна страна в прошлом и не знает в настоящем. Широко известны и признаны народом многочисленные достижения советских мастеров перевода. Достаточно указать на такие выдающиеся работы, как переводы произведений литературы народов СССР — Н. Тихоновым, Н. Заболоцким, С. Липкиным, переводы стихов Бёрнса и сонетов Шекспира — С. Маршакom, «Божественной комедии» Данте — М. Лозинским и многие другие. Однако между практикой лучших мастеров перевода и широкой, повседневной переводческой работой существует определённый разрыв; многие переводы ещё не отвечают нашему пониманию характера и роли переводной литературы, не удовлетворяют

возросшим требованиям, которые предъявляет ко всякому литературному труду советский читатель.

Во многом это объясняется слабостью переводческой теории.

Совершенно очевидно, что каждая отрасль переводческой работы имеет свои особенности. Перевод с русского языка на украинский ставит перед переводчиком иные конкретные трудности, чем, скажем, перевод с таджикского на русский или с украинского на русский. Перевод политической литературы не схож с переводом романов или стихов, а перевод поэзии в свою очередь имеет особую специфику по сравнению с переводом прозы и т. д.

Но перевод любого литературного текста — с любого языка на любой, — независимо от того, к какой эпохе принадлежит оригинальное произведение, кто его автор, каков характер этого произведения, — имеет общую основу, специфичную для этого вида литературного труда. Каждый раз переводчик стоит перед необходимостью воссоздать на языке своего народа произведение, написанное на другом языке. В этом — цель всякого перевода, основа и сущность переводческого процесса, и нельзя отрывать какой бы то ни было конкретный вид этой работы от общей проблематики перевода.

Примерно два десятилетия назад бурный расцвет культуры всех народов братских республик потребовал организации переводческого дела во всесоюзном масштабе. В связи с этим возникла острая необходимость создания кадров переводчиков. Немногие литераторы, владевшие одним или несколькими языками народов СССР,

не могли выполнить и соотой доли той огромной задачи, которая вставала перед ними. Поэтому, наряду с подготовкой новых кадров переводчиков, как временная мера широкое распространение получила особая форма переводческой работы — её принято называть переводом по подстрочнику.

В своё время такая форма переводческой работы настоятельно диктовалась самой жизнью. Она открывала доступ литературам всех советских республик на общесоюзную арену. Она ускорила приобщение братских народов к великой русской культуре, что дало могучий толчок развитию национальных языков и самих народов. Рост переводческого дела способствовал укреплению сталинской дружбы народов Советского Союза, усилению многонациональной советской державы.

Но то, что раньше являлось единственным и закономерным решением, отвечающим насущным задачам момента, сегодня тормозит дальнейший рост переводческого дела. Несмотря на огромное распространение перевода с языков, которыми переводчики не владеют, несмотря на то, что ещё в предвоенные годы начали входить в практику переводы по подстрочнику не только стихов, но и прозаических произведений, этот метод не развивался и не совершенствовался; более того, самый принцип работы с подстрочником иными переводчиками и редакторами стал толковаться превратно. Недаром само слово «подстрочник» превратилось чуть ли не в синоним халтурной работы.

Нередки случаи, когда подстрочник, вместо того, чтобы служить только одним из способов понимания иноязычного произведения, рассматривается как единственный материал, из которого переводчик создаёт свои собственные стихи или прозу. Подобное использование подстрочника превращает его скорее в средство разобщения литератур, в некую глухую стену, через которую до слуха переводчика доносится только неясный шум, далёкий отголосок литературной жизни, существующей по ту сторону стены.

Печально, что упрощённый взгляд на подстрочник распространён не только среди известной части переводчиков, — он проник и в критику, и тем самым стано-

вится теоретической базой нетворческой, ремесленной работы.

Основной тезис статьи Э. Левонтина «Перевод и подстрочник», опубликованной в № 10 журнала «Октябрь» за 1950 год, тезис, состоящий в том, что перевод по подстрочнику, без знания языка подлинника — явление временное, нежелательное, которое необходимо изживать, — бесспорен. Прав Э. Левонтин и в своей полемике с П. Скосыревым, который в статье «Об искусстве поэтического перевода» («Литературное творчество», 1946, № 1) утверждал, что практика переводов по подстрочнику якобы освящена русской переводческой традицией.

Однако как понимает подстрочник Э. Левонтин?

«И в наши дни, — говорит он в начале своей статьи, — могут возникнуть и возникают обстоятельства, когда временно приходится переводить по подстрочникам, сказать точнее, подвергать подстрочник литературной обработке»... Далее Э. Левонтин, называя подстрочник «неподвижной схемой подлинника», пишет: «на какую же творческую беспомощность обречён переводчик, если из всех возможных значений слов и словосочетаний он должен выбрать только то, на котором остановился автор подстрочника, не всегда к тому же достаточно грамотный!».

Литературная обработка подстрочника — термин, неверно ориентирующий переводчика. К тому же переводчик, зная или не зная язык подлинника, не имеет права ограничивать свой выбор одним каким-нибудь значением слова, словосочетания, оборота речи и т. д. Ведь каждый переводчик, прежде чем взяться за перо, мысленно анализирует иноязычный текст, продумывает значение каждого слова, его места в данном предложении, то есть определяет его функцию как средства выражения мысли автора. Стадия подстрочного перевода как способа осмысления, анализа текста, всегда присутствует в переводческой работе. Более того, нередки случаи, когда переводчики, в силу ли своей творческой беспомощности, неопытности или из-за приверженности к формалистическим теориям, останавливаются именно на этой предварительной стадии и выдают её за полноценный, законченный перевод. Этим зачастую и объясняется появление «буква-

листических», дословных переводов, которые принято называть «калькой». С точки зрения психологии творчества не существует особой теоретической проблемы перевода по подстрочнику вне круга общих проблем художественного перевода; здесь один и тот же процесс, только необычайно усложнённый незнанием языка.

М. Горький ещё сорок лет назад, до Великой Октябрьской революции, в своей творческой и общественной деятельности столкнулся с необходимостью переводов с незнакомого языка, переводов по подстрочнику. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, когда царское правительство всячески разжигало национальную рознь между народами России, М. Горький считал насущно необходимым издание на русском языке произведений литератур национальных меньшинств.

Прежде чем приступить к редактированию сборника произведений писателей Грузии, М. Горький писал Н. Канделаки: «Взять на себя редактуру переводов я стесняюсь, но если вы находите нужным, возьму». И дальше: «Мне был бы нужен помощник, знающий достаточно хорошо свой грузинский язык и свою литературу. Могу ли я надеяться иметь такового? В этом случае я прошу указать мне все известные книги и статьи на русском языке по истории Грузии и по истории грузинской литературы. Если же какие-либо материалы в этом роде имеются у вас под рукой, — пришлите, прошу».

И через два месяца, в другом письме: «Пришлите мне подстрочные, буквальные переводы Важа Пшавела. К Бальмонту я не стану обращаться, ибо не верю в его способность передать чужой текст точно, без искажений. Но со мной живёт молодой стихотворец, ученик Бальмонта, я дам ему тексты Пшавела, которые будут присланы вами, он их переработает в стихи, а я отправлю стихи вам, дабы вы сами коллективно проредактировали их и снова с поправками вашими прислали мне. С Бальмонтом такая операция была бы невозможна».

Так понимал работу по подстрочнику М. Горький, так он относился к переводам с незнакомых языков. Сам подстрочник — то есть текст с подстрочным переводом — был лишь одним из звеньев в сложном, трудоёмком процессе проникновения в

подлинник, написанный на незнакомом языке.

Работая по подстрочнику, даже самому добросовестному, переводчик должен знать творческое лицо автора, его место в данной литературе, историю его народа, быт, традиции, национальные особенности. Только тогда подстрочный перевод вызовет в сознании писателя-переводчика верные ассоциации, поможет ему воссоздать художественную ткань переводимого произведения. Перевод по подстрочнику предполагает хотя бы элементарное знакомство с грамматическим строем и основным словарным фондом языка подлинника или по крайней мере одного из родственных языков. Только так переводчик может надеяться верно передать индивидуальные особенности переводимого автора.

Метод перевода по подстрочнику сыграл свою роль в деле развития многонациональной советской литературы. Несправедливо было бы умалять заслуги или, тем более, порочить работу тех писателей, которые брали и берут на себя эту труднейшую и ответственнейшую задачу. Однако нельзя отрицать, что перевод с незнакомого языка может в лучшем случае быть только полумерой. Давно назрела необходимость в квалифицированных кадрах переводчиков, овладевших языком и специализирующихся на переводах с той или иной группы языков народов СССР, европейских стран народной демократии и народов Азии. В то же время спыт перевода с незнакомого переводчику языка, накопленный советскими переводчиками, широко используется и сейчас, когда в связи с расширением движения борьбы за мир внимание советской общественности привлекают всё новые и новые народы всех стран земного шара. Просто «отменить» подстрочник нельзя — надо в каждом конкретном случае создавать условия, при которых он окажется излишним.

Между тем практика перевода по подстрочнику прочно укоренилась в литературном быту, и мало кого удивляет тот факт, что имена одних и тех же переводчиков стоят под переводами с самых разнообразных языков. Подобная разносторонность, необычайная широта в охвате самых различных народов, стран и континентов не может не вызывать у советского читателя законного недоумения — даже пренебре-

жения и недоверия к переводческому труду вообще. С. Михалков в статье «Песни простых людей» («Октябрь», 1951, № 9), желая похвалить переводчиков-песенников С. Болотина и Т. Сикорскую, дал им такую оценку, которая — надо думать, вопреки воле автора — может только уронить их работу в глазах читателей: «За время с 1944 года по нынешний год Болотин и Сикорская перевели более 1 200 песен разных народов. Чешские, венгерские, китайские, французские, английские, неприятские, мексиканские и другие песни... Много переводят Болотин и Сикорская с языков братских народов. Есть у них эстонские («Тульях»), украинские («Свадьба щегла»), белорусские («Бульба»), грузинские («Четыре любви»), тувинские («Ореховая тайга»), якутские («Олень», «Остров Кыллах») и множество других песен 46 народов...».

Многие песни Болотина и Сикорской вошли в советский песенный репертуар. Однако можно и нужно ли называть все эти песни переводами? Ведь есть же другие наименования, которые более правильно ориентируют читателя: переделка, переложение, обработка и т. д. И если слова известной песни «А я сам» они написали, «оттолкнувшись от первых слов припева» чешской песни на совершенно другой сюжет, то авторы имеют право считать русский текст своим оригинальным произведением. С. Михалков же считает, что переводить песню надо, «свободно обогащая её новыми деталями, по собственной воле развивая, а иногда и меняя её сюжет». Он рассказывает, как песня Т. Сикорской «Враг не пройдёт» была переведена на немецкий язык Э. Вайнертом, а потом снова переведена самой же Т. Сикорской обратно на русский язык. «Круг замкнулся», — пишет С. Михалков. Такое толкование перевода превращает его в забавный цирковой трюк.

А что можно сказать о русском издании книги Габидена Мустафина «Миллионер», выпущенном в 1951 году Гослитиздатом под таинственным титулом: «Авторизованный перевод с казахского. Литературная обработка перевода Ю. Либединского»? Что же было «авторизовано» и что — «обработано»? И кто несёт ответственность за русский текст этой книги?

Появление такой странной формулировки

свидетельствует о путанице в вопросе о том, что такое перевод и что такое подстрочник; при этом, очевидно, считается, что плохой перевод может служить подстрочником. На деле это не так — это два различных вида литературной работы; подстрочник, так же, как и перевод, может быть и плохим и хорошим. Подстрочник по самому существу своему не может быть итогом творческой работы; его назначение — объяснять мысли и образы подлинника, анализировать их природу и значение и тем самым дать возможность переводчику проникнуть в подлинник. Составитель подстрочника — не просто ходячий словарь для переводчика. Работа составителя подстрочника требует знаний, литературных навыков; это большой и почётный труд, от качества которого во многом зависит окончательный результат общей работы. Но нет особой проблемы подстрочника — а есть всё тот же вопрос о натуралистическом и реалистическом переводе: о переводе, сделанном бездушно, ремесленно, без чувства ответственности перед читателем, и о переводе, сделанном творчески.

В любой работе по теории перевода, в предисловиях к переводным произведениям, в рецензиях (если только автор рецензии вообще касается перевода) можно найти упоминание о том, что художественный перевод — это искусство, требующее такого же труда, как оригинальное творчество. Однако это требование творческого подхода к переводу обычно понимается только как борьба против халтурного, невзыскательного отношения к переводу, против взгляда на перевод как на лёгкий и всем доступный труд.

А между тем давно ощущается необходимость более полного раскрытия специфики переводческой работы как определённого вида художественного творчества. Нужна разработка этих проблем на основе марксистско-ленинской эстетики. Без этого невозможно обобщить богатый и плодотворный опыт, накопленный советскими переводчиками, невозможно создать научную теорию реалистического перевода.

Создание теории реалистического перевода долгое время тормозилось господством в языковедении марксистских взглядов. «Новое учение» Н. Я. Марра о языке закономерно приводило к вульгаризаторскому от-

рицанию творческой природы перевода и создавало благоприятную почву для различных оттенков формалистических взглядов на перевод, которые так или иначе, прямо или косвенно, опирались на основные положения этого «нового учения»: понимание языка как надстройки и смещение языковых вопросов с вопросами идеологии, признание классовости языков, отрицание внутренних законов развития каждого национального языка, его специфики.

Исходя из основного марристского тезиса о языке как надстройке, иные теоретики доходили до полного извращения понятия перевода. А. Финкель в статье «О некоторых вопросах теории перевода» писал: «Язык — это идеология; следовательно, не соотношение грамматик, а соотношение идеологий решает дело». Отсюда А. Финкель приходит к выводу о... закономерности искажения подлинника при переводе: «Возникает новая проблема, отмахнуться от которой нельзя, да и не следует: проблема приспособления оригинала к иной читательской среде, к иным идеологическим требованиям... производится сознательное воздействие на читателя, для чего более или менее заметно и перерабатывается оригинал»¹.

Так выглядит последовательно марристская «теория» перевода, перекликающаяся с вульгаризаторскими, сектантскими представлениями рапповцев о некоей особой пролетарской культуре. В самом деле, стоит ли церемониться с языками, народами, которые их создали, с писателями, которые на этих языках творили, если, как писал Н. Я. Марр, «и великие, и малые языки одинаково смертны перед мышлением пролетариата»? Таким образом «новое учение» о языке становилось теоретическим оправданием извращения подлинника, логически приводило к мысли о том, что понятие близости перевода к оригиналу — условно, относительно, узаконивало «исправительные» — как иронически называл их Пушкин — переводы. Разоблачение подобных домыслов особенно важно теперь, когда наша партийная печать вскрыла случаи порочной, безответственной практики некоторых переводчиков, вносивших при

переводе изменения в подлинник, дописывавших его от себя, что всегда приводит к искажению мысли автора, к «исправлению» подлинника сообразно с желанием переводчика.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, явившиеся могучим толчком для дальнейшего подъёма советской литературы, дали советским писателям надёжное оружие для борьбы со всеми вульгаризаторскими извращениями в области идеологии.

В этих трудах содержатся важнейшие теоретические положения, помогающие и переводчикам в их деятельности. Особенно большое значение для теории и практики перевода имеет учение И. В. Сталина о внутренних законах развития каждого национального языка.

В этих особых, каждому языку свойственных внутренних законах развития, которые определяют структуру языка, его грамматический строй и основной словарный фонд, лежит сущность специфики каждого языка. Язык каждого народа не есть некое случайное, аморфное собрание слов и грамматических правил — в нём всё подчинено единым, лишь ему свойственным законам. В них ярко проявляется национальная самобытность языка. Согласно этим законам, язык усваивает и организует, делает своим достоянием все заимствованные слова и понятия, всё иноязычное, что включается в него в процессе исторического развития народа, являющегося его творцом.

Если структура каждого языка складывалась по специфическим, только ему свойственным законам, то, значит, всякий механический перенос какого бы то ни было формального явления из одного языка в другой — ещё не есть перевод; такая попытка обречена на неудачу, самая идея возможности подобного переноса — ошибочна, антинаучна. Понятие перевода подразумевает перевод мысли, выраженной на другом языке, перевыражение — пользуясь формулировкой Пушкина — этой мысли. Начало и конец процесса перевода лежат полностью в области словесной формы: написанное или произнесённое на одном языке переводчик выражает на языке другого народа. Однако между исходной точкой и результатом переводческого труда — сложный психологический процесс перевы-

¹ Научные записки Харьковского Гос. педагогического института иностранных языков, т. 1, 1939.

ражения мысли, который только и может обеспечить верность перевода. Этот процесс не может быть механическим. Товарищ Сталин учит: «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»¹.

Следовательно, было бы идеализмом представлять себе процесс перевода, как некое абстрагирование мысли от одной языковой формы и дальнейшее воплощение её на другом языке. Для того, чтобы переводить, переводчик должен мыслить на том языке, на который он переводит, и всё, что он переводит, он должен воспроизводить средствами этого языка, пользуясь всеми его богатствами.

Сталинские труды по вопросам языкознания показывают всю несостоятельность формалистических принципов, существовавших в практике и теории перевода ещё сравнительно недавно.

Переводчики-формалисты ввели понятие «точности» перевода, под которой они подразумевали формальную точность в передаче оригинала. Их деятельность, протекавшая почти исключительно в области переводов с западноевропейских языков, была одним из проявлений низкопоклонства перед буржуазным Западом. С барским презрением к законам русского языка, к традициям русской литературы, они требовали сохранения каждого формального элемента, каждой запятой подлинника, навязывали строй русского языка, навязывали ему чуждые, иноязычные конструкции. С поистине марристским, космополитическим пренебрежением к национальной самобытности русского языка, его структуре и свойственным ему законам развития, они требовали копирования всех синтаксических ходов подлинника, открыто выдвигали

принцип передачи формы подлинника в отрыве от его идейного содержания. В отличие от всякой подлинно научной теории искусства, указывающей путь для творчества, они вводили абстрактные, неподвижные нормы «соответствия» перевода иноязычному тексту.

Формалисты, игнорируя творческую основу художественного перевода, подменяли процесс творчества механическими приёмами, совокупность которых якобы и должна дать в итоге пресловутую «точность».

В статье «Стиль раннего Диккенса и перевод «Посмертных записок Пиквицкого клуба» Е. Ланн писал:

«...мы категорически откажемся измышлять второй эпитет, если автор ограничился одним, хотя на наш, скажем, взгляд, экспрессивность от сего пострадала; мы категорически отвергнем также синонимы в нашем родном языке, происхождение которых относится к эпохе более поздней, чем эпоха автора; мы категорически откажемся от истолкования (иначе — разжёвывания) тех неясностей, какие могут всплывать в тексте... мы не опустим ни одного слова и тогда, когда столкнёмся у автора с явным плеоназмом, и повторим это слово столько раз, сколько оно встретится в подлиннике. Ибо мы знаем, что эти элементы — их перечень можно увеличить без труда — входят в состав стиля, а «приёмом точности» перевода должны быть ключом, которым переводчик открывает писательский стиль»¹.

Разберём один простой, но характерный пример применения на практике «приёмов точности». В той же статье Е. Ланн, говоря о переводе «Записок Пиквицкого клуба» Диккенса, пишет:

«Считая необходимым сохранить специфику английских конвенциональных норм, отражённую во фразеологии всех социальных групп исключением личных и притяжательных местоимений второго лица единственного числа, мы отказались от привычных «ты» и «твой»... заменой привычных нам «вы» и «твой» местоимениями «вы» и «ваш» достигается эффект своеобразия английской речи и английских бытовых условностей и традиций».

В соответствии с этой теорией переводчики Диккенса заставили всех его героев,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство «Правда», 1950, стр. 33.

¹ «Литературный критик», 1939, № 1, стр. 157.

независимо от их взаимоотношений, пола и возраста разговаривать друг с другом на «вы». Не довольствуясь тем, что мать говорит «вы» своему малолетнему дитяти, переводчики «Холодного дома» (Гослитиздат, М., 1936) заставляют маленькую девочку говорить своей кукле: «Вы знаете, Долли, какая я глупенькая». В одном из романов английская вежливость доходит до того, что на «вы» обращаются к собаке.

Нелепость этого очевидна. Переводчики стремятся выдать грамматическую форму, свойственную английскому языку, за специфику английской жизни, лишая таким образом в глазах русского читателя английский народ всех тех чувств, которые по-русски выражаются обращением на «ты»:

Пустое вы сердечным ты
Она обмолвись заменила...

Но русское «ты» выражает не только сердечность — за ним могут скрываться самые различные оттенки чувств. Следуя «теории» формалистов, надо представить себе, что английский колонизатор обращался на «вы» к своему рабу.

Французский язык знает формы «ты» и «вы», но сфера применения «vous» гораздо шире по сравнению с русским «вы», и переводчик, который взялся бы механически переносить французское «vous» и «tu» в русский текст, совершил бы пружейшую ошибку.

Пушкин, блестяще владевший французским языком, писал свои письма то по-русски, то по-французски. Брату Льву Сергеевичу и сестре Ольге Сергеевне он всегда писал по-русски «ты», а по-французски «vous» даже в одном и том же письме. Так же он пишет Вяземскому, Зубову и другим. Хороши были бы переводчики иноязычных текстов Пушкина, если бы они переводили обращение по форме, а не по смыслу, и заставили бы поэта обращаться к своим адресатам то на «ты», то на «вы»!

Вопрос об обращении — важный вопрос именно потому, что он определяет взаимоотношения героев на протяжении всего произведения. Только тот, кто исключает перевод из сферы литературного творчества, может думать, что эта проблема исчерпывается механическим переносом местоимения, забывая о том, что не существует раз и навсегда готового рецепта,

Здесь перед переводчиком стоит та же задача, что и перед каждым автором оригинального произведения. Вспомним, как гениально Пушкин использовал переход с «вы» на «ты» и с «ты» обратно на «вы» в письме Татьяны к Онегину. (Отметим, кстати, что Пушкин называет письмо Татьяны переводом с французского). Вспомним, сколько раздумий стоило Маяковскому это так естественно звучащее обращение на «вы» в стихотворении «Сергею Есенину».

Переводчиков, переносящих английское «you» в русский текст, ввело в заблуждение случайное совпадение обычного и единственного в английском языке обращения — с вежливой формой обращения по-русски. Очевидно, что здесь элементарная переводческая ошибка возведена в формалистический принцип, который — вместе с аналогичными «принципами» — испортил не один перевод.

Формалисты выдавали «приёмы точности» за универсальную технику перевода, стремились распространить их на любую переводческую деятельность, снимая тем самым требование индивидуального подхода к каждому переводимому произведению, внимания к его специфике, к личности автора, к эпохе, наконец к национальному своеобразию произведения. Е. Ланн в уже цитированной статье писал: «только точность... поможет читателю получить правильное представление о стиле любого из иноязычных писателей».

В этих словах и заключается основной порок всех разновидностей формалистического подхода к переводу. Целью переводческой деятельности объявляется — «дать представление» о подлиннике, «ознакомить» с ним.

Но ознакомить читателя с личностью и творчеством писателя может монография, статья, жизнеописание, комментарии и т. д. Задача же переводчика художественной литературы — в том, чтобы дать живую книгу читателю, который не может прочесть её в оригинале. Именно говоря о вреде недоброкачественных переводов, М. Горький указывал, что «книга служит человеку орудием познания действительности». «Ознакомление» с подлинником ещё не может дать познания действительности. Переводная книга, как и любое литератур-

ное произведение, воздействует на читателя непосредственно, логикой своих образов. Раскрывающееся в этих образах идейно-художественное содержание книги и есть предмет перевода, а не абстрактный, формально понимаемый «стиль» подлинника.

Установка на «ознакомление» закономерно приводит к тому, что зачастую даже не академические издания переводов чрезмерно уснащаются примечаниями и сносками, подробнейшими учёными комментариями к каждой детали текста; сам же перевод, в сущности, превращается в иллюстративный материал, за которым всегда ощущается второй, иноязычный текст. Установка на ознакомление с художественным текстом, на его разъяснение широко распространена; она проявляется иногда в самых неожиданных формах и приводит к прямым недоразумениям. В переводе романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая» («Знамя», 1951, № 9) есть такая сцена: «...Мусабай попросил спеть какие-нибудь песни Абая. Альмагамбет начал «Письмо Татьянь» прямо со слов:

Ты мой супруг любимый,
Богом указанный мне,
Но меня не избрал ты другом,
Оставил одну во тьме...

Когда пение закончилось, Дармен снова спросил девушку: — Вы знаете эту песню? — Да, — ответила она и добавила: — Это — письмо Татьяны к Онегину. Перевёл Абай-ага. Я все его песни знаю.

Эта сцена показывает, как популярны в казахском народе переводы Абаем русской классической литературы, как высоки достоинства этих переводов. Однако в силу того, что литература, как и всякое искусство, воздействует на восприятие читателя непосредственно, обратный перевод этого четверостишия с казахского на русский, за которым для русского читателя стоят всегда живые, несравненные строки Пушкина, даёт противоположный эффект: читатель не верит в достоинства перевода Абая. Он «ознакомился» с ним, но получил о нём превратное представление.

Обширный разъяснительный аппарат (вплоть до пресловутой сноски «непереводимая игра слов») свидетельствует лишь о том, что переводчик не сумел художественными средствами донести до читателя смысл оригинала, не нашёл в родном языке

ке способа его выражения. Комментарии нужны, более того, — необходимы к реалиям и историческим фактам; но практика показывает, что, как правило, чем лучше, чем вернее перевод, тем меньше он нуждается в объяснениях. Здесь уместно вспомнить письмо Ф. Энгельса к Либкнехту от 22 июня 1871 года по поводу сделанного им перевода текста открытого письма Генерального совета Международного товарищества рабочих. В этом письме Ф. Энгельс писал: «Текст не надо снабжать подстрочными примечаниями; я переводил так, что, если не считать намёков и отдельных деталей, которых всё равно в двух словах не объяснишь, комментарии не нужны»¹.

Бесплодные попытки копировать формальные моменты подлинника неизбежно приводили к неверию в возможность передать на родном языке мысль, выраженную в формах чужой речи. Так формализм в переводе закономерно смыкается с отрицанием языка как средства общения, «орудия борьбы и развития», с индивидуалистическим отрицанием роли языка. Не случайно теории о невозможности перевода были так распространены в годы русского декаданса; они составляли органическую часть идеалистической эстетики декадентов. Даже В. Брюсов видел цель своих переводов в том, чтобы «побудить читателей от переводов обратиться к оригиналам».

Взгляды русских декадентов на перевод связаны со взглядами их французских учителей, с западноевропейским реакционным романтизмом конца XVIII — начала XIX века, и через них — со средневековыми схоластами, требовавшими буквального перевода «слова божьего» и считавшими ересью всякое его толкование. От декадентов идёт и формалистическая тенденция в практике и теории советских переводчиков.

Формалистические взгляды декадентов и их эпигонов на перевод — это отход от передовых традиций русской переводческой культуры, более того — они принципиально враждебны ей. Русская переводческая традиция — неотъемлемая часть традиций великой русской литературы, выделяется среди переводческих школ других народов не только количеством переводов и их превосходным качеством, но и полной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 127.

победой демократических и реалистических взглядов на перевод. Ещё в середине XVIII века Сумароков писал:

Не мни, переводя, что склад тебе готов;
Творец дарует смысл, но не дарует слов.

Ты, путаясь.— как твой творец письмом
ни славен.

Не будешь никогда, французясь, исправен.

Пушкин оставил нам не только непревзойдённые образцы переводной поэзии, но и глубокие теоретические высказывания об искусстве перевода. Он считал этот род литературного труда необычайно сложным и ответственным и никогда не отделял деятельность переводчиков от всей русской литературы.

Со свойственной Пушкину меткостью и ёмкостью определений он требовал от перевода верности оригиналу — принцип, который в дальнейшем утверждался всей русской демократической критикой. В известной неоконченной статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая», опубликованной посмертно в обработке Жуковского, Пушкин показывает несостоятельность метода буквального, предельно формалистического перевода, сделанного Шатобрианом, одним из самых откровенных реакционных романтиков того времени.

Пушкин писал: «Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона слово в слово, Шатобриан, однако, не мог соблюсти в своём преложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен».

По щедро разбросанным в статьях Белинского мыслям можно составить стройную теорию реалистического перевода, которая теснейшим образом связана с демократическим и материалистическим характером эстетики Белинского. Именно с этих позиций возражал он всем, кто не верил в возможность перевода и тем самым отрицал его роль в жизни общества: «...эти люди забыли, — писал Белинский, — что переводы преимущественно назначаются для нечитавших и неимеющих возможности читать подлинник, а главное, что на переводах произведения литературы одного народа на язык другого основывается знакомство народов между собою, взаимное распространение идей, а отсюда самое про-

цветание литератур и умственное движение».

Всё, что говорит В. Г. Белинский о переводе, показывает, что русская демократическая критика всегда предъявляла к переводу те же высокие требования, что и к оригинальному творчеству.

Борясь за реалистический перевод, Белинский, Чернышевский, Добролюбов требовали внимательного и бережного отношения к национальным особенностям произведений, к их специфике. В этом ярко проявилось то уважение к другим народам и их культуре, которое всегда было отличительной чертой передовых русских деятелей, неотъемлемой частью их патриотизма.

Требование показывать творение другого народа «так, как оно есть», в его «народной одежде», ставшее непременным условием в творчестве советских переводчиков, красной нитью проходит через все высказывания Пушкина, Белинского, Чернышевского, Добролюбова о переводе.

В начале шестидесятых годов, под непосредственным влиянием революционных демократов выдвинулась блестящая плеяда поэтов-переводчиков, активно участвовавших в литературной жизни того времени. Их переводческие принципы складывались в борьбе с реакционными тенденциями в литературе, с формалистическим течением в переводе, наиболее крупным представителем которого был Фет.

Значительное место среди поэтов-демократов принадлежит Василью Курочкину.

Переводы Курочкина песен Беранже обычно рассматриваются как переделка, вольное переложение этих песен; между тем это далеко не всегда так. Наряду с такими переделками, как, например, «Царь Доден», у Курочкина есть подлинные переводы, сделанные с необычайным мастерством и блеском. Это не только прекрасные русские стихи, но и образцовые, близкие к оригиналу переводы.

Работая над переводами песен, где лёгкость стиха и непринуждённость интонации играют первостепенную роль, Курочкин, естественно, отказался от какой бы то ни было попытки воспроизвести по-русски несвойственный русской поэзии силлабический стих подлинника. Ему удалось разрешить труднейшую задачу, с которой сталкивается каждый поэт-переводчик: на род-

ном языке в формах родного стихосложения он воссоздал творения Беранже, сохранив интонацию и специфику его песен. Песни Курочкина, где всё сказано на прекрасном русском языке, где подчас французские имена заменены русскими, остаются по духу своему французскими песнями Беранже.

Изучая метод перевода Курочкина, мы убеждаемся, что он никогда не переводил отдельно слова, выражения, строки; как истинный мастер слова, он переводил стихотворение в целом, находя главную, основную идею подлинника и подчиняя её воплощению всю свою задачу.

У Беранже обычно основная идея песни подчёркивается рефреном; припевы Курочкина далеко не всегда совпадают с подлинником по строфике, по внешней форме, но неизменно полностью соответствуют основной идее и подчёркивают эту идею теми же приёмами, что и Беранже. Именно поэтому припевы Курочкина столь естественно звучат по-русски и одновременно так близки к подлиннику. Один из многочисленных примеров — перевод Курочкина «Новый фрак»; каждая строфа в переводе, как и в подлиннике, кончается изменяющимся припевом, который подчёркивает и как бы подытоживает содержание всей строфы, подчёркивает мысль, проходящую через всё стихотворение: «И заказал я новый фрак», «И я надел свой новый фрак», «На мне недаром новый фрак», «На мне надет мой новый фрак», «И ей не нужен новый фрак», «И.. скинул я свой новый фрак», «Тому дарю свой новый фрак». Удивительна выразительность этого припева — в сущности он один почти рассказывает всю песню.

Курочкин свободно обращается с поэтом, которого он переводит; но эта свобода обращения не имеет ничего общего с переводческой развязностью, с «отсебятиной», с искажениями подлинника; она нужна Курочкину для того, чтобы свободно ложился его русский стих, без принуждения, без искусственности, и чтобы именно потому этот стих мог донести до русского читателя песню Беранже полностью, без потерь, — её идейный смысл, её дух, её характер.

Конечно, в искусстве нет и не может быть единственных, раз и навсегда данных решений; можно, без сомнения, и по-другому переводить песни Беранже, текстуаль-

но ещё ближе к подлиннику, и такой перевод, возможно, будет совершеннее, но только при неременном условии, что он окажется не бледнее стихов Курочкина и столь же выразительно будет передавать дух оригинала.

Тот факт, что почти все переводы Курочкина песен Беранже прочно вошли в русскую поэзию, доказывает высокие достоинства его переводных произведений. Недаром их так любил М. Горький; они были образом для его юношеского творчества наряду со стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Сила Курочкина, секрет его успеха прежде всего в том, что он переводил французского поэта полноценными русскими стихами; он писал по-русски, а не искал формалистических «соответствий» и «субститутов». Этот принцип творчества на родном языке как основа переводческого труда — великое завоевание русского реалистического перевода XIX века; он является ценнейшим достоянием советских переводчиков, наследников классического русского искусства.

В основе работы переводчика лежит задача выразить мысль, вложенную автором в своё произведение, то есть воссоздать это произведение на другом языке, во всей полноте и своеобразии его идейно-художественного содержания. Именно с этой точки зрения должна быть рассмотрена каждая деталь формы оригинала, и именно с этой точки зрения она должна быть воссоздана в переводе.

При этом проблема художественного перевода особенно сложна потому, что здесь переводчик имеет дело с художественным мышлением, с мышлением в образах. Он должен, — как говорил М. Горький, — «придать мысли образ», в данном случае — передать мысль в той образной форме, в какой она выражена у автора. Эта специфика художественного перевода требует пристального внимания, ибо формалистические ошибки в теории и практике перевода, их вольные или невольные рецидивы, в конечном счёте, происходят от недооценки перевода как литературного творчества, от смешения творческих и чисто языковых проблем.

Вопреки множеству деклараций о творческой основе художественного перевода, вопреки тому, что представление о пере-

воде как о литературном творчестве получило самое широкое распространение, теория литературы не занимается переводческими проблемами (кстати сказать, и критика до последнего времени не обращала внимания на деятельность переводчиков). Достаточно вспомнить, что ни в одной из книг по теории литературы, в том числе и в широко известном учебнике для высшей школы профессора Л. Тимофеева, нет ни слова о переводе. Между тем вопросы художественного перевода — органическая часть литературоведения, теории литературы. Только под таким углом зрения можно понять процесс художественного перевода, установить закономерности его развития.

В то время, как основная тенденция в практике советских переводчиков, развивавшейся на основе богатейших традиций русского реалистического перевода, осталась свободной от формалистических извращений, формализм в переводе ещё не полностью разоблачён теоретически. Этот разрыв между достижениями лучших советских мастеров перевода и состоянием теории перевода в значительной мере объясняется тем, что многие теоретики механически переносили в область искусства перевода понятия и методы, свойственные науке о языке, причём науке не современной, не марксистской.

Что можно извлечь, например, из статьи Л. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом»? Читатель узнаёт, что у Лермонтова «сосна сделана психологическим сказуемым и, стоя на конце фразы, как бы отвечает на вопрос: «кто стоит одиноко?»; что «отсутствие в русском языке неопределённого члена делает невозможным сделать из «сосны» индивидуальность, которая нужна для образа», что «steht einsam» было бы, может быть, лучше и точнее перевести «стоит одинокая» или «стоит в одиночестве», чтобы больше подчеркнуть формальный характер глагола stehen и выдвинуть идею одиночества, как основной признак» и т. д. Небезынтересно, кстати, что весь этот «специальный анализ» приводит к выводу, что Лермонтов искажил мысль Г. Гейне, вложил в стихотворение идею о

чём-то «принципиально недоступном, мечтания, которые в силу этого лишены всякой действительности». И вот итог всего исследования: «социологический смысл этого мотива в устах русского либерального «барина» эпохи Николаевской реакции более чем очевиден. Недаром эмиграция ризовалась Лермонтову, как единственный выход из положения».

Так упрощённый, вульгаризаторский метод переводческого анализа приводит к вульгарно-социологической клевете на великого народного поэта.

Формалистические теории перевода всегда выдвигались под маской «научности»; при этом «научными принципами» подменялись вопросы творчества, чем уничтожалась специфика этого вида литературы как искусства. Окончательно вскрыть теоретическую несостоятельность формалистического подхода к вопросам перевода можно только устранив путаницу, которую марризм внёс в вопрос о взаимоотношении языка и идеологии.

А. Фёдоров посвятил свою книгу «О художественном переводе» (в сущности, это чуть ли не единственное теоретическое исследование проблем советского перевода) борьбе с формализмом. В вводной теоретической части содержится ряд верных, хотя не всегда достаточно чётко сформулированных положений о творческой природе переводческого труда, о необходимости борьбы за богатый язык в переводе, о новаторстве советских переводчиков и т. д. И тем не менее в каждом конкретном случае А. Фёдоров подходит к переводу преимущественно с точки зрения науки о языке, а не науки о литературе. Это неожиданное на первый взгляд противоречие вполне закономерно; оно явилось следствием недооценки творческой основы художественного перевода, как одного из видов литературного творчества.

«Перевод полноценный предполагает преодоление трудностей» — с этой бесспорной истины начинает А. Фёдоров главу, посвящённую вопросам переводческого творчества.

А. Фёдоров на протяжении всей своей книги сводит анализ конкретных примеров к вопросу о «соотносительности элементов» между разноязычными текстами и способах «преодоления трудностей», которые возникают при этом. Труд переводчи-

¹ Сб. Советское языкознание, т. 2, Л. 1936.

ка, в сущности, сводится к кропотливым поискам соответствий отдельным словам, словосочетаниям, синтаксическим конструкциям и другим элементам иноязычного текста. При этом неизменно вместо художественной ткани литературного произведения, как оригинала, так и перевода, предметом исследования становится только язык.

Вот как А. Фёдоров разбирает конкретный случай удачного перевода: «Когда, например, в самом начале «Тартюфа» госпожа Пернель говорит: «Ce sont toutes façons dont je n'ai pas besoin», то слово «façons» в словарном плане может означать «манеры», «церемонии», «повадки», «обращение» и т. п., но Лозинский переводит этот стих так:

«Мне вовсе не нужна вся эта кутерьма».

«Кутерьма» словарём, конечно, не предусмотрена. Однако по условиям контекста, по смыслу начальной сцены комедии, где торжественно, всем домом, провожают разгневанную мать Оргона, это слово оказывается синонимом приведённых только что словарных значений французского «façon».

Здесь, в соответствии с идеей всей книги, творчество переводчика сведено к поискам синонимов. Но разве удача переводчика в том, что он сделал «кутерьму» синонимом слова «манеры»? А. Фёдоров не видит, что мастерство Лозинского проявилось именно в том, что, отвлекшись от буквального словарного значения этого слова и грамматической конструкции французской фразы, он, как и должен делать переводчик, перевёл не фразу из данного контекста, а реплику в данной ситуации. Это решающее условие переводческого творчества — переводить не отдельные слова и даже фразы, а воссоздавать мысли и образы оригинала, — в сущности, выпало из поля зрения А. Фёдорова. Во всей книге А. Фёдорова переводчик не найдёт ответа на вопрос, почему, скажем, Лермонтов начал свой перевод «Еврейской мелодии» Байрона: «Душа моя мрачна», а не «моя душа мрачна», как написано в подлиннике? В лучшем случае, пользуясь аналитическим методом А. Фёдорова, можно установить, что в английском языке нельзя употребить притяжательное местоимение постпозитивно, а русский язык в данном случае допускает инверсию. Но разве в

этом «секрет» творчества? Одним этим великолепным началом, используя более богатые, по сравнению с английским языком, возможности выражения в русском языке, Лермонтов во всей полноте передал скорбную интонацию подлинника и тем самым с предельной верностью передал идею всего стихотворения.

Рассмотрение процесса перевода с точки зрения только языковедческих проблем приводит А. Фёдорова к упрощённому, вульгаризаторскому пониманию литературного творчества. А. Фёдоров считает одним из основных отличительных свойств переводческого труда умение подбирать слова, упуская из виду, что поиски слова — это один из основных моментов любого литературного творчества. Трудности перевода — не в подбории синонимов к отдельному слову, заданном иноязычным текстом, — это те же трудности, о которых Маяковский говорил:

«Некоторые слова просто отскакивают и не возвращаются никогда, другие задерживаются, переворачиваются и выворачиваются по нескольку десятков раз, пока не чувствуешь, что слово стало на место (это чувство, развиваемое вместе с опытом, и называется талантом)».

Вот как формулирует А. Фёдоров принципы поэтического перевода: «Грубо говоря, встаёт задача — так или иначе воспроизвести метрическую форму и сочетать с ней нужные слова, распределить слова и фразы по стихам и строкам в более или менее близком соответствии с оригиналом, сохранить (или видоизменить) деления и связи, заданные подлинником».

Поистине, «грубо говоря!» Так ли нужно переводить, так ли Пушкин переводил «Будрыс и его сыновья», Лермонтов — «Горные вершины», так ли в наши дни переводят Маршак, Исаковский, Лозинский и другие советские поэты-переводчики? Подлинные проблемы переводческого мастерства остались зашифрованными в этих «так или иначе», «более или менее», «сохранить или видоизменить», а теория художественного перевода распалась на ряд лингвистических упражнений, не связанных единым творческим критерием.

В предисловии к своей книге А. Фёдоров склонен выделять в отдельную психологическую проблему вопрос о переводе по подстрочнику; однако чем отличается вы-

шеприведённое определение стихотворного перевода от слов А. Фёдорова, что работа переводчика является «по существу переложением прозы подстрочника в стихи»? А. Фёдоров и перевод по подстрочнику, и перевод с полным знанием языка рассматривает одинаково неверно — с узкой, формалистической точки зрения. И не случайно поэтому А. Фёдорову, говоря в своих выступлениях о критериях переводческого мастерства, даже не упоминает о творческих задачах перевода, о таланте переводчика, не предъявляет к переводчику тех требований, которые читатель вправе предъявлять к нему как к автору русского текста переведённого произведения. А. Фёдоров считает работу переводчика законченной и «вполне добросовестной», когда соблюдены «смысловая точность», «смысл отдельных слов и т. д.». Подчинение отдельных элементов целому, о котором А. Фёдоров говорит много и настойчиво, на поверку оказывается механическим складыванием частей формы, а не творческим воссозданием единого содержания.

Всё то, чему на конкретном материале учит переводчика книга А. Фёдорова, — это только часть предварительной работы, работы, в которую входит изучение эпохи, творчества автора, особенностей его стиля и многое другое. В самом же процессе перевода переводчик никогда не переводит отдельное слово, не ищет полного соответствия между отдельными словами и грамматическими формами. Он переводит законченную мысль автора, созданный им образ, всегда подчиняя частное — воплощению общего замысла. К тому моменту, когда он берётся за перо, переводимое произведение уже прочтено им, изучено, осмыслено, оно ясно ему в целом, и он подготовлен к восприятию каждой детали.

Переводчик, который ставит себе целью не «ознакомление» читателя с тем или иным памятником мировой культуры, а хочет дать читателю, не знающему язык подлинника, возможность прочесть этот подлинник на русском языке, повторяет в процессе перевода не отдельные слова и синтаксические формы чужого текста, а процесс создания книги.

Каждый образ, созданный автором, он должен видеть, каждую мысль — сделать своей, каждый оттенок настроения — почувствовать. Все детали пейзажа, формы

предметов, внешний облик героев, выражение их лиц, отношение автора к событиям и героям, отношение этих героев к действительности, их миропонимание, — всё должно быть продумано, увидено, услышано на основании не буквы текста, а его смысла и духа. Только такое творческое воссоздание замысла автора может обеспечить верность перевода, его жизненность. Переводчик — не кабинетный учёный, не схоласт, ограничивающийся поисками словарных соответствий; он проверяет выбор слов, оборотов речи, синтаксических конструкций на живом языке своего народа, на восприятии своих современников. Без этого перевод — только мёртвая, неверная, антихудожественная копия.

Бесплодность формалистических принципов в переводе становилась всё более явной по мере овладения советской литературой методом социалистического реализма. Появление формалистических переводов вызвало резкую и непримиримую критику в советской печати (см., например, подробный разбор К. Чуковским шекспировских переводов в его книге «Высокое искусство», или статью И. Кашкина «Мистер Пиквик и другие» в «Литературном критике» № 5 за 1936 год).

Лучшие советские переводчики дают прекрасные образцы реалистического перевода, который с каждым годом всё более прочно входит в практику наших переводчиков. Вооружённые марксистско-ленинской теорией, они глубоко проникают в замысел автора, верно оценивают идейно-художественное содержание переводимой книги, точно определяют её место в литературе. Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам определяют их на дальнейшее овладение своим мастерством. Сталинские труды по языкознанию учат их правильному пониманию значения языка в жизни народа, умению владеть всеми богатствами родного языка, бережно хранить его чистоту. Советский читатель ревниво следит за успехами и неудачами переводчиков, с благодарностью встречает каждый добросовестный, талантливый перевод, открывающий ему доступ к литературе братских народов Советского Союза, сокровищам мировой культуры, и не прощает халтурной, нетворческой работы. Ряд переводов отмечен высшим знаком народного признания — Сталинскими премиями.

В сущности, формалистический метод в переводе почти никогда не проводился последовательно в советской литературе. Однако тот факт, что формализм в переводе теоретически разоблачён не до конца, до сих пор сказывается на переводческой практике. Объясняется это прежде всего тем, что в силу специфики переводческого творчества формалистические домыслы легко становятся оправданием неумелой работы, беспомощного натуралистического перевода, плохого русского языка, прямых ошибок.

Перед нами — роман французского революционного писателя, участника Парижской Коммуны Леона Кладеля «Жак Ратас (ИНРИ)», выпущенный Гослитиздатом в 1951 году. Книга о героической борьбе французских коммунаров не может не вызвать живейшего интереса у советского читателя.

Вот что он встречает там: «Видишь ли, любовь — это бутылка с чернилами, из которой приходится пить, когда испытываешь жажду». В подлиннике сказано дословно то же самое; однако французский идиом «бутылка чернил» означает: «тёмное, запутанное дело». Переводчики не поняли идиома, не потрудились заглянуть в словарь и написали бессмыслицу, вероятно решив, что если в подлиннике непонятно, то пусть и по-русски будет непонятно. По сути, они в своей практике следовали рецепту Е. Ланна: «мы категорически откажемся от истолкования (иначе — разжёвывания) тех неясностей, какие могут встретиться в тексте».

Книга «Жак Ратас» пестрит подобными — и ещё более грубыми — смысловыми ошибками; но вот сцена, выбранная из наиболее «благополучных» страниц, в которой на первый взгляд нет таких явных, вопиющих ошибок.

«Вдруг чей-то голос сердито крикнул:

— Дайте дорогу!

Все расступились. Подошла красивая, сильная, мужественная женщина из народа.

— Как! — возмущённо воскликнула она. — Этот доблестный человек умирает, и никто не пошевелится!

После этих слов, точно хлыстом стегнувших зевак, она приблизилась к животному и приласкала его, потом нежно прикоснулась руками к груди всё ещё неподвижно лежавшего воина, озабоченно скло-

нилась над ним и затем, успокоившись, промолвила:

— Он дышит! И надо думать, всё кончится благополучно! Извозчика... Они стоят вон там, сбегайте поскорее!

Это повелительное приказание было тотчас же исполнено, и вскоре запряжённый лимужинской ещё довольно резвой кобылой фиакр подкатил к краю асфальтового тротуара.

— Ну, едем. Живо! — скомандовала жительница предместья кучеру, легко вскочив с офицером на руках в экипаж. — В Бельвиль, асеню Гош, угол улицы Клебера!

И в то время как экипаж полным ходом уносил их, прорываясь, словно ядро, сквозь озадаченную толпу, какой-то уличный мальчишка в восторге от этой сцены прокартавил:

— Готово! Похищение в карете, да ещё первого разряда.* Ого! Вот так повезло пехтуре!»

«Женщина из народа» — это героиня романа Урбана Элиоз, образ которой автор наделил многими чертами Луизы Мишель, славной дочери французского народа, одной из виднейших деятельниц Парижской Коммуны. Почему эта сцена, где героиня впервые появляется на страницах романа, в русском переводе не только утратила жизненность, но и звучит пародийно? Поэтому, что переводчики переводили слово за словом, последовательно выбирая те русские слова, которые по словарю соответствуют словам французского текста, и не забываясь о том, переданы ли образы, чувства и мысли, стоящие за словами. Они пишут «сердито», взяв первое значение слова «irrité», хотя даже в словаре это не единственное значение и в данном случае только второе — «гневно» — или третье — «взволнованно» — может передать то, что хотел сказать автор. Они пишут «женщина из народа», не понимая, что здесь «femme du peuple» — это зрительный образ, что автор имеет в виду внешний облик парижанки-простолюдники, а не её анкетные данные. Они ставят «животное» вместо «собака», потому что по-французски написано «animal», не задумываясь над тем, что по-русски ласкают собаку, кошку,

* В старом Париже извозчики делились на два разряда в зависимости от качества экипажей, с соответствующей разницей в тарифе. (Примеч. ред. книги).

лошадь, и только в очень редких случаях «животное». По такому же принципу строят они русские фразы; они пишут — «этот блестящий человек умирает», потому что так сказано по-французски, не слыша, что по-русски так не восклицают. Они заставляют Урбану «легко вскакивать в экипаж» с умирающим на руках, не чувствуя комизма той картины, которую они нарисовали, и т. д.

Академическая сноска к этой загубленной переводчиками сцене звучит особенно неуместно. Редакторы, видимо, думают, что они обогатили советского читателя знанием парижского быта времён Коммуны. Право же, советскому читателю больше дала бы живая картина революционного Парижа и его народа. Этой картины в русской книге нет, потому что переводчики не уделяли внимания главному — творческому осмыслению содержания подлинника.

Если бы переводчики отвлеклись от буквы французского текста и представили себе Париж весной 1871 года, раненого офицера, отважную женщину, отдавшую жизнь за свой народ, они не могли бы передать этот драматический эпизод столь бледно, невыразительно, таким мёртвым, деревянным русско-французским переводческим «жаргоном».

Что сказали бы переводчики и редактор книги, проф. А. Смирнов, скрепивший своей подписью этот явный литературный брак, в ответ на вопрос, который М. Горький задавал по поводу перевода подобного же качества ещё сорок лет тому назад: «...что ответят издатели и переводчица, если спросить их: считают ли они достаточно корректным своё отношение к автору иностранцу, русскому читателю и русскому языку?».

В нашей критической литературе вошло в обиход обидное и презрительное наименование для плохого, исковерканного, засорённого языка литературных произведений, как переводных так и оригинальных, — «переводческий язык». Его ввели в литературу халтурщики, наводнявшие книжный рынок бездарными переводами бездарного западноевропейского чтива. Его теоретически оправдывали и узаконивали формалисты, ориентировавшиеся в своей практике на иноязычный текст и отрицавшие творческие задачи перевода.

Откуда взялся в русской переводной ли-

тературе этот беспардонный волапюк, на котором никто никогда не думал, не говорил и не писал? Как могли появиться все эти «мне дьявольски интересно», и «это было чертовски любезно», «прижал любимую против груди», «она сидела со своими красивыми глазами», бесконечные «пары» непарных предметов и явлений, чужие обороты речи и чужие слова, которых никто не понимает?

Этот «язык» появился от неверного стремления — оознательного или бессознательного — насильственно приспособить русский язык к чуждым ему формам; он представляет собой искусственное сочетание слов, образованное внешне согласно правилам русской грамматики, но за этим сочетанием не стоит по-русски осознанная мысль. Он не служит средством выражения мысли, остаётся мёртвой буквой и не имеет ничего общего с литературой. В сущности, такой язык есть негодный подстрочник, сделанный людьми, не понимающими функции слов и словосочетаний и теряющими основное — мысль.

Всякая попытка механического перенесения в переводной текст иноязычных элементов или даже просто механическое подыскивание соответствий этим формальным элементам имеет своим первым и непосредственным следствием порчу русского языка и, одновременно, искажение смысла подлинника, — именно потому, что переводческая отсебятина появляется всегда в результате отхода от смысла, а не от буквы текста. Отрыв вопроса о языке переводного произведения от вопроса о верности перевода — это одно из проявлений ещё непреодоленного формалистического взгляда на перевод. Теория «приспособления» русского языка «в пределах его эластичности» к иноязычным нормам логически приводила к противопоставлению качества русского языка переводного произведения и его близости к подлиннику. Получалось, что якобы чем ближе к подлиннику, чем «точнее» перевод, — тем меньше язык, которым он написан, похож на русский! Между тем правильный и богатый русский язык — это первое и неперемное условие верности перевода, ибо это первое и неперемное условие художественности произведения. Только такой язык может донести до читателя без потерь мысли и чувства подлинника. Нужно ли

рассуждать о «близости» к подлиннику перевода, написанного «переводческим языком», вроде «Жака Ратаса»? Он далёк и неверен уже потому, что он не имеет ничего общего с художественным творчеством.

Вопрос о языке перевода — то есть его форме — неразрывно связан с проблемой передачи идейного содержания, воспроизведения национальной специфики переводимого произведения, со всей совокупностью проблем переводческого творчества. Короче — это один из самых основных вопросов переводческого мастерства. Между тем он, по существу, почти совсем не разработан, и в этом ещё раз сказалось отставание литературоведческой науки, до сих пор уделявшей мало внимания вопросам языка и стиля писателей.

Борьба с «переводческим языком» есть часть общей борьбы за чистоту, правильность и богатство русского языка. Сегодня, когда труды И. В. Сталина привлекли к вопросам литературного языка пристальное внимание широких читательских масс, особенно недопустимы малейшие проявления этого переводческого «жаргона» как в собственно переводной, так и в оригинальной литературе.

Роль переводческой деятельности, содействующей ознакомлению народов друг с другом, сближению народов, в наши дни огромна и она будет возрастать с каждым

днём — по мере дальнейшего расцвета культуры социалистических наций и укрепления сталинской дружбы народов, по мере роста успехов стран народной демократии, по мере расширения борьбы против колониального и империалистического гнёта. В деле воспитания советского патриотизма, в деле борьбы за мир и дружбу между народами переводчикам принадлежит ответственное и почётное место.

Для того, чтобы советские переводчики могли выполнить стоящие перед ними задачи, необходимо создание теории реалистического перевода. Такая теория обобщит опыт лучших мастеров советского перевода, достижения русской переводческой традиции, и сделает их достоянием всей многонациональной армии советских переводчиков.

Только так можно выполнить завет основоположника советской литературы, великого Горького: «Идеально было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех народностей Союза. В этом случае мы всё быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племён, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру».

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

А. Еремин. Страницы великого наследия.— **С. Розанова.** Битва на Дону.— **М. Белкина.** В снегах Якутии.— **Е. Босняцкий.** К этому ли стремился автор?— **Б. Закс.** Светлый образ.— **А. Нацкин.** Книга о великом актёре.

ПОЛИТИКА И НАУКА

В. Волгин. Путь австрийской компартии.— Полковник **П. Сидоров.** Германский империализм и США.— **П. Нилин.** Новое в Донбассе.— Доктор биологических наук профессор **П. Генкель.** Борец за мичуринскую науку.— **М. Цунц.** На свободной болгарской земле.— Доктор экономических наук **А. Погребинский.** Расцвет Советского Казахстана.— **Б. Коньков, К. Тараданкин.** Слава русского спорта.

Литература и искусство

Страницы великого наследия

Почти полтора десятилетия назад был учреждён Архив А. М. Горького. За эти годы «Архив» опубликовал много новых материалов, расширивших наше представление о размахе литературной и общественной деятельности Горького.

Многие из произведений, впервые напечатанных в новом, третьем томе «Архива», остались незаконченными или представляют собою наброски, заметки,— и тем не менее все они вызывают глубокий интерес. Читая эти рассказы, очерки и статьи, порою оборванные на полуфразе, мы вновь испытываем обаяние поэтического слова гениального художника, вновь увлекает нас могучий поток страстной, боевой мысли великого публициста.

В первый раздел сборника — «Рассказы и повести» — вошли художественные произведения, написанные Горьким в разные годы его творческой деятельности. С различной степенью полноты в них выразились те идеи и цели, за которые он боролся как писатель-революционер. С самого начала своей литературной деятельности Горький выступает против реакционных, враждебных народу социальных сил. С уничтожающим сарказмом изображает

он буржуазную, обывательскую интеллигенцию с её стремлением к покою, ленивым философствованием о неизменности жизни и обескрыливающей проповедью покорности («О комарах»). Последовательно и непримиримо борется он против декадентства, остроумно и зло выюменвает поэтов, воспевавших свои страдания от укуса блохи. Типичную фигуру поэта-декадента, сочиняющего стишки о ничтожности мира, Горький изображает в рассказе «Дядя Витя». Безпринципный, искусно играющий роль модного поэта, дядя Витя угодливо служит пресыщенным тунеядцам; но он не только ловкий версификатор, придумывающий словесные фокусы, вроде стихов со звуком «щ» в каждом слове,— он активный враг революции, стремящийся «весёлыми пустяками» затуманить сознание людей и этим содействовать силам реакции.

Тема разоблачения декадентства нашла отражение и в незаконченном рассказе: «Я вам не помешаю?..» Это психологический очерк о формировании характера юноши, перед которым всё шире раздвигаются границы постигаемого им мира и раскрывается иполненный вдохновляющей красоты путь революционной борьбы.

Иной мир изображается в небольшом наброске, условно названном составителями «На станции». Перед нами возникают фигуры скачущих обитателей маленькой

Архив А. М. Горького. Том III. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе. Подготовили к печати В. Гусева, В. Ланина, А. Тарараев, М. Юнозин. Редактор В. Седова. Гослитиздат, М. 1951.

заброшенной станции железной дороги. Среди них — горбатый телеграфист Юдин, знакомый нам по автобиографическому рассказу Горького «Книга». По своему содержанию этюд «На станции» напоминает написанный в том же году (1897) рассказ «Скуки ради». Сопоставление их позволяет с большой вероятностью предположить, что первое из этих произведений было черновым наброском начала второго.

Три произведения из тех, что впервые публикуются в III томе «Архива»: «Случай с Лузгиным», «Сны» и «Овраг», — написаны в послеоктябрьский период. Рассказ о купце Лузгине, владельце кожевенного завода, вносит яркие штрихи в созданную Горьким обличительную картину буржуазно-мещанского мира. В этом мире царят вражда и ложь; здесь поруганы чистые, искренние чувства: для буржуазного дельца «все люди — жулики, и продавцы и покупатели».

В рукописи рассказа первоначально вместо фамилии Лузгина фигурировала фамилия известного некогда поволжского промышленника Башкирова, а действие происходило не в Москве, а в Нижнем. Еполне возможно, что Горький предполагал создать произведение, близкое по типу к портретным очеркам о Бугрове и Мерозове, написанным в те же 20-е годы.

Раздел художественных произведений сборника завершается повестью «Овраг», написанной в 30-е годы и также оставшейся незаконченной. Повесть представляет собою широкую картину жизни деревенской революционной русской деревни. Яркие бытовые сцены, выразительные образы бедняков, колоритные женские фигуры, типы хищников-мироедов отчётливо и зримо выступают на страницах повести. В памяти читателя надолго останутся и крестьянский мальчик Пётр Новосёлов, и старуха Матрёна Заезжева, испытавшая суровую долю крепостной рабы, и её племянница Сашка Дамка, красавица с весёлой, певучей душой, и отец Петра Новосёлова — молчаливый труженик, сценой гибели которого в обвалившейся каменоломне обрывается повесть.

К рассказам и повестям Горького непосредственно примыкают «Воспоминания», составляющие второй раздел сборника. Наряду с общеизвестным циклом воспоминаний великого писателя они пред-

ставляют собой классические образцы мемуарной художественной прозы.

В очерке о докторе А. Н. Алексине с большой силой проявилось портретное мастерство Горького. Гуманный, жизнелюбивый человек, «по-русски, разнообразно талантливый», Алексин посвятил свою жизнь борьбе против человеческих страданий; он ненавидел их и был уверен в победе науки над ними. Рисуя обаятельный образ доктора-гуманиста, влюблённого в свой благородный труд, верящего в могущество человеческого разума, Горький учит видеть радость в труде, счастье — в служении людям, народу.

«Я давно убеждён: все люди талантливы, русские — особенно», — говорит он в «Записках из дневника», помещённых также в этом разделе. Замечательны в этих записках творческие признания Горького: он сожалеет о том, что нет возможности успеть изобразить характеры тысяч известных ему русских людей.

Среди набросков о некоторых из этих людей особенно интересен этюд о революционере А. В. Панове, скромном человеке, самоотверженном борце. Смертельно больной, преследуемый самодержавием, он всюду сеял искры революционной мысли, пока не погиб как воин на поле боя.

Третий раздел сборника составляют публицистические статьи, с частью которых читатели уже знакомы по периодической печати и книге «М. Горький. За мир и демократию». Статьи, впервые публикуемые в третьем томе «Архива», представляют собою новые драгоценные страницы Горького-публициста. Мы с волнением слышим голос вечно живого борца за мир во всём мире, гневного обличителя международной реакции.

Империализм непримиримо враждебен народам мира, — неустанно убеждает Горький. Зорко всматриваясь в ход международных событий, руководствуясь в их оценке гениальными предвидениями Ленина и Сталина, Горький разъясняет реальность угрозы новой мировой войны и призывает народы всей земли противопоставить преступной воле империалистов свою волю к миру. В тот же год, когда с трибуны XVII съезда партии товарищ Сталин, с гениальной глубиной анализируя международную обстановку, говорил, что дело яв-

ным образом идёт к войне, Горький в статье «По поводу чуда» писал: «Буржуазия готовится к новой международной войне, которая истребит миллионы молодёжи, уничтожит на миллиарды предметов первой необходимости, распылит по земле и потопит в морях миллионы тонн металла, сожжёт и разрушит города, испортит, отравит газами и трупным ядом плодородные почвы. Всего этого вполне достаточно для того, чтобы с полным правом сказать: миром правят преступники, и притом явно обезумевшие, вероятно — от предчувствия неизбежной их гибели».

Горький не раз отмечал, что американские промышленники с судорожной торопливостью запасают целые горы военного снаряжения. Правая клика Америки, подчёркивал он, обнаглевшая, изолгавшаяся, готовая залить кровью весь мир, «в наше время всё более явно впадает в состояние невежества и одичания». Ныне особенно ясна справедливость этих слов: американские империалисты, залившие кровью мирных жителей руины многострадальной Кореи и с наглостью оккупирующие страны Западной Европы, дошли до средневекового изуверства и фашистского одичания.

Горячо убеждённый в том, что «идиотизм буржуазной действительности» бессилён затемнить «радость близкого освобождения трудового человечества, радость возрождения его к новой жизни» («Беседа»), Горький призывал всех переломных людей мира, честных мастеров культуры посвятить свои силы величайшему делу современности — делу борьбы против войны.

Миру гибнущего капитализма с его неизбежными войнами, нищетою масс, лживой моралью и растленной культурой Горький противопоставляет мир социалистического созидания.

С восхищением говорил он о советских людях — строителях новой жизни, о чудесных преобразованиях Родины. Все области творческого труда родного народа вызвали его страстный, активный интерес, на всё новое откликнулся он вдохновляющим словом. Какой бы вопрос Горький ни ставил в своих публицистических выступлениях, он всегда руководился интересами партии и народа, требованиями практики

социалистического строительства, задачи борьбы за мир.

Последний раздел III тома «Архива» составляют литературно-критические статьи и наброски, большая часть которых публикуется впервые. За исключением отрывка из статьи «Разрушение личности», направленной против декадентского искусства, все материалы этого раздела относятся к послеоктябрьскому периоду.

Горький — историк литературы, её теоретик и критик, оставил замечательное боевое наследие, являющееся неоценимым вкладом в дело развития марксистско-ленинской литературной науки и эстетики. Опубликованные в данном сборнике критические статьи обогащают советское литературоведение, помогают глубокому раскрытию его основных проблем. Перед работниками советской литературной науки, напоминал Горький, «поставлен вопрос огромной важности, — вопрос о создании ленинско-сталинской теории литературы». Он призывал литературоведов обратиться к разрешению самых острых и неотложных вопросов развития советской литературы, содействовать своими трудами её дальнейшему росту.

Разъясняя принципы социалистического реализма, Горький определяет его важнейшие черты: правдивое отражение реальности социализма, нераздельная связь с грандиозным процессом его созидания. «Социалистический реализм, — писал он, — отражая влияние новых форм труда и быта, утверждает их как сущее, освещает их смыслы, этим и способствует процессу дальнейшего становления социализма».

Глубокий теоретик, непререкаемо авторитетный учитель писательского мастерства, Горький предъявлял высокие требования к художникам слова. Напоминая о стремительном росте духовных запросов и эстетических вкусов народа, он с суровой прямотой порицал тех писателей, которые проявляют недобросовестность в своей работе, дают искажённое представление о нашей действительности, уродуют красивый и звучный русский язык.

Горький учил видеть и правдиво отражать то новое в жизни и в людях нашей страны, «что уже родилось, будет жить века и не уничтожится, а только изменится на лучшее». Отвечая на вопрос, каким должен быть советский театр, он

около трёх десятков лет тому назад говорил: народу, проявляющему чудеса революционного героизма, необходимо вдохновляющее героическое искусство. «Со сцены нужно говорить о мужестве, самоотвержении, о любви к людям и уважении к ним, о чувстве дружбы, о человеке-гражданине, а драма человека-обывателя, человека — пассивного зрителя трагедии жизни, эта драма должна умереть» («О героическом театре»).

То, что в нашей литературе ещё иногда появляются и порою получают распространение безидейные, антихудожественные произведения, Горький справедливо считал признаком слабости нашей литературной критики. Он требовал, чтобы критика была принципиальной, строгой, взыскательной к художественному мастерству писателя, чтобы руководствовалась она в своих оценках интересами партии и народа; критика, говорил он, должна рассматривать явления текущей литературы, исходя от вопроса: насколько та или иная книга способна воспитать в человеке волю к творческой, культурно-революционной жизнедеятельности? Он воспитывал в литераторах сознание ответственности перед народом, настойчиво разъяснял, что только то произведение заслужит его любовь, в котором правда жизни, глубокое содержание будут воплощены в высоко художественной форме.

Приведённые в III томе «Архива» черновые наброски, варианты, зачёркнутые автором слова и выражения представляют собою богатый и наглядный материал для изучения писательского труда Горького. Взыскательный художник, он ищет самое верное и меткое сравнение, самый точный эпитет, безжалостно вычёркивает отдельные слова, фразы и целые абзацы, вялые, шаблонные, стёршиеся от частого употребления обороты речи. Изображая переживания Петра Новосёлова, нашедшего кем-то оброненный красивый перочинный нож, Горький первоначально писал: мальчик «долго стоял, точно вкопанный в песок, рассматривая находку» («Овраг»). Перерабатывая повесть, Горький выбрасывает подчёркнутые слова, освобождая фразу от сравнения, утратившего новизну. Ещё пример. Матушкин, думая о том, что жена верно угадала нравы обы-

вателей Окурова, «не понимал, как может это молоденькое существо говорить эти фразы, в которых чувствовалась пугающая прозорливость» («Большая любовь»). Подчёркнутое нами выражение Горький заменяет более кратким и эмоциональным: «она, полурёбёнок», одновременно устраняя повторение почти одинаковых местоимений (это, эти). Устраняя лишние слова, ослабляющие впечатление, Горький достигает большей выразительности и художественной силы. В повести «Овраг» он рисует замечательную по своему драматизму картину: Пётр Новосёлов подходит к каменоломне, в которой работал его отец. Обычно из глубины пещеры слышались глухие удары и с грохотом вниз по жёлобу падали камни. Сейчас пещера была зловеще безмолвна. Пётр «пробежал шагов десять, наткнулся на грудку мягкой земли, она поднималась до потолка пещеры, плотно закрыв её жерло; мальчик тотчас понял:

— Завалило!

Вскрикнув: — Ой, тятя! он выскочил из пещеры, камнем скатился по жёлобу и стремглав, без памяти побежал в село, в звизгивая, задыхаясь, наскок на чьих-то баб, завизжал:

— Отца завалило камнем...»

При обработке повести подчёркнутые нами слова были выброшены Горьким, и от этого сцена стала драматически более напряжённой, рисунок строже.

Все художественные произведения Горького, вошедшие в III том «Архива», даже такие небольшие наброски, как «Сны», носят на себе следы серьёзной и тщательной обработки.

Публикации новых текстов Горького привлекут внимание широкого круга читателей, а не только специалистов-литературоведов, поэтому было бы целесообразно, чтобы редакция «Архива» сопровождала публикуемые материалы статьёй, разъясняющей их идейно-художественное значение, связь с другими произведениями писателя и т. д.

Издание «Архива А. М. Горького» — дело большой культурно-политической важности, и его выполнение должно быть продумано всесторонне и глубоко.

А. ЕРЕМИН.

Битва на Дону

Автор романа «Красное знамя» Анатолий Калинин принадлежит к тому поколению советских писателей, чьё литературное дарование проявилось в годы Великой Отечественной войны. Писатель сам был участником войны, вместе с армией шёл по полям сражений, по земле, освобождённой от врага, и повсюду видел могучее патриотическое воодушевление, охватившее в эти грозные дни весь советский народ.

Многое из того, что видел и пережил писатель, вошло в его фронтовые корреспонденции, печатавшиеся на страницах «Комсомольской правды». Ещё в дни войны он пытался воплотить запас живых впечатлений и наблюдений, полученных на фронте, в художественные образы. Он написал две повести — «Товарищи» и «На юге», посвящённые судьбе пехотной дивизии, прошедшей путь от Дона к Сталинграду, и действиям казачьих кавалерийских частей на юге и на Дону во время наступательных боёв 1942—1943 годов. Обе эти книги в переработанном виде вошли теперь в роман «Красное знамя», в который автор ввёл также много новых эпизодов, рисующих развернувшуюся на Дону активную партизанскую борьбу против фашистских захватчиков.

Новое произведение А. Калинина глубже по своему идейному замыслу, значительнее по охвату событий, чем его первые две повести.

Действие романа начинается с момента отступления советских войск из донских степей и станиц. Тяжёлые бои разыгрываются на оборонительных рубежах, у переправ, на подступах к населённым пунктам. Автор описывает боевой путь одного из подразделений дивизии генерала Акимова, основные этапы этого пути: отступление, бои под Сталинградом, возвращение с победой в степные просторы Дона. В образах командира подразделения капитана Батурина, политрука Тиунова, рядовых бойцов Петра Середы, Андрея Рубцова, связистки Саши Волошиной писатель показывает моральную стойкость, силу боевого духа, патриотизм советских людей, вставших на защиту своей Родины, не

утративших веры и воли к победе в грозные дни смертельной опасности, нависшей над родной землёй.

Большое место в романе уделено капитану Батурину. Автор подробно описывает его взаимоотношения с офицерами, с рядовыми бойцами, его командирские качества. Со страниц книги встаёт живой полнокровный образ боевого офицера Советской Армии — талантливого командира и умелого воспитателя.

Описание фронтовой дружбы рядовых бойцов Андрея и Петра, их боевых подвигов занимало центральное место в повести А. Калинина «Товарищи». В новом романе автор, сохранив эту сюжетную линию, подчинил её общему идейному замыслу произведения. Писатель подробно рассказывает о том, как находчиво и смело воюют оба бойца, как бесстрашно они атакуют вражеские танки, как тяжело переживают своё отступление, как яростно отбивают у врага каждую пядь родной земли, как самоотверженно спасает Андрей своего тяжело раненного друга, как боевая дружба помогает им переносить невзгоды и трудности фронтовой жизни. Жаль только, что А. Калинин не показал, как именно зарождалась крепкая боевая дружба этих беззаветно преданных своей родине и своему воинскому долгу верных фронтовых друзей, что сблизило порывистого и отчаянного Петра с медлительным и хладнокровным Андреем.

При подготовке сталинградской операции для участия в преследовании и разгроме отступающего от Сталинграда противника было создано особое казачье соединение. Истории формирования этого соединения, его боевым действиям посвящены отдельные главы романа «Красное знамя».

Автор живо и интересно обрисовал борьбу двух тенденций, двух направлений, проявившихся в казачьем кавалерийском соединении. В романе эти тенденции представлены образами генерала Милованова и генерала Рожкова. Оба они начали свою военную жизнь рядовыми бойцами в гражданскую войну, оба они стали большими военачальниками. Но Милованов, руководствуясь техникой современной военной науки, отлично понимает границы возможностей применения и ис-

пользования вверенных ему частей; он проявляет себя как волевой и решительный командир, обладающий творческой мыслью. Его антипод — генерал Рожков — «казачий романтик», влюблённый во внешние аксессуары казачьих войск — лампасы и чуб, придаёт слишком большое значение лихим кавалерийским атакам во главе со скачущим на коне командиром. Вся история взаимоотношений двух командиров и проведённых ими боевых операций служит наглядным подтверждением торжества передового миловановского начала над косными и отсталыми взглядами Рожкова.

Писателем многообразно обрисована казачья офицерская среда; тут и вдумчивый, всегда серьёзный комиссар соединения Увалов, и лихой, безрассудно-смелый Шаробуров, инициативный и требовательный командир эскадрона Луговой. Значительно слабее в романе образы рядовых бойцов-кавалеристов. Основное внимание автор сосредоточивает на старом казачьих колхознике Чакане, который, не сумев пробиться через линию фронта и эвакуировать табун колхозных лошадей, передаёт его кавалерийской части и становится её бойцом. Однако не старики, вроде Чакана, типичны для состава казачьих кавалерийских частей.

В картинах, рисующих бои и сражения, А. Калинин правдиво передаёт напряжённость битвы на Дону на разных её этапах, даёт представление о сложности организации и проведения тактических операций. Описания батальных сцен — лучшие страницы романа. Динамика боевой жизни, необычайная приподнятость людей чувствуется в сцене отражения ротой Батурина танковой атаки врага, в изображении уличных боёв в Сталинграде. Подлинным драматизмом проникнуто описание подвига санитарки Фроси, поединка Петра с вражеским пулемётчиком. Роман А. Калинина «Красное знамя» убедительно и правдиво рассказывает о патриотизме советских людей, об их глубокой преданности Красному Знамени — символу социалистической родины и большевистских идей.

Роман А. Калинина свидетельствует о возросшей требовательности писателя к себе, о его самокритическом отношении к своему творчеству. В повестях «На

юге», «Товарищи» ещё чувствовалось неумение автора критически отбирать материал, пристрастие к надуманным сюжетным положениям. Работая над новым произведением, писатель стремился отрешиться от этих «грехов молодости». И многое ему в этом смысле удалось.

В своей новой книге писатель строже подошёл к отбору положений и эпизодов, стремился их подчинить идейному замыслу произведения. В галлерее созданных им образов преобладают положительные герои, волевые и мужественные патриоты своей родины, люди социалистического сознания. В той части романа, где А. Калинин изображает знакомую ему жизнь фронта, он достиг серьёзных творческих удач. Менее удачным оказался второй план романа — изображение деятельности подпольной большевистской организации на оккупированной немцами фашистами донской земле.

Писатель не сумел с достаточной полнотой показать роль партии в организации активного сопротивления фашистским захватчикам. В начале романа говорится о создании подпольного большевистского комитета, которому поручено руководство народной борьбой. Однако, кроме нескольких упоминаний о существовании этого комитета, читатель в книге больше ничего не найдёт.

Большевистское подполье представлено образами Павла Щербинина и Анны Луговой. Вся история конспиративной деятельности Павла, рассказанная автором, выглядит надуманной и неправдоподобной. Ошибка заключается в том, что, поставив своего героя в исключительные обстоятельства, писатель не сумел показать его организатором и руководителем подпольной борьбы советских людей. А. Калинин не смог убедительно рассказать читателю, как же удалось Павлу выполнить задание комитета и осуществить необычайно сложную организацию побега трёхсот семидцати заключённых из фашистского лагеря, охраняемого вооружёнными отрядами эсэсовцев.

Бегло и поверхностно разработан образ Анны Луговой. Судя по экспозиции романа, образ Анны должен был занять одно из центральных мест в романе. Однако этого не случилось. В книге подробно описана частная жизнь Анны, длительные

«ухаживание» за нею немецкого обер-лейтенанта, но совершенно ничего не сказано о том, как Анне удалось связаться с тщательно законспирированной подпольной организацией, стать её связной, и по её заданию проникнуть в гестапо. Сцена, в которой Анна впервые появляется в качестве переводчицы гестапо, никак не связана с теми событиями, которые ей предшествуют. Во второй половине романа Анна и Павел вовсе исчезают.

В результате всех этих недостатков большая и значительная тема оказалась в книге обеднённой.

Серьёзные претензии следует предъявить также и к композиции произведения. Автор не сумел сюжетно связать оба плана романа, в результате — события каждого из них развиваются как бы сами по себе. Роман перепружен рядом лишних эпизодов, намеченных, но не развитых ситуаций, некоторыми ненужными сценами: например, рассказ о встрече Батурина с майором Скворцовым, подслушивание Ча-

каюм разговора немецких танкистов, встреча братьев Батуриных.

Язык писателя требует ещё серьёзной и большой работы. А. Калинин часто пользуется одним и тем же любившимся ему словесным оборотом, который подчас звучит неуместно. Почему положительный герой романа Акимов в беседе с членами обкома вдруг «затравлено оглянулся... злобными глазами» на одного из членов обкома, почему «затравлено оглядывался» честный колхозник Тимофей Рубцов, — в споре со своими же товарищами колхозниками? На одной странице автор пишет «проклекотали снаряды», на другой — «сердито клекотал из незабинтованного отверстия рта Юсупова», и ещё — «низким клекочущим голосом сказал вошедший».

Перед А. Калининым, писателем несомненно одарённым, стоит задача — более строго и требовательно относиться к своему творчеству, ещё более упорно работать над овладением высоким мастерством художника.

С. РОЗАНОВА.

★

В снегах Якутии

Ветхая, убогая юрта затерялась в снегах далёкого сибирского края. Редко доходят сюда вести, да и то с опозданием и в искажённом виде. Где-то в России живёт царь, он воюет с другим царём и, говорят, будут они воевать до тех пор, пока не переубьют всех людей на земле. Мало что знают об этом якуты...

Урожай со скудной пашни бедняка едва хватает до середины зимы, а потом «по утрам хлебали отвар из сухих листьев дикого хрена, в полдень довольствовались супом из сушёной сосновой заболони, нарубленной в виде лапши, а вечером подавали только кипяток...» Часто хворали дети и взрослые, а «заболел человек — прежде всего испробуй свои, не требующие затрат средства: кровь из уха серой собаки, навоз от рыжего вола, отвар из щепочек, отколотых от креста на могиле тэски, цветок подснежника». Не помогло — зови шама-

на. «Не помог шаман — значит не от беса хворь, а от бога: нужен поп».

В юрте, про которую даже бедняки говорили: «— Кто проживёт здесь день, тому простятся прехи за год», — протекает детство Никиты Ляглярна, героя романа Н. Мординова «Весенняя пора».

Рано узнаёт он тяжесть подневольного труда — «в людях», горечь стыда за мать, когда ей приходится нищенствовать; обиду за отца, когда староста Сыгаев отнимает у него пашню, мстя этим семье маленького Никиты, поколотившего в школе старостина внука — драчуна и задиру.

Есть два мира — один мир жестокий и несправедливый, где царствуют пьяная лавочница Пелагея Сыгаева, скандалист Лука Губастый и его хитрый и злой отец богач Веселов; другой мир — в душе Никитки — это мир добра и справедливости, там побеждает сказочный герой, который всегда помогает беднякам.

Подрастает Никитка. На своём жизненном пути маленький якут встречает русского фельдшера Боброва. Это он «не шаманил», «не кадил», а вылечил отца

Н. Мординов. «Весенняя пора». Роман. Авторизованный перевод с якутского А. Дмитриевой и Л. Корниловой. Редактор Н. Бузикошвили. «Советский писатель». М. 1951.

Никитки; это он уговорил отдать Никитку в школу; это он увёл его из кабака в Якутске, где Никитка был на побегушках. Это он познакомил его с другими, не сказочными, реальными героями, которые борются за то, чтобы бедным жилось хорошо. Мальчик узнаёт, что есть Ленин. А здесь, в Якутске, живут Ярославский и Орджоникидзе, «главные политические», как их любовно зовут якуты.

В Якутске Никитку застаёт Февральская революция. Он неприменный участник всех митингов, собраний, демонстраций... Разгорается гражданская война, которая в этих отдалённых краях затянулась дольше, чем в других областях России. Никита — «красный конник». Он сражается против кулаков — Луки Губастого, Сыгаева, против белогвардейцев... Разбиты последние банды. В Якутии начинается развёртываться мирное строительство. Но Никите — теперь уже студенту педагогического техникума — снова приходится сражаться с врагами молодой республики: он разоблачает националистов, среди которых и внук старосты Василий Сыгаев.

Читатель прощается с Никитой, когда тот уезжает на пароходе в Москву — учиться в институте журналистики.

Якутский писатель Н. Мординов в романе «Весенняя пора», первом своём произведении, переведённом на русский язык, сумел увлекательно, в образной форме, рассказать о революционных событиях, о гражданской войне, о становлении советской власти в Якутии, о пробуждении к творческому, созидательному труду одного из самых отсталых, самых угнетённых народов царской России. Сколько организаторских способностей, сколько природного ума, таланта проявляют эти вчера ещё неграмотные батраки! Как горячо они берутся за создание новой жизни!

Книга Мординова проникнута большой любовью к человеку. С первых её страниц внимание читателя захвачено судьбами людей, изображённых автором. Писатель не пытается убеждать, что один его герой хорош, другой плох. Эти выводы читатель делает сам. Герои романа показаны в действии, в столкновении с другими героями, их характеры раскрываются в поступках, в отношении к окружающей действительности.

Герои Н. Мординова — это живые люди,

с индивидуальными, присущими только им чертами характера. Надолго запомнится читателю Дарья — мать Эрдэлира, маленькая старушка, которая целый день выделывает заячьи шкурки в тёмном углу юрты, а по вечерам, при свете камелька, рассказывает сказки; запомнится и её сын Дмитрий — весельчак, балагур. Судьба наградила его острым умом и актёрским талантом. Его шутки, его дар пересмешника скрашивают убогую жизнь бедняков. Он не хочет подчиняться несправедливым законам, не хочет гнуть спину на богачей. Одним из первых в своём селении он вступает в большевистскую партию, становится председателем ревкома... Много обаятельных образов простых тружеников проходит перед читателем романа.

Удаются автору и лирические описания, и полные драматизма сцены — например убийство Дмитрия Эрдэлира или окружение отряда партизан бандитами.

Мординов видит мир по-своему и показывает увиденное образно и красочно. Вот картина рассвета, завечатлённая им: «Блестящая, как лезвие наточенного ножа, полоска на востоке всё ширится, будто откидывается там с неба серое покрывало. И звёзды гаснут одна за другой. Потом прилетает всегда чем-то озабоченная трясогузка. Она садится на изгородь, покачивает своим длинным хвостом, кивает головой, поворачивается то одним, то другим боком. Она похожа на бойкую молодуху, которая оставила ребёнка в люльке и молоко на огне и зашла на минуту к соседке за горстью соли. Ах, птичка-плутовка! Делает вид, что ничего не увидела, ко всему здесь безразлична, вот-вот улетит, а сама всему удивляется, всё примечает, всем интересуется!»

Старые лиственницы, по грудь высунувшиеся над обступившей их молодой порослью, начинают медленно раскачивать свои ветви. Потом просыпаются и молоденькие деревья, и вот уже радостно шумят кругом леса, а весенний тёплый ветер нежно поглаживает по щеке...»

С большой теплотой показана автором дружба якутов с русскими большевиками. Доверчиво и любовно относятся якуты к своим старшим братьям. Огромную помощь оказывают русские якутам в борьбе с контрреволюцией, в организации мирного строительства после гражданской

войны, в формировании национальной по форме, социалистической по содержанию новой культуры. Всё это жизненно верно изображено в романе. Но надо заметить, что образы русских людей удались романтисту меньше, чем образы якутов, и это получилось вследствие того, что нарисованы они однолинейно. Писатель не раскрыл внутреннего мира своих русских героев, их чаяний, надежд, переживаний. Слишком бегло и схематично обрисовал Н. Мординов таких замечательных деятелей революции, как Г. Орджоникидзе и Е. Ярославский, находившихся в предреволюционные годы и в дни Февральской революции в ссылке в Якутии.

Есть в романе и исторические неточности. Так, автор пишет, что на митингах и собраниях, которые велись в феврале и марте 1917 года, большевики выступали «за установление восьмичасового рабочего дня, эсеры — за то, чтобы рабочие и батраки гнули свои спины на буржуев от зари до зари. Большевики организовывали профессиональные союзы рабочих людей, а эсеры — союзы буржуев...»

Здесь автор упрощает суть дела. Ведь в апреле того же 1917 года Ленин говорил, что социал-демократы и эсеры в этот период выражали точку зрения «Мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части подавленных влиянию буржуазии рабочих»¹. Вряд ли поэтому эсеры в то время стали бы фразоблать себя и осмелились бы открыто заявлять о том, что они защищают интересы буржуазии. Обстановка в те годы была гораздо более сложной, чем представляет её себе автор.

Мординов любит якутское народное творчество и умело вводит фольклорные мотивы в своё реалистическое повествование. Но, к сожалению, зачастую он механически переносит в текст романа заимствованные им из народного творчества образы, сравнения. Например: «Великая радость переполняла сердце Афанаса. Он старался держать её как натянутую тетиву лука...» (Подчёркнуто мною. — М. Б.)

Не всегда автор умеет органически связать свойственную ему патетику со спокой-

ной повествовательной интонацией. Так, он пишет:

«Становясь всё шире, ярче и звучнее, летела по улусам быстрокрылая весть о победе красных в Якутске».

И тут же от этого почти былинного стиля он переходит на язык сухого отчёта:

«А затем выехали в улусы уполномоченные революционной власти, которые создавали митинги, упрядняли органы и учреждения колчаковцев, создавали улусные ревкомы...»

Нередко автор злоупотребляет цветистыми эпитетами, метафорами. Не всегда удаётся ему отобрать те немногие, нужные слова, которые сразу делают предмет осязаемым, пейзаж точным и красочным, события динамичными. Так случается с ним, например, когда он описывает пожар шалаша во время сенокоса: тут и «огненные крылья», поднимающиеся к небу, и «огненные стрелы» — «красные, жёлтые», и «тысячи искр», которые лежат брызгами, и «огненные черви» сверкают «медными, золотыми и серебряными жилками»... Но все эти словесные ухищрения не помогают — шалаш не горит! А вот костёр, который разводит в пути под осыпающимися берёзками Фёдор Ковшов, загорается:

«Он чиркнул спичкой, прикрыл пламя обеими ладонями, зажёл кусочек бересты и сунул его в кучу хвороста. Вверх потянулся тоненький, будто гвоздик, синий дымок. Затем с одного бока словно высунулся маленький белёсый зверёк и быстро исчез. Потом эти зверьки стали высовываться сразу во многих местах. Замирая и опасно оглядываясь, они, наконец, смело выскочили наверх, затанцевали, заиграли, кидаясь друг другу в объятия... Затрещали сучья, от запаха дыма приятно зашекетало в носу».

Когда-то Антон Павлович Чехов, поучая молодого Горького, писал:

«...красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошёл дождь» и т. д.»

Подобной-то простоты подчас и не хватает Н. Мординову.

В целом перевод романа выполнен добротнo. И однако автору вместе с переводчиками следовало бы дополнительно поработать над романом, очистить его от

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 78.

словесной шелухи, от выпренности, от кажушейся «красивости».

Необходимо также очистить русский текст от множества якутских слов, встречающихся в нём.

К сожалению, переводчики книги Н. Мординова следовали здесь дурной «традиции», укоренившейся среди многих переводчиков с языков народов СССР.

Конечно, бывают слова непереводаемые, или такие, для которых не подберёшь однозначащее русское слово. В таких случаях закономерно оставить их в тексте, а сноской пояснить их смысл. Но для чего переводить с помощью сносок такие простые слова, как: «нохо» (парень), «убай» (брат), «бэсиэччик» (уголовник), «олонхосут» (сказитель), «сударский» (политический) и т. д., и т. п.; почему надо писать «ровдужные штаны», а не штаны из олень-

ей кожи? Почему сначала якуты говорят просто «русский», «русский пришёл», «руссский сказал», а потом вдруг в авторском тексте появляется слово «нучча», что по-якутски и значит «русский»?

Не стоило бы употреблять так много слов местного, областного значения, как это сделано в переводе романа «Весенняя пора» вроде «зароды», «заберег», «елань». Читая роман, можно понять, что «елань» — это долина или равнина, но через несколько страниц говорится об «опушке елани». А в Ивановской области, как пишет М. Пришвин в «Кладовой солнца», «елань — топкое место в болоте, всё равно, что прорубь во льду».

Талантливая самобытная книга Мординова, надо полагать, будет переиздаваться, и исправление всех этих недостатков улучшит её.

М. БЕЛКИНА.

★

К этому ли стремился автор?

Роман Н. Волкова «Наше родное» издавался уже трижды. Он был опубликован в 1950 году в альманахе «Енисей», затем в журнале «Сибирские огни», а в 1951 году вышел отдельным изданием.

Что привлекло в романе редакцию альманаха, редколлегию журнала и, наконец, Красноярское краевое издательство? Важность темы? Занимательность фабулы? Новизна материала? Да, всё это в романе есть. Роман читается с интересом, действие его увлекает, судьбы героев — рядовых советских людей — волнуют и занимают.

Содержанием романа послужили десять лет жизни советской девушки Лены Байковой, в течение которых она прошла путь от уборщицы до директора большого магазина, получившего первую премию во всесоюзном социалистическом соревновании.

Автор поставил себе задачу — показать вдумчивого, инициативного, честного, самоотверженного работника прилавка, коллектив, в котором он воспитывается; показать, что отношения между продавцом и покупателем в нашей стране неузнаваемо

изменились, и древнее правило «не обманешь — не продашь» — кануло в вечность.

Н. Волков хорошо знает технологию торгового дела, специфические условия этой области деятельности советских людей. И это знание чувствуется в каждой странице его книги.

В романе нет специальных очерковых, популяризаторских глав или страниц, посвящённых показу специфики торгового дела. Эта специфика раскрывается автором в связи с развитием сюжета, с изображением характеров действующих лиц.

Молодой писатель умеет показывать своих героев в труде, их личную жизнь — в неразрывной связи с жизнью общественной. И лучшие страницы книги — те, в которых проявляется это умение. Они читаются с интересом, они художественно убедительны. Встречаются две подруги, две советские девушки — Лена Байкова и Жения Смагина. «Как ты живёшь, расскажи...» — просит Лена подругу. И Жения рассказывает о том, как она улучшила работу автобазы, на которой работает. Рассказывает с подробностями, отнюдь не безынтересными читателю. Выслушав подругу, Лена замечает: «Ведь я тебя спросила, как ты сама живёшь, а ты мне рассказываешь, как живёт твоя контора, и я

Николай Волков. «Наше родное». Роман. Редактор К. Лыжин. Красноярское краевое издательство, 1951.

даже это не сразу заметила». Не замечает этого и читатель. В этом и состоит главное достоинство романа Н. Волкова.

Замысел автора — дать портрет передового работника торговли, показать процесс его роста в коллективе — раскрывается с первых же страниц романа «Наше родное». Но, к сожалению, осуществить его полностью писателю не удалось.

Семнадцатилетняя Лена Байкова поступает в продовольственный магазин на должность уборщицы. Заведующий магазином Андрей Ильич, продавщицы, руководящие работники горторга помогают ей советом, делом, учат её, создают условия для поступления на курсы, в школу рабочей молодёжи. Лена с большой охотой учится, работает, овладевает опытом. Она проникается глубоким интересом и уважением к своему труду. «Её живо интересовало, заменят ли, наконец, разбитое стекло в оконной витрине, скоро ли стройконтрора удосужится поправить нависшую до половины окна железную опускную штору. Она иногда тоже вполголоса говорила при Андрее Ильиче, когда они оставались одни: «Хорошо бы у нас перед задним крыльцом или вымостить или галькой засыпать, а то прязь в магазин таскается». Или: «Вот бы нам, как в десятом магазине, люстру повесить, совсем бы другой вид получился».

Развитие образа Лены Байковой в том плане, как это намечено автором в начале книги, должно было стать её основным содержанием.

Но молодой писатель круто меняет направление сюжета.

Вместо того, чтобы уделить главное внимание процессу становления и развития характера героини романа, автор увлёкся подробным описанием «деятельности» различного рода негодяев, которых Лена Байкова встретила на своём жизненном пути. Скрупулёзную честность, присущую Лене, он делает наиболее активным её качеством. Хорошо, разумеется, что Лена Байкова с гневом отвергает поучения продавщицы Нюси, которая тянет её на путь мелкого жульничества. Конечно, и на дальнейшем пути Лене могли встретиться люди нечестные: растратчики, воры, шкурники, спекулянты. Естественно и совершенно правильно, что она, как, впрочем, и её товарищи по работе, должны были разоблачать всех этих мошенников. Беда в другом — писатель здесь теряет чувство меры. Многие

страницы первой и добрая половина второй части романа посвящены борьбе Лены со всякого рода проходимцами. Лена-разоблачительница выдвигается на первый план, Лена Байкова — работник, общественница, комсомолка — уходит в тень. В связи с этим недопустимо мало места уделено в книге изображению здоровой среды, окружавшей Лену Байкову, тех людей, которые помогали её идейному и производственному росту. И это — серьёзный недостаток романа.

Примечательно, что образы карьеристов, шкурников, спекулянтов, бездельников, которых в романе чрезмерно много, совершенно не удался автору. И Виктор Шапкин, и его сожительница Козлова, и начальник ОРС'а Гронский — всё это надуманные образы. Как ни старается автор придать им жизненную убедительность, читатель не верит в реальность этих людей. Подробные описания их наивно-глуповатых жульнических «операций» только усиливают это впечатление.

Уделив десятки страниц биографии Гронского, переживаниям его подручной Елистратовой, хулиганским выходкам Шапкина, автор в то же время совершенно недостаточно показывает самый процесс роста и мужания героини романа.

В самом конце книги, после суда над Гронским и назначения Лены Байковой директором магазина, Н. Волков пытается восполнить этот пробел. Как же он это делает?

«Теперь товарищи по комсомольской организации считали Лену старой комсомолкой... Как-то само собой получилось, что при всяком деле, требующем обдуманных и серьёзных решений, обыкновенно говорили: «Нужно будет с Байковой потолковать, интересно, что она скажет».

Но разве в жизни так бывает — «само собой»? Писатель должен был показать, чем заслужила Лена Байкова такой авторитет, такое отношение к себе комсомольского коллектива. Вместо изображения процесса роста в романе показаны его результаты.

«Софья Васильевна, глядя на озарённое каким-то внутренним светом лицо Лены, думала: «Много ли лет прошло, а как она выросла. Была неопытная, простенькая девочка, а теперь — настоящий человек и умница какая! Хорошо у нас люди растут, быстро, и фасти им легко».

Времени прошло не так уж мало — почти десять лет. И естественно, а вовсе не удивительно, что Лена за эти годы стала иной. Беда в том, что в книге намечены основные вехи её роста, должностные его приметы, но не самый рост: Лена — уборщица, Лена — продавец, Лена — завмаг, Лена — директор универсама.

Что сделала Лена до выдвижения на должность директора магазина? Она училась, была честна, старательно работала, разоблачила группу жуликов. Но нигде в книге не показаны её организаторские способности — качества, дающие ей право на руководство коллективом. Ведь только за несколько месяцев до назначения на должность директора универсама Лене удалось, под влиянием писем Андрея Ильича, преодолеть болезненную робость, свойственную её характеру. Этому преодолению робости посвящены многие страницы романа. Со всем незадолго до своего назначения на должность директора Лена впервые обратилась за помощью к комсомольской организации завода, впервые решила пойти к директору и парторгу. Так может ли читатель поверить, что сразу после этого ей доверили пост директора универсама? Можно ли поверить, что она способна была привести коллектив своего магазина к победе во всесоюзном социалистическом соревновании? Для этого нужен широкий кругозор, немалый опыт, незаурядные способности организатора, нужен несравненно больший, чем у Лены, общий культурный уровень.

Лена Байкова развивается вне коллектива. Сложнейшие житейские вопросы она решает сама, редко обращаясь за советом к старшим товарищам. На протяжении нескольких лет, — почти все военные и послевоенные годы, — Лена работает в ОРС'е оборонного завода. Напомним: ОРС — это отдел рабочего снабжения завода. Найдя место длинным рассказам о переживаниях мошенника Гронского, автор так и не удосужился сообщить, чем занят огромный коллектив завода «Восток». Не заинтересовалась этим и Лена, хотя и состояла в комсомольской организации завода. Ссылка на то, что завод оборонный, — в данном случае не может служить оправданием. Нет нужды в описании технологического процесса производства. Но ведь автор даже поверхностно не анализирует

тателя с коллективом завода. Рабочих и служащих Лена, как, впрочем, и автор, видит только в толпе да в магазинной очереди. Производственные успехи заводского коллектива — вне «внутреннего мира» Лены Байковой.

И весьма странно, что хорошие советские люди, старшие товарищи Лены, не заметили отрыва её от заводского коллектива. Андрей Ильич, Калюжный, даже парторг завода Червовский не пытаются вывести её за пределы узкого круга профессионально-торговых интересов. Автор хотя и утверждает, что, «видя, как серьёзно и вдумчиво она выполняет комсомольские поручения, ей начали давать новые и новые задания», читатель видит Лену только за выполнением одного задания — во время посещения ею семьи фронтовика. Но и это, к сожалению, описано бегло, невыразительно.

Лишь став директором универсама, Лена начала применять, наконец, свои знания и организаторские способности. Но, как мы уже говорили, показу её работы автор уделит слишком мало места.

Редакция альманаха «Енисей», начав работу над романом молодого способного автора, не довела эту работу до конца. Роман был опубликован поспешно, в нём, помимо указанных недостатков, осталось много стилистических небрежностей, композиция его нуждалась в пересмотре. Журнал «Сибирские огни» также не помог автору исправить эти недостатки.

И уж совсем непонятно, как могло Красноярское краевое издательство выпустить роман без серьёзной его переработки. Чем помог редактор книги К. Лыжин молодому автору? Язык романа, как и раньше, захлавлен канцелярскими оборотами. То и дело встречаются синтаксические ошибки. Безвкусные сравнения, напыщенные псевдо-литературные образы пестрят на страницах книги. Редактор вычеркнул очень немногие, бросающиеся в глаза претенциозные фразы, такое, например, сравнение: «...побежали дни, похожие один на другой, как бусинки, падающие с порванной нитки». Редактор, видимо, убедил автора, что надо избегать таких выражений, как «стрелы взглядов», «кровоточащие раны сердца», но попрежнему «волны возмущения» то и дело «охватывают» героев романа. Остались и «воздушная мелодия незнакомого вальса», и

«пугающая глубина и сила чувств». Не заметил редактор, что Лена «выходила пораньше, чтобы идя мимо парка, пройтись по его... аллеям», что «вдруг к ним внезапно явилась Нина». Таких ошибок в романе множество. Что же касается характеристики героев, их поступков, их диалога — редактор не помог автору улучшить их и обогатить.

Н. Волков поторопился опубликовать произведение непродуманное, плохо отредактированное. Интересный роман его нуждается в серьёзной переработке. Автору не следует обольщаться «успехом». Снисходительность редакторов может ему только повредить.

Е. БОСНЯЦКИЙ.

★

Светлый образ

Творческий путь Аркадия Гайдара был на редкость цельным и ясным. Одна идея владела им, одно горячее и искреннее чувство дышит в каждой написанной им строке — чувство любви к великой социалистической Родине. Этим чувством он жил, во имя Родины он отдал свою жизнь.

Ему было всего лишь 37 лет, когда в пору самого расцвета своего таланта он погиб, сражённый фашистской пулей. Немногим более полутора десятков лет обнимает его творческая биография. Но как много сделано за этот сравнительно небольшой срок!

Говорят, время — лучший судья. Книги Гайдара проверены временем: они неуязвимы. Живой интерес миллионов юных читателей, горячая любовь всё новых поколений — тому свидетельство. В Великую Отечественную войну рядом с Гайдаром сражались его выросшие читатели, а сейчас его книги воспитывают даже тех молодых советских граждан, которые и родились-то уже после смерти писателя.

Благотворное влияние таланта Гайдара на формирование лучших черт характера наших ребят — огромно.

Гайдару не было нужды вдаваться в теоретические споры о месте революционной романтики в поэтике социалистического реализма. Для него это был вопрос решённый. Он не мыслил себе тут какого бы то ни было противопоставления. Решительно во всех его произведениях революционно-романтические элементы неотъемлемы от реалистического изображения жизни. Наша жизнь, наша борьба романтичны, — безошибочно утверждает Гайдар всей си-

лой своего чудесного, обаятельного таланта, выказывая этим не только качества подлинного последователя социалистического реализма, но и тонкое знание детской души, рвущейся ко всему светлому, благородному. А что может быть благороднее и выше той борьбы «за светлое царство социализма», которой так преданы юные герои книг Гайдара?

Столь же ясным и цельным, как и творчество Гайдара, был его жизненный путь.

Удивительна история его жизни, которую он сам скромно определил, как «обыкновенную биографию в необыкновенное время».

В 14 лет он ушёл на фронт гражданской войны, в 17 — командовал полком. Только через два года после его демобилизации (1926 г.) и только через восемь лет после того, как он вступил в армию, пришёл срок призыва его, 1904 года рождения.

«Когда его страна воевала, он был солдатом; в мирные годы писал книжки для детей», — так в нескольких словах определил биографию Гайдара С. Маршак.

Сборник, посвящённый жизни и творчеству Аркадия Гайдара, очень нужен не столько потому, что недавно исполнилось десять лет со дня его гибели, сколько потому, что о Гайдаре пока написано обидно мало.

Сборник естественно делится на две части: одну составляют материалы о Гайдаре, другую — неопубликованные и малоизвестные работы самого Гайдара. Отнюдь не отнимая достоинств у статей и очерков первой части, следует всё же признать наиболее интересной вторую часть — отрывки из произведений, письма и дневники писателя.

Повесть «Бумбараш» Гайдар начал писать в 1936 году. Работа эта осталась

«Жизнь и творчество А. П. Гайдара». Составление и общая редакция Р. и В. Фраерман. Ответственный редактор И. Резникова. Дом детской книги Детгиза. М.—Л., 1951.

незаконченной, так как чрезвычайно близко совпала по теме с вышедшей в то время повестью В. Катаева «Шёл солдат с фронта» (другое название: «Я — сын трудового народа»). Сейчас, когда перечитываешь начало этой повести, отчётливо видишь, что опасность повторить Катаева меньше всего угрожала Гайдару, что «Бумбараш» — вполне самобытное литературное явление, совершенно «гайдаровское». Но повышенная требовательность Гайдара к каждому написанному им слову, его взыскательность большого художника — не позволили ему итти по хотя бы в малейшей степени проторённой тропе. И всё же жаль, что «Бумбараш» остался лишь начатым!

Его первые главы, опубликованные в рецензируемом сборнике, написаны зрелой, уверенной рукой мастера. Яркими, смелыми мазками изображена деревня 1918 года, резкое классовое расслоение: на одной стороне — кулацкие банды, на другой — отстаивающие революцию бедняки. Первая глава рисует Бумбараша, вернувшегося с фронта домой; во второй появляется мальчик Иртыш — фигура, близкая к любимым нашей детворой героям «Школы», Димке из «Р.В.С.», — и в равной мере обаятельная. Не много успел Гайдар написать об Иртыше, но образ его вылеплен с той степенью убедительности и жизненной правды, которая составляет отличительную особенность лучших детских образов Гайдара.

Нельзя согласиться с Р. Фраерманом, который в этом же сборнике пишет о «Бумбараше»: «повесть задумана не совсем в реалистическом тоне». Но, может быть, это обмолвка? — ибо дальше правильно говорится лишь о «внешних сказочных оттенках повествования», о том, что «Гайдар и в этой повести остаётся верен главному, что присуще всем его произведениям, — социалистическому реализму...». В самом деле, «Бумбараш» — отнюдь не сказочное, а вполне реалистическое, насыщенное меткими наблюдениями, живыми чертами действительности описываемого времени, произведение.

Трудно сказать определённо, как сложились бы в дальнейшем судьбы героев повести. Ясно, однако, что Бумбараша, несмотря на весь сложный переплёт событий, в который он попадает с первых минут возвращения домой, жизнь приведёт всё же в лагерь красных.

«Бумбараш» отныне прочно войдёт в число лучших страниц Гайдара.

Помимо «Бумбараша», в сборнике напечатаны и другие, не публиковавшиеся прежде, неоконченные произведения: начало второй части «Школы» («Обыкновенная биография»), отрывки из повестей «Глина» и «Последние тучи».

Чудесны, незабываемы письма Гайдара. Им в сборнике уделено не много места — всего 18 страниц; видимо, составители недостаточно активно искали их.

Если «Бумбараш» и другие литературные произведения, опубликованные в сборнике, — ценный вклад в творческое наследие Гайдара, то письма его напоминают о замечательном человеке с детски чистой душой, — таком же цельном и ясном, как и его книги; человеку, которого никогда не забудет каждый его знавший. Иные письма серьёзны, другие шутивы; одни в прозе, вторые в стихах; некоторые адресованы детям, другие взрослым. И во всех них, так же как и в дневниках, всё время говорится о работе. Неутомимый, вдохновенный труженик писал их.

Вот одно из этих писем — оно написано двум маленьким девочкам — пяти и семи лет — зимой 1936 года.

«Здравствуйте, злые люди!

Почему вы мне не пишете? Довольно-таки стыдно это. Кто мне не напишет сейчас же, тому будут плохие дела. А кто пишет, тому всякие хорошие. Я жив, здоров, очень много работаю. Если же вы меня забыли и прикидываете себе другого Аркадия, с бородой и золотым зубом, то тогда до свиданья, и я удаляюсь от вас в Африканскую страну и буду там лазить по деревьям вместе с обезьянами. Здесь у нас живут семь собак: Танька, Гришка, Муртик, Грозный, Кузька, Малявка и Бомба. И двенадцать кошек, а среди них самая главная — Мурмура...»

Это письмо сохранило живую интонацию разговора Гайдара с детьми, а так, как он умел с ними говорить — и шутивно, и всерьёз, — мало кто умеет.

Письма и дневники Гайдара, с которыми знакомит сборник, очень важны для исследователя его творчества, равным образом как и вновь найденная автобиография писателя, содержащая наибольшее количество дат по сравнению с публиковавшимися ранее.

Дневники Гайдара показывают его неразрывную связь с жизнью советской страны, в них явственно ощутимо предчувствие надвигавшейся войны.

Накануне Нового, 1941 года Гайдар записывает: «На земле тревожно, но в новый год я вступаю твёрдым, не растерявшимся». Таким — твёрдым и не растерявшимся — он встретил и войну. Таким он и воевал. Таким он и погиб — как рядовой советский боец-партизан.

Журналистская деятельность Гайдара, — а он много лет работал в газетах, — представлена в сборнике скупой. Дано всего четыре произведения. Среди них наиболее значителен очерк «Шумит Мудьюга» («Правда Севера», Архангельск. Январь, 1930 г.). В этой области для исследователя — ещё непочатый край работы.

Совсем не отражена в сборнике работа Гайдара для кино. А ведь до сих пор не опубликован ряд его сценариев. Наиболее уместным было бы опубликовать сценарий «Судьба барабанщика», написанный после одноимённой повести и существенно от неё отличающийся.

С биографией Гайдара знакомят читателя Б. Емельянов и Р. Фраерман. Их работы, естественно, кое в чём повторяют одна другую, но и взаимодополняют; каждая из них содержит и своё, в обеих есть важные сведения, которые не сможет обойти будущий биограф Гайдара. Обе работы являются первыми попытками в этой области, и дело создания максимально полной, фундаментальной биографии Гайдара — ещё впереди.

В работе Б. Емельянова, помимо всего, ценны документальные данные о последнем периоде жизни Гайдара и обстоятельствах его гибели. Хотелось бы только более точного указания источников. Так, например, автор пишет: «Вот что рассказывают о Гайдаре его ближайшие фронтовые товарищи» (следует цитата). Почему же эти товарищи остались безмянными? Вообще, если уж сборник рассчитан и на исследователя, то следовало более строго оформить аппарат издания — ссылки, примечания и пр.

В очерке Р. Фраермана наиболее полно даны детские годы Гайдара, многое тут читателю становится известно впервые. Очерк поэтичен и хорошо рисует живой облик Гайдара — писателя и человека. Кое-какие

мелкие подробности представляются в нём излишними. Неточно указание о времени приезда Гайдара на Дальний Восток (так же, как в датах жизни и творчества, приложенных к сборнику): он приехал туда не осенью 1931 года, а в январе 1932 года.

Статья Ф. Эбина «О творчестве Аркадия Гайдара» полезна, хотя и суховата. Она правильно оценивает отдельные произведения, но анализ их художественных особенностей и стиля в статье нельзя признать удачным. Тут автор не идёт дальше весьма поверхностных наблюдений.

Слаба статья М. Дубровой «Очерки военных лет» — главное место в ней занимает пересказ фронтовых очерков Гайдара. Отметим, что большинство их писалось для «Комсомольской правды», корреспондентом которой Гайдар был, и что неправильно поэтому считать, что очерки были адресованы детям, как это полагает автор. Прав Б. Емельянов, когда он пишет, что «по свидетельству многих писателей — военных корреспондентов, гайдаровский очерк «Мост» буквально открыл им глаза, многому научил и показал, что в газету с фронта можно давать произведения высокой художественной ценности».

С интересом прочтутся воспоминания К. Паустовского; много любопытного о детских годах своего брата сохранила в памяти и живо рассказала на страницах сборника сестра писателя Н. Полякова (Голикова); тепло написал о своём отце Тимур Гайдар. М. Котов знакомит читателя со своими встречами с Гайдаром на дорогах войны.

Составленная К. Кипарисовой библиографическая справка существенно дополняет материалы сборника. В ней приведены замечательные цифры. За период 1926—1950 гг. произведения А. Гайдара издавались в СССР 354 раза, на 55 языках, общим тиражом свыше 11 миллионов экземпляров. Наибольшее распространение получили повести: «Школа» — 41 издание и «Тимур и его команда» — 52 издания. Жаль, что критическая литература о Гайдаре перечислена в справке весьма неполно — упомянуто всего лишь десять статей.

Воспроизведение иллюстраций в сборнике оставляет желать лучшего, а скульптура работы Н. Писарева, судя по фотографии, не обладает сходством.

Составители правы, считая, что «понадобится ещё не одна книга такого рода». Начало положено хорошее, светлый образ Аркадия Гайдара обрисован в сборнике старательно, с любовью.

Надо пожелать Детгизу продолжать более углублённую работу по изучению жиз-

ни и творчества Гайдара. Полезно было бы включиться в это дело и Литературному музею, который пока весьма мало делает для популяризации творчества лучших представителей советской литературы.

Б. ЗАКС.

★

Книга о великом актёре

Слава пришла к В. И. Качалову сразу, после первого выступления на сцене Художественного театра. «Это чудо», — сказал Станиславский о Качалове ещё на репетиции «Снегурочки» (1900). А Горький, посмотрев спектакль, писал Чехову: «Как всё это было славно!. Великолепен царь Берендей — Качалов...»

Двадцатипятилетний актёр, дебютант из Казани, в один вечер завоевал признание московского зрителя — той демократической аудитории, для служения которой и был создан молодой театр.

Со времён постановки «Снегурочки» прошло несколько десятилетий. Уже мало осталось живых свидетелей первых выступлений Качалова в таких ролях, как Тузенбах («Три сестры») или Цезарь в трагедии Шекспира. Уже стали историей знаменитая постановка «Бронепоезда 14-69» (1927) и триумф Качалова в роли сибирского партизана Вершинина — его первой роли в советском репертуаре. Уже страна отпраздновала семидесятилетие прославленного актёра, и рядом с ним появилось второе и третье мхатовские поколения, а слава Качалова всё ширилась и стала — это можно сказать без всякого преувеличения — всенародной.

Что же принесло Качалову этот народный успех? В чём заключалось сценическое обаяние актёра?

Коллектив литераторов — историков Московского Художественного театра — взялся ответить на этот вопрос. Перед нами итог нескольких лет их работы — очередной выпуск «Ежегодника МХАТ'а», целиком посвящённый памяти В. И. Качалова. Это объёмистый том — свыше девятистот стра-

ниц, — в котором собрано всё или почти всё, что связано с именем Качалова во все периоды жизни великого актёра — от любительских начинаний в петербургских клубах до последней роли во МХАТ'е (Чацкий в «Горе от ума» — сезон 1938—39 гг.). В «Ежегоднике» опубликованы наиболее важные речи и выступления Качалова, его переписка, критические статьи о его игре, воспоминания друзей и соратников, обширная библиография, подробная «Летопись жизни и творчества В. И. Качалова». Однако не только богатством фактов и обстоятельностью изложения привлекает «Ежегодник». Эта книга объясняет, в чём величие искусства Качалова.

Существовала легенда, что талант Качалова — это талант «певчей птицы»: он беспрочно расходовал всё, что ему было в избытке отпущено природой. В самом деле, Качалов был словно рождён для своей профессии. Ему достаточно было выйти на сцену, заговорить, и зал, никогда до того его не видавший, уже подчинялся обаянию таланта актёра. Голос его, однажды услышанный, нельзя было забыть. О красоте его голоса писали целые исследования. Есть такая статья и в «Ежегоднике»; её автор — известная русская певица К. Держинская.

Да, это был огромный, природный талант — и тем не менее талант дисциплинированный, действующий не по наитию.

В статьях «Ежегодника» перед нами возникает образ художника в высшей степени целеустремлённого. Всякий раз, приступая к работе над новой ролью, Качалов ставил перед собой вопрос о её смысле и значении и должен был, — как справедливо замечает П. Марков, — «убедиться разумом» в том, чему эта роль служит. Он отвергал и считал унижительно бессельным искусство, которое является только «формой самовыражения художника».

«Памяти В. И. Качалова». Ежегодник Московского Художественного театра, 1948 г. Том II. Ответственный редактор тома П. Марков. Составитель и редактор тома В. Виленкин. Государственное издательство «Искусство», М.—Л. 1951.

Каждая новая роль Качалова неизменно вызывала поток откликов. Вероятно ни один актёр в истории мирового театра не вёл такой обширной переписки, как Качалов. Ещё накануне первой русской революции зритель Художественного театра искал в искусстве актёра «нравственной поддержки» или «слова горькой укоризны» (по выражению одного из корреспондентов Качалова), искал ответа на вопросы, которые выдвигала перед ним эпоха и её общественные противоречия. Качалов понимал, какую меру ответственности возлагает на художника такое отношение зрителя к его искусству. В письме к Немировичу-Данченко в первые послереволюционные годы он писал о новых требованиях эпохи к актёру и театру. Нельзя продолжать «играть то, что мы играли сейчас, и так, как мы это играем сейчас» (1923). Если у художника нет сознания необходимости своего дела и его важности, если он теряет чувство своего места в общем строе — искусство его падает и вырождается, — вот, по мнению Качалова, первый закон творчества.

«Тайну обаяния» Качалова пытались свести к моральной теме его искусства. В одном критическом очерке, появившемся в конце 30-х годов, прямо говорилось: поэзия Качалова — это поэзия жалости и сострадания к человеку. Автор очерка повторял старую ложь буржуазных историков театра. А они на все лады твердили, что сила Качалова — в бескорыстном альтруизме, в том, что для него нет правых и виноватых; он, мол, всем сочувствует, всем протягивает руки.

Всё творчество Качалова, действительно, служило прославлению красоты жизни и беспредельных возможностей человека. Но его любовь к человеку не вела к проповеди всепрощения, без различия друга и недруга; иными словами — он понимал гуманизм не в лицемерном буржуазном духе.

Статьи «Ежегодника» дают отчётливое представление о характере гуманизма Качалова. Убеждённый поборник человечности, он, как показывают его биографы, «не только любил, но и ненавидел со всей страстностью и остротой», а когда в том была необходимость — умел «казнить врагов человека». Уже в ранних ролях, сыгранных актёром, моральная тема получила совершенно конкретную социальную окраску.

«Когда я увидел В. И. Качалова в «Трёх сёстрах» и переживал бессмысленную, жестокую гибель Тузенбаха, то не оплакивать мне хотелось его, а протестовать и драться», — пишет в своих воспоминаниях режиссёр А. Попов.

Протестовать и драться, а не молитвенно созерцать и смиряться перед неизбежностью — вот правда о гуманизме Качалова, гуманизме действенном, побуждающем человека к борьбе.

Качалов в известном смысле был актёром романтической традиции; об этом говорит уже самый его репертуар как в театре, так и на эстраде. Но романтика Качалова не ставила преграды между человеком и действительностью, не предлагала ему укрыться в мире вымысла. Стоит сослаться даже на такой противоречивый образ, как ибсеновский Бранд. Качалов нечисто отверг так называемый «титанизм» норвежского драматурга с его проповедью бунта ради бунта и поставил своего Бранда в связь с реальными условиями общественной борьбы эпохи реакции («Бранд» — спектакль сезона 1906—1907 гг.). Зрители писали Качалову в те годы: «Вы своими словами бросили мощный призыв к свету, к другой жизни...», «без сомнения, семена остались дремать во всех сердцах, и Ваш Бранд пробудил тех, кто заснул меньше других».

Романтика Качалова не сулила людям спасительного обмана. Напротив, взгляд актёра на действительность отличался немолимой трезвостью. Характерно, что даже в «Прометее» Эсхила, работа над которым не была завершена Художественным театром, Качалов искал реальные исторические мотивы и стремился «очеловечить» героя мифа, найти для него «правду чувствований». Что же говорить о таком спектакле, как «Бронепоезд 14-69», где романтика партизана Вершинина стала живым олицетворением революционного подъёма широчайших народных масс трудовой России!

Мечта Качалова, при всей её поэтичности, не порывала с конкретностью сегодняшнего дня. Она росла из самых недр жизни и утверждала в ней положительное, героическое начало.

Автор вводного очерка П. Марков поновому и всесторонне освещает историю творчества Качалова, актёра-патриота, «строителя жизни». Идеиный, глубоко обо-

снованный разбор ролей Качалова читатель найдёт в статьях Б. Ростюцкого и Н. Чушкина, Н. Волкова, В. Виленкина, И. Базилевской. Величие Качалова, тайна его обаяния, по мнению этих авторов, в первую очередь объясняется характером его реализма.

Качалов принадлежал к числу актёров, непрерывно совершенствовавших своё искусство. Во МХАТ'е он прошёл большой путь от «Снегурочки» до «Врагов». Не следует думать, что этот путь отмечен сплошными триумфами. Авторы «Ежегодника» не обходят, не замалчивают противоречий в идейном развитии художника. У Качалова были неудачи, были и полудачи, угнетавшие его ещё больше, чем очевидный неуспех, были кризисные полосы в его развитии, например в начале десятилетия годов. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла талант Качалова, он поднялся на самые вершины реализма. Но черты реализма в его творчестве наметились уже с первых ролей во МХАТ'е.

Это прежде всего — связь с действительностью и её насущными интересами. Независимо от того, в каком репертуаре Качалов выступал — будь то «Юлий Цезарь» Шекспира или «Вишнёвый сад» Чехова, — его искусство вторгалось в жизнь и непосредственно затрагивало важнейшие вопросы современного общественного развития. Даже в «Гамлете», вопреки замыслу режиссёра — мистика и декадента Крэга, Качалов выступал как обличитель неустроенности и несправедливости буржуазного мира. Он был глубоко современным актёром и потому смог стать народным русским актёром.

Качалов обладал счастливым даром наблюдательности, но его не удовлетворяло искусство, способное передать только внешние признаки, какой бы степенью сходства с натурой они ни отличались. В самой мелкой подробности он допытывался до её внутреннего смысла, понимая свою задачу так: каждая новая роль есть рождение нового человека, судьба которого не может быть безразличной для зрителя. Он либо заступался за этого человека, либо резко его осуждал. Актёр — толкователь жизни, он был пристрастен в своих оценках, и его убеждения, его привязанности, пафос его отрицания обладали огромной силой воздействия на зрителей.

Пристрастность Качалова не суживала границ его реализма. Он брал жизнь в полноте и типичности её проявлений. Его Захар Бардин во «Врагах» был фигурой собирательной, большого обобщающего значения. Сам Качалов оценивал свою роль так: «Это вовсе не обособленное существо, это рупор его класса». В то же время фабрикант, играющий в гуманность, либерал кадетского толка, Захар Бардин казался словно выхваченным из предреволюционной жизни, всё в нём точно соответствовало исторической и бытовой правде. А Захар Бардин — это ведь высшее проявление обличительной критики Качалова. Мастер переживания и перевоплощения, он искал основы для своих образов в действительности и никогда не отступал от её реальных условий. Качалов был безупречно правдив, и эта правда, охватывающая жизнь во всём её течении и во всех её противоречиях, составляла одно из важных условий заразительности его искусства.

Через все статьи «Ежегодника» проходит тема целостности Качалова как человека и художника. Биографы Качалова говорят о благородстве его личности, которое сквозило в каждой роли и приносило людям чувство радости, света, красоты. Широко разрабатывается в статьях и такой мотив: в любом из сценических образов Качалова всегда жил сам актёр и через своего героя говорил со зрителем — он не только замечательно играл, но и щедро делился своим духовным богатством. Так коллектив авторов «Ежегодника» объясняет причины огромной, покоряющей власти искусства Качалова.

Выход сборника, посвящённого Качалову, — значительное событие в нашем театроведении. Биографы Качалова сделали большое дело, но мы вынуждены упрекнуть их в том, что они не довели своё дело до конца. Создав капитальный труд о знаменитом русском актёре, составители и авторы «Ежегодника» не поставили вопроса о его традиции, о школе Качалова. Кто его предшественники и кто его последователи, чему учит его опыт? Конечно, талант Качалова, как и талант всякого большого художника, неповторим, но уроки его искусства имеют самое насущное значение для развития нашего театра. Ведь нельзя смотреть на Качалова как на гениального одиночку, великого для совре-

менников и бесследно исчезнувшего для потомства. Нет, его наследие живёт для нас и будет жить для многих последующих поколений. Чему же учиться у Качалова, какие его традиции двигать вперёд?

Наряду с указанными выше серьёзными работами мы встречаем в «Ежегоднике» и фельетонные, эскизные зарисовки, поверхностные обзоры. Пёстрое впечатление производит раздел воспоминаний, где наряду с глубокими, проникновенными статьями О. Книппер-Чеховой, Н. Литовцевой, А. Коонен, О. Гзовской, А. Попова, С. Маршака, рисующими светлый образ Качалова — художника и человека, напечатано несколько маловыразительных, скудных по содержанию откликов. С. Маршак правильно пишет в «Ежегоднике», что о большом человеке не следует вспоминать, как о личном знакомом. Редакция «Ежегодника», к сожалению, не всегда придерживается этого справедливого правила. Даже в интересной работе А. Агапитовой «Летопись жизни и творчества В. И. Качалова», работе, основанной на изучении большого исторического материала и написанной с искренним чувством восхищения перед талантом актёра, есть излишние бытовые подробности, вряд ли заслуживающие упоминания.

Несколько слов об истории «Ежегодника Московского Художественного театра». Ещё в дни Великой Отечественной войны МХАТ предпринял это издание. С тех пор редакция выпустила восемь внушительных томов. Это целая библиотека богато и тщательно оформленных книг о прошлом и настоящем прославленного русского театра. МХАТ всегда находился в центре жизни нашего искусства. Невозможно представить себе историю русской культуры первой половины века без МХАТ'а, без того вклада, который внесли в неё Станиславский и Немирович-Данченко и вся плеяда выдающихся актёров этого театра. Между тем правдивая, научная история МХАТ'а создаётся только теперь, только в наши дни. В этом деле «Ежегоднику» принадлежит важная заслуга.

Направление «Ежегодника» установилось не сразу. Сперва в нём преобладали материалы описательно-мемуарного характера. Но от года к году его очередные выпуски становились всё более содержательными и целеустремлёнными. Том, посвящённый Качалову, может служить доказательством зрелости этого театрального издания.

А. МАЦКИН.

★

Политика и наука

Путь австрийской компартии

Состоявшийся в Вене XV съезд австрийской коммунистической партии показал, как растёт её влияние среди широких масс трудящихся. Основной доклад на съезде сделал председатель компартии Йоганн Коплениг, около трёх десятилетий возглавляющий и направляющий её деятельность. Недавно Копленигу исполнилось 60 лет. К этой дате был приурочен выход в свет сборника его статей и речей, опубликованных в период с 1924 по 1950 год и являющихся своеобразной летописью австрийской компартии.

В трудных условиях протекает её деятельность.

Johnann Koplénig. „Reden und Aufsätze. 1924—1950. Wien. 1951. (Йоганн Коплениг. «Статьи и речи. 1924—1950». Вена, 1951).

Политика коалиционного правительства Фигля—Шерфа, пришедшего к власти в конце 1945 года, всё больше превращает Австрию в придаток агрессивного Североатлантического блока, в стратегический плацдарм американской военщины на юго-востоке Европы. Используя план Маршалла, США выкачивают из Австрии стратегическое сырьё. Недавно австрийский Институт экономики вынужден был признать, что «австрийский экспорт в первую очередь идёт для удовлетворения военных нужд США и стран — участниц Атлантического пакта».

Реакционное австрийское правительство под покровительством и при содействии англо-американских оккупационных войск стремится к фашизации и милитаризации страны, проводит различные военные приготовления в западной её части. Вопреки

существующим международным соглашениям воссоздаётся австрийская армия под видом полиции и жандармерии. Вот почему численность их увеличилась в три раза по сравнению с 1937 годом. В жандармских школах проводится подготовка офицеров. Созданы целые воинские подразделения, снабжённые американским вооружением. На территории страны действует неонацистская организация «Союз независимых».

Хозяинчаёе клики Фигля—Шерфа привело к неслыханному обнищанию трудящихся масс. Жизненный уровень австрийского народа — один из самых низких в Европе. В то же время прибыли капиталистов непрерывно возрастают. Даже по официальным данным они в 1949 году, например, были на 78 процентов выше, чем в 1948 году.

Однако антинародная политика правящих кругов Австрии наталкивается на всё возрастающее сопротивление широких слоёв населения. Коммунистическая партия Австрии беспощадно разоблачает предательство правых социалистов, возглавляет борьбу народа за свободу, национальную независимость, за мир во всём мире.

С успехом прошли выборы в производственные советы и в руководящие органы профсоюзов, слёт молодёжи в Вене («слёт 50 тысяч»), октябрьская стачка 1950 года, охватившая свыше 400 тысяч рабочих и служащих. Около 900 тысяч подписей собрано под обращением, требующим заключения Пакта Мира между пятью великими державами.

Рецензируемый сборник открывается статьями, освещающими политическую обстановку в Австрии в 20-х годах, организацию и рост компартии в начальный период её развития — до 1927 года.

И. Коплениг раскрывает сущность политики «санации» (так называемого «оздоровления») и её последствия. Эта политика отнюдь не помогала оздоровлению государства и народного хозяйства, а лишь улучшала положение финансовой буржуазии, которая получила возможность все расходы по «санации» взвалить на плечи трудящихся. В результате, указывает Коплениг, усилилось обнищание трудящихся и массовая безработица. В Австрии насчитывалось в тот период 200000 безработных, причём 50 000 не получали никакого

пособия. Политика «санации» вызвала обострение промышленного кризиса и разруху в промышленности. Австрийское народное хозяйство превратилось в арену действий спекулянтов и оказалось полностью подчинённым контролю иностранного финансового капитала.

В этот период в австрийской компартии шла жестокая борьба с фракционизмом, с социал-демократической идеологией. Компартия требовала разоружения, роспуска фашистских организаций, удаления всех фашистских и монархических элементов из государственного аппарата. Однако империалистическим державам необходимо было установление фашистского режима в Австрии, чтобы подавить сопротивление рабочих и включить Австрию в коалицию, направленную против СССР.

Доклады Копленига на X, XI и XII съездах коммунистической партии Австрии и другие выступления в период с 1927 по 1935 год — яркое свидетельство стойкой борьбы австрийского рабочего класса во главе с компартией против усиливающегося фашизма и военной опасности.

После поражения австрийских рабочих в баррикадных боях (февраль 1934 года) И. Коплениг в своих выступлениях борется за ликвидацию гитлеровской угрозы независимости Австрии, за единство рабочего класса.

В заключительном слове Копленига на партийной конференции в августе 1937 года и в статье «Верность австрийских рабочих Советскому Союзу», написанной в октябре 1937 года, отражён рост симпатий трудящихся Австрии к стране социализма.

«Верность Советскому Союзу, — пишет Коплениг, — является одной из лучших традиций австрийского рабочего класса за последние 20 лет. Отношение к Советскому Союзу показало, как ни в каком другом вопросе, глубокое противоречие между массами рабочих и руководством австрийской социал-демократии, а теперь, во время разгула гитлеровской клеветнической пропаганды и пропаганды войны, австрийские рабочие ещё более сплотились на стороне Советского Союза».

Статья «Несмотря ни на что» написана в день вступления немецко-фашистских войск в Вену в марте 1938 года. В ней — клятва австрийских коммунистов отдать все свои силы делу восстановления незави-

симой и демократической Австрии. Компартия была единственной партией в стране, которая не капитулировала перед гитлеровцами. Об этом же говорит Коплениг и в речи, произнесённой по радио из Москвы после опубликования московской декларации об Австрии (ноябрь 1943 года). Эта речь — призыв к патриотизму австрийского народа — была исполнена непоколебимой веры в его возрождение.

После освобождения Австрии Советской Армией Коплениг в своих выступлениях разоблачал происки австрийской и международной реакции, которая пытается мешать демократическому развитию страны и стремится включить Австрию в антисоветский военный блок западных держав.

В речи «К молодым коммунистам!», произнесённой на молодёжном митинге в Вене в мае 1947 года, даётся яркая характеристика прогрессивного человека современности. «Можно быть честным демократом и не быть коммунистом, — говорит Коплениг. — Можно быть честным борцом за независимость своей родины, можно быть прогрессивным человеком и не быть коммунистом. Такие прогрессивные люди имеются сейчас во всём мире. Прогрессивные люди есть во всех странах. Но нельзя быть всем этим, если одновременно быть яростным врагом коммунизма и врагом социалистического Советского Союза». Но только коммунисты, заключает он, являются наиболее последовательными защитниками дела демократии!

В этой речи чётко сформулированы перспективы дальнейшего развития Австрии. Австрийская буржуазия, указывает Коплениг, предала страну германскому фашизму и готова теперь превратить её в колонию США. Но Австрия рано или поздно неизбежно пойдёт по пути народной демократии. Это прежде всего зависит от растущего авторитета австрийской компартии, её влияния на массы трудящихся. Чем более сплочённым будет рабочий класс, тем быстрее он достигнет своей цели.

В докладе на пленуме ЦК компартии Австрии в 1947 году «Против колониального порабощения» и в докладе на XIV съезде австрийской компартии в 1948 году Коплениг, говоря о Советском Союзе как крепости социализма, беспощадно разоблачает сущность американской политики в Австрии и клеймит предательскую кучку

лидеров австрийской социалистической партии — агентуру Уолл-стрита среди рабочего класса.

План Маршалла — это план разделения Европы на два враждебных лагеря, указывает Коплениг, план создания плацдарма против Востока с Западной Германией в качестве центра и Австрией в качестве форпоста.

Правые социалисты в Австрии ведут оголтелую пропаганду плана Маршалла. «Их главная задача заключается в том, — пишет Коплениг, — чтобы затушевать классовую борьбу, представить американских империалистов в качестве филантропов, а план Маршалла как «благотворительную акцию». Бороться за независимость Австрии — это значит сегодня бороться против маршаллизации.

Две работы Копленига посвящены великим руководителям международного пролетариата. В статье «Ленин — наше знамя» автор указывает, что жизнь и деятельность Ленина является образцом для каждого коммуниста. В статье «Сталин — это Ленин сегодня» Коплениг рисует величественный образ передового борца за мир и безопасность народов, друга австрийского народа, защитника независимости и национальной самостоятельности Австрии. Взволнованно говорит он о роли И. В. Сталина в деле построения социализма в Советском Союзе. «Мы горды тем, — заявляет председатель австрийской компартии, — что являемся знаменосцами марксизма-ленинизма в Австрии».

Книга заканчивается статьёй о борьбе за мир, написанной в 1950 году. Главным препятствием в мобилизации сил трудящихся Австрии для борьбы за мир является реакционная политика правого руководства социалистической партии. Одна из задач компартии — изоляция руководства социалистической партии, добывающегося раскола в рабочем классе. Борьба за мир сегодня — это решающее звено борьбы рабочего класса против империализма. Единство рабочих в этой борьбе даёт реальную возможность помешать развязыванию третьей мировой войны. Чем мощнее будет движение народов против империалистических агрессоров, тем вернее удастся предотвратить новую мировую войну.

В. ВОЛГИН.

Германский империализм и США

В разоблачении агрессивной военной идеологии германского империализма исключительно велика роль И. В. Сталина. Под руководством своего Верховного Главнокомандующего Советская Армия повергла в прах вооружённые силы гитлеровской Германии, развеяла миф о «непобедимости» германского оружия. Товарищ Сталин вскрыл авантюризм немецкой стратегии, показал основной порок немецкой тактики — её шаблонность. Историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне означала вместе с тем и крушение военной идеологии германского империализма.

Этой теме посвящена книга подполковника Л. М. Лещинского. На обширном фактическом материале автор раскрывает реакционный характер идеологии германских империалистов на всём протяжении её истории — от зарождения в недрах прусского юнкерства до окончательного крушения и разгрома. Л. М. Лещинский развенчивает прусскую военную школу и показывает превосходство прогрессивного русского военного искусства, сталинской военной науки.

Автор отмечает, что некоторые русские буржуазные историки, преклоняясь перед заграничными авторитетами, весьма некритически воспринимали положения зарубежной военной литературы. Это приводило к переоценке того или другого германского военного деятеля в то время, как русские полководцы — Пётр I, Румянцев, Суворов, Кутузов и другие подчас оставались в тени.

Л. М. Лещинскому удалось показать высокий уровень самобытного русского военного искусства по сравнению с военным искусством стран Западной Европы. Книга разоблачает убогость, ограниченность военной мысли, схематизм и шаблонность в трудах таких представителей германской военной школы, как Фридрих II, Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен, и более мелких, как Людендорф, Сект, Кейтель — этих военных идеологов фашизма.

Автор рассказывает о борьбе передовых представителей русской общественной

мысли, и в частности декабристов, против преклонения перед германскими и французскими военными авторитетами. В частности, в книге приводятся высказывания декабриста Н. Муравьёва о великом русском полководце А. В. Суворове. К сожалению, эта сторона вопроса только намечена. Например, высказывания революционеров-демократов остались вне поля зрения автора.

Л. М. Лещинский справедливо отмечает, что уже первые выступления Германии на европейской, а затем на мировой арене носили явно выраженный агрессивный характер. Прусская военщина вела кровопролитные войны, стремясь поработить и уничтожить славянские народы, расширить «жизненное пространство» германских князей и баронов. В наше время, на протяжении жизни одного поколения, германские империалисты развязали две мировых войны, а сейчас, по прямому указанию Уолл-стрита, участвуют в подготовке третьей мировой войны.

Германский империалистический хищник позже других пришёл к столу яств, но тем решительнее проявилась его политика неукротимой экспансии. Оружием этой политики стал разнузданный милитаризм, возведённый в норму общественной жизни.

На многочисленных примерах и фактах автор показывает, что с ростом германской буржуазии класс юнкеров-помещиков отнюдь не лишился своей силы и своего значения. В германском империализме воплотились, с одной стороны, волчьи, захватнические аппетиты монополистического капитала, заинтересованного в коренном переделе мира, а с другой — агрессивные стремления прусской военщины.

Проповедь «культы войны» была одной из особенностей немецкой военной идеологии. Она стремилась к растлению классового сознания трудящихся масс, ссылаясь на авторитет Гегеля, Ницше, Клаузевица, Мольтке и т. д. Этот каннибальский культ, ныне воспринятый американскими империалистами, должен был обосновать неизбежность войн, он объявлял войны «высшим и вечным благом» для человечества и узаконивал «право» немцев господствовать над миром. Такой «духовной» обработкой народа германские империалисты и их при-

служники стремились прикрыть свой политический и военный авантюризм.

В книге убедительно показано, как «взаимодействовали» американские и немецкие монополюсты в деле восстановления военного потенциала Германии в годы между первой и второй мировыми войнами. Исторические факты неопровержимо свидетельствуют о том, что американские империалисты, вкупе с магнатами Рура вложившие в руки германского фашизма оружие и направившие его против СССР, в настоящее время проводят эту политику в ещё более открытой форме.

Реакционный тезис Клаузевица о «смерлом народе, среди которого всегда поддерживается чувство отваги, в своё время был подхвачен гитлеровцами. Сейчас он используется американско-английскими империалистами для разжигания в их армиях самых низменных инстинктов, расовой исключительности, человеконенавистничества и якобы исторического призвания англосаксов к переустройству мира по «американскому образцу».

Автор приводит слова Клаузевица: «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю... тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает», и правильно указывает, что эта «азбука войны» целиком принята на вооружение американской военщиной, проводящей против Кореи и её героического народа стратегию «выжженной земли». Практика разбоя и насилия особенно близка американской военщине, воскуривающей ныне фирмам битой своре гитлеровских ландскнехтов.

Обрисовав типичные черты германской военной идеологии вплоть до последнего, фашистского периода, автор убедительно показывает близкое родство с ней военной идеологии американского империализма. Гитлеровцы восприняли в своё время основные положения реакционной теории Клаузевица об «абсолютной войне», то есть о войне беспощадной, рассчитанной на полное сокрушение противника всеми средствами, и развили её в фашистскую теорию «тотальной войны». Военщина США открыто использует теперь эту «теорию».

Американские агрессоры с особым усер-

дием пытаются возродить немецкий и японский милитаризм и поставить его на службу своим интересам. Они видят в магнатах Рура, в помещиках Баварии, в гестаповцах и шумахеровцах, в японских самураях — наёмников доллара, готовых за сходную плату вновь бросить германский и японский народы в пучину войны.

Развязывая новую мировую войну, американские империалисты стремятся прикрыть свою агрессию ширмой геополитики. Характерно, подчёркивает автор, что и американская и германская геополитика начала разрабатываться в конце XIX века, в тот период, когда эти страны вступили на путь империализма. Реакционные геополитические теории, явившиеся составным элементом официальной идеологии гитлеровцев, нашли в фашизирующихся Соединённых Штатах благодарную почву.

Л. М. Лещинский приводит убедительные доказательства давних военных связей Германии и США. Так, в США, тотчас после войны за независимость, строительство американской армии проводилось с помощью прусского милитариста Штойбена.

Во второй мировой войне заодно с планами Гитлера, как известно, рухнули и планы американско-английских реакционеров. Однако, указывает Л. М. Лещинский, американские военные писатели и поныне превозносят фашистский «блицкриг» и другие «учения» разгромленной гитлеровской военщины.

В послевоенные годы весь мир был свидетелем провала авантюристической политики американского империализма в Китае. Правительство США снарядило 160 чанкайшистских дивизий, послало в Китай 1 720 самолётов, передало гоминдановцам 757 кораблей, затратило на поддержку реакционного правительства Чан Кай-ши 6 миллиардов долларов. 113 тысяч американцев принимали непосредственное участие в интервенции. Но ставка американских империалистов оказалась битой. Великий китайский народ разгромил агрессоров и вступил в могучий лагерь мира, демократии и социализма. Ярким доказательством органического порока американской стратегии, опирающейся на немецко-фашистские «секреты победы», является провал американского «блицкрига» в Корее. Политика развязывания Уолл-стритом войны за мировое господство чрезвычайно напоминает

бредовые планы германских империалистов и так же, как они, неминуемо обречена на провал. Великое движение борцов за мир во всех странах, с каждым днём крепнущее могущество лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом, пресечёт преступную деятельность американских поджигателей новой войны.

Книга Л. М. Лещинского, разоблачающая американско-английских агрессоров, заслуживает положительной оценки. Следует отметить всё же и некоторые существенные её недостатки.

Материалы, освещающие столкновение фашистской реакционной идеологии и пере-

довой советской идеологии, нужно было проанализировать более глубоко.

Теоретический уровень книги неровен. Наряду с хорошими публицистическими общими суждениями, сравнениями и выводами автор придал большей части материала книги описательный характер, что, бесспорно, снизило его качество. Создаётся впечатление, что главы и их разделы являются самостоятельными очерками, объединёнными лишь общей хронологической канвой.

Полковник
П. СИДОРОВ.

Новое в Донбассе

Когда Донбасс полыхал в пожарах войны, когда ещё накалены были камни его развалин, не всякий мог поверить в возможность восстановления всесоюзной кочегарки в кратчайший срок. Но советские люди, руководимые партией, сумели совершить этот беспримерный трудовой подвиг.

Достаточно одного сравнения, чтобы оценить огромный размах проведённых в Донбассе работ. Из угольного бассейна Па-де-Кале, разрушенного и затопленного немцами в первую мировую войну, надо было откачать 110 миллионов кубометров воды. Это было проделано за десять лет. В шахтах Донбасса, превосходящего Па-де-Кале почти в три раза, скопилось более 650 миллионов кубометров воды. Её откачали менее чем в пять лет.

Донецкие шахты были не только полностью восстановлены, но и оснащены самыми совершенными механизмами, которые производит наша социалистическая промышленность.

Всё это позволило шахтёрам Донбасса уже в 1950 году рапортовать товарищу Сталину о досрочном завершении послевоенной пятилетки. А в первой половине 1951 года уровень добычи угля в Донбассе намного превысил довоенные показатели.

Эти успехи угольщиков лишней раз сви-

детельствуют о том, что страна наша уже начала и победоносно продолжает тот новый мощный подъём народного хозяйства, о котором говорил товарищ Сталин пять лет назад, очерчивая программу построения материальной базы коммунизма.

Перед угольной промышленностью товарищ Сталин поставил тогда задачу: довести добычу каменного угля до 500 миллионов тонн.

Задачу эту можно решить только с помощью дальнейшей максимальной механизации всех трудоёмких процессов шахтёрского труда. Именно так и решается сейчас эта задача.

В шахтах Донбасса, как и в шахтах других бассейнов нашей страны, появилось после войны множество новых, не виданных раньше машин. Широкое внедрение угольных комбайнов, углепогрузочных, породопогрузочных и других механизмов коренным образом изменило технологию добычи угля. Открылись огромные возможности для дальнейшего увеличения производительности труда. Остро встал вопрос о переходе на новую, более совершенную организацию производства.

«Слово горняков Донбасса» и рассказы о тех разительных переменах, которые принесла на шахты Донбасса современная отечественная техника.

В книге обобщён поучительный опыт работы донецких шахт по графику цикличности, приближающему работу шахты к ра-

«Слово горняков Донбасса. Рассказы о работе по графику один цикл в сутки». Редактор А. Лысый. Профиздат, М. 1951.

боте завода. Передовые люди Донбасса — шахтёры-механизаторы, инженерно-технические работники, профсоюзные руководители — делятся в этой книге своими достижениями, рассказывают о творческой инициативе шахтёров всесоюзной кочегарки.

Циклическая система — это, в сущности, не новое мероприятие. Она применялась в Донбассе на некоторых шахтах и до войны. Но только теперь, в связи с введением комплексной механизации шахтёрского труда, эта система приобретает массовое распространение. Шахтёры на практике убеждаются в том, что работать без циклического графика, без чёткого ритма в новых условиях, при новых механизмах просто нельзя.

Циклический график даёт возможность строгаише рассчитать весь технологический процесс в шахте по времени, с учётом не только часов, но минут и секунд. В течение суток в лаве, работающей по графику «цикл в сутки», угольный пласт необходимо подрубить во всю длину, полученный уголь выдать на-гора и одновременно закончить все подготовительные работы к очередной смене.

Шахтёры встретили эти новшества с огромным энтузиазмом. Они заботятся об улучшении условий работы механизмов, вносят много полезных предложений даже по линии конструктивных усовершенствований новых машин. В этом отношении особенно интересен рассказ А. Сукача, главного конструктора горного комбайна «Донбасс».

А. Сукач вспоминает о том большом впечатлении, какое произвела на него встреча с горняком снежнянской шахты, врубмашинистом по специальности, Ф. Г. Асадуллиным. Шахтёр с двадцатипятилетним стажем, Асадуллин приехал к конструктору побеседовать по поводу своего проекта оросительной системы, прибывающей угольную пыль во время работы комбайна. Проект, предложенный шахтёром, весьма заинтересовал конструктора.

Автор рассказывает, что десятки шахтёров-новаторов многое сделали для усовершенствования горного комбайна в период его эксплуатации. Со своей стороны и конструкторы, проектируя новые механизмы, стараются создать наилучшие условия для работы обслуживающего персонала.

«По хорошей традиции нашей техники советские конструкторы, создавая новую машину, думают не только о её мощности и производительности, — пишет А. Сукач. — Облегчение и оздоровление труда рабочего — задачи первоочередные».

Большие перемены произошли и происходят в Донбассе и в других угольных бассейнах нашей страны, изменилась вся обстановка работы в шахтах.

Новая машина, новая организация труда не только подняли его производительность, не только облегчили этот труд, но и намного увеличили заработную плату шахтёров. Вот некоторые примеры: заработок водителей врубовки на шахте имени Орджоникидзе треста «Макеевуголь» до перехода на личный график не превышал двух-трёх тысяч рублей. Сейчас эти водители зарабатывают в полтора-два раза больше. Рабочий комплексной бригады шахты № 5 треста «Несветайантрацит» Даценко раньше зарабатывал в месяц тысячу рублей, а сейчас его заработок превысил три тысячи. На той же шахте крепильщик Садыков, зарабатывавший свыше полутора тысяч рублей, стал зарабатывать вдвое.

Внедрение современной техники естественно ускоряет процесс ликвидации противоположности между трудом умственным и трудом физическим. Новыми механизмами под землёй управляют технически образованные люди. Так, например, на шахте имени Румянцева треста «Калининуголь» 570 шахтёров имеют среднее образование, 430 шахтёров занимаются на различных технических курсах или заочно проходят обучение в горных техникумах и институтах.

Процесс освоения новых машин идёт необыкновенно быстро. Это свидетельствует о высокой технической культуре шахтёров, уже привыкших к работе на сложных механизмах.

В книге приводится много интересных данных о том, как одновременно с изменением условий работы в шахте изменяется быт шахтёра, изменяется облик шахтёрских городов и посёлков.

В прошлом году в городе Сталино побывали делегации горняков Бельгии, Голландии и Люксембурга. Зарубежные горняки были удивлены, узнав, что только на сооружение первой очереди гигантского спортивного комбината, предназначенного для шахтёров, было затрачено более двена-

дцати миллионов рублей. Гости долго любовались с высоких трибун стадиона прекрасным видом, который открывается на город Сталино. Им казалось невероятным, что этот город, семь лет тому назад лежавший в руинах, так быстро восстановлен.

«Неужели все эти жилые дома, великолепные школы, театры, дворцы культуры, клубы, общежития молодёжи, стадионы, детские ясли и сады — неужели всё это восстановлено и вновь построено за такой короткий срок?» — изумлённо спрашивали они.

Этот же вопрос задавали и английские шахтёры, прибывшие в Донбасс из страны, где всё ещё лежат в развалинах Глазго и Ковентри, кварталы Лондона и Манчестера, где множество шахтёров ютится в подвалах и сараях.

Зарубежные шахтёры не могли не поразить такие учреждения, как, например, фотарий на шахте им. Лутугина, в котором шахтёры после работы под землёй проходят облучение кварцем; ингаляторий, где они вдыхают с помощью специальных аппаратов пары лекарственных веществ, очищающих дыхательные пути от угольной пыли.

О разительных переменах, которые произошли в Донбассе после войны, интересно рассказывает рецензируемая книга.

Однако хочется кое в чём упрекнуть её составителей. Прежде всего следует отметить, что книга не имеет точного читательского адреса. Если книга рассчитана на шахтёров, — а это, видимо, так, — она должна содержать больше технических подробностей.

Так, например, Е. Лопухин — начальник участка шахты № 17—17-бис треста «Сталинуголь» — пишет о том, как его участок из отсталого превратился в передовой. Рассказывает он хорошо и живо. Но хотелось бы всё-таки, чтобы в рассказе было больше подробностей, деталей, интересных для человека, знающего шахтёрское дело. То же самое можно сказать и о статьях В. Кучера — водителя горного комбайна шахты № 3-бис треста «Чистяковантрацит», А. Кухарчука — горного мастера шахты № 5 треста «Несветайантрацит» и ряда других авторов.

В книгах подобного рода должны найти своё место и рассказы о судьбах отдельных шахтёров. Читателю интересно узнать, как, например, отстающий шахтёр стал передовым, как он овладел новой машиной, как преодолел трудности, связанные с процессом её освоения.

Очень жаль, что в этой в общем заслуживающей внимания книге не нашлось достаточного места для таких рассказов.

П. НИЛИН.

★

Борец за мичуринскую науку

Имя академика Б. А. Келлера известно не только специалистам-биологам, но и широким кругам советских читателей. В предисловии к «Избранным сочинениям» учёной редакция указывает: «За 45 лет научной деятельности Келлером созданы замечательные труды, которые дают право считать его классиком экологии. Эти труды, как и вся деятельность Келлера, имели большое значение для развития советской ботаники».

Б. А. Келлер не только создал оригинальный курс ботаники, построенный на материале глубоких наблюдений над жизнью растений наших степей и полупустынь,

Академик Б. А. Келлер. «Избранные сочинения». Ответственный редактор В. Н. Сукачёв. Издательство Академии наук СССР, М. 1951.

но явился также автором многочисленных популярных статей о Дарвине, об учении Мичурина и Лысенко. Статьи, написанные Б. А. Келлером в последние десять лет его жизни (он умер в 1945 году), звучат и сейчас как боевой призыв к борьбе за мичуринскую науку.

В «Избранные сочинения» Б. А. Келлера вошли статьи, характеризующие учёного, как ботаника-географа и геоботаника. В книге представлены также его исследования по экспериментальной экологии и работы, раскрывающие его теоретические воззрения на экологию растений как науку (экология изучает взаимоотношения между растением и средой). Полностью приведён последний труд Б. А. Келлера «Основы эволюции растений».

В статье «О задачах ботаники в свете пятилетнего плана» Б. А. Келлер говорит о роли ботаники в народном хозяйстве, о её значении, как основы растениеводства. Он особенно подчёркивает роль учения Мичурина и Лысенко для развития ботаники в целом и при решении отдельных её задач.

В большой работе «Борьба за Дарвина» автор показывает, как извращается дарвинизм в буржуазной науке и как он развивается в Советском Союзе трудами Мичурина, Лысенко и их учеников и последователей. Статью об отношении марксизма к дарвинизму Б. А. Келлер заканчивает критикой псевдонаучных расистских теорий.

Однако за десять лет, прошедших со времени появления статьи, стало бесспорным, что мичуринская биология представляет собой новый качественный этап развития биологической науки, а не просто продолжение работ Дарвина, как это рисовалось Б. А. Келлеру в то время. Издательству следовало бы указать на это в предисловии или в примечаниях.

Статья «Генетика на новой основе» является рецензией на книгу Т. Д. Лысенко «Наследственность и её изменчивость». Кратко излагая основные положения книги, Б. А. Келлер подчёркивает значение воззрений мичуринской биологии и огромные её преимущества над формально-генетическими взглядами.

В небольшой статье «Растение и среда» автор указывает, какое принципиальное значение для экологии имеет теория стадийного развития. Через всю статью проходит мысль о необходимости строить экологию на базе подлинной эволюционной теории, а не на основах формальной генетики.

Б. А. Келлер правильно оценивает влияние окружающих условий на приспособительные реакции растения. Несколько переоценивает Б. А. Келлер значение так называемых мутаций, которые, по его мнению, идут в том же направлении, что и модификации. Здесь в самой терминологии видна ещё некоторая неправильность в трактовке вопроса. Редакция, отметившая в своём предисловии непоследовательность, существовавшую известное время во взглядах учёного, к сожалению, не упоминает об этой ошибке Б. А. Келлера.

Две статьи геоботанического характера интересны тем, что учёный, рассматривая

растительность в тесной взаимосвязи со средой, иллюстрирует свои положения собственными наблюдениями, проведёнными в разных районах нашей страны.

В своих геоботанических и экологических исследованиях Б. А. Келлер всегда учитывал взаимосвязь растения со средой. Это выгодно отличает его работы от работ многих геоботаников, видевших главное лишь во взаимосвязи растений друг с другом и недооценивавших влияние окружающих условий.

Пять статей сборника посвящены изучению галофитов — растений засоленных почв. Жаль, что в рецензируемую книгу не включены две более ранние статьи Б. А. Келлера по этому вопросу (одна из них относится к 1921 году). Обе статьи дополнили бы сборник и подчеркнули бы приоритет Б. А. Келлера по экологическому и физиологическому изучению растений засоленных почв.

Основная мысль, высказанная Б. А. Келлером в этих работах, сводится к тому, что растения обращают себе на пользу даже враждебные силы природы. Например, солерос и другие солянки развиваются и растут лучше при наличии в почве значительных количеств солей. Отсюда автор делает смелый вывод: нельзя ли создать такой сорт хлопчатника, который бы развивался лучше в условиях засоления? Предвидения учёного сбываются. Сейчас мы знаем, что на засоленном хлопковом поле встречаются экземпляры хлопчатника, резко выделяющиеся по своему росту и развитию от остальных. Это даёт возможность надеяться, что в нашей стране будут созданы сорта хлопчатника, устойчивые к засолению. Предложения Б. А. Келлера могут быть использованы наряду с другими мероприятиями по борьбе с засолением (промыыванием почв от солей, организацией дренажа, специализированной агротехникой и т. д.).

Мысли, развитые в статье «Эволюция растений на основе особенностей их питания», углублены учёным в работе «Основы эволюции растений».

Б. А. Келлер, стоя на мичуринских позициях, считал, что особое значение в изменчивости растений имеет их питание, в частности питание азотом. Учёный приходит к интересному выводу, что эволюция растений «шла по пути всё более полного и со-

вершенного овладения материальными ресурсами окружающей разнообразной природной среды».

Б. А. Келлер раскрывает роль зелёного растения, накапливающего солнечную энергию в виде образованных в процессе фотосинтеза органических веществ. Этими веществами растения обеспечивают весь мир животных организмов.

В ряде своих исследований Б. А. Келлер сумел дать блестящее приложение закона стадийности, открытого Т. Д. Лысенко, и тем самым показать огромное теорети-

ческое значение этого закона для экологии растений. На многочисленных примерах показывает он, как приобретённые растением признаки могут передаваться по наследству.

Издание избранных трудов академика Б. А. Келлера поможет молодому поколению наших ботаников в их большой повседневной работе по преобразованию природы нашей страны.

*Доктор биологических наук
профессор П. ГЕНКЕЛЬ.*

★

На свободной болгарской земле

С трибуны торжественного собрания в Софии, посвящённого седьмой годовщине освобождения Болгарии Советской Армией, прозвучали слова главы советской правительственной делегации маршала В. Д. Соколовского, вызвавшие бурю восторженных аплодисментов: «Советский народ питает чувства глубокого уважения и любви к свободолюбивому болгарскому народу. На протяжении всех этих лет за вашими делами и вашими успехами на фронте хозяйственного и культурного строительства с большим вниманием и любовью следит весь советский народ и лично товарищ Сталин. Каждое ваше достижение народы СССР воспринимают как свой собственный успех».

О победах болгарского народа на всех участках экономики и культуры и рассказывает книга А. Стекольников «В новой Болгарии».

Болгарская республика граничит с Грецией. И когда перед мысленным взором читателя проходит обновлённая, расцветающая болгарская земля, невольно напрашивается параллель между судьбами двух малых соседних стран. Голод, разруху, монархо-фашистский произвол принесли на своих штыках преческому народу войска англо-американских империалистических колонизаторов. Свет и свободу принесла болгарскому народу героическая Советская Армия.

Несмотря на тяжёлые исторические испытания, выпавшие на долю болгарского

народа, он через столетия пронёс светлую мечту о свободе. Эта мечта не раз вела на бой крестьян-повстанцев, она жила в многочисленных народных сказаниях, песнях, легендах. Надежды болгарского народа на освобождение были издавна связаны с верой в Россию. Ещё в 1876 году выдающийся болгарский писатель Иван Вазов писал:

Россия! Свято нам оно,
То имя милое, родное.
Оно, во мраке огневое,
Для нас надеждою полно.

Писатель-патриот предсказывал, что Болгария увидит иную, радостную жизнь.

И вот мечта многих поколений болгар стала явью. Родилась новая Болгария — свободная, независимая, народная...

Автор книги показывает нам обновлённую болгарскую землю. Перед читателем проходят Софийская долина и преображённая Варна (Сталин), Южная Добруджа и новый социалистический город Димитровград, знаменитая Розовая долина и суровый Пирин, и повсюду видны плоды великой народной победы, чудесные всходы новой жизни. Вся страна предстаёт огромной стройкой. По разумному плану люди здесь творят и создают, преображая и украшая свою отчизну.

Болгария успешно создаёт собственную современную промышленность, которая уже производит разнообразные станки, сельскохозяйственные и дорожно-строительные машины, электромоторы, электрооборудование.

В конце 1950 года — второго года болгарской пятилетки — промышленность дала

А. Стекольников. «В Новой Болгарии». Редактор Г. Чуров. «Молодая гвардия». М. 1951.

продукции в 2,9 раза больше, чем в 1939 году. В стране созданы новые отрасли промышленности — машиностроительная, энергетическая, химическая. Среди болгарских новостроек завершены такие мощные сооружения, как химический комбинат имени Сталина и теплоэлектроцентраль имени Вылко Червенкова.

Болгарин-труженик проходит хозяйном по своей свободной земле. Ведётся разведка недр, сооружаются заводы и шахты, меняется лицо болгарских городов. Город Пловдив — второй по величине в Болгарии, где сосредоточены крупные табачные фабрики и склады, — был запущен, не имел канализации. На окраинах его ютились жалкие лачужки, в которых бедствовали рабочие-табачники.

Сейчас город приобрёл новый облик. Берега Марицы оделись в гранит. Зазеленели новые бульвары — имени Ленина и имени Сталина. Строится парк культуры и отдыха. Выросли благоустроенные дома для рабочих. Возник Пловдивский государственный университет, музыкальная школа, физкультурный техникум. Городу раньше угрожали горные потоки, которые весной нередко затопляли рабочие районы. И здесь наведён порядок: прорыты каналы, опоясывающие Пловдив с севера и юга. Теперь весенняя вода, стекающая с гор, не приносит никакого вреда и служит сельскому хозяйству, орошая рисовые поля.

Разительные перемены происходят не только в городах, но и в сёлах.

Тысячи тракторов работают ныне на болгарских полях, которые веками обрабатывали сохой. По всей стране созданы машинно-тракторные станции. В сельское хозяйство внедряются достижения агрономической науки. Особое внимание обращено на поднятие урожайности технических культур. В благодатной Розовой долине возрождаются плантации знаменитой казанлыкской розы, из которой производится пользующееся мировой славой розовое масло. На тучных пастбищах появились отары меринсовых овец. Созданы сотни станций искусственного осеменения скота, построены мощные электрические инкубаторы.

Однако развитие сельского хозяйства Болгарии отстаёт от темпов подъёма промышленности. В этой стране, земельная

площадь которой (по данным 1946 года) раздроблена на 12 миллионов мелких или мельчайших участков, с особенной остротой стоит проблема укрупнения и обобществления сельского хозяйства. В главе «Через ТКЗХ — к социализму» автор показывает рост трудовых кооперативно-земледельческих хозяйств, их производственные успехи. На примере села Тенева, где крестьяне организовали земледельческий кооператив «Расцвет», автор наглядно рисует победы коллективного труда. Меняются жизнь и быт болгарского села. В том же Теневе появились электричество, кинозал, спортивная площадка, театральная коллектив.

Могучая сила, обретенная народом, называется и в том размахе, с которым ведётся сейчас «битва за воду». За последние полвека в Болгарии было девятнадцать губительных засух и сотни наводнений. В 1939 году, например, уровень реки Росицы поднялся на семь метров. С бешеной силой вода ринулась в Сухиндольскую долину и в течение двух часов разорила обширный край виноделия.

С большим интересом читаются страницы книги, посвящённые крупному гидроэнергетическому строительству, развернувшемуся в Болгарии. Растёт плотина на реке Росице. В 1953 году воды её оросят полмиллиона декаров (декар — 0,1 га) засушливой земли. Таким образом, одновременно будет нанесён удар и по наводнениям и по засухе. Водохранилища и гидроэлектростанции возникнут также на реке Тунджа. Огромное строительство развёртывается на реке Искыр. Здесь будет сооружено самое большое в стране водохранилище имени Сталина (оно оросит более 600 декаров земли в Софийской долине), а также три гидроэлектростанции — «Писарел», «Кокаляне» и «София». Это будут самые крупные гидротехнические сооружения на Балканском полуострове.

В книге приведены самые разнообразные факты, свидетельствующие о подъёме культуры в новой Болгарии.

В области высшего образования Болгария обогнала такие страны, как Англия и Франция. В Болгарии ныне один студент приходится на 180 жителей, в то время как в Англии — на 526, а во Франции — на 500.

Во многих сёлах республики открыты гимназии. Болгарские крестьяне читают на

родном языке труды Мичурина, Тимирязева, Лысенко.

В одном только оффийском магазине продано за год 700 000 советских книг.

На содержание театров в Болгарской республике тратится в двадцать раз больше, чем до войны. Торжественно открывая оперный театр в Русе, председатель Городского Народного Совета сказал: «Американцы читают своей культурой. Но опера «Метрополитен» не в состоянии работать полный сезон — нехватает средств. А мы вот открываем сегодня четвёртый оперный театр в маленькой Болгарии».

Эти факты — а таких сотни! — полны глубочайшего значения и смысла. Люди начали новую жизнь, получили возможность наслаждаться искусством и литературой.

Широкое развитие в стране получил туризм. И это не случайно: простые люди впервые увидели, как красива их родина. В газете завода имени Димитрова (гор. Костинброд) один из рабочих-туристов востанованно писал в своих путевых заметках: «Как, оказывается, изумительно красива наша родина! Какое счастье бродить по её чудесным лесам и горам, её равнинам...»

В книге подробно показано, какую большую и разнообразную помощь оказывает Советский Союз дружественной Болгарии. Тесное сотрудничество характеризует также отношения Болгарии со странами народной демократии. Вот показательный пример. Северные районы Болгарии не имеют источников для производства электроэнергии: здесь нет ни воды, ни угля. В 60 километрах от этого района находятся электроцентралы Румынии. Оба правительства договорились о прокладке электрического моста через Дунай. На его открытии представитель Болгарии заявил: «Вон отсюда, с румынской земли, идёт к нам электроэнергия по кабелю. Этот кабель на дне Дуная, проложенный по плану двух братских республик, несёт нам живительную энергию. Будь он проложен по плану Маршалла, он стал бы шупальцем опрута...»

В заключительной главе автор рисует завтрашний день свободной Болгарии. Выполнив пятилетний план, страна заложит основы социализма. «В следующие 2—3 пятилетки, — как говорил на V съезде Болгарской рабочей партии (коммунистов)

Г. М. Димитров, — будет сооружено само здание социализма, будет создано социалистическое общество».

Насколько значительны темпы экономического развития Болгарии, свидетельствует хотя бы то, что за несколько месяцев, прошедших после выхода книги в свет, страна уже достигла новых высот. Машиностроительные предприятия в нынешнем году осваивают и внедряют более 100 видов новых машин. Сельскохозяйственный парк увеличился на 1200 тракторов, 550 комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Средний урожай зерновых культур в этом году, по словам В. Червенкова, «небывалый в истории страны».

Книга «В новой Болгарии» содержит интересный фактический материал. Многие из того, что лично пришлось наблюдать автору в болгарских городах и сёлах, запоминается. Книга даёт живое представление об успехах болгарского народа, вступившего на путь социалистического строительства.

А. Стекольников рассказывает о славной истории организатора побед болгарского народа — партии Благоева — Димитрова, которая и во время подполья, и в исторические дни сентября 1944 года, и в послевоенные годы последовательно шла и идёт по ленинско-сталинскому пути.

Меньше других читателей удовлетворит глава «Новые люди Болгарии». Большинство людей здесь обрисовано бегло и поверхностно.

Автор обходит молчанием решительные государственные меры, принимаемые в Болгарии для ограничения и вытеснения кулаков, подрыва их экономических позиций, пресечения их эксплуататорских тенденций. Надо было сказать, в частности, о передаче МТС сельскохозяйственных машин, принадлежавших кулакам, о передаче местным советам сотен кулацких мельниц и маслобоен, о запрещении натуральной аренды земли и скота, о введении подоходно-прогрессивного налога, направленного своим острием против сельской буржуазии.

Не всегда точен А. Стекольников в формулировках. Он утверждает, например, что

«возникновение народно-демократической Болгарии стало возможным лишь благодаря освободительной миссии Советского Союза», хотя ясно, что дело не в миссии как таковой, а в том, что по отношению к Болгарии Советский Союз эту свою миссию осуществил.

Вызывает возражение последовательность изложения материала в отдельных главах.

Но эти недостатки — частные. В целом книга правдиво рисует облик новой Болгарии, уверенно идущей по социалистическому пути.

М. ЦУНЦ.

Расцвет Советского Казахстана

История экономического развития национальных районов Советского Союза — это история превращения аграрных областей докапиталистического типа в цветущие социалистические республики с мощной индустрией и крупным общесоюзным сельским хозяйством.

До Октябрьской социалистической революции Казахстан представлял собой глухую и отсталую окраину царской России. Казахский народ, эксплуатируемый царскими чиновниками и местной феодальной знатью, занимался, главным образом, примитивным кочевым скотоводством. Колоссальные природные богатства края использовались слабо, крупной промышленности почти не существовало.

Великие преобразования, происшедшие за годы советской власти, совершенно изменили лицо Казахстана.

О большом историческом пути, пройденном шестимиллионным казахским народом за тридцатилетний период, и рассказывает книга Г. Чуланова. Она не является исчерпывающим научным исследованием. Такой задачи автор, видимо, перед собой и не ставил. Это краткий популярный очерк, имеющий целью ознакомить советских читателей с важнейшими этапами экономического развития Казахской ССР.

Работа Г. Чуланова состоит из семи разделов. Два из них посвящены дореволюционному периоду и восстановлению хозяйства Казахстана в первые годы существования советской власти. В последующих разделах рассматривается экономическое развитие республики в период сталинских пятилеток. Заключительные главы отведены работе казахстанской промышленности в годы Отечественной войны и послевоенной экономике республики.

Г. Чуланов, «Экономическое развитие Казахской ССР за XXX лет». Редактор А. Заплавный. Казахское государственное издательство, Алма-Ата, 1951.

Советский Казахстан по размерам своей территории занимает второе место в Советском Союзе, уступая только РСФСР. На его громадной площади, простирающейся от Каспийского моря до Китая, могли бы свободно разместиться такие государства, как Франция, Бельгия, Италия, Испания, вместе взятые.

В недрах Казахстана много полезных ископаемых. Советскими геологами обнаружены медь, свинец, цинк, золото, всевозможные редкие металлы и минеральное топливо. В большом количестве произрастают в Казахской ССР зерновые и технические культуры — пшеница, хлопчатник и т. д. Огромное значение имеет широко развитое животноводство.

Подлинное индустриальное развитие республики началось в годы первой пятилетки. Это был период создания и бурного роста многих важных отраслей казахской промышленности. В эксплуатацию было сдано сорок новых крупных предприятий. Начиналось развитие карагандинского каменноугольного района, эмбинских нефтепромыслов, цветной металлургии и химической промышленности.

Автор подчёркивает, что эти успехи были достигнуты благодаря громадным преумощениям плановой, социалистической системы хозяйства, повседневной помощи и руководству со стороны большевистской партии. В 1934 году Центральный Комитет партии направил в Казахстан С. М. Кирова, оказавшего неоценимую помощь казахскому народу в решении многих вопросов хозяйственного строительства.

Наглядно показано в книге, какую большую и всестороннюю поддержку оказывал русский народ и другие народы СССР трудящимся Казахстана в их борьбе за построение социализма. Из братских республик, и в первую очередь из РСФСР, в Казахстан непрерывным потоком шло

сложнейшее промышленное оборудование, автомашины, всевозможные материалы. С 1930 года рабочие Москвы взяли шефство над промышленными предприятиями Казахстана. Сразу же после создания карагандинских угольных шахт, туда прибыло большое количество инженеров и шахтёров из Донбасса.

В годы сталинских пятилеток темпы промышленного развития Казахстана непрерывно возрастали. Были созданы такие крупнейшие индустриальные гиганты, оснащённые новейшей техникой, как Балхашский медеплавильный, Чимкентский свинцовый комбинаты, и введены в строй Лениногорский и Ачисайский полиметаллические комбинаты. Уже в предвоенный период Казахстан превратился в важнейшую базу цветной металлургии всего Советского Союза. В третьей пятилетке в республике началось строительство предприятий чёрной металлургии и машиностроения.

Роль промышленности Казахстана в общесоюзной экономике сильно возросла. Редкие металлы, которыми богата республика, используются при производстве высококачественных сталей. Карагандинский район превращается в третью по значению угольную базу Советского Союза.

В 1940 году валовая продукция всей промышленности республики увеличилась по сравнению с 1913 годом в 23 раза, добыча угля за это время выросла в 77 раз, нефти в 6 раз. В Казахстане появились мощные электростанции, гигантские промышленные комбинаты.

Примечательно и то обстоятельство, что темпы роста тяжёлой индустрии в Казахстане были более быстрыми, чем по всему Советскому Союзу в целом. В том же 1940 году валовая продукция тяжёлой индустрии Казахстана в 36,7 раза превысила уровень 1913 года, в то время как по всему Союзу этот уровень был превышен в 15 раз.

В книге Г. Чуланова рассказывается о реконструкции и новом строительстве предприятий лёгкой промышленности. Автор прослеживает, правда, белло и недостаточно конкретно, историю развития стахановского движения в республике. Большое внимание уделяет Г. Чуланов периоду Великой Отечественной войны, когда экономика Казахстана, как и всей нашей страны, была перестроена на военный лад и

подчинена интересам фронта. Вместе с другими восточными районами Советского Союза Казахстан в годы войны стал важнейшей базой производства стратегического сырья и вооружения.

В результате высокого патриотического подъёма трудящихся-казахов в эти годы резко повысилась производительность труда и сократились сроки ввода в эксплуатацию как строящихся, так и эвакуированных с запада предприятий. Г. Чуланов приводит убедительные цифры, которые показывают, что в годы войны удельный вес тяжёлой индустрии Казахстана ещё более повысился.

Книга содержит много ценных и полезных сведений. В ней систематизирован большой и частично новый фактический материал и дана в общем правильная оценка основных этапов экономического развития республики.

Наряду с этими достоинствами работа Г. Чуланова имеет и серьёзные недостатки. Название её не вполне соответствует содержанию. На протяжении всей книги речь идёт не о развитии экономики Казахской ССР в целом, а, главным образом, о развитии её промышленности. Прочим отраслям народного хозяйства либо вовсе не уделено никакого внимания, либо говорится о них в самой общей форме.

Так, например, сельскому хозяйству отводится не более двух страничек. Автор ограничивается общим утверждением с тем, что в годы первой пятилетки сельское хозяйство Казахстана совершило переход «от индивидуального хозяйства к коллективной форме собственности, проводя на этой базе завершение процесса оседания оставшейся к этому времени части кочевников». Однако в книге нет хотя бы краткого изложения истории коллективизации в Казахстане, не приведено ни одного примера того, как создавались и росли колхозы республики.

Ничего не сказано и о сельском хозяйстве дореволюционного Казахстана.

Второй раздел книги, озаглавленный «Восстановление народного хозяйства Казахстана», включает также и краткую оценку экономического развития Казахстана в годы гражданской войны. Что же касается весьма важного начального периода индустриализации Казахстана, охватывающего 1926—1927 годы, то он попросту выпал из поля зрения автора.

Некоторые узловые проблемы истории экономического развития Казахстана изложены в книге крайне поверхностно и примитивно. Уделив, например, большое внимание проблеме проникновения в Казахстан иностранного капитала и подчинения ему казахской промышленности в дореволюционный период, Г. Чуланов вместе с тем не даёт достаточно глубокого анализа того, какими путями и средствами осуществлялось это закабаление. В книге отмечается, что иностранный капитал получал от царского правительства различные выгодные концессии на эксплуатацию природных богатств страны. «Вследствие этого, — пишет Г. Чуланов, — иностранный капитал вскоре стал хозяином горной, металлургической, металлообрабатывающей, нефтяной, химической, текстильной и других наиболее важных отраслей промышленности России».

Но концессии были далеко не единственным путём проникновения иностранного капитала в Россию и в частности в Казахстан. В период монополистического капитализма захват промышленности и сырьевых баз остальных аграрных стран производился также при помощи скупки акций суще-

ствующих предприятий и банков и путём организации новых смешанных акционерных обществ. На то, что именно таким образом действовал иностранный капитал и в Казахстане, справедливо указывается в специальной статье журнала «Большевик Казахстана» (№ 6 за 1951 г.).

Слишком бегло освещено послевоенное развитие промышленности Казахстана. Если бы Г. Чуланов использовал хотя бы одни только материалы местных республиканских газет, он смог бы гораздо полнее и конкретнее показать достижения казахской промышленности за последние годы. Автор в ряде случаев ограничивается только указанием на процент выполнения плана той или иной отрасли промышленности.

Книга написана сухим языком и плохо отредактирована.

Все эти недостатки, конечно, снижают ценность книги Г. Чуланова. И всё же эта работа, являющаяся пока что единственным очерком по экономике Казахстана, принесёт известную пользу.

Доктор экономических наук
А. ПОГРЕБИНСКИЙ.

★

Слава русского спорта

В нашей стране издаётся много литературы по физическому воспитанию трудящихся, но мало рассказов и очерков о мастерах советского спорта. А между тем книги подобного рода вызывают живой интерес у читателей.

Сборник «Рассказы старых спортсменов» знакомит с выдающимися победами ветеранов русского спорта на мировой арене, показывает обстановку, в которой рождались эти победы, складывалась и формировалась русская спортивная школа. В преимуществах этой школы многократно убеждались иностранные чемпионы, терпевшие поражения от русских спортсменов.

Даже в условиях полного невнимания царского правительства к физическому воспитанию народа русские самородки-спортсмены, чаще всего выходцы из низов,

через все препятствия пробивали дорогу своему таланту и с достоинством защищали спортивную честь Родины на международных соревнованиях сильнейших.

Превосходной иллюстрацией этого служит судьба рядового солдата царской армии Петра Заковорта. Ему удалось достигнуть выдающихся результатов в фехтовании — виде спорта, который в дореволюционной России был доступен только аристократии.

В Париже вместе со своим бывшим учителем Заковорот защищал спортивную честь России. Успех русских фехтовальщиков на Парижской всемирной выставке был сенсацией в спортивных кругах. Эта победа, рассказывает Заковорот, дала толчок дальнейшему развитию фехтования в России.

Показав себя исключительно одарённым фехтовальщиком, П. А. Заковорот явился одним из создателей новых, наиболее совершенных приёмов, прочно вошедших в

«Рассказы старых спортсменов». Редактор Р. И. Прагер. «Физкультура и спорт», М. 1951.

практику фехтования на эспадронах. Победы Петра Заковороты над сильнейшими мастерами рапиры и эспадрона способствовали тому, что русские перестали придерживаться приёмов иностранных школ, считавшихся прежде безупречными.

«Постепенно, — пишет П. А. Заковорот, — создавались собственный стиль, овая особая русская школа. В искусстве владеть холодным оружием у нас, русских людей, уже тогда была одна характерная черта — непреклонная воля к победе. В России выдвинулась целая плеяда талантливых фехтовальщиков — бойцов наступательного стиля, прекрасных тактиков, умело владеющих самыми сложными приёмами».

Заслуженный мастер спорта П. А. Заковорот в советское время воспитал группу чемпионов Советского Союза, которые в свою очередь подготовили целый отряд замечательных молодых фехтовальщиков.

С чувством гордости за спортивную славу нашей Родины читаешь воспоминания заслуженного мастера спорта Я. Ф. Мельникова. Конькобежный спорт издавна был широко распространён в России. Ещё при Петре I русские играли в «клюшки», напоминавшие теперешний хоккей. Более ста лет назад в России была издана книга «Зимние забавы и искусство бега на коньках с фигурами».

Мировой известностью пользовались русские конькобежцы Панин, Седов, Струнников, братья Ипполитовы. Мастер скоростного бега на коньках Я. Ф. Мельников двенадцать раз оставлял позади чемпионов Финляндии, Швеции, Норвегии, Германии, Голландии, Англии и других стран. Его биография тесно связана с развитием советского спорта.

Славные традиции старших мастеров в наше время множит спортивная молодёжь. Первое послевоенное выступление советских спортсменок на катках Норвегии в 1946 году было отмечено новыми выдающимися достижениями. Свердловчанка Татьяна Карелина превысила два мировых рекорда на дистанциях 1 500 и 5 000 метров. Больших успехов добились наши спортсменки в розыгрыше первенства мира для женщин в 1948, 1949 и 1950 годах. Трижды завоевала звание чемпиона мира по конькам заслуженный мастер спорта Мария Исакова. Зоя Холщевникова, Татьяна

на Карелина, Ольга Акифьева, Мария Анисимова, Марианна Валюнова, Лидия Селихова, Софья Кондакова, Зинаида Кротова, Римма Жукова, Нина Авдонина заняли на этих соревнованиях подавляющее большинство призовых мест. На высокогорном катке в Медэо (близ Алма-Аты) были установлены новые всесоюзные рекорды и побиты почти все мировые женские рекорды.

Много интересного в рассказе заслуженного мастера спорта Н. А. Панина-Коломенкина — мирового рекордсмена по фигурному катанию на коньках. Будучи ещё совсем новичком, он выигрывает соревнования у трёх иностранных знаменитостей: экс-чемпиона мира, чемпионов Европы и Германии. В дальнейшем талантливый спортсмен-фигурист побеждает многократного чемпиона мира шведа Ульриха Салькова.

Панин-Коломенкин приводит интересную деталь: его учитель, чемпион мира по фигурному катанию на коньках, А. П. Лебедев в 1890 году в Петербурге победил ряд лучших фигуристов Австро-Венгрии, Германии, Швеции и Америки. Победа русского фигуриста не могла прийти по нраву американским спортивным дельцам. Почётный президент американского союза фигуристов Ирвинг Брокау в изданной им книге приписал петербургскую победу Лебедеву... американцу Рубенштейну. Эту беззастенчивую ложь повторила и американская «Энциклопедия спорта».

Судьба учителя постигла в известной степени и ученика. Н. А. Панин-Коломенкин издал в 1910 году книгу «Фигурное катание на коньках», имеющую серьёзное теоретическое значение. Автор был за эту книгу награждён двумя золотыми медалями. Тот же Ирвинг Брокау, а за ним англичанин Э. Сайерс и француз Луи Магнюс беззастенчиво использовали литературные материалы русского чемпиона, предусмотрительно «забыв» сослаться на источник.

Русскому велосипедисту М. И. Дьякову довелось в 1896 году участвовать в национальном чемпионате Англии. Англичане считали себя необходимыми велосипедистами. Поэтому доступ на соревнования был открыт для представителей любой страны и любой нации. Дьяков выиграл национальный чемпионат Англии по четы-

рём дистанциям. Англичане назвали его «королём велосипедистов».

«В Англии, — пишет Дьяков, — мне нередко случалось получать за одну гонку по три медали: одну за первенство, вторую за рекорд и третью от клуба за то, что большая гонка выиграна на его треке. Но самое главное было не в медалях, а в том, что русский спортсмен показал англичанам, как надо ездить на велосипеде!»

Описывая поездку в Данию, М. И. Дьяков рассказывает: «Меня тогда очень поразила в датском велосипедном спорте одна черта, в которой нашла своё неприглядное выражение присущая буржуазному спорту погоня за наживой: на обоих копенгагенских треках во время гонок, как любительских, так и профессиональных, всегда действовал совершенно легальный тотализатор, словно на конских бегах и скачках. Публика выигрывала и проигрывала, коммерсанты — устроители гонок — клали большую прибыль в свой карман».

Рассказы заслуженных мастеров спорта Н. Е. Соколова и П. В. Батырева, включённые в сборник, посвящены путям развития русского футбола. «В тяжёлых условиях, — вспоминает о прошлом П. В. Батырев, — приходилось играть — на песчаных пустырях скверным мячом и в обыкновенной обуви... Все мы первые уроки футбола брали на случайных площадках, в садах, на дворах, плацах. Футбольное

поле с настоящими воротами и бутцы почитались несбыточной мечтой».

В советское время в стране построено около двадцати тысяч стадионов. Не только в крупных городах, но и в рабочих посёлках, колхозах, при МТС имеются хорошо оборудованные стадионы, спортивные площадки, катки, водные станции. Футбол в нашей стране стал популярнейшей игрой. В прошлом году «Кубок СССР» по футболу оспаривало более шестнадцати тысяч команд.

Заложенные много лет назад новые приёмы игры превратились в стройную тактику советского футбола. Н. Е. Соколов и П. В. Батырев рассказывают, как эта новая школа неизменно приносила успех нашим командам в их зарубежных поездках — в Швеции, Норвегии, Германии, Австрии...

В сборнике выступают также заслуженные мастера спорта — один из лучших лыжников страны Н. М. Васильев и старейший велосипедист И. Н. Лепетов. Их рассказы с интересом будут приняты советскими читателями.

«Рассказы старых спортсменов» помогут воспитанию нашей спортивной молодёжи, вызовут у советских людей чувство гордости за выдающиеся достижения отечественного спорта.

**Б. КОНЬКОВ,
К. ТАРАДАНКИН.**

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Ноябрь—декабрь 1951 года)

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. 128 стр. Цена 1 р. 50 к.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 192 стр. Цена 3 р.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 375 стр. Цена 8 р.

В. И. Ленин. Великий почин. Как организовать соревнование? 40 стр. Цена 50 к.

В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. 8 стр. Цена 20 к.

В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. 96 стр. Цена 1 р.

В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. 16 стр. Цена 15 к.

В. И. Ленин. Фридрих Энгельс. 16 стр. Цена 20 к.

И. Сталин. Лондонский съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (записки делегата). 32 стр. Цена 35 к.

Л. П. Берия. 34-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. 32 стр. Цена 30 к.

Ю. В. Борисов. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира (1871—1875). 288 стр. Цена 4 р. 75 к.

Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Часть вторая. (Документы и материалы. Июль—декабрь 1948 года). 540 стр. Цена 11 р. 50 к.

В помощь пропагандистам кружков по изучению истории ВКП(б). Сборник методических статей. 243 стр. Цена 4 р.

М. Гусев. Борьба Советского Союза за сокращение вооружений и запрещение атомного оружия. 136 стр. Цена 1 р. 70 к.

С. Датлин. Африка под гнетом империализма. 132 стр. Цена 1 р. 70 к.

А. Н. Ефимов. Вопросы технического прогресса в СССР. 174 стр. Цена 2 р. 25 к.

Е. Касимовский. Великие стройки коммунизма. 104 стр. Цена 1 р.

А. Костин. Шестнадцатый съезд ВКП(б). 144 стр. Цена 1 р. 85 к.

Новая история. Том I. 1670—1789. Под редакцией В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина. 471 стр. Цена 12 р.

И. П. Павлов. Избранные произведения. 582 стр. Цена 10 р.

Л. Перов. Американская агрессия в Корее. 116 стр. Цена 1 р. 15 к.

Рабочее движение в России в XIX веке. Том I. (1800—1860). Под редакцией А. М. Панкратовой. 1040 стр. Цена 19 р.

И. Рябцев. Разработка В. И. Лениным и И. В. Сталиным идеологических основ марксистской партии (1902—1905 годы). 88 стр. Цена 1 р.

Н. Скрыпнев. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. 96 стр. Цена 1 р. 15 к.

Б. Смехов. Социалистическая индустрия СССР на новом мощном подъеме. 84 стр. Цена 1 р.

М. Степанов. Партия большевиков — организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции. 268 стр. Цена 4 р. 50 к.

А. Тимофеевский. Ленин и Сталин о тактических основах марксистской партии. 88 стр. Цена 1 р.

Н. Тропкин. О произведении В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». 32 стр. Цена 40 к.

Г. Харахашьян. Аграрные преобразования в Германской Демократической Республике. 272 стр. Цена 4 р. 50 к.

Ф. И. Хасхачих. Материя и сознание. 207 стр. Цена 3 р. 50 к.

Д. Чугаев. Образование Союза Советских Социалистических Республик. 68 стр. Цена 85 к.

М. Г. Шестаков. Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. 244 стр. Цена 4 р. 15 к.

А. Эмме. Наука и религия о возникновении жизни на Земле. 116 стр. Цена 1 р. 40 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Семён Бабаевский. Свет над землёй. Роман. Книжки первая и вторая. 534 стр. Цена 10 р.

Гумер Баширов. Честь. Роман. Авторизованный перевод с татарского Н. Чертовой. 336 стр. Цена 7 р.

Александр Блок. Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта. Малая серия). Второе издание. 552 стр. Цена 9 р.

Анатолий Васильев, Ирина Волк, Василий Корнилов. Корея в борьбе. Заметки журналистов. 112 стр. Цена 2 р.

Евгений Винокуров. Стихи о долге. 100 стр. Цена 1 р. 75 к.

Кадыр Даян. Песни из долины Ак-Идели. Авторизованный перевод с башкирского. 96 стр. Цена 1 р. 75 к.

Т. Журавлёв. Рядовой Антипов. 184 стр. Цена 3 р. 50 к.

Вилис Лацис. Новеллы и рассказы. 1930—1950 гг. Авторизованные переводы с латышского. 280 стр. Цена 6 р. 75 к.

Рашид Нигмати. Большевик. Стихи. Авторизованный перевод с башкирского. 100 стр. Цена 2 р.

Николай Никитин. Северная Аврора. Роман. 484 стр. Цена 9 р. 50 к.

Парда Турсун. Учитель. Роман. Авторизованный перевод с узбекского В. Смирновой. 394 стр. Цена 9 р.

Узбекские рассказы. Сборник. Составили Л. Батъ и А. Рахими. 220 стр. Цена 5 р. 25 к.

Надежда Чертова. Девушка в шинели. Повесть. 322 стр. Цена 7 р. 50 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Хамид Алимджан. Избранное. Перевод с узбекского. 292 стр. Цена 9 р.

Фёдор Gladков. Цемент. Роман. 264 стр. Цена 8 р.

Н. В. Гоголь. Повести. 544 стр. Цена 8 р. 50 к.

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 12. Пьесы. 1908—1915. 468 стр. Цена 12 р.

М. Горький. Избранные произведения в трёх томах. Том 3. 716 стр. Цена 11 р.

Альфонс Додэ. Необычайные приключения Тартарена из Тараскона. Перевод с французского Н. Никитина. 88 стр. Цена 1 р. 35 к.

Жемайте. Избранные сочинения в двух томах. Перевод с литовского Ф. Шурвина. Том второй. Рассказы, очерки, драматические произведения. 336 стр. Цена 7 р. 50 к.

В. Г. Короленко. Слепой музыкант. 128 стр. Цена 1 р. 70 к.

М. Ю. Лермонтов. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Мцыри. 38 стр. Цена 50 к.

Кави Наджми. Весенние ветры. Авторизованный перевод с татарского А. Садовского. 448 стр. Цена 9 р.

К. М. Симонов. Дни и ночи. (Библиотека советского романа). 300 стр. Цена 6 р.

Алексей Сурков. Миру — мир! Стихи. 176 стр. Цена 5 р. 25 к.

А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах. Том первый. Стихотворения. 368 стр. Цена 10 р. Том второй. Поэмы. 304 стр. Цена 10 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Избранные произведения в трёх томах. Том 3. Повести и рассказы. 1895—1906. Пьесы. 1886—1900. 532 стр. Цена 8 р.

Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том шестой. Война и мир. Том 3. 408 стр. Цена 10 р.

И. Тургенев. Отцы и дети. 192 стр. Цена 2 р. 60 к.

Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Том X. Статьи и рецензии. 1862—1889. 1095 стр. Цена 18 р.

А. П. Чехов. Рассказы и водевили. 136 стр. Цена 1 р. 50 к.

Александр Яшин. Алёна Фомина. Повесть в стихах. 132 стр. Цена 4 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

П. Белявский. Главный Туркменский канал. 52 стр. Цена 90 к.

А. Бухаров. Тяжёлая атлетика. 46 стр. Цена 70 к.

В помощь слушателям начальных комсомольских политкружков. Сборник. 391 стр. Цена 5 р.

В. Гравишкис. Нина Назарова. (Серия «Молодые строители коммунизма».) 76 стр. Цена 1 р. 20 к.

В. Ермилов. Антон Павлович Чехов (1860—1904). («Жизнь замечательных людей»). 432 стр. Цена 7 р. 50 к.

Александр Жаров. Славлю молодость. Стихи, поэмы, песни. 272 стр. Цена 5 р. 25 к.

Берды Кербабаяев. Айсолтан из страны белого золота. Перевод с туркменского Т. Озерской. Повесть. 168 стр. Цена 4 р.

Комсомольская работа в колхозе. 40 стр. Цена 50 к.

Н. Любомиров. Физическое воспитание молодёжи на предприятии. 72 стр. Цена 1 р. 10 к.

А. Морозов. Человек в джунглях. Рассказы. 128 стр. Цена 4 р.

Владимир Орлов. О смелой мысли. 200 стр. Цена 4 р. 75 к.

А. Поташник, Г. Морозов. Волейбол. 30 стр. Цена 60 к.

Анатолий Рыбаков. Водители. Роман. 301 стр. Цена 7 р. 50 к.

В. Сафонов. Бесстрашие. 74 стр. Цена 1 р. 20 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. А. Булганин. Тридцать лет Советских Вооружённых Сил. Доклад на торжественном заседании в Большом театре в Москве 23 февраля 1948 года. 23 стр. Цена 20 к.

А. Бурляй. Комната политико-просветительной работы. 39 стр. Цена 45 к.

А. Верхолотов. Герой Советского Союза Н. И. Храмов. 39 стр. Цена 55 к.

Б. А. Воронцов-Вельяминов. Происхождение небесных тел. (Научно-популярная библиотека солдата). 51 стр. Цена 75 к.

За Родину! За Сталина! Комсомольцы и молодёжь Вооружённых Сил СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1942. Литературно-художественный и документальный сборник. Составитель-редактор С. Смирнов. 662 стр. Цена 18 р.

О начальных этапах развития русского военного искусства. Сборник статей. 123 стр. Цена 3 р.

Е. Ржевская. Особое задание. Повесть о разведчиках. (Библиотечка военных приключений). 128 стр. Цена 1 р. 30 к.

И. И. Роцин. Политическая информация в поле. 20 стр. Цена 25 к.

Е. Степанов. Герой Советского Союза В. П. Мирошниченко. 29 стр. Цена 40 к.

Ю. Усыченко. Невидимый фронт. Повесть. (Библиотечка военных приключений). 155 стр. Цена 1 р. 65 к.

В. Шмерлинг. Котовский. 256 стр. Цена 6 р. 25 к.

В. А. Шишаков. Небо и небесные явления. (Научно-популярная библиотека солдата). 128 стр. Цена 1 р. 80 к.

М. Юрьев. Взаимная выручка в бою. 45 стр. Цена 50 к.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Н. Кочетков и Х. И. Муратов. Борьба России за выход к Чёрному морю. 55 стр. Цена 90 к.

И. Крафт. Великий океан. 472 стр. Цена 14 р.

И. Любимов. В своей семье. Рассказы. (Библиотека матроса). 47 стр. Цена 75 к.

Б. Яглинг. Поход «Северянки». Повесть. (Библиотека матроса). 80 стр. Цена 1 р. 25 к.

ГЕОГРАФИЗ

Г. А. Агданат. Гренландия. 44 стр. Цена 65 к.

В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу. 401 стр. Цена 11 р. 75 к.

В. А. Обручев. Земля Санникова. 291 стр. Цена 6 р. 50 к.

ГИЗЛЕГПРОМ

Н. А. Архангельский. Швейное материаловедение. 256 стр. Цена 9 р. 45 к.

Б. Я. Иванов. Производство модельной обуви. 238 стр. Цена 9 р. 60 к.

Я. В. Мильман и И. А. Петров. Автоматика электропривода текстильных машин. 300 стр. Цена 15 р.

Опыт работы передовых льнозаводов. 28 стр. Цена 1 р.

В. Н. Сивачёв. Моя рационализаторская работа. 26 стр. Цена 90 к.

С. В. Шмелёв. Химическая технология хлопка. 328 стр. Цена 13 р.

ГОСЛЕСБУМИЗДАТ

А. М. Анкудинов, А. А. Власов, В. Н. Шафранская. Болезни сосны и дуба и борьба с ними в питомниках и культурах. 132 стр. Цена 4 р. 30 к.

Н. П. Анучин. Промышленная таксация леса. 286 стр. Цена 10 р. 40 к.

Л. П. Базиченко. Бульдозер на строительстве лесовозных дорог. 40 стр. Цена 1 р.

Г. Г. Доппельмайр, Л. С. Мальчевский, Г. А. Новиков, Б. Ю. Фалькенштейн. Биология лесных зверей и птиц. 364 стр. Цена 12 р. 80 к.

Б. В. Княжецкий. Вредители и болезни зелёных насаждений городов и населённых пунктов Московской области.

А. Ф. Юдин. Типовые деревянные плотины облегчённой конструкции. 78 стр. Цена 10 р. 65 к.

ГОСТЕХИЗДАТ

Б. Я. Букреев. Планиметрия Лобачевского в аналитическом изложении. 127 стр. Цена 4 р. 25 к.

Н. Колобов. Грозы и шквалы. 356 стр. Цена 13 р. 50 к.

А. Г. Курош. Алгебраические выражения произвольных степеней. 32 стр. Цена 50 к.

М. А. Лаврентьев и Б. В. Шабат. Методы теории функций комплексного переменного. 608 стр. Цена 17 р. 70 к.

И. С. Шкловский. Солнечная корона. 388 стр. Цена 15 р. 5 к.

ГОСФИНИЗДАТ

Д. И. Букштейн, С. Н. Протопопов, Е. Д. Сырцова. Организация и планирование строительства. 216 стр. Цена 6 р. 40 к.

Коллектив авторов. Справочник налогового работника. Под редакцией Д. В. Бурмирова. 344 стр. Цена 12 р.

Б. Ю. Кричевский. Финансовая работа на промышленном предприятии. 92 стр. Цена 3 р.

Н. С. Лисициан. Влияние кредита на ускорение оборачиваемости оборотных средств промышленных предприятий. 100 стр. Цена 6 р.

В. П. Маслаков. Коммунальные тарифы в СССР. 104 стр. Цена 6 р.

Н. А. Поманский. Финансирование детских садов. 80 стр. Цена 3 р. 50 к.

М. М. Усочкин. Организация и планирование кредита в СССР. 456 стр. Цена 13 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вопросы диалектического и исторического материализма в труде **И. В. Сталина** «Марксизм и вопросы языкознания». 455 стр. Цена 20 р.

Воспоминания Бестужевых. 891 стр. Цена 35 р. 50 к.

Н. В. Гоголь. Собрание художественных произведений. Том II. Миргород. 436 стр. Цена 10 р.

Е. М. Евнина. Литература французского Сопротивления (1940—1944). 170 стр. Цена 9 р. 50 к.

Классики русской агрономии в борьбе с засухой. 483 стр. Цена 23 р.

Х. С. Коштоянц. Белковые тела, обмен веществ и нервная регуляция. 100 стр. Цена 5 р.

Акад. Л. С. Лейбензон. Собрание трудов. Том I. Теория упругости. 468 стр. Цена 26 р.

А. А. Марков. Избранные труды. 717 стр. Цена 32 р.

Б. В. Михайловский. Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции. 199 стр. Цена 6 р.

А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. 260 стр. Цена 20 р.

Неизвестные и предполагаемые постройки В. И. Баженова. 289 стр. Цена 20 р.

Некрасовский сборник. I. 274 стр. Цена 19 р. 50 к.

Н. В. Павлов. Владимир Леонтьевич Комаров. 291 стр. Цена 18 р.

Послания Ивана Грозного. 715 стр. Цена 30 р.

Б. Е. Райков. Предшественники Дарвина в России. 198 стр. Цена 4 р. 50 к.

С. Л. Ронин. К истории разработки, утверждения и развития Сталинской конституции. 142 стр. Цена 5 р. 50 к.

А. Д. Саварянский. Регулирование речного стока водохранилищами. 233 стр. Цена 12 р.

Сатирические журналы Н. И. Новикова. 616 стр. Цена 33 р.

К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. 485 стр. Цена 34 р.

Л. Н. Толстой. Сборник статей и материалов. 708 стр. Цена 35 р.

А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. Вып. 1. 118 стр. Цена 8 р. 50 к.

К. Э. Циолковский. Собрание сочинений. Том. I. Аэродинамика. 266 стр. Цена 18 р.

Б. Е. Штейн. Буржуазные фальсификаторы истории (1919—1939). 238 стр. Цена 12 р.

И. Шафрановский. Е. С. Фёдоров. 282 стр. Цена 12 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Т. А. Алмазова. Работа над системой понятий в первом классе. 35 стр. Цена 80 к.

Н. А. Бергман. Методика преподавания немецкого языка в V—VII классах. 200 стр. Цена 4 р. 50 к.

Е. В. Бондаренко. Из опыта воспитательной работы в младших классах. 23 стр. Цена 50 к.

Т. Т. Бутурлина и В. Б. Куприна-Высоцкая. Советская избирательная система. 40 стр. Цена 80 к.

Великие стройки коммунизма. Сборник под редакцией В. А. Ковда. 384 стр. Цена 13 р.

Т. П. Герасимова. Наблюдение над погодой в преподавании географии. 104 стр. Цена 2 р.

Г. А. Глузман. Уроки объяснительного чтения исторических статей в III классе. 144 стр. Цена 2 р. 50 к.

А. А. Маркосян. Работы И. П. Павлова по пищеварению. 48 стр. Цена 85 к.

Практикум по физике в старших классах средней школы. Под редакцией А. А. Покровского. 199 стр. Цена 3 р. 10 к.

Пушкин в школе. Сборник под редакцией Н. Л. Бродского и В. В. Голубкова. 549 стр. Цена 20 р.

И. И. Самойлов. Использование кино в курсе географии. 104 стр. Цена 1 р. 80 к.

А. Е. Ставровский. Внеклассная краеведческая работа. 160 стр. Цена 3 р. 10 к.

Урок в начальной школе. Сборник под редакцией И. Н. Казанцева. 224 стр. Цена 6 р. 75 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

Год тридцать четвёртый. Альманах восьмой. 480 стр. Цена 10 р.

МЕДГИЗ

М. Е. Васильев, А. Л. Грозовский, Л. В. Ильина-Маркосян, М. С. Тиссенбаум. Зубопротезная техника. 448 стр. Цена 8 р. 30 к.

А. И. Доброхотова. Детские инфекционные болезни. 56 стр. Цена 90 к.

Ю. Ф. Домбровская. Желудочно-кишечные заболевания у детей. 20 стр. Цена 10 к.

Н. В. Колесников. Анатомия человека. 468 стр. Цена 11 р.

В. И. Кристан. Внутренние болезни с основами патологии и ухода за больными. 444 стр. Цена 8 р. 50 к.

М. К. Кронтовская. Паразитарные тифы. 24 стр. Цена 15 к.

Д. Д. Лебедев и А. И. Титова. Дифтерия. 192 стр. Цена 6 р. 30 к.

А. А. Маркосян. Нормальная физиология. 356 стр. Цена 7 р.

Н. Р. Пясецкий. Сахарная болезнь и её лечение. 60 стр. Цена 1 р.

А. Е. Рабухин. Стрептомицин в лечении туберкулёзного больного. 148 стр. Цена 5 р. 45 к.

Д. М. Российский. Грипп и острые катары верхних дыхательных путей. 116 стр. Цена 3 р. 80 к.

К. А. Селезнёв. Качественный анализ. 268 стр. Цена 6 р.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Н. В. Гоголь. Избранные произведения. 570 стр. Цена 12 р. 50 к.

В. Девятов. Социалистические методы хозяйствования. 59 стр. Цена 1 р. 10 к.

В. Ерофеев. Наш опыт обучения рабочих. 39 стр. Цена 75 к.

Ответы на вопросы трудящихся. Сборник. Выпуск XVIII. 50 стр. Цена 1 р. 25 к.

П. Плешков. Планирование колхозного производства. 65 стр. Цена 1 р. 25 к.

А. Пришвин. На берегу Зен. 206 стр. Цена 6 р.

М. Чернин. Уроки Ивана Ширкова. (Серия «Знатные москвичи»). 46 стр. Цена 1 р.

МУЗГИЗ

Н. Гарбузов. Внутризонный интонационный слух и методы его развития. 64 стр. Цена 2 р. 70 к.

Н. А. Римский-Корсаков. Сборник документов. Государственный литературный архив. 292 стр. Цена 14 р. 75 к.

А. Соловцов. Симфония Н. Ракова. Пояснение. 24 стр. Цена 40 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

В. Р. Вильямс. Собрание сочинений. Том восьмой. 368 стр. Цена 14 р.

А. М. Ковалёв. Передовые пчеловоды Калининской области. 176 стр. Цена 2 р. 75 к.

Совхозы СССР. Сборник к 30-летию совхозного строительства. 512 стр. Цена 12 р. 20 к.

АМУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Приамурье. Литературно-художественный альманах. № 1. 112 стр. Цена 5 р.

БАШКИРСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Евгений Рассказов. Колосья поют. Поэма. 44 стр. Цена 2 р. 25 к.

«БРЯНСКИЙ РАБОЧИЙ»

Сергей Петрунин. Счастливый труд. Стихи. 48 стр. Цена 1 р.

ВОЛОГОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Т. Сотников. Батюшков (1787—1855). («Наши выдающиеся земляки»). 84 стр. Цена 3 р.

ГОРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Костылёв. Избранные сочинения. Том I. 420 стр. Цена 13 р. 70 к.

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. Гурьева. Пламя. Роман. 432 стр. Цена 12 р. 60 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ «ВОЛГА» (Астрахань)

Борис Филиппов. Солнечное утро. Стихи. 108 стр. Цена 4 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ» (Калуга)

А. С. Пушкин и Калужский край. 40 стр. Цена 1 р.

КРИМИЗДАТ

Л. Кассиль, М. Поляновский. Улица младшего сына. 503 стр. Цена 9 р. 50 к.

А. Майоров. Биология и промысел черноморской хамсы. 27 стр. Цена 65 к.

Д. Шапошников. Северо-Крымский канал. Очерк. 36 стр. Цена 50 к.

КУЙБЫШЕВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Год работ на Великой стройке. Коллектив авторов. 96 стр. Цена 1 р. 25 к.

К. Киришина. У самого нашего дома. 107 стр. Цена 2 р. 70 к.

Коллектив авторов. Опыт новаторов — строителям Куйбышевской ГЭС. 98 стр. Цена 1 р. 80 к.

Д. Мамин-Сибиряк. Рассказы. 64 стр. Цена 1 р. 50 к.

Б. Полевой. Мы — советские люди. 352 стр. Цена 9 р. 20 к.

А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 207 стр. Цена 6 р. 10 к.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки. 176 стр. Цена 3 р. 80 к.

Г. Тертышник. Самое заветное. 100 стр. Цена 1 р. 60 к.

ЛАТВИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Евгений Ратнер. Первенец. Повесть. 300 стр. Цена 9 р. 60 к.

ЛЕНИЗДАТ

Евгений Фёдоров. Каменный пояс. Роман в трёх книгах. Книга 2. Наследники. 636 стр. Цена 13 р. Книга 3. Хозяин каменных гор. 792 стр. Цена 14 р.

НОВОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Анна Герман. Богатство старого Лезленко. Рассказы и очерки. 144 стр. Цена 3 р. 25 к.

Сергей Григорьев. Победа моря. Повесть. 144 стр. Цена 4 р.

В. Г. Минаева. Лекарственные растения Сибири. (Библиотечка школьника-краеведа.) 144 стр. Цена 2 р. 95 к.

Н. П. Смирнов. В поисках нового. (Библиотечка школьника-краеведа.) 89 стр. Цена 1 р. 80 к.

Иван Сотников. Корсунское побоище. Записки офицера. 272 стр. Цена 3 р. 50 к.

Конст. Седых. Даурия. Роман. 832 стр. Цена 23 р. 25 к.

ПРИМИЗДАТ

Советское Приморье. Литературно-художественный альманах. 216 стр. Цена 7 р. 50 к.

**«РАДЯНСКИЙ ПИСЬМЕННИК»
(Киев)**

Н. Шумило. Олесь Гончар. Литературно-критический очерк. 94 стр. Цена 2 р. 50 к.

**РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Г. Шолохов-Синявский. Волгины. Роман. Книга 3. 315 стр. Цена 9 р.

Дон. Литературно-художественный альманах. № 3. 472 стр. Цена 7 р. 50 к.

**СТАВРОПОЛЬСКОЕ КРАЕВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

За мир и труд. Стихи молодых поэтов Ставрополя. 96 стр. Цена 3 р.

**ТУЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Миру — мир! Сборник стихов тульских поэтов. 16 стр. Цена 60 к.

Стихи тульских поэтов. 64 стр. Цена 2 р. 25 к.

**ЧЕЛЯБИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

С. П. Бородин. Дмитрий Донской. Роман. 379 стр. Цена 11 р. 25 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**
Редколлегия: **М. С. Бубеннов, В. П. Катаев,
С. С. Смирнов, А. К. Тарасенков, К. А. Федин, М. А. Шолохов**

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К-5-06-96.

Сдано в набор 23/XI-51 г.
А 07088

Объем 18 п. л.

Тираж 130.000.

Подписано к печати 20/XII-51 г.
Заказ № 2305.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова,

Цена 9 руб.